

БЫТЬ РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ I.

- I. НАРОДНОСТЬ.
- II. ЖИЛИЩА.
- III. ДОМОВОДСТВО.
- IV. НАРЯДЪ.
- V. ОБРАЗЪ ЖИЗНИ.
- VI. МУЗЫКА.

Сост. А. Перещенки.

САНКТПЕТЕРВУРГЪ.

САНКТПЕТЕРВУРГЪ: ТИПОГРАФИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

1848.

А. ТЕРЕЩЕНКО

БЫТ
РУССКОГО
НАРОДА

к 1293199

ЧАСТЬ I

Москва «Русская книга» 1997

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Книга «Быт русского народа» была издана полтора века тому назад. К этому моменту имя автора огромного труда было уже известно в научных и культурных кругах России. Александр Власьевич Терещенко (1806 — 1865) — неутомимый археолог, этнограф, изучавший старину родной страны. Он исследовал историю кочевников причерноморских степей, вел многочисленные раскопки. Его работы «Очерки Новороссийского края», «О могильниках, насыпях и каменных бабах в Екатеринославской и Таврической губерниях», «Опыт обозрения жизни сановников...» и многие другие явились заметным вкладом в познание прошлого Руси.

Появление «Быта русского народа» в 1847 — 1848 гг. принесло ученому заслуженную популярность. И до и после выхода в свет этой монографии было создано немало серьезных и талантливых произведений по данному вопросу. Достаточно назвать «Русский народ: его обычай, обряды, предания, суеверия и поэзия» М. Забылина, «Сказания русского народа» И. Сахарова, «Бродячая Русь Христа ради» С. Максимова, «О повериях, суевериях и предрассудках русского народа» В. Даля... Но семь частей-томов А. Терещенко значительно превосходят все перечисленные и многие другие сочинения как по объему, так и по обстоятельности исследования.

В самом деле, вникните в содержание только одной первой части «Быта русского народа». В ней полно и ярко раскрываются понятие и сущность народности, дается подробное описание жилищ, в которых обитали наши пращуры, повествуется об образе их жизни, рассказывается о домоводстве и одежде. Не забыта музыкальная культура — без нее немыслимо представить себе русского человека. Задушевные песни и хороводные, плясовые мелодии, самобытные музыкальные инструменты типа рожков, гуслей, свирелей и т. д. — обо всем этом со знанием дела рассказывает автор.

Тешим себя надеждой, что читатели дождутся выхода в свет и остальных шести, не менее интересных, частей этой неординарной книги.

Свыше 600 страниц насчитывает вторая часть. Она целиком посвящена свадьбам во всем их разнообразии в связи с необытностью государства Российского. Это поистине энциклопедия бракосочетания! В третьей части описываются обряды крещения, похорон, поминок. Здесь мы знакомимся также с летосчислением, с Дмитриевской субботой, о глубоком смысле которой многие сегодня уже не знают. Забавам, играм, хороводам посвящена часть четвертая. А в следующей, пятой — трудно оторваться от увлекательного рассказа про встречу весны-красны, празднование Красной горки, Ивана Купалы, о том, как справлялись обжинки, братчины, как отмечали бабье лето... Предпоследняя часть отведена главным образом описанию празднования на Руси Пасхи и Троицы, а последняя, седьмая — Святкам и широкой Масленице.

Мы публикуем первую часть популярнейшего в свое время и ни разу до сих пор не переиздававшегося уникального исследования. Разумеется, современному читателю могут показаться наивными либо устаревшими некоторые утверждения автора, однако не будем забывать, что работа эта писалась много лет назад.

Старая орфография и пунктуация приведены к нормам современного русского языка. По возможности сохранена авторская стилистика.

Переводы иноязычных слов, выражений и цитат, а также некоторые редакторские пояснения даются в угловых скобках. В конце книги помещен краткий словарь редких и старинных слов.

Время не властно над книгами, любимыми народом, особенно над теми, героем в которых выступает сам народ. Долгая жизнь — уже в очередном издании — суждена и этому замечательному произведению.

Александр ЧИСТЯКОВ

Иностранцы смотрели на наши нравы и образ жизни по большей части из одного любопытства; но мы обязаны смотреть на все это не из одного любопытства, а как на историю народного быта, его дух и жизнь и почерпать из них трогательные образцы добродушия, гостеприимства, благо^{<го>}войной преданности к своей родине, отечеству, православию и самодержавию. Если чужеземные наблюдатели удивлялись многому и хвалили, а более порицали, то мы не должны забывать, что они глядели на нас поверхностно, с предубеждением и без изучения нашего народа, поэтому впадали в большие заблуждения, часто вдавались в заключения странные, переходили от одной крайности к другой таким образом, что один писатель выставлял похвальным и прекрасным, то другой находил то же самое порочным и смешным; что один списывал из рассказов, то другой дополнял несбыточными своими истолкованиями и всегда направлял их в дурную сторону. Перечитывая описания, повествования и сказания на многих европейских языках, вы постоянно читаете, и не без улыбки, что все иноземные писатели как бы условились однажды и навсегда хулить и бранить нас, и эта страсть до того проникнута в их сочинения, что нет ни одной книги, которая бы при имени России не восклицала: «*Варварская Московия! Земля дикая, народ в ней раскольнический и совершенно отступивший от чистой католической веры*». — Всякий, знакомый с историей своего отечества, знает, что эти приписки на предков наших истекли от непреклонности их подчиниться игу католических проповедников и их верховному представителю, который вместе с ними и легко-мысленными писателями называл еще нас «*погибшими чадами*», «*отверженными детьми от Бога*», «*овцами без пастыря*», а поэтому не могущими

наследовать царствия небесного и наслаждаться благами здешней жизни. — Таковые нарекания суть следствия страстей, а не истины; движения изуверных мыслей, а не чистоты Евангельской; таковые злословные провозглашения относятся к чести наших предков, а не к бесславию их: они отстояли свое право и достояние и перенесли умно все осуждения, которые пали на головы наших хулителей.

Оставив людские страсти, которые мы относим к понятиям века, нам усладительно вспомнить, что предков жизнь, не связанная условиями многосторонней образованности, излилась из сердечных их ощущений, истекла из природы их отчизны и этим напоминается патриархальная простота, которая столь жива в их действиях, что как будто бы это было во всяком из нас. Кто хочет исследовать быт народа, тот должен восходить к его юности и постепенно снисходить по ступеням изменений всех его возрастов. Тогда мир наших предков не будет для нас безжизненным, мертвым: он представится сильнее нашему воображению, со всеми его причудами и понятиями; тогда увидим все стороны картины: суровой и гордой, воинственной и мирной, несчастной и торжествующей, печальной и добродетельной; на ней увидим предков, увенчанных славою, и сердце наше забьется крепче!

Давно я имел намерение изобразить жизнь нашей Руси, но всегда был останавливаем мыслью: труд не по моим силам. Эта мысль — действительно справедливая — отнимала у меня всякую надежду приступить когда-нибудь; но рассуждая, что и слабое ознакомление, по возможности точное, не должно быть порицаемо — я решился начертить его в «*Быте русского народа*». Не без робости представляю его моим соотечественникам. Если они найдут его достойным своего внимания, то буду радоваться с ними. Признаюсь, занимаясь с любовью изложением «*Быта русского народа*», я укреплялся еще надеждою, что даровитые люди разовьют со временем это сочинение, которое, по

скудости собранных сведений, разделено на VII частей, и в них помещено:

В части I — I. Народность. II. Жилища. III. Домоводство. IV. Наряд. V. Образ жизни. VI. Музыка.

В части II — Свадьбы.

В части III — I. Времясчисление. II. Крещение. III. Похороны. IV. Поминки. V. Дмитриевская суббота.

В части IV — Забавы: I. Игры. II. Хороводы.

В части V — Простонародные обряды: I. Первое марта. II. Встреча весны. III. Красная горка. IV. Радуница. V. Запашка. VI. Кукушка. VII. Купало. VIII. Ярило. IX. Обжинки. X. Бабье лето. XI. Братчины.

В части VI. — I. Обрядные праздники. II. Неделя вай. III. Пасха. IV. Русальная неделя. V. Семик. VI. Троицын день. VII. Первое апреля. VIII. Первое мая.

В части VII — I. Святки. II. Масленица.

Некоторые из отечественных писателей занимались исследованиями русской жизни, обычаями и забавами, и в начале первых своих трудов обещали многое; потом, встретив трудности, охладели в своем усердии. — Вскоре заняли их места два ревностных писателя: г. Снегирев и г. Сахаров. Первый, издав «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» в четырех выпусках, остановился. Второй, представив скромно «Сказания русского народа», расширил их впоследствии дополнениями и новыми сведениями. Его сказания, одно из отрадных явлений в нашей словесности, обратили на себя справедливое внимание любителей народного быта, но, к сожалению, в них есть недостаток, и в этом не г. Сахаров виноват, но постоянные препятствия в собирании сведений; трудность в изложении по чрезмерной разнообразности об одном и том же предмете; местные изменения и переиначивания одного и того же обряда или забавы не только по всей России, но в одной даже губернии, — мало этого, в одном и том же уезде, так что делается в одном селении, то в другом, того же уезда, или уже изгнано, или совсем отправляется противоположно. При этом еще неизбежная борьба с суеверными людьми,

которые никак не соглашаются пересказывать свои обычай, и не всегда можно положиться на верность передаваемых ими известий, не говорю уже об игре или о песне, которая переменяется ими быстро, как хамелеон. Песнь, только что пересказанная вам и записанная вами, — и вы радуетесь, думая, что она полная, — станете же выслушивать ее от другого, выходит разница не в одних словах, но в расстановке стихов и в порядке самого содержания, так что если бы вздумалось кому-либо исправлять одну какую-нибудь песнь через пересказы многих певцов, то не было бы конца поправкам и исправлениям. Сколько неприятны и не тяжелы подобного рода источники, столько они важны: ими только можно убедиться, что народ наш сочиняет беспрерывно песни, не воображая, что он живет своей жизнью и своей поэзией; что народ наш высказывает в них самого себя, не гонясь ни за честью — чтобы быть стихотворцем, ни за славою — чтобы слышать рукоплескания в большом свете. Он передает себя живо и часто восторженно: что чувствует неиспорченное сердце его и что мыслит доморощенный его ум.

Изложить быт народа, сколько можно с должной верностью, нет возможности одному человеку: это труд многих. Я старался представить его, сколько мог по моим силам, и отнюдь не думаю, чтобы мой труд не был изменен даже в самое короткое время, и надобно желать, чтобы любители отечественного дополнели его новыми, еще *<более>* богатыми источниками. — Если бы местные жители собирали туземные сведения и делали их доступными, то можно бы достигнуть общего описания русского быта. Только при содействии местных собирателей в состоянии объясниться наш народ. Иначе все излагаемое о нем останется в одних очерках, в каковых и я представляю здесь. Кто же лучше может знать и должен знать свой край, как не тот, кто родился в нем и живет в нем? — Ему известны все уловки и изгибы своего земляка, а этот земляк и важен в своей самобытности.

При собирании мною сведений я встречал бесчисленные противоречия и постоянные исправле-

ния, особенно в песнях. Оттого многие из них неполные, сбивчивые или уже сходные с напечатанными, но много достоинства утрачено в наших песнях еще тем, что они напечатаны без объяснения обрядных наших действий. Находятся десятки песенников под названием: полных, новых и полнейших, которые большей частью лишены пояснений: при каких случаях поются помещенные в них песни? Какое их назначение, их дух, сила и какой их обряд? — Все наши песни слагались по слуху какого-либо печального или радостного события, которое гремело в разгуле веселия, на свадьбе, в игре, забаве и хороводах. Ни одна из них не составлена произвольно, без причины. Песни без изъяснения обрядных их действий скучны и утомительны. Правда, они любопытны, занимательны и поучительны, зато потеряно невозвратно действительное их значение. — Можно догадываться и выводить о них заключения, но можно ошибаться и выводить ложные заключения. Этими примерами служат все сборники песен. Конечно, они дорогой запас — должно радоваться и благодарить любителей за собирание, но нельзя не сознаться, что этот дорогой запас подобен алмазам, не имеющим блеска и не могущим получить своего сияния без руки художника. Если в настоящее время не объяснятся песни обрядными своими назначениями, то и в будущем останутся не объясненными: примером тому собрание древних стихотворений Кирши Данилова и других.

Я боролся еще с напуганностью простолюдинов и их предрассудками. Случалось, что если кто пересказывал свой обряд или передавал свою песню, то вскоре пробуждалось в нем раскаяние, робость и его страшали, что за то, что пересказал, отдадут его под суд! Наш народ так боится судов, что одно их имя заставляет трепетать его. Случалось, что когда записывал песнь и потом станешь исправлять ее, тогда рассказчик бледнел и произносил жалобно-просительным голосом:

— Батюшка! не пиши.
— Отчего?

— Почитай, пишешь меня: коли узнает городничий, аль земский, беда мне!

Некоторые даже думают, что пересказывать песни стыдно и грех, и эта мысль до того поселилась в голове многих простолюдинов, что никак не разуверишь их в противном и съясишь одни отговорки: да, мне стыдно и грех. Когда я была молода, тогда я была неразумная и пела по глупости своей, а теперь, говорят старые люди, петь грешно.

— Отчего же грешно?

— Да так, грешно.

— Да отчего же так?

— Добрые люди говорят. Виши, намедни пригрозил мне пономарь: Марфушка! Не пой. — Да отчего же, батюшка? — спросила я его, а он мне в ответ: ты голосишь не своим голосом.

Случалось еще слышать, что кто пересказывает песнь, тот пересказывает ее по дьявольскому наущению. Поверяя однажды песнь одного рассказчика с другим, один из них начал смотреть пристально на мою бумагу, потом спросил:

— Скажи, батюшка, кто у нас теперь царь? Не пишешь ли ты по антихристову велению?

В народе есть мнение, что со списыванием песен явится антихрист, которого веления исполняет списывающий, невольно и противу своего ведения, и что это уже верный признак наступлению преставления света.

В изложении быта нашего народа я пользовался устными рассказами и сам был свидетелем многих обрядов и забав. Не многие доставили мне, что обещали, а обещали золотые горы. Многие и очень многие не исполнили своего обещания, быть может по их легкомыслию, а другие, как мне известно, пренебрегли важностью предмета, думая: ну что хорошего — описывать быт нашего мужика. И выйдет все мужицкое! — Да простит Бог таковых мыслителей. — Из необещавших, но исполнивших больше обещания, я могу поименовать только г. Френева и благодарю его от души. Этот молодой человек делился со мною радушно своими источниками.

НАРОДНОСТЬ

СВОЙСТВА ЛЮДЕЙ

Народность есть выражение любви к отечеству.

се обитатели земного шара, согреваемые одним солнцем, живущие под одним всемирным небом, представляют в своих наклонностях и действиях большое разнообразие. Климат, резко выказывающийся во всем существующем в природе, отпечатлевается равномерно в умственных и физических свойствах человека: в его способностях и деятельности, росте и силе. — Жители жаркого пояса, расслабляемые нестерпимым зноем, нечувствительно предаются неге и беспечности. С воображением пламенным, с начинаниями решительными, они весьма скоро охладевают в случае неудач к своим предприятиям. Рассудок их постоянно заглушается страстями. Мстительность и отчаяние, лукавство и малодушие — вот главные качества этих племен, не выдерживающих в себе высокого достоинства и благородной цели в общественной жизни. Поэтому народы, живущие под экватором, ничего доселе не создали величественного и исторического. Обитатели умеренных поясов, в коих сосредоточивается вся Малая Азия и большая часть Европы, озnamеновали себя поучительными событиями: науки и художества, изобретения и утонченность вкуса проистекли отсюда. С крепкою и благоразумною волей, с чувством возвышенным и благородным,

с сознанием заблуждений и с исправлением их они шли вперед, дружно стремились к усовершенствованиям и соперничали друг перед другом в утверждении общественного благосостояния. — Аравитяне, персы и армяне были водимы по большей части огненными страстями; зато гибельные последствия их действий остались спасительными уроками для других народов: европейцы воспользовались ими и основали на их ошибках свое величие. Люди северных поясов, испытывая все ужасы холода, находились во всегдашнем движении, посему деятельность, бодрость и мужество суть отличительные их качества. — Крепкие и неутомимые, хладнокровные и расчетливые, любознательные и легко все перенимающие, они твердо идут вперед и достигают своей цели.

РАЗДЕЛЕНИЕ ЛЮДЕЙ ПО ОЧЕРКУ ЛИЦА И ОБРАЗОВАНИЮ ТЕЛА

Самая наружность людей выказывает умственные и телесные силы, которые легко распознаются по очерку лица и образованию тела. Поэтому безошибочно, кажется, можно разделить их на пять пород: 1) монгольскую, 2) малайскую, 3) негрскую, 4) американскую и 5) кавказскую. 1) Монгольская занимает всю восточную и северную часть Азии: ее порода цветом желто-черная и оливково-темная; волосы черные, редкие и жесткие; лицо приплюснутое, под скулами широкое, подбородок узкий; глаза маленькие, нос небольшой, уши большие и отвислые, голова четвероугольная и челюсть выдавшаяся. 2) Малайская заселяет все острова Восточной Индии, Великого Океана и часть Океании. Здесь порода цветом черная, волосы выющиеся, лоб возвышенный, нос короткий и расплюснутый, рот очень большой, челюсть несколько выдавшаяся; росту среднего, талия правильная. 3) Негрская обитает собственно в Африке и большей части Океании. Наружность сажевидная, волосы смолистые, лоснящиеся и курчавые как войлок, лоб узкий и сжатый, глаза круглые и влажные, нос курносый и как бы отрубленный, губы одутловатые. 4) Американская, принадлежность собственно Америки, исключая эскимосов и некоторых <племен> северо-восточной ее части, отличается флегматическим характером; жители рослые, крепкие и гибкие. Наружностью весьма приятные, цвет лица сходствует с красною медью, нос орлиный, рот средний, губы европейские, глаза большие и черные, волосы черные, лоснящие и жесткие. 5) Кавказская расселена по всей Европе, за исключением самоедов, финнов, лапландцев, маджаров и венгерцев. Она занимает

большую часть западной Азии и северные берега Африки, отличается от всех прочих белизною тела, лбом возвышенным, лицом круглообразным, носом продолговатым под углом от 80 до 90°, ртом умеренным, губами небольшими и приятными, глазами открытыми, светлыми, большими и голубоватыми, волосами тонкими, мягкими и длинными, ростом высоким, поступью гордою, талиею привлекательною, силою и умом гибким.

СЛАВЯНЕ, КОРЕННЫЕ ЕВРОПЕЙЦЫ

К этой породе принадлежат наши предки, славяне. Ошибочно мнение тех из наших писателей, которые выводят их из глубины Азии. Наружность славян противоречит догадочному выводу. Из истории мы видим, что в то же самое время, когда в Малой Азии и Африке славились политическим устройством своим многочисленные республики и монархии (за 2000 л. до Р. Х.), тогда Италия, вся Германия до Дуная и Крым имели уже свои цветущие города: следовательно, народы жили здесь уже давно, и если они не возвышались до мудрости малоазийской и египетской, то причиною тому был недостаток сообщения между тогдашними народами. Однако мудрость Минесов, критских царей, столь была известна, что жрецы и философы Малой Азии и Египта приходили в Крит изучать ее. А это было весьма в отдаленной древности, именно за 1300 л. до Р. Х. — Конечно, мы ничего не можем сказать в пользу наших предков, как они жили тогда или чтобы славились уже своими делами, но то должно быть достоверно, что они издревле заселяли Европу и поэтому суть коренные европейцы. Здесь не надобно даже ссылаться на сочинения многих писателей, подтверждающих эту истину; довольно сказать, что славяне наружностию и умом ни в чем не уступают прославленным коренным европейцам — германам и франкам; что они очерком лица, белизною тела, станом и душевными силами суть настоящие европейцы; что они в первые столетия своей известности бедствовали, лили кровь за свою свободу, гибли от раздоров иноземных, но и среди лютых испытаний и переворотов не падали духом — были тверды и непоколебимы, как скала среди бурного моря, и что они своими вековыми несчастиями проложили путь к будущему величию их потомков.

СВОЙСТВА СЛАВЯН

Славяне, живя первоначально рассеянно по всей Европе и в приморских местах Анатолии, презирали зной и холод, привыкали ко всякой нужде и ко всем лишениям. Дикая пища казалась им вкусною, сырья земля была обыкновенным их ложем. Они гордились крепостью сил и нимало не заботились о наружности: часто в грязи и пыли теснились толпами на сборных местах и рассуждали не об украшениях и богатых одеждах, но о том, что всё достоинство человека состоит в силе, мужестве и быстроте, с помощью коих взлетали они на крутые вершины скал, бросались во рвы и переплывали глубочайшие реки. — Загорая от лучей солнца, они были смуглы и волосы имели по большей части русые, подобно европейцам. Искусно бились в ущельях, скрывались в траве и изумляли неприятелей неожиданным нападением; таились еще в реках и дышали в них свободно посредством сквозных тростей, торчавших из воды; жили в норах и лесах и ужасали соседей по Дунаю своими набегами; попадаясь неприятелям в руки, переносили истязания без воплей и стона; умирали в муках, не открывая врагу ни своих жилищ, ни своей силы*. Византийские писатели, которые знали их еще в VI в.**, удивлялись их геройской неустрашимости, превозносили их стройность, высокий рост и мужество. Оставляя кровавые битвы, они возвращались домой с редким добродушием; снимая с себя смертоносное оружие, они забывали своих неприятелей. Кротость и гостеприимство снова водворялись в их уютных жилищах. Славяне дышали простотой, не знали ни злословия, ни коварства. Пленных не тяготили вечной неволею, подобно германам и франкам, но определяли сроки для их свободы, которую они могли выкупать и потом возвращаться на свою родину или оставаться между ними, пользуясь всеми правами дружбы. — Балтийские славяне были мирны, избегали войн и любили музыку. Они наслаждались тишиною, когда гунны громили Европу, а германы блуждали по лесам. Чехи и дунайские славяне попеременно воевали с неприязненными им немцами и аварами. Подпав под власть последних (в VII в.), они терпели всевозможные насилия угнетателей, которые впрягали самих жен в телеги вместо волов и коней. Но эти варвары *телом великие, умом гордые* исчезли в нашем отечестве от моровой язвы, и гибель их обратилась в пословицу:

* Strit. «Mem. popul.», т. II, с. 59.

** Прокоп. и Маврикий: см. «Мемог. popul.», ч. I, с. 29, у Стриттера.

*«погибоша аки Обри, их же несть ни племени, ни следок»**. — Нет ни одного народа, — восклицает один писатель XI в., — честнее и благосклоннее славян**. — Путника встречали славяне с чрезвычайною лаской, пеклись о его здоровье и с особеною заботливостию передавали его от места к месту. Если же по какому-либо небрежению прохожий подвергался обидам, то соседи мстили за него***. — Хозяин, выходя из дома, ставил на стол приготовленную пищу, которою пользовался всякий путник. Бедный человек, не имевший способов угостить неожиданного пришельца, мог унести съестные припасы от зажиточного, чтобы накормить странника. Самое воровство не считалось в этом случае за порок. Удивительная черта гостеприимства! — Все славянские племена любили песни и музыку, услаждавшие их в самом горе. Песни воспламеняли сердца мужеством, а музыка смягчала дикость нравов. Сердечное удовольствие отражалось в плясках и играх, состоявших в борьбе, кулачных боях, конских скачках, в прыганье, топтанье ногами и вприсядку: а это не есть ли выражение душевного веселья и крепости телесных сил?

СВОЙСТВА РУССКИХ СЛАВЯН

Наши предки, расселенные по обширной нынешней империи, отличались самостоятельностью и единодушием, не терпели иноземного владычества: пока действовали согласно, дотоле не знали ни переворотов, ни междуусобий. — Каждое племя славянское имело свой нрав и свои обычаи, и это отличало их между собою. Поляне были стыдливы, тихи и кротки; почитали супружеские связи. Древляне жили зверски и скотообразно: убивали друг друга, если все нечистое, не соблюдали никакого брака. Радимичи, вятичи и северяне витали в лесах как звери; если все нечистое, срамословили

* Нестор по «Кенигсб. сп.»: «Аще поехаши бяше Обрину, не даваше впряжен ни коня, ни вола; повеляша впряжен три, или четыре, или пять жен в телегу и повести Обрина» — с. II.

** Ad. Бремен. «ut nulla gens honestior aut benignior potuit inveniri» — кн. II, гл. 12, изд. Линдценб.

*** Маврикий: «Sunt quoque adversas perigrinos benigni magisque studio servant incolentes salvosque, de uno loco in alium deducunt, quo necesse habent, ut et, si per incuriam ejus, que servare tale debent, accidit, ut damno peregrinus afficiatur, bellum ipsi inferat viciis ejus, pietatem arbitratus, sic ulcisci peregrinum» <Также они благосклонны к странникам и очень покутятся об их здоровье и целости, пропровождая их из одного места в другое, смотря по их надобности; если же, по небрежению, охраняемый ими бывает обижен, то, соблюдая благочестивый обычай, воюют против обидевшего его так, чтобы путник бывал отмщен>.

пред отцами, не знали брака, который заменяли игрищами*, забавлялись пением и пляскою. — Вообще нравы сего времени изображают смесь добродушия с дикостью. Впоследствии свет веры смягчил грубость славян.

ВОИНСТВЕННОСТЬ

От Рюрика до Владимира I**, мы видим удальство воинов и постоянное опустошение ими константинопольских пределов. Добыча и корыстолюбие награждали и обогащали и воинов, и великих князей. Отважные Игори и Святославы умели вселить в душу своих сподвижников решимость — почти невероятную. Кто не знает красноречивых слов любимого воинами вождя — князя Святослава, произнесшего их на поле битвы, и в коих резко выражено бесстрашие и честь воинственной доблести: «Не посрамим земли русские! Ляжем здесь костями: мертвым нет срама! Если побежим, то позор нам. Станем крепко***!» Этот дух поныне живет в русских. Византийские писатели свидетельствуют, что под крепостью Доростолем**** герои наши оказывали чудеса храбрости, которая доходила до остервенения. Когда не могли противостоять оружию неприятелей, тогда они вонзали сами себе мечи в сердце, думая, что убитый врагом должен служить ему на том свете, а потому хотели сохранить свою вольность и в будущей жизни *****†.

НАБОЖНОСТЬ

Владимир озарил Россию истинной верою. Начали строить церкви и монастыри, и укрываться в них от превратностей мирских. Нередко дети знаменитых бояр кончали жизнь в уединенной монастырской келье. Духовенство господствовало над умами народа.

ВЕСЕЛОСТЬ, ГОСТЕПРИИМСТВО И ХРАБРОСТЬ — СУТЬ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА РУССКИХ

При всем благочестии наши предки не забывали и веселой жизни. Набожный Владимир пировал по неделям в кругу

* О браках этих племен см.: «Свадьбы», ч. VIII, в статье «Обзор свадебных обрядов».

** От пол. IX до кон. X в.

*** Нестор. по «Кенигсб. сп.», с. 62.

**** Нынешняя Силистрия <Болгария>.

***** Кар~~амзин~~ И~~стория~~ Г~~осударства~~ Р~~оссийского~~, т. 1, с. 186.

граждан, и однажды он сказал: «Веселье русского — питье, без него мы не можем»*.

За княжескими столами кипел мед, любимое тогдашнее питье. В этих угощениях государь был окружаем своим семейством — народом. Пили мед, но хвалили трезвость как добродетель; любили веселье, игры, забавы, музыку и пляску. Бояре, воеводы, знаменитые сановники и духовенство, забывая свой верховный сан, угощали друг друга; простой гражданин сидел наряду с боярином и пил с ним из одной чаши. Вельможа гордился не пышным титлом, но братством; сердца всех сливалось в одно чувство любви к отечеству и престолу. Ратоборство не усыплялось туком роскоши; воины, поборая за отчество, гремели славою побед. Церковные уставы укрепляли доблестные подвиги: воин пред днем похода освобождался от всякой эпитимии и принимал тайны причащения**.

ВОЗРАСТАНИЕ КНЯЖЕСКИХ ДЕТЕЙ СРЕДИ БИТВ

Княжеские дети росли на браном поле, и едва протекали их младенческие лета, они уже с мечом сидели на борзых конях. Святослав I, будучи еще отроком (в 946 г.), метал копьем во врагов — древлян***. Десятилетний Георгий и пятилетний Владимир, сыновья в. к. Всеяволода III, были под осадою г. Пронска****.

ЗАМЕНА НАУК ПАСТЫРСКИМ УЧЕНИЕМ

Святители и пастыри церкви учили народ и государей. Наука считалась тогда сверхъестественным знанием. Честность и благородство души, справедливость и совесть руководили простым, но светлым умом.

* Нест. по «Кенигсб. сп.», с. 73: «Руси есть веселье пити, не можем без него быти... «свинины не ести, вина не нити» было противно веселию и обычаям русских.

** См.: «Впрощение Кирика у новгород. епископа Нилюнга и других» (сочин. XII в.): «а еже человек будет в опитемы, а пойдет на великий путь, молитва раздрешная дати ему, но отъдржит заповедь. Аще ли не рать пойдет, или разболиться; то дати причащенис».

*** Нестор., с. 49 — 50: «И изидоша Древляне противу и снемшись обема полком на сокупъ, и суну копьем Святослав на Древляны, и копье лете сквозь уши коневи, и удари в ногу коневи; бебо детек».

**** Рязанской губ., в 1207 г., сент. 22. — Нест., по «Кенигсб. сп.», с. 280; Кар. «И. Г. Р.», т. 3, пр. 125.

— Да будем золоты, яко золото, — говорили наши предки вместо клятвы*. Митрополит киевский Никифор, славившийся душеспасительными наставлениями, так писал к Владимиру Мономаху: «Ум есть око души. Ты, государь мудрый, управляешь своим народом чрез воевод, а душа управляет телом посредством пяти чувств. Твой ум постигает смысл каждого слова: мне ли предписывать тебе законы умеренности? Властитель земли сильной! Твоя десница ко всем простирая. Ты не таишь ни серебра, ни золота; но раздаешь их. Благодать Божия пребывает с тобою. Скажу одно: душа обязана поверять действия своих чувств, а государь своих слуг. Испытай, князь, помыслы об изгнанных, осужденных и презренных неправдами. Вспомни, кто кого оклеветал, и сам суди. Не печалься моей речью и не думай, чтобы кто приходил ко мне печален и просил, чтобы я писал к тебе. Пишу только для воспоминания, ибо твоя власть великая требует великого отчета; пишу как церковь повелевает пастырям говорить правду князьям. Знаю, что и мы, грешники, покрытые греховными струпами, нуждаемся в исцелении... Человек в лице, а Бог в сердце»**. Россия вскоре прославила Нифонта, новгородского епископа, запечатлев его имя называнием «поборника всей земли русской»; ибо он мирил князей и хранил православие. Когда он помер в Киеве, находясь здесь по делам церкви, тогда все плакали по нем, и современный летописец Новгорода восклицает: «За грехи наши мы лишились здесь видеть гроб его!»***

ОЖЕСТОЧЕНИЕ ВОИНСТВЕННОСТИ

Воинственный дух наших предков носит уже во время междуусобных браней отпечаток бесчеловечия и зверства. Удельные князья, кипя злобою друг на друга, убивали безоружных, поражали мирных граждан смертоносным оружи-

* Нест., по «Кенигсб. сн.», с. 65. «Аз же (Святослав) и иже со мною и под мною, да имесм клятву от бога, и в него же веруем в Перуна, и в Волоса, скотья бога, да будем золоты яки золото, и своим оружием да изсечены будем».

** Митрополит Никифор помер в 1120 г. Его место занял Никита, который, управляя церковью семь лет, не заменил его достоинств.

*** Послания митрополита Никифора, наход. в синодальной биб., в книге Мефодия Патерийского, под № 375, с сим заглавием: «Послание от Никифора митрополита киевского к Владимиру Князю всея Руси, сыну Всеволожу, сына Ярославля». Сочинение Нифонта помещ. в «Кормчей книге» под именем «Вопрошанье Кириково, еже впраша епископа Нифонта и инех. Часть посланий Никифора и сочинений Нифонта», помещ.: Кар. «И. Г. Р.», т. 2, пр. 243, 380, изд. 1816 г.

ем; предавали селения мечу и огню и тщеславились опустошением отечества! Таковые события должно приписать ожесточению, мести, необузданности и непросвещению князей, но как должно судить об них потомство? Оно произносит беспристрастный суд над виновниками несчастия. Но не одна отечественная история наша памятна событиями грустными: мы находились еще в полуобразованном состоянии, но лучше ли нас в этом <отношении страны> Европы тех же веков? Грабежи, истребления целых городов, кровавые дела безрассудного рыцарства, постоянное восстание вассалов, кровожадность принцев и королей, безнравственность духовенства и его сластолюбие озnamеновали эти самые времена.

СЛЕДСТВИЯ ОТ МЕЖДОУСОБИЯ КНЯЗЕЙ

Несчастия, происходившие от раздоров наших удельных князей, были естественным следствием всеобщего бедствия: нашествие татар поглотило Россию. Тогда расстроилось гражданское благосостояние и самое человечество унизилось; тогда отечество, обагренное кровью, утешалось еще тем, что оно могло оплакивать бедственное событие Калкской битвы*. Наши праотцы были осуждены на рабство! Отряд Чингисханова войска, остервененный сопротивлением великого князя киевского, Мстислава Романовича, рубил жителей беспощадно и все обращал в пепел. Этот князь, достойный имени Мстислава, явил на себе пример воинственной гордости. Заслонив берега реки Калки с небольшою дружиной, он решил умереть со своими воинами. Три дня бились с ним лютые враги и не могли одолеть; но, прибегнув к льстивым обещаниям пропустить, если он оставит поле битвы, устремились на отступавших и вероломно изрубили всех в куски; трех князей задушили под досками и пировали на трупах истребленного полчища. Вот чем озnamеновалось первое бедствие; за ним последовало зло гораздо ужаснейшее, это — иго!

ВСЕОБЩЕЕ УНЫНИЕ И УНИЖЕНИЕ

Суеверие носило молву, что татары суть предтеча разрушения мира. Народ стонал и с воплем обращался к Богу: «Всевышний! Ты караешь Русь в своем праведном гневе, но откуда же сии страшные пришельцы? Ты один знаешь, великий Боже! — Мудрые книжники ведают, но мы не постигаем, кто они? Мы знаем их по нашим страдани-

* Случившейся в 1224 г. мая 31 в пределах нынешней Екатеринославской губернии, близ Мариуполя.

ям»*. — Страх был повсюдный: все постились. Духовенство день и ночь воссыпало молитвы к Тому, который одним мановением сокрушает величие царств. Прощались со здешним миром, готовились к последнему суду. Все думали, что близок час разрушения вселенной! Толпами стекались в мирные кельи, надевали монашеские одежды и верили, что она их спасет. Молились, чтобы Бог пощадил их от мечей татарских, по крайней мере для принесения раскаяния в своих грехах. Этот ужас был подобен тому, какой распространяли норманны в VI веке, когда они свободно опустошали Англию, Шотландию, Францию, Андалузию и Италию. — По церквам тогда читали установленную молитву: «Спаси нас, Господи, от ярости норманнов»**. Униженные наши праотцы не находили заступников. Головы князей падали в Орде по одному взгляду ханов. Многие из князей запечатали свою жизнь мученической смертью. Роман, князь рязанский, неосторожно говоривший в Орде об Алкоране, был потребован к ответу Мангу-Тимуром. Князь смело говорил свое мнение. Озлобленные поклонники Алкорана заткнули ему рот, изрезали его по суставам и, содрав с его головы кожу, воткнули голову на копье. — Русские плакали по своем князе, но славили умершего за православную веру***. — Все трепетало пред именем хана; что он ни приказывал, все повиновались раболепно. — Только говорили: «Царь велит, царь приказывает, да будет его воля!» Из этих слов произошла древняя пословица: «Близ царя, близ смерти». Князья наши ездили в Орду как на Страшный суд. Представляясь царю, они не ручались за свою жизнь. Ласкаемые и угощаемые ханом, они не были еще уверены, как их отпустит царь. Нередко после милостивого принятия следовала смерть. И тот был счастлив, кто мог возвратиться в отчество с головою! Потому все наши князья, вельможи и сопровождавшие их, отправляясь в Орду, принимали Тайны Св. Причастия, прощались навсегда со всеми родными и знакомыми и писали духовные завещания****.

Не утомляя внимания читателей изображением тогдашних бедствий, не можем, однако ж, пройти молчанием о том унижении, которое должны были совершать наши князья при приеме послов. Когда хан отправлял посла в Москву, тогда

* «Новгородская лет.», с. 99. — «Бог един весть, кто суть и отколе изылоша. Премудрии мужи ведять я добре, кто книги разумеет, мы же их не всемы, кто суть, но зде вписахом о них, памяти ради русских». — «Троицк. летоп.».

** A furore Normannorum libera nos, Domine. Chiron. de Gregor. de Tour.

*** Князь Роман помер от рук мучителей в 1270 г. июля 19.

**** Кар. «И. Г. Р.», т. 4, с. 215.

великий князь встречал его за городскими воротами как самого царя и подносил ему чашу кобыльего молока. Князь наблюдал пред ним величайшее почтение, безотчетную покорность и не смел пред ним садиться. Когда посол садился на коня, тогда князь наклонял пред ним свою спину, а тот, став на нее ногами, взлезал на лошадь*. Этот обычай прекратился в конце XV века. София, супруга в. к. Иоанна III, убедила его не встречать ордынских послов**. Никто не избегал угнетения и никто не был уверен ни в своей собственности, ни в своей жизни. Богачи лишались имений без всякой вины; матери оплакивали честь дочерей: враги презирали невинность! Часто жены и девицы, защищая свою добродетель, бросались с высоких хором или поражали себя ножами! Часто татары в глазах родителей топтали младенцев конями и смеялись над воплями несчастных; часто в присутствии детей они вырывали внутренность отцов и матерей и сдирали с живых кожу. О, тогда живые завидовали мертвым! Гордые некогда боярыни преклоняли с трепетом свои головы пред повелениями татарских жен; нося прежде золотые ожерелья и шелковые одежды, едва уже прикрывали наготу рубищем; некогда окруженные толпою слуг, они сами сделались рабынями татарок: носили для них воду, мололи хлеб, готовили пищу в дымной избе, в коей закуривали свои нежные, белые лица чернотою неволи; тогда уже никого не различали. Потушали самую честь, которая драгоценна только при благодеянии.

ИЗМЕНЕНИЕ МНОГИХ БЛАГОРОДНЫХ КАЧЕСТВ ОТ УГНЕТЕНИЯ

Наши праотцы, повинуясь всему, искали облегчения; но варвары следовали другому образу мыслей: они думали, что покоренные не могут быть друзьями победителей; что ист-

* «A brief treatise of the great Duke of Moscovia, his geneology» <Краткий трактат о Великом Князе Московии, его родословная>; помещ. в собр. Гаклюта, т. 1, стр. 247, изд. 1819 г.

** Ордынские послы имели обыкновение привозить с собою *басму*, т. е. болвана, деревянное изображение хана. Князья московские выходили пешком за город навстречу послам; кланялись им, подносили кубок кобыльего молока, подстилали мех соболий под ноги ханского чтеца и слушали чтение грамоты с коленопреклонением. На месте, где происходила эта встреча, София выстроила церковь во имя Спаса, именуемого доселе: Спас на болвановке. Она, не терпев татарских послов, живших в особом доме в Кремле, кои следили за поступками великих князей, послала богатые дары Ахматовой жене и писала лукаво, что она, имея какое-то видение, желает создать храм на ордынском подворье и просит уступить сй. Царица согласилась: дом посольский разломали, и татары, выехав из него, остались без пристанища. — Кар. «И. Г. Р.», т. 6, с. 92.

ребление первых необходимо для успокоения последних. От таковых действий азиатской политики изменился народный дух: угнетение, страх и раболепная покорность унизили благородные свойства. Обман уже не был пороком, клевета не казалась гнусным поступком. Лишение женской свободы, введение холопского состояния, брачие взяточников, наказывание кнутом на торговых местах, клеймение воров за кражу, вешание преступников и всеобщее невежество достались в удел от поработителей. Самые благороднейшие чувства стыда, чести и совести исчезли: мы пресмыкались и низкими доносами губили единокровных. Разоряли даже собственные владения. Мы гибли от самих себя, а татарские мечи довершали наше горе. Победные венки наших предков не пленили угнетенных. Некогда витязи говорили своей дружине: «Станем за отчество и смертью искупим его, а ныне и последняя искра любви угасла. Горе нам, горе!» — воскликнули современные летописцы. «Зашитники добрые исчезли; ничто не ратоборствует за нас; кровь льется за хана. Прошли те благословенные годы, когда великие князья не разоряли нас, не грабили единоземных владений. Сокрылись навек от нас покой и гражданское счастье! Баскаки сидят у нас на троне, наши государи преклоняют колена перед ними, а с нами они поступают как с презренными, осужденными на вечное рабство: закладывают, продают и убивают без суда». — Понятие о чести и справедливости так изменилось тогда, что князь липецкий Святослав почтился нами за злодея, потому что отражал насилие татар; а князь рыльский Олег, воинивший в его грудь свой меч, был похваляем современниками. Самые нравы носили тогда отпечаток азиатской свирепости. Одно великокняжение Василия Темного ознаменовано многими злодействами. Князь Василий Косой отсек руку и ногу Роману, кн. переславскому; в. к. Василий и племянник его Василий Косой ослеплены; кн. Шемяка и кн. литовский Михаил отравлены. Чернь без всякого суда топила и жгла людей. Кн. Иоанн Можайский, осудив на смерть боярина Андрея Дмитриевича, всенародно сжег его на костре с женою за мнимое волшебство. Верные гибли, гражданское бытие исчезло, порядок и тишина, необходимые средства для возрастания благосостояния, нарушились еще постоянными набегами и внутренними смутами. Дети великих князей спорили о наследстве престола, а племянники с дядьками; вероломство следовало за вероломством, разбои за разбоями, в коих отличился хищный князь Борис Александрович тверской (1445). Так поступил и Дмитрий Шемяка, нарушавший постоянно спокойствие великого княжения и давно сделавшийся ненавистным народу. Духовенство вступалось за бедствия отечества, напоминало Шемяке, что он не живет в мире, грабит бояр, тайно сносится с врагами.

В несчастных временах России православные пастыри являлись ее утешителями. Они укрепляли народ верою и грозили небесною карой губителям благосостояния. Они бестрепетно напоминали князьям их долг и сами свято выполняли свое призвание: говорили истину, не страшась гнева. «Ты ведаешь, — писали наши святители к жестокосердому Шемяке (1449 г.), — сколько трудился твой отец, чтобы присвоить себе великокняжение: лил кровь россиян, сел на престол и должен был оставить его; выехал из Москвы с пятью слугами и сам звал Василия на Государство; снова похитил престол и долго ли пожил? Едва достиг желаемого и скрылся в могиле, осужденный людьми и Богом; но что случилось с братом твоим? В гордости и высокоумии он резал христиан — благоденствует ли ныне? Вспомни и свои дела! Когда безбожный Махмет стоял у Москвы, ты не хотел помогать государю и был виною пролития христианской крови. — Сколько сожжено храмов, убито людей, поругано девиц и монахинь! Ты, ты будешь ответствовать Всевышнему! — Великий князь молил тебя идти с ним на врага — но тщетно. Пали верные воины в крепкой битве: им вечная память, а на тебе кровь их! Господь избавил Василия от неволи, но ты, второй Каин и Святополк в братоубийстве, разбоем схватил великого князя, истерзал его: на добро ли себе и людям? Долго ли господствовал, и в тишине ли? Волнуемый беспрестранно страхом, ты не находил покоя днем и не знал ночью сна от страшных сновидений: искал великого княжения и погубил свой удел. Великий князь снова на престоле: данного Богом не отнимет человек! — Но ты и ныне не выполняешь клятвенных условий мира: именуешь себя великим князем и требуешь от новгородцев войска, будто бы для изгнания татар, призванных Василием для своей защиты. Они немедленно будут высланы из России, когда докажешь свое миролюбие к государю. Он знает все твои происки. — Мы, служители алтарей, молим тебя, господин князь Дмитрий, очисти совесть, удовлетвори праведным требованиям великого князя, готового простить и жаловать тебя изуважения к нашему ходатайству, если обратишься к раскаянию. Когда же в безумной гордости посмеешься над клятвами, тогда не мы, а сам возложишь на себя духовную тягость: будешь чужд Богу, Церкви, Вере и проклят навеки со всеми своими единомышленниками». — Эти убеждения не подействовали на Шемяку. Он начал войну и в битве под Галичем потерял свой удел*. Пастыри духовные проповедовали мир и желали благоденствия народу. Св. Иосиф, основатель волоколамского монастыря, силь-

* Кар. «И. Г. Р.», т. 5, с. 324 — 327, изд. 1817 г.

но изобличал даже тех из духовных, которые вводили расколы. Так он писал к сузdalскому епископу Нифонту по случаю распространившейся жидовской ереси: «Древние орлы веры, святители наши, возвещали истину в вертограде церкви. В важных случаях, где требовалось приговора решительного, звучал голос достойных пастворей».

МНЕНИЯ ПРЕДКОВ О НЕВОЗМОЖНОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ИЗ-ПОД ИГА

Европейские государства в XIV в., когда мы стягивались в оковах собственного плена, стремились к просвещению. — Какое же сравнение нашего состояния с европейским? Невежество, грубость и забвение сознания, что мы повелевали некогда обширными и богатыми странами, овладело нашими умами до суеверия. Мы думали, что нельзя восстать противу угнетателей, что одна небесная сила, а не человеческая, могла бороться с врагами веры и народности. Утрата независимости обезоруживала нас, и мы, как низкие поклонники, не смели замышлять о справедливой свободе: деспотизм давил! Народ и государи, смиряясь по необходимости, страдали и безмолвствовали. Казалось, что нельзя уже было надеяться, кто бы напомнил им о прежнем их величии и могуществе, кто бы воспламенил их самоотвержением. Хотя победы невские и раковорские свидетельствовали монголам о силе нашего меча, но мы не восставали противу наших поработителей. Ум Александра Невского блеснул во мраке, а Раковорская битва оставила одни печальные следы воспоминания^{**}. Всяк заботился о сохранении своей жизни; казалось, что никто не хотел слышать, что друг его, его соотечественник, гибнет от руки татарина; что по стогнам льется кровь без наказания; что кинжал дерзкого самоуправителя рассекает с зверской радостью верных поборников

* Жид Схарий прибыл из Киева в Новгород <в> 1470 г.; познакомился здесь со многими знатными сановниками и духовными и хитрым языком обольстил их своею верой. Иосиф Волоцкий восстал противу его учения. Архиепископ новгородский Геннадий объяснил эту ересь Иоанну III, и собором, созванным в Москве <в> 1490 г., осудили заблудившихся и уничтожили секту.

** Раковорская битва одержана новгородцами (1268 г., февр. 18) под предводительством кн. Дмитрия, сына Невского, который совершенно разбил магистра немецкого ордена. Сражение было столь жестокое, что «ни отцы, ни деды наши, — говорил летописец, — не видали такой жестокой сечи». Три дня стояли русские на костях, т. е. на месте сражения. — Этую кровопролитную битву долго помнили в Новгороде и Риге. — Кар. «И. Г. Р.», т. IV, изд. 1817 г., с. 94 — 96.

отечества; что прекрасные и добродетельные жены преданы поруганию; что свобода мыслей уничтожена, и цепи рабства заглушали повсюду святую любовь к родине, отечеству, своей собственной жизни — в неволе было не до просвещения! От Владимира Равноапостольного до смерти Владимира Мономаха был у нас счастливейший период благосостояния и просвещения. От Мономаха до Донского* — горестное воспоминание! — это период наших бедствий: тут мы совершенно загрубели от татарского ига. Россия не уцелела бы от совершенного уничтожения, если бы не способствовали ей внутренние раздоры в Орде.

Славяне мужественные, сильные, верные, беспрепетно взиравшие на смерть, думали ли когда-нибудь, что их потомки будут стечать в рабстве! Отдаленная будущность ничего не предвещала им ужасного. Их будущее мы только знаем, прошедшее изучаем, настоящее нас радует. А что таинственное будущее готовит нашим потомкам?

ВРЕМЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ

Народ объясняется событиями, и если мы в продолжение двухсотлетнего рабства не лишились своей самобытности, то не менее обязаны, кроме раздоров в Золотой Орде, действию Веры: в унижении мы любили Отечество как землю Православия; пресмыкаясь в Орде, мы тихо и медленно подкапывали доверие властелинов. Князья ослепляли ханов золотом, бояре и народ почитали его своим царем. Великие княжества Владимирское на Клязьме и Московское, более всех наученные опытами междоусобия, стремились к государственной целости. Утверждалось наследственное право, уделы присоединялись к великому княжению. Мы шли вперед постепенно, но верно: так начал в. к. Даниил в нач. XIII в., первый великий князь московский; сын его Георгий, зять хана Узбека, усыпляя его родством и преданностию, расширял свои владения. Брат его Иоанн Калита снискал полную доверенность Узбека (в начале XIV века); внук его Димитрий Донской решился на битву с Мамаем. Наши предки, исчисляя все бедствия, претерпенные от угнетателей, пробудились от глубокого сна и долговременного ужаса. Они сами дивились постыдному терпению своих отцов. Все вспоминали древнюю свою независимость и ревновали сбросить цепи рабства — одни мечом, другие молитвою. Мужи и юноши точили оружие; жены и старцы молились в храмах; богатые раздавали милостыню, бояре и граждане собирали воинство,

* Период благосостояния и просвещения был с 980 по 1125 г., а период бедствий с 1125 по 1362 г.

а народ готовился умереть за отечество. Наступила Куликовская битва (1380 г. сентября 8), заря освобождения, и все говорили: «Час суда Божиего наступил; умрем, братия, за отечество!» Решительная битва увенчала общий порыв. Виновники славы, кн. Владимир Андреевич, внук Калиты, прозванный Храбрым, и Дмитрий Михайлович Волынский, победитель Олега и болгар, воодушевили полки. Хотя эта битва не доставила никаких существенных выгод, кроме славы, однако она произвела благодетельное действие в умах: стали думать, что враги не суть непобедимые, что тиранов истребить можно, что сам Мамай разбит и бежал*. — Наследник Дмитрия, Василий, был уже ласкаем и чтим в Орде: ханы требовали одной только покорности. Народ поздравлял друг друга, что дожил до времен столь счастливых, и считал Мамаево побоище выше Альтской и Невской. И действительно, это событие до времен Полтавской битвы (1709 г. июня 27) есть весьма важное в истории нашей: оно доказывало возрождение сил русских и подкрепило его в несомненном освобождении. Самые добродетели воинские, запечатлеваемые верою, внушали безотчетную преданность к отечеству. Измена наказывалась примерной строгостью ввиду врагов. Наместник смоленский, князь Василий Шуйский, узнав, что злоумышленники государства заманили литовцев под Смоленск, велел схватить заговорщиков, одел их в соболиные шубы и бархат; потом, привязав им на шеи жалованье королем Сигизмундом серебряные ковши и чары, вывел на городскую стену и повесил на глазах неприятелей! Граждане и воины славили справедливость наместника и доказали свое усердие к отечеству мужественным отражением врагов**. Дух народной гордости был уважаем даже врагами. Но возвеличение России предназначено было Иоанну III,

* От Куликовской битвы прошло 467 лет, но имя Мамая доселе осталось в памяти народа. Вся Россия его знает, а в заволжской стране, преимущественно Царевском уезде Саратовской губернии, все места именуются мамаевскими. При исследовании Сарая, столицы Золотой Орды, которой остатки доныне видны в окрестностях Царева, простой народ говорил, что тут жил Мамай; что в развалинах кроются мамаевские деньги; что в них погребены большие сокровища и клады, которые бережет сам Мамай; что раскапывать их опасно, потому что злой дух Мамая поселился здесь. — Все находимые и отрываемые деньги и вещи называются у них без исключения мамаевскими; отрываемые покойники, кто бы они ни были и сколько бы их ни было, зовутся *Мамаем*. Однажды нашли в каменной гробнице несколько мужских и женских скелетов, обвитых в парчу, и на вопрос: кто это? было ответом: «*Мамай с Мамайшем*». Если при раскапывании попадались кости или скелеты, то говорили: «наши мамаевские кости или наши *Мамая*».

** Кн. Константин Острожский осаждал Смоленск в 1514 г., и все усилия взять его, даже при содействии злонамеренных людей, были напрасны. Он принужден был отступить с великою потерей, а король искал мира.

хотя менее счастливому, однако Великому. Доблестные полководцы его: Холмский, Стрига и Щеня поражали врагов, а он, сидя дома, утверждал государственное бытие внешней и внутренней политикою, восстановлял свободу и целость России; искал орудий для собственных выгод и никогда не служил орудием для других; действовал как великий муж без страстей в политике; имел в виду одно благосостояние и достигал его. От хижины до престола — все спешило к своей независимости: бояре и духовенство, воины и земледельцы славили век Иоанна III, который разительно сходствует с Петром Великим: первый был творец, а второй преобразователь России. Оба ревностно вводили искусства образованных народов, и оба созидали ее могущество.

НЕОЖИДАННОЕ ПРИРАЩЕНИЕ РОССИИ

Сверх тяжких опытов судьбы, сверх бедствий удельного правления и ига монголов наше отчество должно было испытать грозу Иоанна IV; но с любовью к самодержавию оно повиновалось ему. В смирении великодушном умирали доблестные сыны отечества и мирные граждане; духовенство и жены*.

* Заступники беззащитных Сильверст и Алашев кончили жизнь плачевно; без суда и основательной причины погибли: Даниил, брат Алашева, родственник его Иван Шишкин с женой и детьми, кн. Дм. Оболенский — Овчина, кн. Михаил Репнин, кн. Юрий Кашин, кн. Дмит., Курлятев, кн. Мих. Воротынский, победитель казанцев; бояр. Ив. Шерemetев, ужас крымцев; брат его Никита Шерemetев; конюший Федоров, муж украшенный славою и сединою; кн. Ив. Андр. Куракин-Булаков, кн. Дм. Ряполовский, князья Ростовские, кн. Ив. Турунтай-Пронский, казначей Хозян Юревич Тютин, кн. Мих. Черкасский, брат царицы; печатник Казарин-Дубровский, митроп. Филипп, проименованный Святым; кн. Вас. Пронский, печатник Ив. Мих. Висковатый, казначай Ив. Фуников, думные сов: Зах. Ив. Овчина-Плещеев, Хабаров-Добринский, Ив. Воронцов, Вас. Разладин, Кирик Тырков; защитник Лаиса, Андр. Кацкаров; воев. нарвский Мих. Матв. Лыков; воев. михайловский, Никита Казаринов-Голохвастов. Ожидая смерти, он уехал из Москвы и поселился в монастыре на берегу Оки. Царь прислал за ним опричников, он вышел к ним навстречу и сказал: я тот, кого ищите. — Царь велел взорвать его на бочке пороху. — Погибло десять Колычевых, кн. Ив. Шаховской, князья Прозоровские, Ушатые, Заболотские, Бутурлины, князья Мещерские, кн. Никит. Ром. Одоевский, бояр. Мих. Яковлев. Морозов с сыновьями и супругою, кн. Петр. Анд. Куракин, бояр. Ив. Андр. Бутурлин; Гр. Собакин, дядя царицы Марфы, ее брат Вас. Собакин; кн. Ив. Девтелевич; игумен псковский Корнилий, его ученик Вассиан Муромец; новгород. архисп. Леонид; архим. Феодорит, игумен соловецкой обители, друг Св. Александра Свирского, и убит собственной рукой царя, наследника престола, Иоанн. Здесь представлена тысячная доля таковых мужей, которые погибли совершенно без вины, служа отечеству со славою. Угрязаемый беспрестанно совестью и пугаемый тенью убиенных, он для успокоения нечистой души служил по церквам и монастырям синодики, или поминовения. В синодиках поминается об истреблении княжеских, боярских и дворянских родов; о других ни слова.

Все говорили о долге и чести, и под осадою гор. Вендана (в 1578 году октября 21, в Лифляндии) это подтвердилось на самом деле: воеводы кн. Вас. Андр. Сицкий, окольничий

В сочинении «Памятн^{ики} москов^{ской} древности» г. Снегирева, тетрадь I, с. XXXV, сказано между прочим об Александровской слободе: «от слободы его (Иоанна IV), обнесенной каменной оградою, не осталось и следов: в 1582 г. в праздник Рождества Христова она сгорела от молнии». Откуда взято им это невероятное явление в мире? — Многие, читающие без разбора и верующие всему печатному безусловно, добродушно примут за истину и некоторые верят доселе, что слобода сгорела от молнии в день Рождества Христова, среди трескучей зимы!! Тем более этому верят, что в этом событии видят гнев Божий. Некоторые из моих знакомых до того были убеждены, что они согласились лучше верить, нежели подумать, что это дело невозможное. Если бы это действительно случилось, то, как событие необыкновенное, не могло бы скрыться от наблюдателей природы и непременно сделалось бы предметом исследований; и учёные в Европе не оставили бы без внимания необыкновенное действие как переворот сверхъестественный в природе, несмотря что протекло 265 лет. — Но никто из них не думал об этом, считая или вымыслом какого-нибудь легкомысленного, или сказкою, выдуманною для детей. Прошли те времена, когда всему верили; когда многие думали, что есть люди на четырех ногах, с бычьим хвостом и рогами, с четырьмя глазами: двумя на лбу, а двумя назади; когда были уверены, что на ките держится свет, что живут под землею демоны; что они во время пирушек в преисподней бросают молнию на города и сожигают!! — Пусть бы это так, но все следовало бы сказать господину сочинителю, которого почитаю от души за многие полезные его труды: на чем он основал несбыточное событие? — В примечании его указано, между прочим, на «Русск. Лет. по Никон. сп.», т. VII. — Я искал и ничего не нашел там. Открывается, что г. сочинитель взял из Кар. «И. Г. Р.», т. IX, изд. 1821 г., с. 350. — Странно! Знаменитый историограф, исчисляя несчастные происшествия того времени для России, страшные видения Иоанна IV и поверья народа, упомянул о носившейся молве, что в день Р. Х. громовая стрела зажгла при ясном солнце спальню Иоаннову в Александровской слободе, и заключает: сказка, достойная суеверного века. Следовательно, Карамзин не верил; он только указал на легковерье Одерборна, который, поверив молве, первый записал в число действительных чудес, а ему никто не верил. Вот самое место из Одерборна, — см. Ioannis Basilidis Magn. «Moscoviae ducis vita», изд. 1585 г., гл. III, л. 4. — Fulmen deinde subitam secum coeli serenitatem adducens, ipso Christi natalitis slobodam speciosam magnorum Ducum habitationem, cum tentibili ingentium structuram et trabium ruina disiecit, regumque pretiosarum splendidissima supellex, qua ista in munitione asservabutur, de coelo tacta et consumpta est. In elegantiori vero camera cubiculum Basilidis ipsius ubi lectus erat falmen intravit, adeo caute perrerans, ut ipsum simul urnam feriendo dissicerit, qua captivorum nomina ad libidinem forte principis educabantur, etc. etc. «См. «Житие Иоанна Васильевича, великого князя Московского», изд. 1585 г., гл. III, л. 4. — «Внезапно посреди ясного неба засверкала молния, в день Христова Рождества в слободе, великолепном жилище великих князей, она, ужасно неистовствуя, нарушила балки и стропила, и драгоценнейшие сокровища, хранившиеся в надежном месте, были поглощены небом. В еще более прекрасную спальню самого Иоанна Васильевича, где он лежал, молния влетела, все перевернув и разбив также урну, в которой иной раз, по желанию князя, пожигались имена узников»>. — В недавнее время случилось среди зимы воздушное явление с громовым ударом и блеском молний. В Риге и ее окрестностях замечено было 5 генваря

Василий Федосеевич Воронцов, Дан. Бор. Салтыков, кн. Мих. Вас. Тюфякин не хотели сдаться и нашли смерть под ее стенами; а московские пушкари, тем же одушевленные, повесились на своих орудиях. Эти люди не искали славы, но думали о чести; имена их неизвестны, но их подвиг служит трогательным примером доблести воинской.

Действуя с полною уверенностью в том, что силы возрастили, русские приобрели царства Казанское и Астраханское, и горсть донских и волжских казаков в числе 840 человек под предводительством Ермака Тимофеевича завоевала Сибирь: от березовских пределов до Тобола (1582 г.). «Бог послал нам новое царство», — говорил народ с живейшею радостью и пел молебны благодарственные. Преемники Ермака довершали завоевание дикого и сурового края от каменного пояса до Северной Америки и Восточного Океана. — Труды вознаградились богатыми рудниками, дорогими мехами и выгодной торговлею. — В то время как толпы Кортеца и Пизарра распространяли завоевания в Америке (около 1519 г.), русские вели торговлю по хребтам уральским, укрепляли там свою оседлость мечом, селились спокойно между Камою и Северной Двиною, привлекаемые сюда изобилием, дешевизною, выгодами мены с полудикими народами, доставлявшими во множестве дорогую мягкую рухлядь. Самое жестокое правление царя, казалось, было заглушаемо радостными событиями нашего отечества, приобретавшего новые и обширные страны и входившего в тесные связи с иностранными державами, преимущественно с Англиею.

БЕДСТВИЕ ВОЗВЕЛИЧИЛО РУССКИХ

Россия возвеличенная должна была испытать новые удары несчастий в течение 15 л. (1598 — 1615), со времен Бориса Годунова до восшествия на престол Богом ниспосланных Романовых. Хотя распространение пределов Сибири до Северного океана упрочивало наше могущество, доставляло богатство, славило народный дух и отважные предприятия новых витязей, хотя нагайские и крымские татары страшились русского меча, хотя древняя Иверия (Грузия) увеличи-

1844 г. в 10 часов вечера воздушное явление с громовым ударом и молниею; но этот удар и блеск произошли от пролетевшего по небосклону и лопнувшего в воздухе огненного шара. — Журн. мин. внутр. дел за 1844 г., февр. мес., в «Смеси», с. 355. — Все же не гром и молния из дождевых туч. И этот гром был следствием лопнувшего огненного шара, а молния только отблеском его.

вала славу нашу с принятием ее под покровительство наше (1604 г.) и царь грузинский Александр считал нас своими защитниками, однако мы сами нуждались в защите от неожиданных появлений — лжецарей. — Возобновилось время бедствий! Цари Годуновы и Шуйские гибли; самозванцы возмущали народ, который сам не знал, кому верить; партии крамольников и губителей пользовались смутами и объявляли царями то из иноземных властителей Польши и Швеции, то попеременно являвшихся Лжедмитриев. Блистательные успехи доблестных мужей: Прокопия и Захария Ляпуновых, победы кн. Скопина-Шуйского, подвиги Истомы Пашкова, Лыкова и кн. Андр. Голицына не могли остановить полчища мятежников; шайки польские и татарские грабили повсюду. Окрестности Москвы кипели бродягами, внутри ее рыскали ватаги буйных Жолковских, Сапегов, Гонсевских, Хоткевичей и немца Струйса: рубили и все жгли, что им попадалось. — Сердце России было разорвано, воины рассеяны, города и селения в пепле, жители в ужасе, правительство в бессилии. Казалось, что народная самобытность исчезла, и к доверишению ее разорений — поляки осадили Троицкую Лавру, но это самое спасло Россию! В общем унынии духа еще не все упало. — Гетман Сапега, злодей Лисовский, князья Тишкевичи, Вишневецкие и другие начали осаду (1608 г. сент. 23) с 50 000 армией; между тем, как в обители смиренной находилась горсть иноков, высоких единственно душою, коими управляли достойные бессмертия кн. Григ. Долгорукий и Алексей Голохвастов. Все целовали им крест, чтобы не выдавать отечества. День и ночь бились, больные и раненые лежали на дожде без присмотра; юноши и дряхлые заступали их места; много падало от зимнего холода, а еще более от голода; но никто не думал о сдаче. Шестнадцать месяцев обороняли иноки Лавру и со славою отстояли. Таковых примеров не много во всемирной истории. Сколько твердости, сколько чувств благородных в народной гордости! — Старцы и жены умирали с честью, никто не боялся смерти. Вся Россия была усеяна трупами ее сынов; внутренность ее была изрыта могилами — все гибло, кроме добродетели и чести. Но когда восстала вся Россия на своих врагов, тогда все поклялись испить смертную чашу. Два мужа, назначенные Пророчеством для спасения отечества, начали первые: старец патриарх Гермоген и Захарий Ляпунов. Гермоген, не соглашавшийся на возвведение на русский престол польского короля, был заточен на Кириловском подворье. Томимый заключением, он стоял у гроба, но и на пороге вечности ревностно занимался судьбою своего отечества. — Пламенная любовь к отечеству подкрепляла дряхлые и горестные дни его жизни.

Он молился за спасение России, клял мятежников, убеждал бояр не жертвовать Церковью; — он один среди коварства и обмана не был коварен. Изменники много раз приступали к Святителю, требуя его благословения на избрание нового царя. Сам Гонсевский увещевал его, угрожал ему гневом короля и даже смертью. Ветхий старец, указывая на небо, говорил: «Боюсь Одного, там живущего!»* Изнуриением голода думали убедить его, но он благословлял народ на защиту отечества, и предсмертный голос его был о спасении России.

Так кончил жизнь свою великий иерарх — лучезарное светило отечества. Смерть его воспламенила сердца всей России; все люди закипели мщением. Опорою бедствовавшей

* Изменник и клеврет бояр^{ин} Михаил Салтыков, требуя однажды у Гермогена, чтобы он запретил Прокопию Ляпунову ополчаться за Россию, в противном случае грозил зарезать его. Но видя его твердость и решительную волю, предатель обнажил нож и в бешенстве устремился на него. Патриарх осенил его крестным знамением и сказал: «Знамение Креста противу ножа твоего, и взыдет вечная клятва на главу твою». — «Собр. госуд. гр.», т. II, с. 491. — Латух. «Степен. кн.»: «и патриарха скверно лаящие и выняв нож свой, хотели его заклать», и т. д., см. еще «Ник. лет.» — А. С. Шишков, известный отечественным заслугами, говорит о патриархе Гермогене в прекрасном своем рассуждении «О любви к отечеству», будто бы ляхи его били и мучили, о чем никакая отечественная летопись не говорит нам. Правда, ляхи грозили ему смертью, томили заточением, и изменник Салтыков покушался заколоть его ножом. «Неистовые враги угрожают ему (патриарху) смертию», — говорит г. Шишков. — Тело мое вы можете убить, но душа моя не у вас в руках. Они в ярости рвут на нем златые ризы, совлекают священное обложение, налагают на него вериги и оковы: он сожалеет, что из десницы его отнят крест, которым благословлял он народ стоять за отечество. Они повергают его в глубокую, смрадную темницу. Он соболезнует только, что не может более предстоять во храме Божием для воздействия пред лицом народа рук своих ко Всевышнему. Они изнуриют его гладом и томят жаждою, но ни тяжкие цепи, ни густой мрак, ни страшное мучение алча, ни жестокая тоска иссыхающей гортани не могут победить в нем твердости духа, не могут преклонить его к согласию на порабощение отечества». — «Собр. сочинен. и перв. г. Шишкова», ч. IV, с. 161 — 162, изд. С. П. Б., 1825 г. — С патриарха никогда не срывали риз, ни платья; не налагали на него ни веревок, ни оков, ни цепей и не держали в глубокой и смрадной темнице. — Это все увеличено. Вероятно, г. сочинитель смешал это событие, бывшее с митрополитом ростовским Филаретом. Когда ляхи взяли Ростов (в 1609 г.), народ и воины бежали; тогда Филарет сказал: не бегством, а кровью должно спасать отечество! — и заключился с немногими усердными воинами и гражданами в соборной церкви. Там все исповедовались, причастились и ждали смерти. Неприятели осадили храм, выломали двери и ринулись с мечами. Верные ростовцы окружили Святителя, защищали его до последнего издохания; церковь наполнилась мертвыми, и злодеи схватили Филарета: сорвав с него святительские ризы, одели в рубища; потом надели на него простую свиту и повели его босого в татарской шапке в тушинский стан. Великий Филарет терпел унижение долгое время; но его верность к отечеству ничто не поколебало. — «Никон. лет.», с. 103 — 104; Авр. Палиц. «Осада Троицк.-Серг. Лавры», с. 44; Латух. «Степен. кн.».

России еще оставался Ляпунов, но злодей Заруцкий оклеветал его пред своими казаками. Они взмолновались, провозгласили его изменником, и среди высоких помыслов об освобождении отечества Ляпунов встретил неотвратимый удар — он пал на гроб отечества! Великие тени Гермогена и Ляпунова навсегда пребудут в событиях истории священными*. Казалось, все погибло со смертью этих великих защитников. Отечество погрузилось в печаль безутешную: все страдало и плакало. Думали, нет надежды на избавление: нигде не видели спасителей. Но на голос о спасении явились Козьма Минич Сухорукий и кн. Дм. Мих. Пожарский, и тогда единодушно объявили своим царем юного Михаила. Враги, однако, подослали злодеев в Ипатьевский монастырь, в коем жил Михаил, чтобы умертвить его. Крестьянин Ив. Сусанин известил избранного на престол об угрожавшей ему смерти и сам умер за него, будучи замучен поляками**.

К концу 1612 г. большая часть России очистилась от наших губителей, и это самое время, лютейшее из всех государственных, ознаменовало русских более, нежели когда-либо. Тут выпился весь народный дух, кипевший священным чувством любви к отечеству. Народ познается только в бедствиях. Чувство благородного самоотвержения восторжествовало, и отечество вышло из пучины смут и крамол светлым, чистым, блестящим как солнце! Всегда, во все века были у нас разительные доказательства самопожертвования. Это не пристрастие, а истина, как Божий свет. Быть молчаливым о славе своего отечества, великих деяниях народа — это обнаруживает одно робкое и неуместное смижение, которое весьма вредно в политике.

НЕИЗМЕННОЕ СВОЙСТВО ВЕСЕЛОСТИ

Предки наши и в самой неволе увлекались забавами и пляскою. Горе их услаждалось тихим и боязливым веселием, которое отразилось в песнях, напоминающих доныне грусть и тоску. Пение нередко сопровождалось музыкой, которая невольно переходила в печальные звуки сетования. Оттого напев и музыка русского заунывные. Некоторые игры доселе носят отпечаток истомы, олицетворенной в голубе, коршуне,

* Некоторые из наших писателей сомневаются в патриотических действиях Ляпунова — между тем как он умер за отечество.

** Потомки Сусанина, живущие в Плесском уезде, в деревне Коробове, в 35 вер. от Костромы, освобождены Екатериною II от всех повинностей и сделаны вольными.

сером волке и пр. Предрассудки и суеверия владели умами; искусства и художества начали распространяться только со времен Иоанна III. Тогда стали уважать плоды гражданского образования, но любили святыню древних нравов и простоту жизни, отдавая справедливость разуму и просвещению; перенимали все, что было хорошее, отнюдь не чуждались иностранцев, приносивших к нам полезное с собою. Древние народные обычай мало изменялись до конца XVII в. Хотя мы познакомились с винами иноземными, однако русские яства и хлебосольство, радущие и роскошные одежды еще напоминали и тогда старинную самобытность. Все любило свое собственное, им жило и веселилось, и это чувство переходило от потомства к потомству как завет самосохранения.

СОХРАНИВШАЯСЯ НАРОДНОСТЬ В ДРЕВНИХ СОЧИНЕНИЯХ

Науки облагораживают сердце, раскрывают душу и возносят ум; но без истинного просвещения они не согревают, а воспламеняют; не ведут к цели благосостояния, а кружат головы пылкими затеями и превратными начертаниями, потому знания, жизнь народов должны отсвечиваться в действиях общих, а не гениев. Русские издавна любили науки и постоянно стремились упрочить их своими понятиями и своим образом жизни. В первых веках нашей гражданственности познания тесно сливались с народностью, могуществом, роскошью, изобилием, удальством и силою. Древние песни и сказки славили могучих богатырей, сподвижников Владимира I; великолепие его пиров и ласковое его обхождение*.

В столичном городе Киеве,
Что у ласкова, сударь, князя Владимира
А и было пированье, почетный пир,
Было столованье, почетный стол,
Много на пиру было князей и бояр,
И русских могучих богатырей.
А и будет день в половину дня,
Княженецкий стол в полу столе...
Владимир князь распотешился,

* Богатыри и сподвижники: Добрыня Никитич, Александр с золотою гривною, Илья Муромец, Алець Попович, Чурила Пленкович, Соловей Будимирович, богатырь Рогдай, Ян Усмошвец, Дюк Степанович, Иван гостиной сын, Аким Иванович, Стар Годинович, Касьян Михайлович, Поток Михайло Иванович, Василий Игнатьев-Пьяница и Тугарин Змеевич запечатлелись в памяти народа как доблестные витязи Владимира.

По светлой грядне похаживает,
Черные кудри расчесывает.

Когда пировали, *<тогда>* богатырь сам наливал чару зелена вина, не велика мера, в полтора ведра, а турий рог меду сладкого в полтретья ведра*.

Законы черпаются из обычаяев и жизни народов. Правда, русские и церковные уставы носят отпечатки тогдашнего духа и потребности. В нач. X в. мы имели уже училище народное, заведенное в Новгороде для 300 детей**. Междоусобия князей и нашествие татар заглушили первые начатки образования. Словесность и науки нашли убежище в монастырских стенах: там иноки занимались списыванием священных книг, сочинением летописей и поучений. Наставления в. к. Ярослава (1054 г.) к детям его; церковное правило митроп. Иоанна (около 1093 г.), наставника добродетельного и друга несчастных; поучения епископа Луки Жидяты (1059 г.), поучения Владимира Мономаха (1125 г.), сочинения митроп. Никифора (около 1120 г.) — все это ознаменовано сердечным умилением, мольбою к Вседержителю за отчество и народ, который любил добрых князей и пастырей, как дети своих отцов. «Слово о полку Игореве», древнейший памятник русской поэмы (сочин. в конце XII в.), возглашает славу наших витязей, хвалит доблестный дух народа, который и в несчастии был велик преданностью беспредельной к своему отечеству. Имя сочинителя неизвестно, но его произведение запечатлено силою выражения языка живописного. — Начиная поэтический рассказ о былинах своего времени, он с восторгом воскликает о песнопевце Бояне, *словье старого времени*, которого *вещие персты*, касаясь *живых струн*, *рокотали славу нашим витязям*. — До нас не дошли песни Бояна, но они свидетельствуют, что мы имели еще до XII в. знаменитых стихотворцев, коих творения с древнейшими русскими сказками о делах и богатырях погибли в бедственную эпоху междоусобий и угнетения России. Выпищем замечательнейшие места. Новгород-Северский удельный князь Игорь, исполненный ратного духа, ведет свои храбрые полки в половецкую землю; но, увидев красное солнце, покрытое тьмою, которая распростерлась на его воинов, он воодушевляет их: «Братия и дружина! Лучше

* «Древн. русск. стихотв., собр. Кирш. Даниловым», изд. 1818 г., с. X, XI, 5 и 206.

** «Никон. летоп.»: «И собрав от старост и пресвитеров детей 300, и повеле учти книгам».

нам умереть на поле битвы, нежели достаться в плен. Сядем, братия, на свои быстрые кони и полетим к синему Дону. Я хочу с вами изломить свое копье на половецких степях; там положить свою голову или шеломом испить Дону! Не буря несет соколей чрез широкие поля; но стадо галок к великому Дону. — Лошади ржут за Сулою, звенит слава в Киеве, трубят трубы в Новгороде, развеваются знамена в Путивле, — Игорь ждет к себе на помощь милого своего брата Всеволода». — Он не замедлил прибыть и говорит своему брату: «Мои воины метки в стрелянии, под звуками труб повиты, под шеломами взлелеяны, остирем копья вскормлены, пути им ведомы, овраги знаемы, луки у них натянуты, колчаны раскрыты, сабли заострены. Мои воины носятся в поле серыми волками, ищут себе чести, а князю славы». — Игорь разъезжает по чистому полю, но потемневшее солнце преграждает ему путь; ночь стонет грозно и разбуживает птиц, звери рыщут в пустынях. Игорь ведет своих воинов к Дону. Уже птицы хищные предвещают ему беду, волки бегают по оврагам, орлы своим клек^отом созывают зверей на кости, лисицы воют на червленые щиты. Русские уже за Шеломянем. Ночь долго меркнет, и заря утренняя не всходит. — Битва началась: неприятели побеждены; в добычу достались нам дорогие ткани, золото и красные девицы. Но с юга налетели черные тучи — новые полки врагов. Русские стали противу них своими щитами. «Всеволод сыплет на неприятелей стрелами, звенит по шлемам булатными мечами. Где сверкнет златый его шишак, там лежат головы половецкие; раздробляются шлемы неприятельские от саблей каленых. Два дни кипит битва страшная. Летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копья булатные; земля усеяна костями и облита кровью; но печаль облегла русскую землю: на третий день к полудню пали знамена Игоря! Недоставало кровавого вина, но храбрые русские кончили свой пир: напоили гостей и сами легли за отечество!

Невеселая настала година! — Жены русские воспакали: не видать нам своих милых, ни мыслию помыслить, ни думою сдумати. Застонал Киев скорбью, а Чернигов бедами; тоска разлилась по всей России: Игоря ведут в плен, девицы половецкие поют радостные песни на берегах синего моря и звенят русским золотом. В. к. Святослав роняет золотое слово, омоченное слезами, и говорит: «О, племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы подняли мечи на половецкую землю, а себе искать славы. Несчастно бились, но несчастнее пролили кровь поганую. Сердца ваши скованы булатом и закалены мужеством, но что нанесли моей серебряной седине! Много у нас воинов, но и те без щитов. Величаясь прадединой славою, вы говорили:

мужайтесь! Славу прадедов исторгнем и ею увенчаемся! Если сокол летает на добычу, то он нападает свысока». Песнопевец приглашает князей соединиться, чтобы наказать половцев: «В. к. Всеволод! Ты можешь Волгу раскроить веслами, а Дон вычерпать шлемами. О, Рюрик и Давид! Не ваши ли позлащенные шлемы плавают в крови? Не ваша ли храбрая дружина рыскает, как дикие волки, уязвленные калеными саблями? Галицкий Ярослав Осмомысл! Сидя высоко на своем златокованом престоле, ты подпираешь венгерские горы своими железными полками, преграждаешь путь королю, затворяешь ворота Дуная, открываешь путь к Киеву, стреляешь за земли султанские — стреляй в Кончака, нечестивого кощя, за землю русскую, за раны Игоревы! А вы, Роман и Мстислав, летая высоко отвагой, как сокол на крыльях ветров, под вашими булатными мечами склоняют головы: литва, ятвяги, древляне и половцы. — Ингварь и Всеволод и все три Мстиславичи, знаменитого гнезда шестокрыльцы! Заградите поле врагу своими острыми стрелами за землю русскую, за раны Игоревы! Уже Сула не течет серебряными струями, а Двина течет болотом, под грозным кликом поганых. Изяслав, сын Васильков, сразился острыми мечами со щитами литовскими и нашел славу: он пал на кровавой траве, изрубленный литовскими мечами. Дружину твою, князь, приодели птицы крыльями, а кровь ее полизали звери. Ты выронил жемчужную душу из храброго тела. Приуныли голоса, замолчало веселье! — Ярослав и все внуки Всеслава! Склоните свои знамена, вложите свои мечи. Вы своими крамолами навели поганых на землю русскую. На берегах Немана они стелют снопы головами, молотят булатными цепями и веют душу от тела. — На кровавых берегах Немана не болот посеян, а посеяны кости русские! — О, стени русская земля, вспоминая про времена первых князей своих!» Супруга Ярослава плачет, говоря: «Полечу незнамой кукушкой по Дунаю, омочу шелковой (бебрянь) рукав в реке Каяле и утру кровавые раны на изрубленном теле моего друга». Супруга пленного Игоря проливает слезы в Путивле, смотря с городской стены в чистое поле: «О, ветер, ветер! Для чего ты веешь! К чему мечешь ханские стрелы на воинов моего друга? Разве тебе мало веять на горах под облаками, носить корабли на синем море? К чему мое веселье развеаешь? О, славный Днепр! Ты пробил каменные горы в земле половецкой, носил на себе Святославовы ладии к стану Кобякова; принеси ж ко мне моего милого, чтобы я не посыпала к нему в море утренних слез моих. О, светлое и пресветлое солнце! Ты для всех теплое и красное: для чего ж падаешь горячими лучами на воинов моего милого, палиши их в безводной пустыне и угнетаешь печалью?» Игорь освободился из плена: обманув бдительность стражи, он

садится на борзого коня и летит соколом; утомив коня, он садится в лодку и плывет в отчество р. Донцом. Река приветствует князя: «Князь Игорь! Не мало тебе величия, Кончаку досады, а русской земле радости». Князь отвечает: «О, Донец! Не мало тебе величия, когда несешь на своих волнах князя, стелешь ему зеленую траву на своих серебряных берегах; одеваешь его теплыми мглами под сенью зеленого дерева; охраняешь его гоголями на воде, чайками на струях, чернетьми на ветрах». За Игорем гнались Гзак с Кончаком: «Тогда вороны не крякали, галки замолкли, сороки не трескотали, лазя по деревьям. Дятлы указывали ему путь к реке, а соловьи повещали возвращение князя веселыми песнями». «Хотя тяжко голове без плеч, — говорит песнопевец словами Бояна, — но худо телу без головы, а русской земле без Игоря. — Солнце сияет на небе, Игорь в русской земле! Девицы поют на берегах Дуная; радостные голоса вьются через море в Киев: Игорь едет по Боричеву во храм Св. Богородицы Пирогщей». Стихотворец заключает: «Да здравствуют князья и дружина, поборовшие за християн поганые полки. Слава князьям и дружинам!»*

* Слог песни о полку Игоря показывает, что она сочинена южным жителем России. Некоторые слова и выражения, встречающиеся в этой песне, сохранились доселе в малороссийских душах конца XVI в., и это доказывает, что Малороссия давно имела своих вдохновленных поэтов, еще до создания языка.

Из многих разбиравших песнь о полку Игоря с исторической стороны есть более удовлетворительный — П. Г. Буткова, напечат. в «Вестн. Европ.», 1821 г., № 21 и 22, в «Сын. Отеч.» и «Север. арх.», 1834 г., № 52. — Г. Бутков подвергся несправедливым замечаниям сочинителя «Сказаний русск. народ.» г. Сахарова. Уважая вполне полезные труды г. Сахарова, нельзя пропустить без замечания ошибочных его нареканий. Он, между прочим, говорит, — см. его «Сказания русск. нар.», в статье: «Русская народ. литература», с. 58 — 60, изд. 1841 г. и «Песни русск. народа», ч. 5, с. 222 — 228. — «Критические исследования г. Буткова заслуживают особенного внимания. Иля своим путем, он сам разыскивал, не верил чужим толкованиям. Этую самобытность г. Буткова встречаем мы во всех его исследований». После этого прибавляет, что он несправедливо толкует древние слова, которые не объяснил и сам г. Сахаров. Он говорит далее: «Мнение г. Буткова о местоположении Тмуторакана замечательно своею новостью изысканий от всех других: он полагает, что его искать должно не в Тамани, но на пути из Киева к Полоцку, на правой стороне Остра, при соединении этой реки с Десною, где теперь село Старогородка, в одной версте ниже города Остра, в 60 верстах от Киева». Г. Сахаров не так это понял. Г. Бутков, говоря о побете Всеслава из Белгорода через Киев и Тмуторакань, указывал, что тут разумеется Тмуторакань не Таманская, а тот город Тмуторакань — Остреческий, который упоминается в географическом отрезке XIV в. в числе киевских городов. Сахаров говорит еще: «что же касается до непонятных слов, встречающихся в описании слова о походе Игоря, то Г. Бутков почти не обратил на них внимания». Г. Бутков не брался объяснять непонятные слова; он писал нечто к слову, а не о всем

Науки были любимы в уединенной келье. Верхуслава, невестка кн. Рюрика, ревностно покровительствовала ученым мужьям: епископу сузdalскому Симону и монаху киевской лавры Поликарпу (около 1226 г.). Период татарского владычества, мрачный для воспоминания, но утешителен крепкой верою. Святители и пастыри проповедовали христианское смиление и утверждали в упновании на Бога защитника. Духовенство, приобретя большое влияние на народ, умело защищать его пред ханами. Так, митрополит Св. Алексей успокаивал свое отечество ходатайством в Орде; архиепископ ростовский старец Вассиан, Демосфен своего времени, напоминал Иоанну III (в 1480 г.) стоять крепко за отечество и веру. «Наше дело говорить царям истину», — писал он к царю. — «Что я прежде изустно сказал тебе, славнейшему из владык земных, о том и ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу. — Когда ты поехал из Москвы к воинству с намерением ударить на врага христианского, тогда мы, усердные твои богомольцы, денно и нощно припадали к алтарям Всевышнего, да увенчает тебя Господь победою. Что же слышим? Ахмат приближается, губит Христианство, грозит тебе и отечеству: ты же от него уклоняешься! — Государь! Каким советам внимашь? Помысли! Предать землю русскую — мечу и огню; людей погибели! Чье сердце каменное не обольется слезами от единой мысли? О, Государь! Кровь вопиет на небо. Мы уповаляем на Вседержителя, что ты не оставишь нас и не будешь именоваться предателем отечества. Отложи страх: Господь

слове, и г. Сахаров упустил из виду, что г. Бутков объяснил отчетливо события Игорева похода. Я не вхожу в дальнейший разбор исследования по этому предмету г. Буткова, которого труды весьма важны для нашей критической истории.

Очень многие покушались объяснить «Слово о полку Игоря», и каждый из них писал по своему мнению. Вот одно только исчисление писателей по предмету, доселе не истолкованному. 1. Граф А. И. Мусин-Пушкин. Он первый открыл в 1795 г. и напечат. в 1800 г. — 2. А. С. Шишков напеч. в 1805 г., потом перепечатал в 1826 г., и помещено в полн. собр. его сочинений и переводов. 3. Я. Пожарский в 1819 г. 4. Н. Грамматин объяснял в прозе и стихах, 1823 г. 5. Н. А. Полевой в 1830 г. в 3 т. «Ист. русск. нар.» — 6. А. Ф. Вельтман, в 1833 г. 7. М. Максимович, 1837 г. Переводили в стихах: 8. Серяков, 1803 г. 9. Палицын, 1808 г. 10. Язвицкий, 1812 г. 11. Левитский, 1813 г. Иностранные переводчики на немецкий яз.: 12. Славянин Юнгман, 1810 г. 13. Миллер и 14. Зедерман. Последний объяснял гг. Карамзина и Шишкова называл перлами. 15. Куприян Годебский на польский яз. 16. Вацлав Ганка, славянин, на чешский яз. 17. Аджит поместил перевод «Игорева слова» в сербском альманахе «Галубице». 18. Авг. Белевский объяснял «Слово о полку Игореве» на польск. яз. 19. Дм. Дубенской представил новые объяснения на «Слово о полку Игореве» — оно напеч. в «Русск. достопамятн.», ч. III, 1844 г.

мертвят и живят. Поревнуй предкам своим: они хранили русскую землю и покоряли многие страны. Мы все благословляем тебя на Ахмата, не царя, а разбойника и богоуборца. Лучше солгать и спасти государство, нежели истинствовать и погубить его»*.

Этот самый период замечателен духовными сочинениями митрополитов: Киприана (1406 г.), Фотия (1410), Григория Самблака и Макария, которые, конечно, не все в духе народном, зато везде проникнуты священным чувством любви к отечеству. Такой дух господствовал постоянно в нашем дорогом отечестве; такой дух спас Россию и вручил ее венценосным *Романовым*. — Иоанн В. и Борис Годунов вызывали иностранцев и старались поселить науки. Годунов предполагал даже открыть в Москве университет, по крайней мере высшее народное училище. Царствование его, нарушенное смутами Лжедимитриев, не дало созреть благим начинаниям — это предоставлено было счастливому веку императрицы Елизаветы.

НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ НАРОДА И ЕГО СЛАВА

Наступала новая гражданская жизнь, появлялись новые источники благоустройства; но это совершилось не вдруг, потому что предстояла еще сильная борьба народу: ему надлежало бороться со своими непримирами врагами — соседями: поляками, шведами и татарами крымскими. Укрепляемый любовью народа, Михаил принял царский венец (1613 г. мар. 3). Призванный им единодушно, он ревновал о благоденствии и упрочил его, сколько было возможно. Он прекратил споры за московскую корону, уничтожил крамолы внутри отечества и восстановил достояние России; но мы не знаем, кто был во всех сих действиях душою неопытного и юного государя? Когда святитель Филарет томился неволею в Варшаве, кто врачевал тогда раны нашего отечества?** Кто указывал ему на благо общественное? Видим блистательных полководцев, но они были сильные на войне, а не в совете; были крепкие мужеством, а не знанием науки государственного управления. Кн. Одоевский, истребитель шайки атамана Заруцкого; кн. Пожарский, спаситель отече-

* Кар. «И. Г. Р.», т. 6, с. 145 — 148.

** Мы знаем, что Филарет по возвращении из девятигодичного плена (1619 г. июн. 14) был возведен в патриаршеское достоинство (июн. 22); потом сделался ближайшим советником своего сына. «Нов. Древн. библ.», ч. 6, с. 125, изд. 1788 г.

ства, поражавший еще скопища лисовщины*; боярин Лыков, памятный шведам своею доблестью; боярин Шеин, защитник Смоленска, и другие радовали отечество и доказывали его силу**.

Борьба с теми же неприятелями продолжалась в царствование Алексея Михайловича и была упорнее. Зато принятие Малороссии под покровительство России (1654 г. янв. 8) и прекращение войн миролюбивыми и полезными договорами с неприятелями укрепили нас во владении. Великий муж этого времени Аф. Лавр. Ордин-Нащокин много содействовал утверждению Малороссии за Россиею. Друг человечества, достойный сын России А. С. Матвеев трудился и умер за честь и пользу. — Недоставало исполинского гения, который вдвинул бы Россию в систему европейских государств, ибо русский народ любил пламенно свое отечество, а с такою любовью чего нельзя было предпринять и совершить? — Явился великий ум, и слава России озарилась сиянием Петра. Он соединил нас с Европою и показал нам выгоды просвещения. — Мы как бы одним взглядом присвоили себе плоды долговременных ее трудов. Великий монарх едва указал воинам, как надобно сражаться, они уже летали от побед к победам. Явились наши полководцы и доказали, как мы умеем бить шведов и поляков. Победные звуки разнеслись по Европе. — Прежний порядок управления изменился, преобразовались все сословия людей, появились лучшие законы, правильные судилища. — Между многими доблестными подвигами его полководцев не менее поражает меня кн. М. М. Голицын, взявший Шлиссельбург. Взятие этой

* <Лисовский-Янович А.-И. играл заметную роль в событиях Смутного времени, разграбил Коломну, осаждал Троицкий монастырь, долго опустошал разные русские области>.

** Иностранны, называя нас варварами, описывали как жителей новооткрытой части света. Но они забыли, что эти варвары были умом сильные и с безграничной любовью к своему отечеству; что эти варвары не дозволили просвещенным народам выбрать из среды их властелина. Народ наш славился и в то время самобытностью и Православием; государские сановники — гибкостью политики и умом дальновидным, ибо уничтожили домогательства Польши и Швеции в избрании их королей в нации цари. Некоторые из наших дворян сражались еще в Тридцатилетней войне и запечаттели свои подвиги кровавыми ранами. Олеарий, секретарь шлейвигголштинского посольства, приезжавший в Москву в 1633 г., говорит, что между Копорьем (Capurga) и Нотебургом (Шлиссельбургом) русский боярин Базалович угощал посольство вкусными яствами и за столом играла музыка; что Базалович участвовал в Лейпцигской битве в 1631 г. и показывал свои раны, полученные им; что боярин не только храбрый, но обходительный и любезный. — Олеар. «Offl. begehrte Beschreibung der Neuen Orientalischen Reise», с. 9, изд. Шлейзв., 1647 г., in. f.

крепости было ему поручено; осаждаемые были поражаемы со всех сторон; войска гибли, но не отступали. — Царь велел прекратить осаду, но Голицын, влезая на крепостные стены, отвечал посланному: «Скажи Государю, я теперь не ему принадлежу, а Богу». — Крепость обливалась кровью, и стены ее пали пред Голицыным. Отец народа облобызal с гордостью сына отечества*. Венценосный Петр сам на себе показывал примеры самоотвержения, и между многими: Полтава и Прут.

Великий монарх созидал величие своего отечества на отдаленные грядущие века. Он везде сам судил, сам избирал мужей и не ошибался в выборе своих сотрудников, которые если не стоят наряду с ним, то и не могут быть отделены от него: — Головины, Меньшиковы, Голицыны, Головкины, Шафировы, Долгорукие, Остерманы и многие другие.

Примеру своего отца следовала неукоснительно Елизавета; оружие ее воинов: Минихов, Лассиев, Апраксинаых, Фермора, Салтыковых — гремело повсюду; хитрые действия политика-канцлера гр. Бестужева-Рюмина дали чувствовать Европе быстро возраставшее могущество русских. Но что можно сравнить с исполинскими делами Екатерины II? — Иоанн III был творец России, Петр I ее преобразователь, а Екатерина II, мудрая и прозорливая, вознесла ее на верх славы: она венец народной гордости! Обнимая в уме своею систему европейских государств, она не упускала из виду Швеции, Польши и Турции. Она приобретала земли для пользы России, ее могущества и внешней безопасности. Она знала, что все союзы и дружественные договоры суть только кратковременное перемирие и что единственный способ утвердить их — следовало держать неприятелей в трепете. Европа испытывала это многократно и убедилась, что монархия не разрывала мира без нарушения его другими, и когда меч блестал в руках ее полководцев, тогда было горе супостатам! Проницательный взор ее нашел Румянцевых-Задунайских, генералиссимусов Потемкиных-Таврических, Долгоруковых-Крымских, генералиссимусов князей итальянских графов Суворовых-Рымникских, — бича турок, карателя

* Нотебург, переименованный после завоевания в Шлиссельбург, взят 1702 г. окт. 11. Голик. «Деян.». П. В., ч. II, с. 86. — Приобретение Нотебурга было столь важное, что Петр Великий установил ежегодное торжественное молебствие, которое совершается поныне в день взятия во всех церквях наравне с Кучук-кайнардж^{ий}ским миром и другими победоносными воспоминаниями. Герой Шлиссельбурга кн. Михаил Михайлович Голицын был впоследствии фельдмаршалом. — В «Моск. вед.» за 1843 г., № 80, июля 27 ошибочно сказано, что он взял Шлиссельбург окт. 12. — См. статью, напечатанную в том номере: «Жизнь кн. М. Голицына». Он помер в 1730 г. дек. 10; погребен в Москве в Богоявленск. мон., в Китай-городе.

ля Польши и грозу французов. Последние изведали в Италии весь ужас его штыков. Этот альпийский герой, Аннибал русский, трепет нерешительных австрийцев летал от побед к победам по одному мановению Великой в империи жены — Екатерины II. — Когда он вошел в Италию, тогда казалось, что великие тени Фабрициев, Камилов, Сципионов, восстав из гробов, смотрели с удивлением на трофеи его. Суворов принадлежит к числу необыкновенных полководцев. Где он ни сражался, везде побеждал. Подобно Цезарю, он ставил себя выше судьбы. Он не шел, а летел к славе, которая встречала его с лавровыми венками. Цезарь, Суворов и Наполеон — вот явления всемирные! Дальновидный взор, изумительная быстрота и верный удар были родные им свойства. — Русские не останавливались, шли вперед, думали о пользе и славе, и вскоре молниеносные их орудия осветили Эвксинский Понт. — Здесь увековечили себя Орловы-Чесменские. — Принцы Кобургские ревновали <к> Чесменским; Ферзены текли по следам Рымникского. Умные государственные мужи: Панины, Безбородко, Репнины, Штакельберги, отец и сын, благотельные Бецкие, вдохновенные Державины увенчали имя русское. Не здесь исчислять блестательные дела, украшающие по справедливости гордость народную. Довольно, что век Екатерины не разделен с именем русского. Не здесь, а в бытописании царств должно следовать за величием России. В сиянии славы и благоденствии народ рукоплескал уму Екатерины и ее сотрудникам. От берегов Невы до Царьграда, от льдистых стран Северного моря до благословенной Италии, от кавказских хребтов до Пекина — все говорило и завидовало русским.

Наше отечество, наслаждавшееся миром, вскоре было вызвано на новый бой с непобедимым для Европы Наполеоном. Чрезвычайные его победы наводили повсюду ужас; русские точили оружие и встретили, к удивлению его, внутри своих земель. Барклай-де-Толли, Багратионы, Кульnevы, Раевские, Коновницыны и Ермоловы бились и изумляли врагов, не веривших самим себе, что они воюют с русскими. Они еще не знали их! Когда Кутузов принял начальство над войсками*, тогда открылась народная война. Каждый закипел духом мужества: юноша и старик, земледелец и богач, женщины и духовенство. Все и повсюду ревновало о спасении любезного отчества: несли добровольно груды золота, составляли ополчения, помогали раненым и одушевляли их. Мать не оплакивала падшего сына, но гордилась его смертью; отцы, благословляя детей на брань, напоминали им священ-

* После взятия Смоленска, авг. 6, 1812 г., см. «Письма русск. офицера» Фед. Глинки.

ный долг — умереть с оружием: да не посрамим земли русской! — Дано кровопролитнейшее сражение на бородинских полях, названное *битвою полководцев* (авг. 26). Сто восемь тысяч нашего войска билось с 180 000 неприятельской армией; гром 2000 орудий гремел беспрерывно; земля дрожала, кровавые реки лились, и мы ни на шаг не отступали. Наконец, отдали Москву; неприятель вошел сюда, не думая, что вновь раздадутся отсюда молниеносные перуны на его погибель; что Москва сделается гробом для двадцати его союзников. — Наполеон предложил здесь мир, говоря: война уже кончилась, но Кутузов-Смоленский отвечал ему: война теперь только начинается. Последовали битвы решительные; ряд полководцев: Витгейнштейны, Милорадовичи, Платовы, Орловы-Денисовы, Баговуты, Бенигсены и другие соперники славы явили образцы бесстрашения и любви к отечеству. А народ и неопытные ратники — партизаны, ища не славы, а справедливого наказания своему врагу, спешили наперерыв вредить ему: отнимали у него жизненные припасы, нападали неожиданно в тыл, делали засады, рубили лес и жгли его, или, укрываясь в нем, внезапно бросались на неприятелей с копьями, косами, ножами и топорами; загигали собственные дома и целые селения, где проходил неприятель; отнимали у него всякое средство для приюта и жизни. Недостаток в жизненном продовольствии, наставший зимний холод, будучи ужасным для самих туземцев, увеличивал еще более опустошение и погибель и к концу 1812 г. врага уже не стало в России! Этот год, обремененный славою русских, перешел с ними во храм бессмертия. — 1612 и 1812 годы оба были обагрены кровью и увенчаны лаврами. Там и здесь одна народность спасала отчество; там и здесь пожинались лавры на кострах мертвых, и со снежных полей Петербурга русские развернули победные свои знамена на стенах Парижа. Европа невольно восхликала: велик Бог русской земли — велик и народ ее! — Народ, изливая чувства благодарения пред престолом Всевышнего, наименовал Александра, любимого своего монарха, благословенным, а Кутузова — спасителем; но история с их именами записала в свои бессмертные листы чудесные дела русских.

Там, где более всех лилась чистейшая кровь сынов отечества, там погибли сильные. Сергиевская лавра и Бородинское поле, указывая на доблестные подвиги наших працедов и отцов, всегда будут наводить усадительную задумчивость и на резвую юность, оживлять пленительной беседою и старцев — на закате дней их жизни. — Согбенный летами и воин молодой, вспоминая о славе протекших дней, вздохнут не раз, вздохнут, обливаясь радостными слезами. Воин! По тебе есть память: она живет в родных тебе — всех

твоих русских. — Путник не раз склонит здесь свою голову и воскликнет в восторге небесном: они здесь узнали бессмертное свое жилище! — Сладко умереть за отечество. — Учитесь! — О, для любящих отечество — не надобно учиться. — Кто любит отечество, тот учит других.

По освобождении Европы, обязанной единственно успехам русского оружия, наши воины-орлы недолго отдыхали на лаврах. Раздались в Азии новые громы: Кавказ и Арарат содрогнулись. Князь варшавский — граф Паскевич-Эриванский, принося на алтарь отечества постоянно лавры и трофеи, доказал персиянам, туркам и Европе, что для русских ни палящий зной солнца, ни смертоносные болезни, ни преграда стремительных рек, необозримых пропастей, непереходимых гор не останавливали, а еще более усиливали их рвение. Чем более встречалось им на пути препятствий, тем более воодушевлялись они мужеством и непоколебимостью — свойство великого народа! — Победы нам открыли путь к благоденstвию, а слава наша есть право на твердость политическую.

ДЕЙСТВИЕ НАРОДНОСТИ

При всех переворотах гражданственности русский любил богатые одежды и роскошь, гордился своим хлебосольством и негою. Любил травить зверей и не боялся идти на него прямо с одним топором или с рогатиной; тешился плясками и веселил себя песнями. В самом горе он услаждал себя ими: певал почти безумолчно. И теперь он тот же самый: работает ли он, или сидит в праздничный день у ворот своей избы, поет и радуется. Пища, одежда и привычки его страны и родины дороги для его сердца: все сочувствуют с ним, все ему знакомое. Голубое небо, усеянные поля душистыми цветами, нежные плоды южных жителей не производят в душе его столько сладких воспоминаний, как сумрачный день, свист бури и снежные долины: они напоминают ему родное. Воздух морозный, зелень дикая, могилы его предков, гробы его родных, все тут его! Его предки тут родились и уснули — и он здесь успокоится с ними. Конечно, истлевать телу везде равно, но покойться праху среди родных, на своей родине, усадильно для памяти: она не умирает, переходит по наследству, по чувству бессмертия, и самый прах оживает тогда! — И дикие звери, и хищные птицы знают свое рождение, свое гнездо: берегут и защищают его воплем, ревом и стоном. А человек, царь природы, не постоит за свою родину? Это чудовище, а не гражданин, и произведшая его на свет должна проклясть день рождения! Нет в мире ни одной былинки, ни одного насекомого, которое бы не любило свою родину. Пересадите растение в страну, ему не свойственную, оно зачахнет и умрет. Перенесите самое пре-

зренное насекомое в область, ему чуждую, оно не перенесет потери своего отечества: и самое презренное любит свою землю! Нет ничего в природе, что бы не дорожило своим собственным, не любило бы и самые странности, но только свои. Они странны для тех, которые рождены с каменным сердцем, чугунным рассудком, ледяным умом. Но и самый лед, перенесенный в теплую страну, тает — он тает от любви к своему северу; разрушается и оставляет слезы. Все плачет, все рыдает по своему родному, по своей жизни! Магнит устремляется на север и указывает каждому: вот где мое отчество. Не разлучайте меня с ним! Вы не любите своей родины, но не думайте погасить во мне любовь!

Привязанность к своей земле есть общая для всего живущего, для всех людей, потому что в ней скрывается пленительное воспоминание о своей отчизне; но есть другое чувство, высшее, нравственное, которое прославило все народы — это чувство есть любовь к благу и славе своего отечества. Мы видели тому разительные примеры в нашей истории. Кто же не знает нашего народа! — Крепкий и чуждый заразительных болезней — он всегда веселый, живой, разговорчивый, обходительный, ласковый, не мстительный, терпеливый и любящий Православную веру. Редкие качества обитателей земного шара! Питается здоровою и часто скучно пищей: хлеб с солью и квасом — он сыт; живет в черной избе и проводит зиму самую лютую почти равнодушно; одевается просто и даже грубо; прикрывает тело в свирепые морозы почти тою же одеждой, какую носит летом: полушубок и лапти; но в его неизнеженном теле, необразованном уме таится великий дух и возвышенные его добродетели. На зов отечества он первый летит, первый проливает за него кровь свою; он первый умирает за него с восторженным чувством. Умереть за веру и отчество — довольно для русского! Согреваемый божественным светом Православия, он всегда стоял за него грудью, не думая о славе. — Укрепленное верой гражданское общество есть прочное, а это доказано русскими при всех его невзгодах. Православная вера всегда спасала нас. Променять свою веру на другую; допустить думать, что чужая лучше его, покориться власти иноземной, но другого вероисповедания воспламеняло его до ожесточения. Русский предпочтет лучше умереть, нежели захочет видеть Православие униженным; но допустить ругаться над его храмами и алтарями — это невозможно! Пастыри церкви, поддерживавшие чувство к Православию, умели соединить с ним спасение отечества. Никогда русский не потерпит, чтобы кто надругался над его святыней. Уже тот непримиримый ему враг, кто посягает на его Православие, — и горе супостату! С Православием тесно связано отчество. Кто нападает на его веру, тот нападает на его

отечество, потому прежде надобно истребить веру, чтобы, не говорю, уничтожить народ, даже завладеть им! Нашествие французов в 1812 г. никогда не могло быть достигнуто цели — цели завоевания России, потому что они были враги Православной веры. Положим даже, что они могли бы иметь торжество над нами и повелевать империей! Но надолго ли? — Это торжество обрушилось бы к погибели властелинов. Рано или поздно, но русские не снесли бы иноземного владычества. Скажут, как же татары господствовали над нами более двухсот лет? Как мы терпели это? — Татары господствовали над нами потому, что наши князья беспрестанно находились в междоусобных раздорах из личных выгод; но религия была покровительствем самими угнетателями для того только, чтобы усыпить нас. Когда же укрепилась единодержавная власть, тогда все кончились крамолы. Доколе пребудет единство чувств и согласия, доколе благодетельное самодержавие будет управлять нами — дотоле никто не овладеет Россией!

Посмотрите на разнообразие русской жизни, и вы удивитесь, если я скажу, что это разнообразие не мешает народности. Разве можно назвать то народностью, что составляет ее оттенки: нравы и обычаи? Разве народность в том состоит чтобы носить свои одежды, питаться своей пищей, жить в своих старинных хоромах, поступать по обычаям своей страны? — О, тогда бы каждый город — что говорю! — каждый уголок деревни должен искать своей народности. Это не народность, повторяю, а ее туземные обыкновения и привычки, изменяемые местностью — это быт русской жизни. — Что в одном месте принято, то в другом уже смешно; что в одном месте соблюдается со всем строгостью, то в другом почитается причудами; что в одном городе или деревне составляет предмет набожных воспоминаний, то тут же, по соседству, они не допускаются как остатки язычества. Это есть местная потребность, привязанность к своей земле и есть физическая народность, а не нравственная. Кто с материнским молоком всосал любимые привычки, тот не может расстаться с ними — он любит их, но любит от привычки. Неоспоримо, что любовь к своим привычкам существует, даже должна существовать пристрастная, подобно тому, как один пол дышит пристрастием к другому. Разочаруйте слепую его преданность к любимому предмету, раскройте глаза, поверьте недостатки и слабости, сравните с достоинствами другими, более обворожительными, и что произойдет с вашим божественным предметом, без которого вы не могли жить? Раскаяние и, может быть, самое презрение! — Ум рассуждает, сердце холдеет, и чем хладнокровнее станете сравнивать богиню вашего блаженства, коей недавно созидали алтари, курили фимиам; тем более будете убеждаться, что ваш ангел небесный, кроткий как

нагорный житель, — имеет недостатки! — Рассуждаете более, и вы краснеете, как могли ослепиться! Хранитель вашего сердца, звезда вашего счастья — уже не по вашему сердцу. — Сладостные мечты исчезли, потому что пристрастие уничтожено. — Такая сила привычек! Но не должно простираять их безусловно, беспредельно, иначе будет не уважение к истине, не признание благородного чувства у других народов.

Пища и одежды, старинное украшение домов, храмов и зданий, конечно, имеют влияние на дух народа. Но в каком смысле? В физическом. Ему нравится одеваться по-своему, ходить в свободных платьях, носить туземные украшения, расписывать дома любимою краской, строить храмы по старинным преданиям, в коих живет его воспоминание, согревает его душу — но не есть ли это действие обычая и, если хотите, той самой привычки? — А привычка есть вторая природа. Мы часто смешиваем действие нравов и обыкновений с чувством народности. Неужели никто не согласится, что, живя в пышных палатах новейшего зодчества, нося иностранные одежды — нельзя не любить свое отчество так же пламенно и страстно, как завещали нам любить его наши праотцы? — Посмотрите на расселение нашего народа по трем частям света — и что их соединяет? Что их держит и хранит? Священнейшее чувство любви к отечству, основанное на Православии и Единодержавии. Все дышат и пламенеют одним чувством, желают счаствия и утверждают благосостояние — вот где кроется народность! Вот его сила и опора.

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА НА НАРОД

Нравственная народность выше всякого могущества; она всегда неразлучна с господствующим языком — но у нас им говорят по всем отдаленным концам обширной монархии. И в самое древнее время говорили им при дворах турецкого и египетского султанов: жены, нововерцы и мамелюки*. Язык сближает всех, пленяя слух и народную гордость, но где говорит сердце или ум, там образцы вкуса и ума; где кипят страсти, там унижается небесный дар слова; где чистый пламень мыслей, там присутствие доброго гения, которого вдохновение все разделяем невольно: оживаем в его дыхании, возносимся в его парении — и чье сердце может быть бесчувственным к трогательным звукам слова? — Даже простого, обыкновенного, но давно неслыханного своего родного. Надобно видеть двух единоземцев, встретившихся нечаянно на чужой стороне: с каким восторгом они обнимаются и изливают радостные воспоминания на своем

*Кар. «И. Г. Р.», т. 7, пр. 406; Pauli Jovii «De legatio Moscoviae».

языке. Кажется, что все окружающее завидует им; но их восторг неописанный! Они увиделись в первый раз и уже знакомы и дружны. Они росли, воспитывались и жили на одной земле; они говорят одним языком, а это как электрическая искра пробегает по их жилам, пробуждает тысячу воспоминаний о родине, и слезы навертываются на глазах! Полные избытка сладостных мыслей спешат на перерыв передать свои впечатления, перебивают друг друга, говорят и не наговорятся; прислушиваются к отрадным звукам, повторяют их и не верят, что слышат родной язык. О, этой божественной радости никто не поймет, кто не был в чужих землях, кто не любил своего родного! Обагренный кровью воин опускает немедленно свой меч, когда услышит голос о пощаде на родном его языке. — Звери узнают друг друга в страшном рыканье и не терзают; птицы приветствуют птиц приятным для них щебетанием; змеи и гады ползут друг к другу на свист и шипение, для нас страшное — но для них сладостное; деревья преклоняют свои ветви: они говорят, перешептываются; цветочек склоняет свою головку к другому, вместе с ним родившемуся, и своим колебанием выражают взаимную тихую радость, как бы переговариваясь украдкой между собою. Язык природы разлит повсюду. И чувство его столь пламенное, столь горячее, что оно двигает самими металлами. Одинаковый металл сродняется с однородным. Язык, таинственный узел народности, скрепляет еще более людей между собой: им изъясняют и учат, как надо любить отчество; на нем произносят священные поучения и совершают моление пред алтарем Всевышнего; им просвещают и указывают гражданину его назначение. Довольно странно мнение тех, которые утверждали, что мир есть всеобщее отчество; что человек может любить столько же чужую землю, сколько свою! Гражданин всего мира не может существовать по причине бесчисленных изменений духа правления и противоречий в действиях к общественному благу. Он не в состоянии любить иноземное, сколько свое; потому что душа его не находит родного отголоска в сознании чужеземцев, хотя добрых и просвещенных, и никто не может быть счастливым вне своего отечества, а следовательно, и любить другое и быть гражданином всемирным.

СПОСОБНОСТИ РУССКИХ К ПРОСВЕЩЕНИЮ

В науках мы стоим далеко позади европейцев потому единственno, что менее других занимаемся. Ученое сословие не находится у нас на той ступени, на какой во Франции, Германии, Англии и даже Италии; но оно и не может существовать по причине недоучивания. Наши юноши учатся многому и не научиваются; оканчивают образование скоро

и не думают об усовершенствовании себя; более читают, нежели сколько знают. Но доказывает ли это, что мы без способностей? Не можем обрабатывать учености и наук? — Посмотрим. — Народное просвещение с восшествием на престол благословенного дома Романовых произвело ощущительное благое действие: появилась в Москве Славяно-греко-латинская школа (1643 г.) и академия (1682 г.), а духовная Киевская академия сделалась рассадником просвещения в России. Ученые малороссияне были учителями и проповедниками, из коих многие оказали великую услугу наукам, и их наставническое влияние продолжалось почти до конца XVIII века. Памва Берында, Епифаний Славенецкий, Св. Димитрий, Гавриил Бужинский, Феофан Прокопович, Георгий Конисский, Иоанн Леванда, Анастасий Братановский, Евгений Болховитинов и многие другие суть тому доказательство. Из духовных великороссиян не менее содействовали: патриарх Никон, Гедеон Крыновский, Дим. Сеченов, Платон Левшин, Михаил Десницкий, Амвросий Протасов. Во всех их сочинениях разлито, правда, более нравственного и назидательного; но зато с каким редким красноречием соединена любовь к отечеству, укрепленная верой.

В начале XVIII ст. открыто народных училищ 51, семинарий 26, училища: артиллерийское, инженерное и морское, Академия наук (1725 г. дек. 29), сухопутный кадетский корпус, называемый ныне первый кадетский. Тогда изменился слог языка, особенно когда появились: князь Кантемир, Крашенинников, Сем. Климовский, малороссийский казак, сочинявший народные песни. Открытие Московского университета (в 1755 г.) и Академии художеств (в Петербурге 1758 г.) распространили область наук и изящества, коих покровителем был И. И. Шувалов. — Во второй половине XVIII ст. преобразованы военные училища, открыто общество для воспитания благородных и мещанских девиц (в 1764 г., в простонародии Смольный монастырь), учреждено Вольное экономическое общество (1765 г.), основан Горный корпус (1772 г.), открыто хирургическое училище (1783 г.) и распространены повсюду народные училища. В начале XIX ст. учреждено (1802 г.) министерство народного просвещения, коему поручены все светские учебные заведения в России, кроме женских, обязанных благодетельному покровительству императрицы Марии Федоровны — истинной матери несчастных. Преобразованы и открыты университеты: московский, дерптский, санкт-петербургский, харьковский, казанский и виленский; потом александровский (в Гельсингфорсе) и киевский, вместо виленского; высшие училища, лицеи, духовные училища, медико-хирургическая академия (1808 г.), институты, пансионы, гимназии, уездные приходские и военные училища; общества в пользу языка и наук,

одним словом, столько открыто и распространено заведений по всей России, что всякому сословию и званию даны средства к образованию. По одному ведомству народного просвещения считается ныне более 2166 учебных заведений*. Если примем в соображение число духовных, военных, промышленных, земледельческих и женских заведений, то они,

* Постепенное возрастание учебных заведений, через пять лет:

	1832 г.	1837 г.	1842 г.
Университ.	5	6	6
Глав. педаг. инстит.	1	1	1
Медико-хирург. акад.	1
Лицеев	3	3	3
Гимназий	64	70	76
Благор. пансион. при гимназиях	6	31	46
Училищ: { уездных	393	427	445
приходск.	552	839	1 067
Част. пансион. и школ . . .	358	462	521
	1 382	1 839	2 166

Сначала было в империи учебн. завед. 784, т. е. 1 унив., 1 академ., 12 гимн., 40 благ. панс., 52 уезд., 515 приход. и 163 частн. училища. Тогда же было учащихся и других должностных лиц 4 836, через пять лет 6 208, а в 1842 г. 6 767.

Число учащихся возрастало постепенно:

	1832 г.	1837 г.	1842 г.
в универс., академ. и лицеях	2 153	2 900	3 488
в гимназиях и низших учебных заведениях	69 246	92 666	99 755
	71 399	95 556	103 243

Число учащихся в 1833 г. составляло прибыль около 32 000, но это количество принадлежит одному ведомству мин. народн. просв., не включая огромного числа учащихся в военных, духовных и других училищах. Должно присоединить еще Варшав. учеб. окр., в коем в 1839 г. было учащихся 64 350; в 1840 г. 62 080; 1841 г. 80 865, а 1842 г. 66 708 — всего же учащихся к 1843 г. 169 951. — Таким образом, развивавшееся народное просвещение в течении десяти лет представляет следующее:

вновь учрежд. учеб. завед.	784
число учащихся увеличилось.	32 000
— учащих около.	2 000
напечатано русских книг.	7 000 000 т.
вывезено иностранн. кн. до.	4 500 000

Совершено 40 ученых экспедиций от мин. народн. просв. См. «Взгляд на сравнил. statist. мин. нар. просв. в течение последнего десятилетия», напеч. в «Моск. вед.», 1843 г., № 58.

быть может, не уступят числу гражданских. Какое быстрое распространение просвещения! Не свидетельствует ли это <о> больших наклонностях русского к образованию*?

Создание русской словесности в прямом смысле принадлежит Ломоносову. Творец языка и слога, он первый начал писать чисто и правильно. В торжественных одах Ломоносова, Сумарокова, Кострова и Петрова слог возвысился. Тогда возникла у нас лирическая, эпическая, драматическая и дидактическая поэзия. Здесь прославились Богданович, Хемницер, Фонвизин, Державин, Дмитриев, Княжнин, Капнист, Нелединский-Мелецкий, Бобров, Измайлов, кн. Шаховской, Карамзин, преобразователь языка и знаток изящного слога; Муравьев (Мих. Ник.), Озеров, Шишков, Крылов, народный баснописец; Жуковский, Батюшков, Козлов, Пушкин неподражаемый, Гнедич, Грибоедов, Востоков, Войков, Веневитинов, Давыдов, бар. Дельвиг, девица Кульман, граф. Ростопчина, кн. Баратынский и др. Греч, Булгарин и Сеньковский дали новое направление языку, очистив его от многих застарелых грамматических форм; Кукольник, Загоскин, Гоголь, Кольцов, Даль, прославившийся народными сказками — все они представили образцы сочинений в народном духе и жизни русской. Но гораздо сильнее и умилительнее излилось чистое русское слово и чувство в сочинении Цыганова. — Его народные песни — трогательные и поучительные, увлекательные и восхититель-

* Правда, у нас не заставляют учиться, не обязывают семейства отдавать детей в училища, как, например, в Саксонии, Баварии, Вюртемберге, Швеции, Голландии, Североамериканских штатах, где законом постановлено взыскивать с самих родителей за небрежение; правда, народное образование разлито в других государствах в большей степени, как, например, во Франции считается 1 ученик на 17 обывателей, в Англии и Австрии 1 на 15, в Североамериканских штатах 1 на 11, в Голландии 1 на 9, в Пруссии 1 на 7. — Нельзя умолчать, что у нас из 63¹/₂ мил. народонаселения учащихся 169 951. — Это выходит, что из 480 учится только 1. — Но давно ли мы стали учиться? И кто учится у нас, и как учатся? Дети бедных дворян. Бедные изучают полезные знания и составляют потом украшение отечества, а богатые обращают одно внимание на легкое образование: на языки, музыку, пение и танцы. Первые своими дарованиями и трудолюбием открывают себе путь ко всем почестям; а вторые, поддерживаемые могущественной силою связей и состояния, добиваются одних почестей. Изучение языков сделалось у нас первостепенным, а науки второстепенным предметом. Явилась многосторонность познаний и смесь понятий об истинном значении наук. Легкое и поверхностное образование, пристрастие к чужеземному и тщеславие в знании иностранных языков невольно припоминает нам простодушное истолкование происхождения россов — от расселения нашего племени по всей Европе. Несправедливо было, если бы мы и не видели склонения образования собственно русского. Нам надобно изучать свое собственное, свою Россию — наше сердце и счастье наше.

ные*. — По части истории много сделал хорошего и полезного, кроме бессмертного Карамзина, Полевой; как исследо-

* Цыганов был актер московской труппы, умер в Москве во время холеры на 35 г. от рождения. Песни его напечатаны в Москве 1834 г. под названием «Русские песни». Цыганов не искал ни славы, ни покровительства литературных партий, он жил тихо в своем кругу и пел как соловей, потому что ему хотелось петь; но он пел по внутреннему влечению к своему русскому, потому в его песнях развито народное чувство. Кто не знает его песни «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан». — Зато многие, я думаю, не знают многих других прекрасных его песен. — Выпишем некоторые из них, напр. песнь X:

Не туманами, не мглой
Солнышко затмилось,
Ах! не тучей громовой
Ясное закрылось:
Потушился свет очей —
Раннею могилой!
Мне не видеть красных дней,
Не видать уж милой!
Мне ее не разбудить
Нежными речами.
Ах! ее не воскресить
Горькими слезами!
Осадлю же я коня,
Сгину в ратном поле.
И родной мой край меня
Не увидит боле!
И стрелою он летит
В поле, в грозну сечу;
И быстрей стрелы летит
Смерть ему навстречу!

Песнь XIV

Лежит в поле дороженька,
Пролегает.
И ельничком, березничком
Зрастает.
Не змейкою — кустарничком
Она вьется;
Не реченькой — желтым песочком —
Она льется.
Не торною, не гладкою,
Не убитой:
Лежит тропой заброшенной,
Позабытой. —
В конце пути-дороженьки
Горюч камень;
На камешке сердечушко,
В сердце пламень!
По всем углам у камешка
Растут сли;
По всем углам на елочкиах

дователи ее особенно замечательны Каченовский, Арцыбашев, Калайдович, Пав. Строев, П. Г. Бутков и Д. И. Языков; но история никогда не забудет великодушных пособий государственного канцлера гр. Н. П. Румянцева, сына Задунайского. Нынешние разыскания Археографической комиссии в пользу отечественной истории бесспорно принадлежат министру народного просвещения графу С. С. Уварову.

Из очерка о распространении просвещения мы видим сильное рвение русских к наукам. Правда, науки у нас еще не заняли должного места; легкие сочинения и поэзия

Пташки сели.
И жалобно пернаточки
Распевают:
«Вот так-то спят в сырой земле,
Почидают —
Бездонные, бездольные
На чужбине —
Никто по них не плачется
Не в кручине!
Ни мать, ни отец над камешком
Не рыдают.
Ни друга здесь, ни брата здесь
Не видают!
Лишь раз сюда красавица
Приходила,
Здесь ельничку, березничку
Насадила.
Поплакала над камешком,
Порыдала.
Нам жалобно петь день и ночь
Приказала.
А кто она? где делася? —
Не сказала!»

Песнь XXXVII

Каркнул ворон на березе,
Свистнул воин на коне, —
Погибать тебе, красотке,
В чужедальней стороне!
Ах, зачем, за кем бежала
Ты за тридевять полей? —
Для чего не размышила
Ты об участии своей?
Все покинула, забыла
Прах отца, старушку мать, —
И решалася отчизну
На чужбину променять!
То ли счастье, чтобы очи
Милым сердцу веселить, —
После ими ж дни и ночи
Безотрадно слезы лить?

господствуют пред нами, но так начинал свою умственную жизнь каждый юный народ, который прежде любит вымыслы, потом гоняется за отборными выражениями и набором слов, не установив еще языка; и наконец переходит к положительному труду, требующему зрелого ума и терпения в науках. Народ с крепкою силой, пламенною наклонностью к любознательности, удобно все перенимающий и усваивающий, чего не обещает в будущем? Народ наш еще не возмужал; пылкий и стремительный ко всему полезному, он достигнет со временем возможной степени просвещения. И кто знает будущее?

СОХРАНЕНИЕ НАРОДНЫХ МЫСЛЕЙ В СТАРИННЫХ ПЕСНЯХ И СКАЗКАХ — И УКЛОНение ОТ САМОБЫТНОСТИ

Весьма жаль, что многие из наших с большими способностями литераторов уклонялись от своей народности; заменили русские выражения иностранными и подражали слепо чужеземному. Старинные народные и нынешние песни убеждают нас, что можно писать без слепого подражания к другим народам. Какая сила и простота чувствований сохранились во многих наших песнях! Какой в них стройный звук и какая невыразимая приятность в оборотах и мыслях! Потому что все излито из сердца, без вымысла, натяжки и раболепной преимчивости. В них все трогает нас, потому что оно близко к нашим мыслям; потому что все это наше, русское, неподдельное; все проникнуто любовью к родине, отечеству. Народные песни суть драгоценный памятник самобытной поэзии нашей. Это наша слава, без подражания иноземной. — Конечно, песни наши не везде стройные, но полные страстей: печаль льется рекою томительных страда-

Неужели ты не слыхала
Об измене? — «Никогда!»
Неужели ты полагала
В сердце верность? — «Навсегда!»
 «Было некому бедняжку
Поучить меня уму, —
И голодной — вольной пташкой
Я попалась в сеть к нему.
 Никого я не спросилась,
Кроме сердца своего, —
Увидела — полюбила, —
И умру любя его!»
 Каркнул ворон на березе,
Свистнул воин на коне —
И красотка погибает
В чужедальней стороне.

ний; разочарованная горькая безнадежность омывает слезами грудь, иссушивает сердце, и оно умирает без утешения; любовь или тонет в море сладостных упоений, или погибает без участия к ней. Отвага, молодечество, радость, веселье и забавы воспеваются без хитрых затей, складываются в простоте лепета и высказываются по вдохновению собственного сердца.

Вот для образца несколько песен древнейших из XVI в.
Описание умирающего витязя подле огня в дикой степи.

Ах! Как далече, далече в чистом поле,
Раскладен там был огонек малешенек;
Подле огнишка разослан шелковый ковер,
На ковричке лежит добрый молодец,
Прилекает свои раны кровавые!
В головах стоит животворящий крест,
По праву руку лежит сабля острыя,
По леву руку его крепкий лук,
А в ногах стоит его добрый конь. —
Добрый молодец уже кончается,
При смерти добрый молодец сокрушается,
И сам добру коню наказывает:
«Ах ты, конь мой, конь, лошадь добрая!
Ты видишь, что я с белым светом разлучася
И с тобой одним прощаюся:
Как умру я, мой добрый конь,
Ты зарой мое тело белое
Среди поля, среди чистого, —
Среди раздольища, среди широкого.
Побеги потом во святую Русь,
Поклонись моему отцу и матери,
Благословенье свези малым детушкам;
Да скажи моей молодой вдове,
Что женился я на другой жене:
Во приданое взял я поле чистое;
Свахою была калсна стрела,
А спать положила пуля мушкетная.
Тяжки мне раны палашовые,
Тяжче мне раны свинцовые!
Все друзья, братья меня оставили,
Все товарищи разъехались:
Лишь один ты, мой добрый конь,
Ты служиши мне верно до смерти
И ты видишь, мой добрый конь,
Что удалой добрый молодец кончается».

Убитый воин, коему постелею служит камыш, изголовьем ракитовый куст, а тело его орошается слезами матери, сестры и молодой жены:

Ах ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое широкое!
Ах ты всем, поле, изукрашено,
И ты травушкой и муравушкой,

Ты цветочками василечками;
Ты одним, поле, обесчещено:
Посреди тебя, поля чистого,
Вырастал тут част ракитов куст,
Что на кусточеке, на ракитовом,
Как сидит тут млад сизый орел,
В когтях держит черна ворона,
Он точит кровь на сырь землю.

Как под кустиком, под ракитовым,
Что лежит убит добрый молодец,
Избит, изранен и искошен весь.
Что не ласточки, не касаточки,
Круг тепла гнезда увишаются, —
Увишаются тут родная матушка:
Она плачет, как река льется,
А родна сестра плачет, как ручей течет;
Молода жена плачет, что роса падет:
Красно солнышко взойдет, росу высушит.

О другом воине, коему постелею служит то же самое, что первому, но одеялом темная, осенняя и холодная ночь:

Как доселева у нас, братцы! через темный лес
Не пропархивал тут, братцы! млад бел кречет,
Не пролетывал, братцы! ни сизый орел.
А как нынче у нас, братцы, через темный лес
Пролегла, лежит, широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженьке
Проезжал туда удалой добрый молодец.
На заре то было, братцы! да на утренней,
На восходе было красного солнышка,
На закате было светлого месяца.
Как убит лежит, удалой добрый молодец.
Что головушка у молодца испроломана,
Ретиво сердце у молодца испрострелено.
Что постельюшка под молодцом камьши трава,
Изголовьице под добрым част ракитов куст,
Одеяличко на молодце темная ночь,
Что темная ночь, холодная, осенняя.
Прилетали к добруму молодцу три ласточки,
Из них первая садилась на буйной его голове,
А другая-то садилась на белой его груди,
Ах! как третья садилась на скорых его ногах.
Ах, как первая-то пташка, родная матушка;
А другая-то пташка, то мила сестра;
Ах, как третья-то пташка, молода жена.
Они взяли мертвое тело за белы руки,
Понесли они то тело во высокий терем.
Его матушка плачет, что река льется,
А родная сестра плачет, как ручьи текут,
Молода жена плачет, как роса падет.
Как солнышко взойдет, росу высушит,
Как замуж она пойдет, то забудет его.

О преступнике, освобожденном из темницы полюбовницею его:

Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке!
Добрый молодец сидит в темнице,
Пишет грамотку к отцу, к матери.
Он просит того жавороночка:
Отнеси ты, млад жавороночек,
На мою ли, ах! дальную сторонку
Ты сие письмо к отцу, к матери.
Во письме пишет добрый молодец:
Государь ты мой, родной батюшка,
Государыня моя, родна матушка,
Выкупайте вы добра молодца,
Добра молодца, своего сына,
Своего сына, вам родимого.
Как отец и мать отказались,
И весь род, племя отрекались:
Как у нас в роду воров не было,
Воров не было и разбойников.

Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке.
Добрый молодец сидит в темнице,
Пишет грамотку к красной девице.
В другой раз просит жавороночка,
Чтоб отнес письмо к красной девице.
Во письме пишет добрый молодец:
Ты душа ль моя, красна девица,
Моя прежняя полюбовница.
Выкупай, выручай добра молодца,
Свово прежнего полюбовника.
Как возговорит красна девица:
Ах вы, нянюшки, мои мамушки,
Мои сениные верные девушки!
Вы берите мои золоты ключи,
Отмыкайте скорей кованы ларцы,
Вы берите казны сколько надобно;
Выкупайте скорей добра молодца,
Мово прежнего полюбовника!

Взятие Казани.

Вы, молоды робята! послушайте,
Что мы, старики, будем сказывати,
Про грозного царя Ивана, про Васильевича,
Как он, наш государь царь, под Казань город
ходил;
Под Казанку под реку подкопы подводил,
За Сулой за реку бочки с порохом катал,
А пушки, а снаряды в чистом поле расставлял.
Ой татары по городу похаживают
И всяко грубиянство оказывают,
Они грозному царю насмехаются:
Ай, не быть нашей Казани за белым за царем!
Ах как тут наш государь разгневался,
Что подрыв так долго медлится.
Приказал он за то пушкарей казнить,
Подкопщиков и зажигальщиков.
Как все тут пушкари призадумалися,

А один пушкарь поотважился:
Прикажи, государь царь, слово выговорить!
Не успел пушкарь слово вымолвить —
Тогда лишь дрогорели зажигательные свечи,
И вдруг разрывало бочки с порохом.
Как стены бросать стало за Сулой за реку,
Все татары тут, братцы, устрашились,
Они белому царю покорилися.

Опричник Малюта Скуратов клевещет Иоанну IV на старшего сына его царевича Иоанна, будто бы он водится с изменниками царя, вооружается с ними противу него, а между тем пьет и ест с одного блюда, носит с ним одно царское платье. Разгневанный государь велит своим опричникам немедленно предать его смерти; но спасителем невинного царевича явился боярин Никита Романович *Романов*. — Послушаем, как говорит старина:

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинялся и грозный царь Иван, сударь, Васильевич.
Как ходил он под Казань город,
Под Казань город и под Астрахань.
Он Казань город мимоходом взял,
Полонил царя и с царицею,
Выводил измену из Пскова,
Изо Пскова и из Новгорода.
Ах как бы вывесть измену из каменной Москвы!
Что возговорит Малюта злодей Скуратович:
Ах ты, гой еси, царь Иван Васильевич!
Не вывесть тебе изменушки до вску:
Сидит супротивник супротив тебя,
Он пьет и ест с одного блюда,
Цветное платье носит с одного плеча.
И тут царь догадается,
На царевича злобно осержается.
Что возговорит грозный царь Иван Васильевич:
Ах вы, гой еси, князья и бояре!
Вы берите царевича под белы руки,
Поведите во палату особую;
Вы снимайте с него платье цветное,
Надевайте на него платье черное,
Поведите его на болото жилкое,
На тое ли лужу поганую,
Вы предайте его скорой смерти.
Все бояре испугалися,
Из палаты вон разбежалися;
Большой за меньшего хоронятся.
Один остался Малюта злодей,
Он брал царевича за белы руки,
Повел во палату особыливою,
Снимал с него платье цветное,
Надевал на него платье черное;
Повел на болото жилкое,
Что на ту ли лужу поганую.
Проведал слуга Никиты Романыча,

Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакал к Никите Романычу,
Как кричал он громким голосом:
Гой еси, батюшка, Никита Романович!
Ты пьешь и ешь, прохлаждаешься,
Над собой кручинушки не ведаешь:
Упадает звезда поднебесная,
Угасает свеча воску ярого,
Не становится у нас млада царевича. —
Никита Романович испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачет на болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую:
Ударил он Малюту по шеке.
Ты, Малюта, Малюта Скуратович!
Не за свой ты кус принимаешься,
Ты этим кусом подавиешься.
Он брал царевича за белы руки
И повел его куда надобно.

Что возговорит грозный царь:
Ах вы, гой еси, князья мои и бояре!
Надевайте на себя платье черное,
Собирайтесь ко заутренней
Слушать по царевичу панихиду. —
Я вас, бояре, всех в кotle сварю!
Все бояре испугались,
Надевали они платье черное,
Собиралися ко заутренней,
Слушать по царевичу панихиду.

Приехал Никита Романович,
Нарядился во платье цветное,
Привел с собою млада царевича
И поставил за дверьми северны. —
Что возговорит грозный царь:
Ах ты, гой еси, Никита Романович!
Что в глаза ли ты мне насмехаешься?
Как упала звезда поднебесная,
Что угасла свеча воску ярого,
Не стало у меня млада царевича.
Что возговорит Никита Романович:
Ах ты, гой еси, надежда православный царь!
Мы не станем петь по царевичу панихиду,
А станем петь молебен заздравный мы.
Он брал царевича за белу руку,
Выводил из-за северных дверей.
Что возговорит грозный царь:
Ты Никита, Никита Романович!
Еще чем мне тебя пожаловать?
Или тебе полцарства дать,
Или тебе златой казны сколько надобно?

Ах ты, гой еси, царь Иван Васильевич!
Не надо мне полцарства, ни золотой казны,
Только дай ты мне злодея Скуратова.
Я сведу на то болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.
Что возговорит царь Иван Васильевич:

Еще вот тебе Малюта злодей,
И делай с ним, что хочешь ты.

Об убиенном царевиче Димитрии. — Наши летописи говорят, что царевич пал от рук злодеев, подосланных Борисом Годуновым; народная песнь, современная этому происшествию, подтверждает вполне несчастное событие.

Не вихрь крутит по долинушке,
Не седой ковыль к земле клонится;
То орел летит по поднебесью,
Зорко смотрит он на Москву реку,
На палатушки белокаменны,
На сады ее зеленые,
На златой дворец стольна города*. *

Не лютая змея возвывалася,
Возвывался собака булатный нож,
Упал он ни на воду, ни на землю;
Упал он царевичу на белу грудь,
Да тому ли царевичу Димитрию, —
Убили же царевича Димитрия!
Убили его на Углицы,
На Углицы, на игрищи.

Уж как в том дворце черной ноченькой
Коршун свил гнездо с коршунятами;
Уж как тот орел, Дмитрий царевич;
Что и коршун тот, Годунов Борис.
Убивши царевича, сам на царство сел;
Царил же он, злодей, ровно семь годов.

Не вихрь крутит по долинушке,
Не седой ковыль к земле клонится;
То идет грозой Божий гнев
За православную Русь!
И погиб коршун на гнезде своем:
Его пух прошел по поднебесью,
Проточилась кровь по Москве реке.

Некоторые песни начала XVII в. и половины того же века не менее запечатлены выразительностью чувств и сердца, как, наприм., смерть кн. Михаила Скопина, который на пиру отравлен княг. Екатер. Шуйской, женой кн. Дм. Шуйского, брата царя Шуйского. — Она была дочь Малюты Скуратова.

У князя было, у Владимира,
Было пированье почетное.
Ой, крестили дитя княженецкое!
Ах! кто кум-то был? кто кума была?
Ай, кум-то был князь Михайла Скопин,
Князь Михайла Скопин, сын Васильевич.

* По вступлению уже видно, что эта песнь искажена; но, мне сколько известно, она нигде не напечатана в этом роде.

А кума-то была дочь Скуратова.
Они пили, ели, прохлаждались,
Пивши, евши, похвалялись,
Выходили на крылечко на красное.
Уж как учили похвалу чинить князья, бояре.
Один скажет: у меня большие красна золота.
Ах, что взговорит князь Михайла Скопин,
Михайла Скопин, сын Васильевич:
Еще что вы, братцы, выхваляетесь,
Я скажу вам не в похвалу себе:
Я очистил царство московское.
Я вывел веру поганскую,
Я стал за веру христианскую.
То слово куме не показалось,
То крестовой не понравилось.
Наливала она чару водки крепкой,
Подносила куму крестовому.
Сам же он не пил, а ее почтил.
Ему мнилось, она выпила;
А она в руках выпила, —
Наливала еще куму крестовому.
Как выпил князь Михайла Скопин:
Трезвы ноги подломилися,
Белы руки опустилися.
Уж как брали его слуги верные,
Подхватили его под белы руки,
Повезли его домой к себе.
Как встречала его матушка:
Дитя мое, чадо милое!
Сколько ты по пирам не езжал,
А таков еще пьян не бывал! —
Свела меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скуратова.

Отсечение головы Стеньке Разину.

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца.
Не сокол летал по поднебесью,
Есаул гулял по насаднику.
Он гулял, гулял, погуливал;
Добрых молодцев побуживал:
Вы вставайте, добры молодцы!
Пробуждайтесь, казаки донски!
Не здорово на Дону у нас,
Помутился славный тихий Дон:
Со вершины до черна моря,
Да черна моря Азовского:
Помешался весь казачий круг,
Атамана больше нет у нас!
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина.
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву.

И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову!

Наказание виселицей пойманному разбойнику.

Не шуми, мати, зеленая дубровушка!
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думать.
Что заутра мне, доброму молодцу, в допрос идти,
Перед грозного судью, самого царя.
Еще станет государь царь меня спрашивати:
Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын!
Уж как с кем ты воровал? с кем разбой держал?
Еще много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надёжа, православный царь!
Всю правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ, темная ночь;
А второй мой товарищ, булатный нож;
А как третий-то товарищ, то тугой лук;
Что рассыльщики мои-то калены стрелы.
Что возговорит надежа, православный царь:
Исполять тебе, детинушка, крестьянский сын!
Что умел ты воровать, умел ответ держать.
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими, —
Что двумя ли столбами с перекладиной.

Молодая жена, выданная замуж за разбойника, оплакивает убитых ее родных:

Из-под лесу, лесу темного,
Из-под частого осинничку,
Как бежит тут конь, добра лошадь,
А за ней идет добрый молодец,
Идучи сам говорит ему:
Ты постой, постой, мой добрый конь.
Позабыл я наказать тебе:
Ты не пей воды на Дунай реке,
На Дунае девка мылася
И совсем нарядилася,
Нарядившись, стала плакати,
И заплакав, сама мольвила:
Или в людях людей не было!
Уж как отдал меня батюшка,
Что за вора, за разбойника.
Как со вечера они советовались,
Со полуночи на разбой пошли,
Ко белу свету приехали.
Ты встречай, встречай,
Узнавай коня томлённого.
Ах! томлённый конь, конь батюшков,
Окrovавлено платье матушкино,
А золот венок милой сестры,
А золот перстень мила брата.
Как убил он брата милого,
Своего шурина любимого.

Молодая женщина оплакивает свою участь и свою опрометчивость в том, что она выбрала себе не по мыслям друга вековечного.

Возле садику млада хожу,
Возле зелена млада гуляю,
Соловьевых песен слушаю.
Хорошо в саду соловей поет!
Он поет, поет припеваючи,
К моему горю примсияючи,
К моему житью ко бессчастному!
Не пения я, молодешенька,
Ни на батюшку, ни на матушку,
Ни на братца, на ясного сокола,
Ни на сестрицу, лебедь белую;
Что пения я, младешенька,
На свою ли участь горькую,
На свои ли очи ясные!
Ах вы, очи, очи ясные!
Вы глядели, да огляделися;
Вы смотрели, да осмотрелися.
Не по мысли вы друга выбрали,
Не по моему по обычаю.

Слезы верной жены по убитому мужу, который оставил после себя детей, и она, несмотря на советы вступить в новый брак, отрекается из любви к убитому мужу и своим детям.

Как на дубчике два голубчика
Целовалися, миловалися,
Сизыми крыльями обнималися.
Отколь ни взялся млад ясен сокол,
Он ушиб, убил сизого голубя,
Сизого голубя, мохноногого,
Он кровь пустил по сырому дубу,
Он кидал перья по чисту полю,
Он и пух пустил по поднебесью.
Как растужится, разворкуется
Сизая голубушка по голубю,
О голубушке мохноногоньком.
Как возговорит млад ясен сокол:
Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка!
Сиза голубушка по своем голубчике.
Полечу ли я на сине море,
Пригоню тебе голубей стадо:
Выбирай себе сизого голубя,
Сизого голубя, мохноногого.
Как возговорит сиза голубушка:
Не лети, сокол, на сине море,
Не гони ко мне голубей стадо.

Ведь то мне будет уж другой венец,
Малым голубяташкам не родной отец.

Гибель молодого парня за его страсть к полюбовнице, которую простой народ называет змейкой-скоропейкой.

Ты змейка-скоропейка, змия лютая!
Из норы ты, змия, ползешь, озираешься;
По песку ползешь, извиваешься;
По траве ты ползешь, всю траву сушишь.
Иссушила в поле всю травушку,
Да всю травушку, всю муравушку,
Все цветочки, все лазоревые.
Ты душа лъ, душа, красна девица!
Иссушила ты добра молодца,
Как былиночку в чистом поле.
Довела его ты до погибели,
Что до той ли темной темницы.
Что из славного села Преображенского,
Из того приказу государева,
Что вели казнить доброго молодца,
Что казнить его, повесити.
Его белые руки и ноги скованы,
По правую руку идет страшен палач,
По левую идет мать его родная,
Позади идет красная девица,
Его милая полюбовница,
Что зазноба его ретива сердца,
Погубительница живота его.

Сестра по злости к своему брату решилась отравить его; но обман открылся преждевременно и она была сожжена посреди двора.

Стругал стружки добрый молодец,
Брала стружки красная девица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Все змей пекла, зелье делала:
Сестра брата извести хочет.

Встречала брата середи двора,
Наливала чару прежде времени,
Подносила ее брату милому.
Ты пей, сестра, наперед меня.
Пила, братец, наливаючи,
Тебя, братец, поздравляючи.
Как канула капля коню на гриву,
У добра коня грива загорается,
Молодец на коне разнемогается.

Сходил молодец с добра коня,
Вынимал из ножен саблю острую,
Снимал с сестры буйну голову.
Не сестра ты мне родимая!
Что змия ты подколодная.
И он брал с костра дрова,

Он клал дрова середи двора.
Как сжег ее тело белое,
Что до самого до пепелу,
Он развеял прах по чисту полю,
Заказал всем тужить, плакати;
Что она над ним худо делала.
Ей самой так рок последовал,
От ее злости ненавидныя.

Вот где народная поэзия, проникнутая истинным чувством!

В царствование Иоанна IV толпы скоморохов ходили из села в село и пели песни от избытка чувств, раздающиеся поныне в деревнях и городах. Сам набожный царь Федор любил внимать пению: по отслушании вечерни он проводил все остальное время до ужина в забавах, коими тешили его шуты и карлы и услаждали песнями.

Предания старины памятнее для народа: лелея давно прошедшие события, он переносился в глубокую даль времени, украшал ее песнями и передавал потомкам. — Кто сочинял эти песни? — Имена сочинителей потеряны, но утвердительно сказать можно, что многие песни составлялись в кругу дружеской беседы, как это делали индейские певцы: харуны и бгаты, которые славили деяния своих предков^{**}; ионические рапсоды, гомеровские греки, кельтийские барды, скандинавские скальды, германские минезингеры, французские трубадуры, менестрели,

* Эти песни напечатаны в «Нов. и полн. собр. русск. песн.», изд. в 1780 г., в следующем порядке: ч. I № 124, № 146; ч. 2 № 135; ч. I № 136 и 125; ч. 2 № 121; ч. 3 № 159; ч. I № 134, 131, 139, 144, 155; ч. 2 № 133, ч. I № 140. — Так много хорошего рассеяно в 3 частях песенника, что мы затруднялись в выборе и боялись еще обременить читателей. — Нельзя не заметить, что приведенные здесь песни напечатаны в других песенниках весьма неправильно. Напр., в «Новейш. и полн. российск. объяснен. песенн.», изд. Моск. 1810 г., № 239.

При зачине каменной Москвы,
Зачинался тут и грозный царь, и пр.

Отмеченная у меня под № 121, ч. 2, совсем иначе напечатана. — Или:
Не шуми, мати, зеленая дубровушка,

Не мешай мне, добруму молодцу, думу думати.

Несправедливо приписывают ее Ваньке Каину — он только любил ее петь. Каин разбойничал в царствование Елизаветы. Пойманный и сужденный за преступление, он был сослан с клеймом на лбу и двух щеках и с вырыванием ноздрей в каторжную работу в порт Рогервик, ныне балтийский..

** James Tod «Annals and antiquities of Rajast'han or the central and western Rajpoot states of India», Lond., 1829 г., т. 2, с. 4; Ritter's «Erdkunde Asien», ч. IV, от. II, с. 418, 612; ч. I, с. 722; Malcolm «Memoir of central Indie», т. II, с. 132 — 138; Heber «Narrative», т. V, с. 433 — 455.

сербские гусляры и все воодушевленные песнопевцы, увлекаемые преданиями. Так сочиняли малороссийские кобзари (бандуристы) и казаки, собираясь на вечерницах (вечерних сходбищах) или в кругу пленительной дружбы. — Особенная жалость в тех думах, в коих глубоко запали в сердце уныние, тоска и печаль.

Для сравнения с приведенными образцами: об убитом воине, лежащем в степи, представляется здесь несколько малороссийских песен, которые древностью и, говоря беспристрастно, красотою, силою и живопроникнутой грустью превышают русские песни и думы.

1

Витер гуде, трава шумит, —
Козак бидный убит лежит!
На купини головою,
Накрыв очи осокою.
Кинь вороный у ноженьках,
Орел сизый в головоньках:
Вин козака доглядае,
На кучери наступае.
Козак до ёго промолвяе,
Сизый орле! побратаймось.
Як ты, брате орле, станеш,
З лобу очи выдирати,
Дай же моей ненъци знаты,
Моей ненъци старесенький.
Матуссеныци риднесенький.
Ой, знай, орле, що казаты,
Як у тебе моя маты
Буде про мене пыгтаты.
Скажи: служит вин у хана,
У пана хана татарина,
У крымского добродия;
Да выслужив королевиньку,
У чистым поли могилоньку.

2

Ой, кинь бежит, трава шумит,
Да вжеж козак убит лежит!
На купини головою,
Прикрыв очи осокою,
Жовтое тило рокитою,
Билы руки хустиною,
Ясне личко китайкою.
В головоньках ворон кряче,
А в ноженьках коник плаче.
Копытом землю выбывае,

Свого пана вин пытае:
 Ой, пане ж мий, пане!
Пане копитане!
Ой, кому мене вручаеш?
Кому коня покидаеш?
Чи турчину, чи татарину?
Тебе, коню, турчин не пиймае,
А татарин не осидлае.
Ой, бежи, коню, темными лугами,
Бежи, коню, битыми шляхами;
Да пробежи, коню, до двору
Та вдарь копытом в болону.
Ай выйде до тебе ненька старенька,
Козацькая матусенька:
Вона буде тебе за поводы браты,
Буде тоби сина подкладаты,
Буде тоби вивса подсыпаты,
Холоднею водицею наповаты;
И скризы слезы про мене пытаты.
Да не кажи, коню, що я убывся,
А скажи, коню, що я оженьвся:
Та поняв соби паняночку,
У чистом поли земляночку.
Що куды витер не вие,
Ни сонечко вже не гриє.
Без виконец и без дверец,
Там спит козак — молодец.

3

Сидит козак на могили,
З оружини огонь креше,
Скалки ломит, розкладае,
В свои раны заглядае:
Пострелены — к сердцу прийшли;
Порубаны — кровью зийшли.
Закладався орел за конем,
А за тый криниченки:
Ой, чи скорийш ты добежиши,
Мени крыльца повтинаеш?
— Ой, ты скорийш долетиши,
Мени ноги повтинаеш. —
Ой, кинь бижит, земля дрожит;
Орел летит, перо дзвенит;
Ой, кинь бижит все ярами,
Орел летит все лугами.
Кинь до воды прибигас,
Орла братца выглядас.
Орел летит и не смисе,
Коия брата не пизнае.
Даруй, коню, крылечками,
А хто ходит нижечками!

Печальные воспоминания казака по оставленной им родине.

Ой кряче, кряче, черненъкий ворон,
Та на глыбокой долине;
Ой плаче, плаче, молодый козаче
По несчастливой годыне.
Ой кряче, кряче, да черненъкий ворон
Та у лузи над водою.
Ой плаче, плаче, молодый козаче
По конику по вороному.
Вороний коню! грай ты лидо мною,
Та розбий туту мою!
Розбий, розбий туту по темному лугу,
Козакови та молодому.

Ой, иде козак дороженькою,
Слизоньками умываєця:
Десь моя ненька, десь моя старенка,
Да за мною убиваєця!
Та в недилоньку рано пораненъку,
Да як сонце не зходило,
Та зезжалася вся моя родина,
Вона мне выпроводыла, —
Выпровожаеш, моя родинонько!
Та чи не жаль тоби буде,
Як я пийду на ту украину,
Да меж чужин люди?
Ой, загадай мене, моя стара нене,
Сидаючи обидати.
Десь моя дитина, на чужой сторони? —
Да никому одвидати!
Ой, загадай мене, моя стара нене,
Як сядеш у вечери исти:
Десь, моя дитина, на чужой сторони? —
Да не має од неи висти.

Могила, разговаривая с ветром, предвещает казаку, оставляющему своего отца, неминуемую смерть:

Ой, у поли могила з вітром говорила:
Повий вітре на мене, щоб я не чорнила,
Щоб я не чорнила, щоб я не марнила,
Щоб на мени трава росла, да й ще зеленила.
И витер не вие, и сонце не гриє,
Тилько в степу при дорози трава зеленіє.
Ой у степу річка, через річку кладка,
Не покидай, козаченьку, ридненського батька!
Як батька покинеш, сам марне згинеш,
Риченською быстренькою за Дунай заплывеш.
Бодай тая річка, риби не плодила:
Вона того товарища навики втопила!

Бодай тая ричка, кошуром заросла:
Вона мого товарища за Дунай занесла!*

* Максимович «Украинские народ. песни», Моск., 1834 г., ч. I, с. 150 — 153, № 15 и 16; с. 148 и 146, № 11; с. 168, № 34. — Придерживаясь правильного выговора малороссиян, я изменил правописание, введенное г. Максимовичем, и писал так, как произносят знатоки своего языка.

Необыкновенная красота и сила малороссийских песен заставляли многих собирать их и печатать; но никто доселе не был столько счастлив в собрании их и ознакомлении с ними нас в такой степени, как трудолюбивый писатель наш, г. Максимович. У него ныне собрано до двух с половиною тысяч разных песен и отрывков. С нетерпением ожидаем выхода в свет. — Г. Киреевский давно собирал русские народные песни и собрал их весьма много. Более десяти лет ожидали появления в свет обещанных им песен и, к сожалению, обещание не выполнено. — Постигшая смерть в 1843 г. похитила его у нас; с ним она унесла в могилу нашу надежду. Может быть, кто-нибудь из любителей народности издаст их; а теперь мы лишены возможности сказать о них что-либо. — Приведенные малороссийские песни принадлежат, судя по слогу, к концу XVI в. Но вот определенные по своему времени: на взятие Варны и на взятие Львова. Гетман Федор Богданко, опустошив Синоп, Трапезунд и Анатолию, подошел под Царьград (в 1577 г.) и ограбил его предместье; отсюда поплыл с казаками к Варне, которую он взял. По этому случаю сочинили казаки песнь:

Чы я бы вийску не заплатила,
Червонными золтыми
Та биленькими таларами?
Чы я бы вийску не заплатила,
Червонною китайкою
За услуженьку козацкую?
А в недиленьку пораненько,
Збыралася громадонька
До козацкой порадоньки.
Ставили раду, та ставили,
Виткиль Варну мисто достаты:
Ой чы з поля, чы з моря?
Чы з рички невеличкой?
Пыслили писла та под Варну,
Пиймав же посел турчанина,
Старого ворожбина.
Сталы его выпытывать:
Виткиль Варну мисто достаты,
Ой, чы з поля, чы з моря?
Чы з той рички невеличкой?
А в недиленьку пораненько
Бигут, пливут човенъями,
Поблыскивают весельцами.
Вдарылы разом з самопальцем,
А з гарматы вси козаки.
Воны туркив забирали,
Сталы, нарекали:
Була Варна, була Варна,
Сдавна славна;

Думая, что при звуках пленительной старины никто не может быть равнодушным, я решился привести несколько отрывков из сочинений пол. XVII в. и конца тоже века — казака Кирши Данилова и неизвестных.

Завоевание Сибири Ермаком, хранившееся долго в устах простолюдинов, носит отпечаток исторической верности:

И собиралися во единой круг
И думали думушку крепко за едино:
Как бы им приплыть к горе тобольской той!
Сам он, Ермак, пошел устьем верхним.
Самбур Андреевич устьем средним,
Анофрий Степанович устьем нижним,
Которое устье виало против самой горы тобольской.
Татары в них бьют со кругой горы;

Славнишче того козаки,
Що той Варны досталы,
И в ней туркив забралы.

По взятии Львова Богданом Хмельницким (в 1648 г.).

А в чистым поли, близко дороги,
Стонет наметец дуже шовковый;
В тым наметци стоит столичек,
На тым столичку зренчи молодец.
Конне вийско збирае, над Львив встае,
Тай пид Львив встае, все шерегуе,
Свое вийско на Львив рихтуе.
Як киньми зернув, аж Львив здвигнувся,
Як шабелькой звив, Львив поклонывся.

Ой, вийшли к нему мицаны
Ой, вси мицаны, вси предмицаны:
Вынеслы йому мысу червонных.
Вин тое бере, тай не дякуе,
А свое вийско на Львив рихтуе.

Ой, вийшли к нему вси жидове,
Вси жидове, вси кагалове:
Вынеслы йому мысу червонных.
Вин тое бере, тай не дякуе,
А свое вийско на Львив рихтуе.

Ой, вийшли к нему уси панове,
Уси панове, вси гетманове:
Вывельы йому конников в сидли,
Конников в сидли, панину в карети.
Вин тое бере, красно дякуе,
А свое вийско та шерегуе.
Як зачав вийско шереговать,
Ой, бильше Львива не турбовать.

По летописям видно, что Львов избавился от грабежа казаков выкупом 200 000 червонцев, собранных с жидов и купцов армянских. — Не должно думать, чтобы песни на взятие Варны и Львова только и были бы определенные по своему времени — их довольноное число. На некоторые из них указано для сравнения только с приведенными русскими..

Стрелы летят, как часты дожди.
И тому татары дивовались,
Каковы русские люди крепкие,
Что ни единого убить не могут их.
Каленых стрел в них, как в снопики налеплено,
Только казаки все невредимо стоят.

Описание доспехов Михайлы Казарянина:

Выезжал удача, добрый молодец,
Молодой Михайло Казарянин.
А конь под ним — как ясен сокол,
Крепки доспехи на могучих плечах,
Куяк и панцирь чиста серебра,
А кольчуга на нем красна золота.
Шелом на буйной голове замычется,
Копье в руках мурзамецкое, как свеча горит;
Ко левой бедре припоясана сабля острая,
В длину сабля сажень печатная,
В ширину сабля осьми вершков;
Еще с ним тугой лук разрывчатой,
Полосы были булатные,
А жилы елены сочатные,
А рога красна золота,
А тетивочка щелковая,
Белого шелку шамаханского,
И колчан с ним каленых стрел.
А конь под ним, как лютый зверь;
Цены коню сметы нет.
Почему коню цены сметы нет?
Потому ему цены сметы нет:
За реку броду не спрашивает,
Скачет конь с берегу на берег,
Которая река шириной пятнадцать верст.

Жалоба русской девицы, плененной татарами:

На беседе сидят три татарина,
Три собаки, наездники.
Пред ними ходит красна девица,
Русская девочка полоняночка,
Молода Марфа Петровична.
Во слезах не может слово молвить,
Добре жалобно причитаючи:
«О, злосчастная моя, буйна голова!
Горе горькое, моя руса коса.
А вечер тебя матушка расчесывала,
Расчесала матушка, заплакала.
Я сама, девица, знаю, ведаю,
Расплетать будет мою русу косу!
Трем татарам, наездникам».
Они те-то речи, татары, договариваются,
А первый татарин проговорит:
«Не плачь, девица, душа красная,
Не скорби, девица, лица белого;

Асдему, татарину, достанешься.
Не продам тебя, девицу, дешево;
Отдам за сына за любимого.

В горе не должно кручиниться, говорили наши прадеды:

А и горе, горе, гореваньице!
А и в горе жить, не кручину быть;
Нагому быть, не стыдитися;
А и денег нету перед деньгами,
Появилась гравна перед злыми днями.
Не бывать плещатому — кудрявому;
Не бывать гулящему — богатому;
Не отростить дерева суховерхого,
Не откормить коня сухопарого,
Не утешити дитя без матери,
Не скроить атласу без мастера.
А горе, горе, гореваньице!
А и лыком горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны.
А я от горя в темны леса,
А горе прежде век зашел;
А я от горя в почетный пир,
А горе зашел, впереди сидит;
А я от горя на царев кабак,
А горе встречает, уж пиво тащит.
Как я наг-то стал, насмеялся он.

Изведение брата напоем лютых кореньев.

Кабы по горам, горам, по высоким горам,
Кабы по долам, долам, по широким долам,
А и по край было моря синего,
И по тем и по хорошим зеленым лугам.
Тут ходила, гуляла душа красна девица,
А копала она коренья, зелье лютое.
Она мыла те коренница в синем море,
А сушила те коренница в муравленой печи,
Растирала те коренья в серебряном кубце,
Разводила те коренница меды сладкими,
Рассычала коренья белым сахаром
И хотела извести своего недруга;
Невзначае извела своего друга милого,
Она по роду братца родимого.
И расплачется девица над молодцем,
Она плачет, девица, причитаючи:
За^{<на>}красно головушка погибнула!

Об удалых с усами молодцах:

Ах! доселева усов и слыхом не слыхать;
А слыхом их не слыхать, и видом не видать;
А нонечка усы проявились на Руси,
А в новом усольи у Страганова.

Они щепетно по городу похаживают.
Собиралися усы на царев кабак,
А садились молодцы во единый круг.
Большой усице и всем атаман:
Сам говорит, сам усом шевелит.
А братцы усы, удалые молодцы!
А и лето проходит, зима наступает,
А и надо чем усам голову кормить!
На полатях спать и нам сытym быть.
Ах, нутеж ко, усы, за свои промыслы!
А мечитесь по кузницам,
А накуйте ножей по три четверти,
Да и сделайте бердыши
И рогатины и готовьтесь все.

Докончим выписку из старинных песен забавной сказкой о дурне. Это характеристика, достойная внимания:

А жил был дурень,
А жил был бабин,
Вздумал он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Отшедши дурень
Версту-другу,
Нашел он, дурень,
Две избы пусты,
В третьей людей нет.
Взглянет в подполье,
В подполье черти
Востроголовы;
Глаза, что часы,
Усы, что вилы;
Руки, что грабли:
В карты играют,
Костью бросают,
Деньги считают,
Груды переводят!
Он им молвил:
«Бог вам в помочь,
Добрым людям».
А черти не любят!
Схватили дурня,
Зачили бити,
Зачили давити.
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Пришедши дурень
Домой-то плачет,
Голосом воет. —
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то так же.
«Ты, глупый дурень,

Неразумный бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил:
Будь враг проклят
Именем Господним
Во всki веков, амины!
Черти б убежали,
Тебе бы, дурню,
Деньги достались,
Вместо кладу». —
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья.
Сестра Чернава. —
Потом я, дурень,
Таков не буду.

Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидел дурень
Четырех братьев,
Ячмень молотят,
Он им молвил:
«Будь враг проклят,
Именем Господним».
Бросился к дурню
Четыре брата,
Стали его бити,
Стали его колотити;
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Пришедши дурень

Домой-то плачет,
Голосом воет, —
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то так же.
«А, глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы ты слово,
Не так же бы молвил;
Ты бы молвил
Четырем братам,
Крестьянским детям:
«Дай вам Боже!
По сту на день,
По тысяче на неделю».
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава.
Потом я, дурень,
Таков не буду.

Пошел же дурень,
Пошел же бабин,
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидел дурень
Семь братов:
Мать хоронят,
Отца поминают;
Все тут плачут,
Голосом воют.
Он им молвил:
«Бог вам в помощь,
Семь вас братьев,
Мать хоронити.
Дай Господь Бог вам
По сту на день,
По тысяче на неделю».
Схватили его, дурня,
Семь-то братов:
Зачали его бити,
По земле таскати,
Валяти.
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Идет-то дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет.
Мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также.
«А, глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы ты слово

Не так же бы молвил,
Ты бы молвил: прости,
Боже благослови!
Дай Боже им
Царство небесное,
В земле упокой,
Пресветлый рай всем.
Тебя бы, дурня,
Блинами накормили,
Кутьей напитали*.
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава.
Потом я, дурень,
Таков не буду. —

Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Себя казати,
Людей видати.
Навстречу сму свальба,
Он им молвил: прости,
Боже благослови!
Дай вам Господь Бог
Царство небесно,
В земле упокой,
Пресветлой рай всем!
Поехали дружки,
Наехали бояре,
Стали дурня
Плетьми стегати,
По ушам хлестати.
Пошел, заплакал,
Идет да воет. —
Мать его бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также.
«Ты, глупый дурень,
Пошел он, дурень,
Неразумный бабин!
То же бы слово
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
Дай Господь Бог
Новообрачному князю
Сужено поняти,
Под злат венец стати,
Закон Божий прияти,
Любовно жити,
Детей сводити»,
Потом я дурснь,
Таков не буду. —

Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
<На>встречу дурню
Идет старец,
Он ему молвил:
«Дай Господь Бог
Тебе же, старцу,
Сужено поняти,
Под злат венец стати,
Любовно жити,
Детей сводити».
Бросился старец,
Схватил его, дурня,
Стал его бити,
Костылем коверкать.
И костыль изломал весь.
Не жаль старцу дурака-то,
Но жаль ему, старцу, костиля-то.
Идет-то дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет,
Матери расскажет.
Мать его бранити.
Жена журити.
Сестра-то также.
«Ты, глупый дурень,
Неразумный бабин!
Так бы ты слово,
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
Благослови меня, отче,
Святой игумен!
А сам бы мимо».
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава.
Потом я, дурень,
Впредь таков не буду.

•Благослови меня, отче,
Святой игумен!
А от тебя дух, дурень.
Схватил его медведь — ать!
Зачал его драти,
И всего ломати,
И смертно коверкати,
Едва его, дурня,
Жива оставил.
Пришедши дурень
Домой-то плачет,
Голосом воет.
Матери расскажет.
Мать его бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также.
«Ты, глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы слово,
Не так же бы молвил.
Ты бы заускал,
Ты бы загайкал,
Ты бы заулюкал».
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава.
Потом я, дурень,
Таков не буду.

Пошел наш дурень
На Русь гуляти,
В лесу ходити.
Увидел дурень
Медведя за сосновой:
Кочку роет,
Корову коверкает.
Он ему молвил:

Пошел же дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати —
Будет дурень
В чистом поле,
<На>встречу дурнию
Шишков полковник.
Он заускал,
Он загайкал,
Он заулюкал.
Наехали на дурня
Солдаты,
Набежали драгуны.
Стали дурня бити,
Стали колотити.
Тут ему, дурню,
Голову сломили,

И под кокору
Бросили;
Тут ему, дурню,
И смерть случилась*.

Продолжать выписки о старинных народных произведениях было бы здесь излишним. Всяк, кто сколько-нибудь знаком с напечатанными уже песнями, тот согласится, что многие из них так трогательны и сильны излиянием сердца, что они не только восхищают простолюдина, но и знакомого с изящными творениями.

Недавно стали думать, чтобы писать в народном духе, и некоторые в том успевали. Должно желать, чтобы наша словесность, богатая языком и чудесными оборотами, стремилась преимущественно к своему собственному назначению. Не надобно заимствовать не свойственного нам: ни предметов, ни красок, ни оборотов для слова и мысли. У нас всего в избытке. Каких хотите народных предметов? — Загляните в отечественную историю — там несчетное число событий величественных и печальных, отрадных и убийственных, поучительных и злодейских. А где краски? Ваша родина, ваше дороже отечество: дремучие леса и бездонные пропасти, воды и океаны, богатства южных и горячих стран, ужас природы от берегов Ледовитого моря до упоительной роскоши — предметов бесчисленное множество! Человек с пламенной душою, возвышенной мыслью, чистым сердцем, с жаром ко всему прекрасному, изящному и благородному найдет везде себе пищу — ему не надобно указывать. — Но можно ли найти для предметов и красок приличные обороты и мысли? — Не только приличные, но возвышенные и глубокие. Это зависит от выбора предмета, который часто сам воодушевляет, и от места, поражающего наши чувствования, потрясающие душу и вызывающие, так сказать, слова и мысли на простор беспредельных размышлений: тут они стаями явятся, налетят на вашу душу, на ваше благородное сердце, унижут его жемчужными словами и развернутся пред вами бриллиантою струей, в ослепительном сиянии. Рой звонких выражений и плачевых отголосков отзовется в оледеневшей душе и соплетет с лучезарной светочью мыслей блестящие украшения. Поверьте, можно достигнуть украшений: надобно уметь чувствовать.

* «Древн. российск. стихотв., собр. Кирш. Даниловым», изд. 1818 г. Приведенные здесь в отрывках, как-то: завоевание Сибири, доспехи Михаила Казаринина и жалоба пленной девицы суть сочинение, а может быть, переделка самого Кирш. Данилова из древних песен на свой лад; см. с. 116, 117, 203, 204, 209, 210. Следующие же: «А и горе, горе, гореваньице! — Изведение брата напоем лютых кореньев. — Об удалых с усами молодцах. — Сказка о дурне», помеш. на с. 381, 303, 409, 390, 402, — едва ли сочинение Данилова.

Я уклонился от предмета, но он так близок к нашему сердцу, что невольно увлекает.

Не все наши песни и сказки носят древность даже половины XVII века — потому что они забыты или истреблены временем. Большая часть существующих ныне суть первой половины XVIII века, а другие сочинены в конце XVIII века. — Многие уже переделаны местною потребностью и вкусом или вновь сочинены — народ их сам производит. Плясовые, свадебные и протяжные часто сокращаются, дополняются новыми или вновь составляются. Замечено, что по прошествии 25 лет самые любимые песни, которые певали прежде повсюду, оставляются: считают их уже старым и заменяют новыми. Неграмотный народ имеет свою поэзию и своих стихотворцев — а мы их не уважаем и не хотим! — Богатый запас народности погиб уже и погибнет от небрежения нашего или, справедливее сказать, от наших мудрований, и *«мы»* погребаем безжалостно свои сокровища. Если бы дошли до нас все народные стихотворения, даже начала XVII в., то мы, вероятно, получили бы другое направление в области языкознания, но потеря невозвратная! По крайней мере не допустим теперь, будем собирать, изучать и дорожить своими памятниками. Время все истребляет, а люди как бы не думают об этом. — Пора уже нам оставить чужеземные восторги, восхищаться одним заморским и слепо думать, что мы не в состоянии создать собственного природного; что наш язык не заменит приторных выражений: *comme c'est beau! quel jolie enfant! Vraiment, c'est un ange** и т. п. — Оставим это доказывать прекрасному полу, и кто смеет спорить с ним? Кто будет столь невежлив, чтобы осмелился сказать: сударыня! вы ошибаетесь, вы судите ложно!!! Мужчины не одарены нежным свойством судить ложно и не все они так пристрастны, как римский император Карл V, который утверждал, что на испанском языке говорят с Богом, на французском с друзьями, на немецком с неприятелями, а на итальянском с женским полом. — Мы знаем, что наш язык сладкозвучен и чувствителен, громок и живописен, силен и богат. Иностранные писатели этого не знают — и какая надобность знать им? Они любят свое и ожидают только похвал от нас своему собственному — а мы? — Мы точно их хвалим, ничего не надеясь от них в нашу пользу, потому русским надо внимание русских. — Какого хотите от нас внимания? Разве мы не читаем русских повестей, рассказов? И помилуйте, Бог знает что говорите! Требуете нашего внимания! А посмотрите, есть ли у

* *«Как это прекрасно! Какой милый ребенок! Действительно, настоящий ангел...»*

нас язык? Где он? По каким примерам станем изучать его? — Говорят, что его надобно изучать в высшем обществе; говорят, что там он господствует во всей чистоте и правильности. — Подобные замечания мне делали часто. Что я мог отвечать? Молчал — и мое молчание всегда принимали за согласие с ними, что у нас нечему учиться, что наш язык употребляет *mauvais gens!* — чернь! простые люди!! — Внимание нужно к русскому языку потому, что он наш отечественный, а кто любит отчество, тот любит свой язык. — Повести и рассказы доставляют приятное чтение, читать же их без разбора, без знания языка то же самое, что ходить по золотоносным горам и не видеть золота. Надобно прежде изучать красоту и прелесть слова. — Язык не только существует, но он богатейший в мире после аравийского; образцы его оставили нам бессмертные наши писатели: светские и духовные; у них должны изучать, а не в высшем обществе, где часто говорят не по-русски, мешая природные слова с иностранными, даже там многие не оценивают его — это уже доказано*. Ни московское, ни новгородское, ни ярославское наречие, ни другое какое-либо не может сделаться повсюдным. Это только местное наречие, но самое лучшее, правильнейшее и

Благородные французы сами осуждают пристрастие наше к их языку. Une des qualités les plus remarquables de l'esprit des dames de la Russie, c'est leur facilité à apprendre les langues étrangères. Il n'est aucun idiome moderne qui les présente des difficultés: elles parlent et écrivent le françois comme si elles étoient nées à Paris, tandis qu'elles peuvent à peine épeler un livre russe. Il n'est pas étonnant qu'elles négligent leur langue maternelle: on ne daigne guères la parler dans les cercles. La langue russe, ne s'emploie que pour les affaires d'état, les plaidoyers, les procédures et les actes religieux. <Одно из самых замечательных качеств русских дам — это их легкость в изучении иностранных языков. Для них никакой современный язык не представляет трудностей: они разговаривают и пишут на французском так, как если бы они родились в Париже, хотя в то же время они едва могут разобрать русскую книгу. Нет ничего странного в том, что они не знают родного, отечественного языка: разговаривать в их кругу на нем считается абсолютной неприличием. Русским языком пользуются только для официальных дел, жалоб, различных бюрократических процедур и в церковной службе>. — Breton. «La Russie», т. I, с. 30 — 31, изд. Пар. 1813 г. Должно отдать справедливую честь ученым русским и некоторым знаменитым государственным сановникам в том, что они дорожили своим отечественным языком и говорили на иностранном по одной необходимости, а именно: Румянцевы-Задунайские, Потемкины-Таврические, Суворовы-Рымникские — Итальянские, Безбородкины, Панины, Разумовские и многие другие. Бессмертный творец *оды «Бог»* Г. Р. Державин всегда сердился, когда слышал говорящих не по-русски, особенно тех, которые давно поселились в России. Он требовал от всех, чтобы они везде употребляли свой язык, чтобы этим способом заставить иностранцев изучать наш язык. — Однажды пришел к нему сапожник с денежным счетом и стал изъясняться по-немецки. — Державин сказал с негодованием: долго ли ты будешь говорить со мною по-немецки? Более 20 лет, как живешь здесь! — Пришел к нам босой и полунагой, а теперь уже имеешь два каменных дома, с коих получаешь несколько тысяч в год доходу. Хотя бы из благодарности к счастливому для тебя Петербургу говорил по-русски.

чистейшее, существует между людьми, изучившими свой язык по определенным правилам, которые, однако, не могут

Весьма странно и даже обидно, что очень многие из наших соотечественников изъясняются на иностранном языке, оставляя свой в пренебрежении. Встречаются ли они с французом, немцем или англичанином — тотчас залепечут на их языке, хотя последние очень хорошо знают наш природный. Войдите в общество, где иностранцы разных племен, русский непременно станет изъясняться на их наречии. Посмотрите же на немцев, французов и англичан, они никогда ни с кем не заговорят, как только на своем языке, даже стараются заставить иноземцев выражаться на их природном. Вам случалось видеть, о, я думаю, весьма часто, что в одном и том же собрании все разговаривают сначала по-русски, но если появятся немцы или французы, то все изменяется: немцы пристают к немцам, французы к французам и т. д., составляют свой круг и говорят на своем языке, в посмешение русским. Русские это терпят, слушают хладнокровно и отнюдь не заботятся заставить их говорить по-русски — а иноземцы торжествуют! Что это значит? Любовь иностранцев к своему собственному, ревностное стремление распространять повсюду свое отечественное. А мы, русские, в безмолвном благоговении пред говором иностранным учимся ему с горячностью неистощимой; потеем от всего усердия над тем даже, как чисто и правильно произносить, к унижению собственного нашего языка.

Когда мы ознакомились с иноземным духом в XVI в., тогда вошло в пословицу: «Славянскому языку не видать добра от немецкого». См.: «Дела польские», л. 320 на об. л., и Кар. «И. Г. Р.», т. X, с. 101, пр. 166, изд. 1824. — Предки наши под именем немцев разумели всех иностранцев. — Предание об истреблении нашего языка весьма нелепое; оно похоже на предсказание — завладение русскими Царьградом. По крайней мере завещание восточной империи взято из того повода, что Олег повесил щит свой на константинопольских воротах в 906 г. — Но эту молву распространил польский летописец Стрийковский (см. его сочин. гл. III.).

В X в. была найдена надпись, неизвестно кем написанная под истуканом Беллерофона, который стоял на таврской площади в Царыграде: «*Russici
nedaeno opusioha Konstantinopolis*», а не предсказание, что русские овладеют Константинополем. — In medio fori (Tami) alrio est statua equestris, quam quidam Iesu Nave, alii Bellerophontis esse volunt. Allata vero fuit ex magna Antiochia. Caeterum basia lapidea quadrilatera equestris illius statuae habet insculptas: *historias russorum, qui novissimis diebus urbem vastaturi sunt,* cuius rei impedimentum est perquam minimum illud signum; quod vinetum ae genuflexum illie positum visitur. Praeterea quoque pes levus magni equi, quod in eo inscriptum est, praesignificat. Similiter est magna columna concava et Xerolophus ultimus urbis casus expugnationes quae representant <«Посреди двора — статуя всадника, согласно одним — Иисуса Навина, другим — Беллеронта: Она была привезена из великой Антиохии. На квадратном каменном основании сей статуи высечены слова: «История руссов, которые в новейшие дни грядут опустошать город», а на задней стороне — едва различимое изображение виноградника и в нем <человека>, преклонившего колени. Кроме того, имеет значение левая нога большого коня, вписанная там. Подобным образом <значительны> большая полая колонна и последний ксеролофус <боец-гимназист> города, павший в сражении, там бывшем»>. — Banduri Imper. orient., т. I, с. 16, в статье «*Anonymi antiquitatum constantinop.*» lib. I, см. Nicetas Choniates, с. 412 и 414; Codinas. «*De origin. Constant.*», с. 24. Все они трое, жившие около 1100 г., свидетельствуют общее сведение о взятии русскими

быть постоянными, положительными: с просвещением народа язык изменяется — а отсюда следуют изменения и новые

Царьграда, но никто из них не говорил о предсказании, что русские овладеют Константинополем. *Le souvenirs de ces flottes arctiques, qui sembloient descendre du cercle polaire, érouvanta longtemps la cité impériale* <Воспоминания об этих арктических флотилиях, которые, казалось, опустились с Полярного круга, долго приводили в ужас имперский город>. Далее, когда русские опустошили предместье столицы при Игоре и Святославе, тогда разнесли молву, что они завладеют Царьградом, как обыкновенно происходит, когда угрожает опасность столице. *Le vulgaire de tous les rangs assuroit et croyoit, que l'inscription d'une statue équestre, qu'on voyoit dans la place du Taurus, annoncoit comment les Russes deviendroient un jour maîtres de Constantinople* <Простые люди самых разных слов убеждали других и верили сами, что надпись на одной из конных статуй, которую видели на площади Тавруса, возвещала, что однажды русские станут хозяевами Константинополя>. — Gibbon. *Hist. de la décad. de l'emp. tom. I, гл. LX*, та самая глава на английск. языке. Иные думают, что медная статуя Беллерофона, привезенная из Антиохии, изображала победителя баснословной Химеры, а другие Иисуса Навина. — Французы, овладев Царьградом в нач. XIII в., спалили ее. — Но откуда взято предание об истреблении нашего языка или о завладении Царьградом? — Просто вымысел и, говоря словами Гиббона: *an odd dilemma!* <Древняя загадка>. — Было время, когда наши предки преследовали эллинское учение и знание. По переводу с греческого яз. на славянский некоторых священных книг греки мало-помалу усилились при дворе и, наконец, все высшие места по управлению церковью остались за ними. Почти все митрополиты высыпались из Константинополя и не многие из русских, едва ли более четырех, были посвящены в митрополиты. От этого самого изучение греческих знаний было вводимо необходимостью; а влияние греков на все дела вооружало наших предков не только противу имени грек, но даже противу полезного знания: кляли эллинскую мудрость, называя ее хитрою, коварною, смешав знание с пронырливым и сребролюбивым духом. — Не щадили и тех, кои не из честолюбия, но из общественной пользы преследовали суеверие, злоупотребление, невежество церковнослужителей и исправляли церковные и богослужебные книги. Так безвинно погиб Максим Грек, живш. в XVI в., который более 30 л. томился в темнице. — Так патриарх Никон не избег нареканий от своих современников за исправление им церковных книг. Суеверы и невежи, приписывая это наущению эллинскому, произвели расколы. — Но когда страсть к греческим знаниям уменьшилась с распространением сведений Западной Европы, не ближе к концу XVIII в., тогда стали кричать на немцев и французов, и имя немца обратилось в бранное — новая крайность! Не должно переходить от крайности к крайностям. Что полезное, то полезное, а потому ни одно из полезных знаний не может вредить народности. Но унижать чужое, потому что оно хорошее, это значит унижать достоинство человека; унижать чужое, потому что оно чужое, это значит быть пристрастным к своему собственному и несправедливым к заслугам чужим. Нам не вредят иноземцы, а мы сами вредим себе: мы хватаемся за все чужое, не разбирая и не рассуждая, что хорошо или дурно. Не должны осуждать иноземного без основания, потому что придется все осуждать иноземное; а когда пересудим все, примемся осуждать свое и дойдем уже до того, что свой язык будем называть варварским, не европейским — а между тем не будем ли сами виновны?

правила. Тот бедный язык, который стоит на одной ступени. Французский уже не двинется далее; только вносятся в него преобразованные слова вместо застарелых, а застарелые занимают место новых, так что в нем теперь произошла мена слов. — Если бы допустить, что в обществе заговорили бы в одно время на ста местных наречиях, проистекающих из одного общего, родного им языка, то вышло бы странное смешение — недалеко от вавилонского. — Каждый захотел бы отдать преимущество своему туземному выговору, произошли бы споры, а за спорами неуместные доказательства. Мы знаем на опыте, что в образованном обществе говорят наречием правильным и очищенным. Это доказывает, что эти люди изучали его свойство, силу и дух; что они знают, где надобно избегать несвойственных выражений, приличных одному какому-нибудь месту, городу или деревне; что они сами признают тот правильным язык, который освобожден от местных привычек. Смешно было бы, если бы кто стал изъясняться книжными словами. Были примеры, что многие из прекрасного пола говорили целыми статьями из какого-нибудь любимого ими романа или повести, написанной, правда, увлекательно, но это обнаруживает явное незнание языка, слепой вкус и тщеславное желание блеснуть чужими оборотами выражений, которые весьма кстати были сказаны писателями; но изуродованы легкомысленными подражателями*.

МЕСТИНЫ ОТЛИЧИЯ И НАКЛОННОСТИ РУССКИХ НЕ МЕШАЮТ НАРОДНОСТИ

Наше отчество, заключающееся в пределах трех частей света, на пространстве 350 000 кв. м., имеет народонаселение до $63\frac{1}{2}$ мил. На одном этом протяжении рассеяны многочисленные племена, не сходствующие между собой ни нравами, ни образованием: живут язычники, иноверцы, кочевые и полудикие; но число их довольно незначительное. Можно насчитать более 100 племен, совершенно чуждых одно другому; но все сохранили свой язык, веру и предания. Расселение племен можно подвести под 12 родов: 1. славянское,

* Один именитый купец, любящий говорить высоколарно, всегда начинает свой разговор красноречиво, затвердив наперед тьму украшений, коих не понимает он силы; продолжает разговор с жаром пылкого и даровитого вития. Его слушают и не понимают. Наконец, после утомительного ораторства для него самого, он оканчивает свою речь тем, что у него продаётся лучший табак, или: ради того, чего иного, совокупного — совокупления, приятного приятства, для нашего дружественного кампанства — табак дешево продаю, и самый лучший-с, право-с, да-с.

2. германское, 3. латышское, 4. финское, 5. татарское, 6. кавказское, 7. монгольское, 8. манчжурское, 9. самоедское, 10. племена американского происхождения, 11. жиды, 12. цыгане. Славянское, состоящее из русских, малороссиян, казаков: донских, черноморских, уральских, сибирских, гребенских и пр. и поляков простирается до 54 мил.; исповедующих же православную веру до 50 м. Германцев более $1\frac{1}{2}$ м., остальные 8 м. образуют все следующие за ними десять племен. Господствующий народ далеко превышает числом все другие, и нет никакой опасности от разноплеменности обитателей, тем более что самодержавие, вера и просвещение утверждают общественное направление ко всему благому. — Владычествующий народ, тесно связанный религию, преданный своему отечеству, радующийся его благосостоянию, имеющий свое могущественное царство и гордящийся им, упрочивает безопасность нашу. Правители царств всегда смотрят далее своего века, а мудрый монарх бессмертен в делах своего народа. Россия, обязанная своей славою великодушному самодержавию, Россия, любя своих царей, как дети отца, умеет благотворить и своим врагам. Она любит их, как ближних, но еще более любит своих русских.

Несмотря на разнообразные наклонности и свойства природных жителей, у них общее народное: вера и благо отечества. — Разнообразие это происходит от местных привычек, а не от духа; оно никому из них не препятствует гордиться общностью и дружеством; оно, раскрывая друг пред другом превосходство в способностях, успехах разума и промышленности, соревнуя их друг пред другом, одушевляет к постоянным предприятиям и напоминает каждому гражданину о почетном его назначении.

Пограничные обитатели севера и степей, отличающиеся особою телесной крепостью, занимаются звериною и рыбиною ловлями и меновой торговлею: они смелые и отважные. Беспокоимые часто хищническими набегами, они беспрерывно борются с ними, оттого умом хитрые, изыскательные, воинственные; росту среднего, стану гибкого, цветом лица смуглые, волосы имеют черноватые. Внутренние обитатели северо-восточной части проницательные; все они с большими наклонностями к познаниям: переимчивы и изобретательны, деятельны и неутомимы. Торговля всеми вещами, приобретаемыми изнутри и вне поверхности земли, промышленность и фабричные произведения, проистекающие отсюда, расходятся по всей империи и вывозятся за границу. Выгоды, получаемые от деятельности и предприимчивости, распространяют изобилие и роскошь — изощряют ум и

направляют его к полезному образованию. Внутренние обитатели, одаренные предприимчивостью, устремляются в отдаленные края, чтобы изыскивать средства к постоянному своему улучшению. Наделенные мужеством и самоотвержением, они жертвуют своими частными выгодами общественным; устраивают общеполезные заведения и расширяют область познаний. Более хладнокровные, чем горячие, они прежде рассчитывают, нежели решаются. — Гражданственность, услаждающаяся очарованиями преданий и народными рассказами о собственном величии, утверждает прочность обитателей внутренности России — потому-то здесь гораздо более, нежели где-либо, каждый дышит любовью к своей родине. Тут не поэзия, не жажда честолюбия — жить в потомстве, а наука любить отечество. — Жители юго-западной части, избалованные расточительной природою, более ленивы, но пламенны. Они роста высокого, гибкие телом, привлекательны собою и по большей части страстные поклонники неги. Белые лицом, с волосами черными и глазами огненными, они страстно любят умственные занятия. Нигде между русским народом не было такой высокой поэзии, как между малороссийскими казаками. Шел ли казак на войну, он одушевлял себя песнями и рассказами об удальстве своих витязей и атаманов. Жил ли он в мире, служил примером доброго и верного гражданина. То же чувство руководит им ныне: он любит Россию с жаром юноши — это им доказано. Излишне было бы приводить примеры, что из его казацкой страны вышли добродетельные святители, великие государственные мужья в политике и на поле брани и знаменитые ученые, которые все служили с такой же беспредельной ревностью, как и собственно русские. Между малороссиянами и русскими нет никакого различия: один дух и одно благородное желание управляет ими. Если мы видим различие нравов, то это не есть противодействие народности. Мы уже говорили, что народность основывается на общественном стремлении к единству, коего возглас есть: благо и слава народа, поэтому всякий из нас дорожит своей святой Русью, гордится своим именем, отвечает всегда радостно на призыв любимых нами монархов, коим наше отечество вручено самим Провидением. Каждый из нас хранит в сердце своем заветные слова наших предков, что мы должны жертвовать собою за веру, царя и отечество и помнить твердо: с нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любовь к собственному счастию рождает любовь к своему отечеству; благородное честолюбие каждого, народную гордость. — Народная гордость не может существовать без сознания собственного достоинства; слава народа не может проявляться без любви к отечеству. Напрасно некоторые говорят, что любовь к отечеству можно внушить умствованиями. Кто не гордится народностью, тот не может питать любви ни к чему родному. Кто не знает, что народность есть истинная любовь, основа к благоденствию царства, тот только может быть всемирным гражданином. Божественный свет религии скрепляет все общественные связи, а народность утверждает в любви к своему отечеству. Религия есть тайный союз человека с Богом; внутреннее, неизглаголанное чувство с Небом: она выше всего земного, выше всех мудрых законов; но народность есть душа отечества, врожденное чувство ее жизни, невидимая связь соотечественников, сближение ее с одними чувствами, с одними мыслями, и она везде действует на земле с самоутверждением, как действовала прежде, — следовательно: народность есть выражение любви к отечеству. — Но каким образом можно приобрести народность? Станный вопрос! Как будто бы народное чувство можно купить как сребролюбивое сердце. Но тот, который продает себя, продает себя всем безотчетно. — Как же мы можем понять народность и где можем ее изучать? Вопрос весьма важный, но ответ написан в сердце каждого русского: в воспитании народном*.

* Нигде общественные узы не были столь крепкие, как между евреями. У них изливалось народное чувство и воспитание из самого общественного духа. В Индии, Египте, Вавилоне, Сирии, Мидии, малоазийской Греции и Финикии утверждалось образование государственными постановлениями, основанными на свойствах своего народа. В Персии само воспитание было общественным занятием. Там дети с младенчества своего принадлежали государству. В Греции и Риме образование детей по своим законам и своим обычаям обратилось в народную гордость. Младенцы с материальным молоком всасывали там нежную любовь к отечеству, как к очаровательному образу, воспламенившему и сердце, и ум. От этого явились там, исполненные любви образцовой: Мильтиады, Фемистоклы, Аристиды, Кимоны, Периклы, Бруты, Сцеволы, Цинцинаты, Камилы, Регулы, Маркелы, Сципионы, Фабриции, Фабии, Катоны, Эмилии, Гракхи, Помпеи, Цезари, Августы, Меценаты, Германники, Веспасианы, Трояны, Марки Аврелии, Антонины, Стиликоны, Велизарии и многие другие бессмертные мужи. — В Спарте, где все было напитано духом народным, смотрели на иноземцев с недоверчивостью и не допускали их к важным должностям. — То же самое было в Карфагене и почти во всей европейской Греции. — Германские племена и франки дали новое направление воспитанию. Соединив религию с семейным воспитанием они укрепляли его на народной преданности своим нравам, обычаям и своей стране. — По основании новых

Иноземец никогда не воспламенит сердца нашего к отечеству нашему — потому что он чужд его. Не согреет наших чувств трогательными примерами из нашей истории, потому что не знает их или увлекается пристрастием. Он всегда уверен в достоинствах своего народа и всегда склонен к мысли о превосходстве своих соотечесвий. Он будет указывать на разительные примеры только из своей истории — как будто бы у нас их нет! Как будто бы мы скучны ими! Нам надобно знать свои примеры и любить в них свое возвышенное, свое родное. Как несовместны в природе две любви, так никто не может любить двух отечеств, а потому напрасно увлекаться безотчетным благоговением к одному иноземному. Не поймем народного духа, когда не станем изучать его. Прилепляясь к чужому, мы не сроднимся с ним и не оценим своего. Мы должны заставить наших клеветников уважать нас — преданностью своею к самодержавию и православию, к своему величию и отечству. Кто думает дурно о своем отечестве, тот не достоин жить в нем. Если злословы наши стараются видеть у нас все дурное, то могут ли они сказать когда-либо хорошее? Если осуждают нас, то единственно из ненависти к нашей силе. — Кто может противоречить истине? — О! Если найдутся люди, то да поклянутся гробами своих родных, чтобы обличить нас. — Нет! Не найдется дерзновенного... и если... нет! нет! — Творец милосердный! Не допусти их до заблуждения. — Русский любит свою землю, свое солнце. Земля — его мать, солнце его мир ненаглядный: оно согрело его помыслы благородные, озарило величием, пленило сердце славой и той землею, где все мы родились, живем и ляжем подле наших отцов — умрем с ними, любя свою родину, свою землю.

Следуя правилу государственной науки — ограждать свою безопасность и укреплять народное чувство, мы должны стремиться к образованию, свойственному духу спасительного самодержавия. Своими победами мы устранили препятствия, заграждавшие *<путь к>* успехам образования: теперь мы должны усваивать одно доброе и полезное. Мы живем в России и должны жить для нее. Мечтая о гениальности чужих умов — как будто бы у нас их нет и не было! — не вознесемся чужим умом и не будем счастливы ложным, чужим счастием. Россия — счастье наше.

европейских монархий это направление упрочено потребностью общественного образования и соединено крепко с духом народной гордости.

ЖИЛИЩА

ПРЕВОСХОДСТВО
ЕВРОПЕЙСКОГО
КЛИМАТА
ПРЕД ПРОЧИМИ
ЧАСТЬЯМИ СВЕТА

Благословите, братцы, ста-
рину сказать —
Как бы старину стародав-
нюю.

Древ. рус. стих. собр. Кирш. Дан., с. 17.

сли станем рассматри-
вать Европу с незапа-
мятных времен, то она

представится нам самою бедной страною. За исключением хвойных лесов и незначительных растений все, что в ней находится теперь, есть иноземное, перенесенное из других частей света, не говоря уже о просвещении. Нынешним богатством она обязана единственно труду и деятельности человеческой. Хлебные растения: рожь, ячмень, овес, гречи-
ха, пшеница, кукуруза, полба перенесены из Азии; плодо-
носные деревья, кроме тощих видов груш и яблонь, перешли
к нам из Азии. Римляне за несколько лет до Р. Х. перенесли
вишню, лимоны, виноград, дыни, финики, персики (из
Персии), померанцы (из Китая), розы (из малой Азии). —
Картофель, табак, разные виды домашнего леса, большое
множество полезных и приятных для глаз растений и де-
ревьев; цветы, душистые травы, тополь и пр. перевезены из
Америки. Домашние животные по большей части, кроме
лошадей, верблюдов и ослов, суть туземные; серна, сайга,
дикие козы, овцы и пр. суть переносные; медведь, волк,
лисицы, заяц и кролик приписываются Европе. Из птиц
павлин вывезен римлянами из Азии, индийский петух и
некоторые другие птицы не европейские. Усваивание вели-

кого множества растений и животных доказывает бывшую непроизводительность Европы и с тем вместе воспроизводительность ее земли пред прочими частями света, потому что в ней легко принимаются произведения тропических стран и обращаются в туземные. Европа не имеет ни гор, ни рек, ни долин, ни степей, какие в Азии и Америке; ее леса скучные в сравнении с мирозданными Америки; ее животные даже карлики в сравнении с великанами африканскими и азиатскими; зато природа ее восприимчивая, воздух умеренный и здоровый. Ей неизвестны ни опустошительные ураганы, ни мгновенный переход от чрезвычайного жара к оцепеняющему холodu, как в Азии и Америке. Небо не сияет тропическою прелестью, не обвораживает смертного, зато не веют на него заразительные болезни, истребляющие целые города. Азиатская и африканская моровая язва, желтая лихорадка Америки останавливаются на пределах Европы. Холера, зашедшая к нам из восточной Индии, не появляется более. У нас нет тех страшных пустынь, как в Азии и Африке, где они образуют кладбища от внезапно умирающих людей; мы не подвержены нападению бесчисленных роев ядовитых насекомых и высасывающих кровь; мы не терпим хищнических опустошений от свирепых зверей, ни удущливого зноя. Если европеец не отдыхает в прохладной тени величественного пальмового дерева, то он засыпает безбоязненно среди безвредных своих полей и лесов. Его не тревожит неожиданный ужас, быстрое дуновение заразительного ветра или нечаянное нападение лютого животного.

ДРЕВНЕЙШИЕ СВЕДЕНИЯ О РОССИИ

Эту часть света занимали в самой глубокой древности германы и славяне. Все они жили первоначально в лесах; болота и высокие горы разделяли их друг от друга. От Карпатских гор и устья Вислы до Пиренейских гор и Атлантического океана воздух был суровый и холодный; зима стояла по полугода и дикие звери витали здесь. В X в. по Р. Х. находим эти места измененными: людность смягчила суровость природы; но и тогда еще леса непроходимые, по берегам Дуная и Роны, наводили ужас, и зимы бывали продолжительные. Еще в XV в. германцы носили меха и согревались дома огнем.

Гомер, писавший <в> IX в. до Р. Х., или <в> 27 в. до нашего времени о южной части России, нынешней Тавриде, передает о ней известия со смесью баснословия: «Там небо подернуто вечными туманами, солнце не показывается на горизонте и глубокая ночь царствует вечно». — Эти известия

хотя не совсем верные, однако весьма любопытные, даже важные: они подтверждают общее мнение, что часть Европы была мрачная, болотистая и холодная; жители ее были дикие дети природы.

Места от Карпатских гор до Балтийского моря и далее на север до Ледовитого моря вовсе были неизвестны ни римлянам, ни грекам даже до пол. V в. до Р. Х. Они имели о ней самые темные и изуродованные предания. Персидский царь Гистасп Дарий, жив. за 500 л. до Р. Х., и македонский царь Александр в первой пол. IV в. до Р. Х., гонясь за кочующими скифами от Азовского моря до р. Дон, встречали на сем пространстве степи и безлюдность. Орды многих племен проходили здесь, вытесняли бездомных обитателей, которые в свою очередь были выгонямы отсюда другими. Геродот, живший за 445 л. до Р. Х. и сам посещавший греческие поселения в нашей Тавриде, исчисляет уже племена, имевшие гражданскую оседлость. Он говорит, что места между Тавридою и Днепром были необозримые степи и безлесные; что зима стоит 8 месяцев и воздух в это время наполнен летающими перьями (снегом); что Азовское море покрывается льдом, по коему ездят жители на санях и сражаются на нем, ничего не боясь; что некоторые из них питаются человеческим мясом, а другие обращаются ежегодно в волков на несколько месяцев — первое означает свирепость народа, а второе, что зима там была довольно жестокая и люди одевались в волчьи кожи, а, быть может, в баараны, из коих стали выделывать шубы. — О полуночных землях носился один темный слух, что там живут люди, которые спят шесть месяцев в году (в продолжительные ночи на севере). — Об отдаленнейшей части севера потеряны известия. Хотя Тацит (писатель первого века по Р. Х.) говорит о балтийских вендах, наших соплеменниках, что они имели дома, жили в кибитках; однако мы ничего не знаем о климате прибалтийских наших мест. — Иорнанд, готский писатель VI в., говорит уже о многочисленности наших венедов. Вообще можно сказать, что одни греки и римляне передают нам некоторые сведения о славянах, которые были неверные, сбивчивые и искаженные, именно, что вся полоса земли от балтийских берегов до устья Днепра была покрыта лесами непроходимыми и болотами, которые испугали Бату в начале даже XIII в. идти на Новгород; что почва была необработанная и представляла пустыню, что стаи диких и хищных животных рыскали по пространству необозримому, снега глубокие ужасали туземцев, но реки изобиловали рыбью, а леса дичью и пушными зверями. Последнее известие согласуется с безлюдностью, потому что это есть принадлежность всех незаселенных и холодных стран. Хлебное растение едва тогда было известно, и оно заменилось кореньями,

земляными плодами, мясом дикого животного, молоком и сыром.

ЖИЛИЩА СЛАВЯН

На этих холодных и безлюдных местах селились славяне и жили по природе: в лесах и пещерах*. Когда они получили гражданскую оседлость, а с тем вместе и выгоды от постоянных жилищ, тогда стали строить хижины; но в местах диких, уединенных и среди непроходимых болот иноземец не мог путешествовать в их земле без вожатого. Ожидая беспрестанно врага, славяне брали еще другую предосторожность: делали в своих жилищах разные выходы, чтобы в случае нападения можно было спастись: скрывали в глубоких ямах драгоценные вещи и хлеб и селились более между болотами и лесами**.

С узнанием выгод от скотоводства и земледелия они получали от них все необходимое для поддержания своей жизни: поля и животные снабжали их пищею и одеждой; непроходимые леса охраняли жилища и служили при военных событиях часто оградою. Не страшились уже ни голода, ни свирепых зим, ибо запасались достаточными пособиями, которые находились в их стране.

ЗДАНИЯ ДЕРЕВЯННЫЕ И КАМЕННЫЕ, ХОРОМЫ В. К. ОЛЬГИ

Первоначальные жилища состояли из лесных срубов; ставили их обыкновенно по произволу и удобству хозяйственных помещений. Внутренность их состояла из одной общей комнаты, в смежности с коею находились при-

* Довольно странно, что шведский историк Далин говорит утверждительно, что вся Россия, представляя в глубокой древности одни острова, была от Новгорода до Киева шведскою провинциею и что около Р. Х. большая часть Швеции скрывалась еще под водою. Dalin «Geschichte der Schweden». Рожер Бакон еще более рассказывает баснословного, что тунгусские татары имеют коров с лошадиными хвостами и доят их при пении песен. «Observations du moins Roger Bacon» <Наблюдения по меньшей мере Рожера Бакона> — в собр. Бержер, с. 19, изд. 1735 г. in 4⁰ — Бакон жил в XIII в., ему извинительно, но Далин в XVII в. и славится своей историесю.

** «Strit Mem. popul», т. II, с. 29; Иорнанд «De reb. Gethic», с. 85. Ni paludes sylvasque pro civitatibus habent <Они имели в качестве поселений болота и леса>.

Зарывание хлеба в землю господствовало в Малороссии до наших времен. Еще недавно казаки для сохранения зернового хлеба ссыпали его нарочно на зиму в ямы, в коих он оставался невредимым.

стройки для домашнего скота и птиц и для хранения земледельческих вещей, хлеба, сена и пр. Овины или гумно стояли недалеко от избы. Мы не имеем самых древних сведений о наружности и постройке наших домов. Судя о простоте тогдашних нравов, должно думать, что избы и хоромы располагались без украшений, но строились, сколько нам известно, из дерева. Жилые покой стояли внутри двора и обводились деревянными заборами с решеткою и без решетки и частоколом. Конечно, это делали одни богатые; недостаточные и бедные окружали плетнем или оставляли незагороженными, как доселе по многим городам, селениям и деревням. Хоромы в. к. Ольги были уже каменные (в пол. X в.). Стены и башни, окружавшие города, были деревянные и каменные. Владимир I строил церкви и здания при содействии греческих художников, напр. дубовую церковь Успения Пресв. Богородицы (в 991 г.), и украсил ее иконами и церковными вещами, доставленными из Константинополя. Того же года такая же церковь с тем же именем построена в Ростове, которая стояла 168 л. и сгорела во время пожара*. В пол. XII в. построена каменная церковь в. к. Андреем Юрьевичем во Владимире на Клязьме во имя Успения Богородицы, с одним куполом**. Церковные каменные здания предшествовали построению домов.

ЕДИНООБРАЗНОЕ ПОСТРОЕНИЕ И РАСПОЛОЖЕНИЕ КОМИАТ

Нет сомнения, что за исключением Ольгина терема все тогдашние сельские избы не отличались от нынешних: были невысокие, крылись досками и соломою. Горожане строили высокие дома и жили обыкновенно вверху или в верхнем жилье, это видно из того, когда язычники киевляне хотели принести в жертву идола Перуна христианина, родом из варяг, тогда подрубили сени и убили его с отцом. — Тело умершего Владимира I спустили по веревкам из верхнего

* «Русская лет. с воскр. сп.», ч. I, с. 154 — 155. — Церкви назывались у нас *ропатами*. После в. к. Владимира I, возвратившись с известием о вере болгарской, называют их храмы *ропатами* — «Лавр. сп.», с. 73 — 74. — Ганзейцы просили дозволения у новгородцев построить *ропату*; церкви лифляндские именуются в царств. летоп. *ропатами*. См. царств. летоп. под 1563 г.

** «Русск. лет. с воскр. сп.», ч. II, с. 44 — 62. Еще в XIII ст. церковь Св. Богородицы была вымощена (в Суздале) красным мрамором. — Там же, ч. II, с. 192.

жилья, разобрав помост между двумя клетьми. — Низ дома служил тогда для погребов, называвшихся медушами, потому что в них хранился мед, и для кладовых. — Дом делился на клети (комнаты). — Он разделялся пополам сенями, называвшимися иногда помостом. Вдали от дома строились особые почивальни или одрины, коих название чисто славянское показывает, что тут стояли постели и служили не для одного ночных отдохновения, но и послеобеднного. — Наши предки любили уснуть после обеда, и это называлось у них отдохнуть немножко.

Приемные в велиокняжеских покоях еще до Владимира I назывались *гридницею*. В ней в его время угощались бояре, гридни, сотники, десятские и все нарочитые люди (именитые граждане). Гридни составляли отборную дружину княжескую, которая переименовалась потом в мечников*. На дворе строили вышки и повалуши для голубей, коих любили наши предки издревле, и назывались еще голубницами**. Хоромами назывались у нас высокие деревянные дома, а теремами покой или комнаты, расположенные в верхнем ярусе.

ОСВЕЩЕНИЕ

Жилые покои освещались свечами и светильнею. В велиокняжеских и боярских хоромах горели восковые свечи, потому что воску было у нас в изобилии: его снимали в лесах из диких пчельников и продавали, вероятно, дешево; недостаточные люди жгли обыкновенное масло, наливаемое в глиняные круглые сосуды, как поныне в обыкновении между малороссиянами, у коих такой сосуд называется каганец, а в Великороссии жирник. Простые или бедные люди жгли лучины сосновые, которые поныне в употреблении. Иностранцы, бывавшие у нас по делам посольским в XVI и XVII в., говорят единогласно, что путь их в ночное время освещали лучинами, которые горели так светло, как бы самое солнце светило среди дня; что по дорогам зажигали смоляные бочки, пушки соломы и костры дров. — Сальные

* Гридни, или гридень, происходит от шведского слова *gred*, меч. Их сравнивать можно с придворной стражею.

** «Лет. Нестора по кенигсб. сп.», с. 47, 51, 72, 91 и 93. Повалуша, упоминаемая в значении голубятни, встречается в древн. русск. стихотв. Кирилла Данилова, с. 61. — Вышка означает в Смолен. губ. верхнюю комнату в жилье, подобно чердаку; она делается без печи и в ней только живут летом.

свечи появились у нас не прежде XVII в., их в это время употребляли уже многие*.

Сальные фабрики появились в царствование Петра I, и тогда они стали входить во всеобщее употребление. Подсвечники появились, конечно, с восковыми свечами, и церковные служили им образцом.

КАМЕННЫЕ ПАЛАТЫ

Строителями домов были природные русские. Наш мужик, от природы сметливый, сам плотник и зодчий; так было и в самой отдаленной древности. В XII в. распространялись у нас ремесла и полезные знания; мы имели живописцев и строителей иноземных, кои преимущественно занимались украшением храмов**. Кремлевский дворец был первоначально деревянный, как дворцы великих князей в Киеве. — В. к. Иоанн Калита, украшая Москву каменными храмами, обвел ее в 1339 г. дубовыми стенами и возобновил сгоревший в его время кремник (кремль)***.

В его время были построены соборы: Успенский и Архангельский, церковь Св. Иоанна Лествичника и Преображения. До XV в. не было здесь, кроме храмов и городских укреплений, ни одного каменного дома; князья и вельможи строили деревянные по избытку леса и трудной выделке кирпича, который продавался, без сомнения, весьма дорого и, сверх того, требовал искусства в построении.

* Herb. «Rer. Moscov. com.», c. 89 — 101; Francesco da Collo «Trattamento di pace tra rè di Polonia e gran principe di Moscovia», 1518 г., stampato in Padua 1603 г., на обор. 53 л.: «quando ci accoreva far ritorni ad essi nostri alloggiamenti, in tempo di notte, erano disposti e accesì lumi di tiglia, di altezza d'un passo dall'una e dall'altra parte della strade, discosti l'un da l'altro intorno à due passi, i quali rendevano così fatto splendore, come se posse il sol da mezzo giorno» <когда нас встречали, зажгли расставленные в строгом порядке и яркие лампы с фитилями, высотой в один шаг по одну и по другую сторону улицы на расстоянии двух шагов друг от друга, которые возвращали дневной свет> — помещ. у Чилл. «Historia delle sollevazioni notabili in Polonia», gli'an. 1606. 1607 и 1608. — Arsenii. «Descr. itineris in Moscoviam habiti a Jeremia II patriarcha Constantin.», ч. I, с. 90., помещ. у Вихмана «Saml. Schrift des Russ. Reichs». Miege «Relations des trois embassades de Carlisle», с. 340, изд. 1772 г. in 16⁰.

** «Летопис. Нестора, воскресенская и новгородская». Замечательно, что соборная церковь в Суздале была выстроена нашими художниками. Тогда же славился в Киеве зодчий Милонег Петр, который построил каменную стену на берегу Днепра, под Выдубецким монастырем, и наши современники говорили о ней, как о великом чуде. — «Воскр. лет.», ч. II, с. 118.

*** Кар. «И. Г. Р.», ч. 4, с. 225, прим. 322.

Новгородский архиепископ жил уже в каменных, с тридцатью дверями хоромах, построенных немецкими зодчими (1433 г.). Его палаты были расписаны и украшены боевыми часами. На велиокняжеском дворе, за церковью Благовещения, были выставлены еще в 1404 г. боевые часы, стоявшие около 30 ф. серебра*.

Митрополит Иона построил для себя в Москве каменные палаты с домовым храмом Положения риз (1449 г.)

ПРОСТОТА В ПОСТРОЕНИИ

Среди самой столицы находились тогда рощи и луга, стояли мельницы и сады; дома боярские отличались от простолюдинов высотою и глубокими погребами, наполненными медом**. Если в это время господствовала в столице городская простота, то нельзя удивляться, что она по городам и деревням была общею. Самые деревни, состоявшие тогда из немногих изб и получившие свое название от построения

* Монах Лазарь, пришедший с афонской горы, родом сербин, снабдил часами церковь Благовещения — в Москве. См. Троицк. лет., в кое сказано, что Лазарь сам их делал: «мастер же и художник сему беяще... цена же сему беяще вящие полутораста рублей. — Князь Великий замыслил часник и постави на своем дворе, за церковью за Св. Благовещением. Сий же часник, наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и расчитая часы нощные и дневные; не бо человек ударяще, но человековидно, самозвано и самодвижно, странолено никако створено есть человеческою хитростью, преизличтано и преухищрено». — Каменные здания строились из кирпича, и, конечно, способ обделывания его был известен давно. Некоторые думают, что зодчий болонский Амуроль Аристотель, который научил нас лить пушки, во второй пол. XV в. устроил кирпичный завод и научил делать кирпичи («Летоп. русск.», ч. III, с. 43; «Кратк. церк. росс. истор.», ч. I, с. 330; Успен. «Оп. пов. о древ. русск.», ч. 1, с. 29). — Разве до него не строили из кирпича? — Нет, скажут некоторые, тогда строили из камня. — Но это невозможно! По своей редкости камень был дорог. Тогда в России нигде не знали его и теперь не строят из камня, а из кирпича, называя таковые здания каменными. Одна Финляндия доставляет в избытке превосходный гранит, который идет на дворцы, великолепные храмы и палаты богачей. Кроме Петербурга нигде не строят собственно каменных зданий: т. е. из мрамора или гранита. Самые улицы мостят здесь бульжником (овальными кусками гранита); нигде более по ощущительному в нем недостатку. — Должно думать, что Аристотель, устроив кирпичный завод, научил русских лучше обделывать его. При построении же деревянных домов знали пилить доски, но собственно пильные устройства появляются у нас в XVII в. В южной же России, с поселением в ней слободских прищельцев, перенесено искусство пилить бревна и делать для кровель гонг (дощатую покрышу). Усп. «Оп. повест. о др. рус.», ч. 1, с. 33.

** Herb. «Rer. Moscov. com.»; Paul Jov. «De legat. Moscov.»; Petrejus «Historien und Berichte von dem Großfürstenthumb Muschkows», etc., с. 8 и 9., изд. Лейпциг., 1620 г.

их среди деревьев или лесов, как селение от села или заселения мест пустопорожних, представляли повсюду единобразие: вокруг сеяли хлеб и косили траву, как и ныне. Дома горожан в XV в. строились почти по-прежнему: с большими сенями, низкими дверями, так что входивший, чтобы не удариться головою о верхний косяк, должен был наклоняться*.

УКРАШЕНИЕ КОМНАТ

Стены комнат были голые, столы и лавки дубовые только у богатых; они стояли вокруг стен, часто покрывались коврами. Тогда не знали ни стульев, ни кресел**. Великие князья при приеме послов садились на возвышенном круглом седалище, заменившем трон; во время обедов на обыкновенных лавках, застланных пышными материями, шелком и бархатом. Украшение комнат составляло повсюду изображения Св. мучеников и угодников, особенно чудотворца Николая, вставленные в киоты в углу; пред ними теплилась лампада, а в праздник освещали еще образа восковыми свечами; под иконами было почетное место; тут же стоял крытый белою тканью стол.

ПОЯВЛЕНИЕ КАМЕННЫХ ДОМОВ

Зодчество начало распространяться только в XV в. Иностранные художники укрепляли города, строили церкви каменные, и они построили Грановитую палату (1491 г.), которая в течение 320 л. сохраняла прежнюю свою красоту, и дворец Теремный (в нач. XII в.). Знатные люди также начали строить каменные дома. Митр. Зосима поставил на своем дворе три келии каменные с подклетями. Голова

*Herb. «Rer. Moscov. com.».

**Некоторые из наших писателей упоминают о стульях, бывших будто бы еще в 1158 г., а о креслах в 1602 г., но те и другие делаются известными не ранее XVIII в. Быть может, что наши писатели называли стульями и креслами круглые одноместные скамейки, которые у иностранцев назывались без разбора. О стульях см.: Татиц. «Ист. рос.», кн. III, с. 75; о креслах Щерб. «Рос. истор.», т. VII, ч. 1, с. 174. — О перемещанных названиях стульев и кресел см.: Herb. «Rer. Moscov. com.»; Paul Jovii «De legat.»; Reutenfeld «De reb. Moschoviticis»; Tanner «Leg.» — От них прочие писатели заимствовали сведения. Египетские стулья делались табуретами, кресла с высокими ручками без ножек, столы же из длинной доски, укрепленной на четырехугольном столбе. Grohman «Überreste der Gyptische Bautunst». — Название стульев встречается в XVI в.; но какая их была форма, неизвестно. Должно думать, что наши стулья были без спинок, ибо таковые стулья ставили во храме при короновании великих князей и царей и они служили вместо тронов.

Дм. Вл. Ховрин и Вас. Феод. Образец построили каменные дома (1485 г.)*. Тогда многие явно чувствовали превосходство европейцев в гражданском искусстве; старались заимствовать от них все полезное, кроме обычая, к коим оставались верными. Нельзя оставить без внимания, что построение и укрепление многих пограничных городов было производимо знанием русских, познакомившихся уже с искусством военным. — Правда, стены воздвигались деревянные, зато внутри их была земляная насыпь, смешанная с песком, или крепко сплетались из хвороста стены**, огражденные земляным валом.

ЖИЛЫЕ ПОКОИ В XV И XVI ВЕКАХ

В XV в. дома дворян и горожан были по большей части небольшие и крытые соломою; в них ставили хлебные печи, где варили и пекли, отчего покой наполнялся дымом. В тех же избах нередко толпились телята и другие домашние животные, как доселе. — По недостатку в стекле для окон обтягивали их говяжьими пузырями или намазанной маслом холстиною, которую заменили впоследствии слюдою***. В конце XVI ст. столица величалась прочными зданиями: каменными лавками и домами, но нашлись злодеи: кн. Вас. Щепин, дворяне: Вас. Лебедев и два Байковы, отец и сын, которые сговорились зажечь Москву в разных местах; однако умысел их открылся заблаговременно: виновников схватили и казнили (1597 г.)****.

ПОСТРОЕНИЕ ВЫСОКИХ ДЕРЕВЯННЫХ ДОМОВ, ИХ ВНУТРЕННОСТЬ И ВАЖНОСТЬ ВЫСОКИХ ХОРОМ

Успехи гражданского образования сколько ни были важны для удобства жизни, но повсюду еще строились дома из

* «Никон. лет.», с. 119, 122, 129.

** Поссев. «Moscov.».

*** Paul. Jov. «De legat. Moscov.»; Herb. «Rer. Moscovit. com.»; Certaine letters by Furbeville <Некоторые письма Фёрбевилля>, пом. в Гаклюйт.; Успен. «Оп. пов. о древ. русск.», ч. I, с. 32 и 33.

**** «Никон. лет.», ч. VIII, с. 29. Враг, вложив мысль в человека, в князя Вас. Щепина да в Вас. Лебедева и в их советников, чтоб зажечь Москву, и пр. — Москва, по свидетельству Ченслера, была в его время обширнее Лондона. См.: «Путешеств. Рих. Ченслера в 1553 г.», т. 1, с. 364 и 276, пом. в соб. Гакл., изд. 1809 г. — В 1520 г. было 41 500 домов, а жителей, как полагают, за 100 000. — См.: Кар. «И. Г. Р.», т. VII, с. 210 — 211. — Franc. da Collo «Trattamento di pace 1518 г.», л. 51, говорит: «Москва, состоящая большей частью на болотах, имеет в окружности три мили и судоходную реку Москву». — А теперь река Москва!

соснового леса в два или три жилья с большими крыльцами и дощатыми свислыми кровлями, а на дворах особо летние спальни и кладовые. Печи делались изразчатые, стены комнат расписывались изображениями из церковной истории. В светлицах были печи с лежанками, на коих любили покойиться ночью, или сиживали днем в зимнее время. В печных стенках делались печурки, в коих нагревали кушанье и что было надобно для хозяйства, или держали домашнюю посуду, и такие печурки заменяли часто шкафы. Петр В., построив для себя небольшой деревянный домик из трех комнат (на петербургской стороне), имел таковую же печь с печурками, в коих он ставил свой чайный прибор, разные домашние вещи и там нагревал воду. Его домик, обращенный ныне в часовню, не имеет прежней печи. — В холодных местах поныне делают у нас печи с лежанками. — Высота дома и обширность двора означала богатство и важность хозяина.

ИЗБЫ И ПРОСТОТА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ В САМОЙ СТОЛИЦЕ

Недостаточные и простолюдины жили даже в столице в дымных избах, часто без труб или с деревянными трубами. По изготовлении кушанья гасили огонь, за чем смотрели нарочные пристава. Картина сельской жизни не изменялась долгое время в Москве: вокруг домов зеленели рощи, луга, огороды и сады; у Кремлевского дворца косили сено, и в нем красовались три больших царских сада; мельницы на реках Язее и Неглинной довершали деревенские нравы*.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КАМЕННЫХ ДОМОВ

Борис Годунов, любя пышность, ослепляя богатством народ и чужеземных послов, воздвигал каменные палаты и хотел распространить вкус и изящество, но его желание не исполнилось: оно начало распространяться не ранее царствования импер. Елизаветы, которая с благополучным своим правлением умела поселить вкус к изящному — с открытием Академии художеств (1758 г.). Вообще должно сказать, что до полов. XVIII в. царствовало однообразное направление в постройках не только в простом сословии, но и в боярском. Ближние люди и бояре жили в деревянных домах без

* «Muscov. Reise», пом. в магазине Биннинга, ч. VII, с. 265; Petrejus «Histor. und Berichte von dem Großfürstenthumb Muschikow», с. 9, изд. Лейпциг, 1620 г.

украшений. В пол. XVII в. был уже отведен для царских послов каменный дом*.

У знатных людей находились на дворах летние дома и церкви. Дома делались уже просторнее; но в окнах вставляли, вместо стекол, слюду, которую получали из Карелии (нынешней части Финляндии)**.

Достоверно неизвестно, что вошло прежде в употребление в России: стекло или слюда? Хотя никаких не имеем сведений из нашей старины, однако мы думаем, что стекло, будучи вывозимо из Царьграда, употреблялось богатыми и в княжеских палатах; что недостаточные закрывали окна ставнями или залепляли пузырной кожею, как это делалось в Германии и Франции в полуобразованном их состоянии; что приобретение слюды и ее доставление, будучи сопряжено с великими трудностями по отдаленности места, сделалось известным у нас не ранее XVI в., и то в северо-восточной России, а в юго-западную не заходила тогда — в ней она поныне составляет предмет редкости.

СТРОЕНИЕ ДОМОВ И ИЗБ В ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Дома поселян и городских жителей не улучшились и в полов. XVII в.; строились, как и прежде, с высокими крышами; не сделались ни обширнее, ни красивее, и плотники наши при строении своих изб с маленькими окнами не употребляли других орудий, кроме топора, пилы и скобеля. Дома богачей и знатных особ были обширнее и выше обыкновенных. Расположение комнат было почти повсюду одинаковое. На одной половине находилась большая комна-

* «*Relatio legationis in Moscoviam, Aug. de Meyern et Guil. Calvucci*», в 1661 — 1663 г., ч. I, с. 218, помещ. в собр. Вихмана.

** Кошихин «О России в царств. Алексея Михайловича», гл. XIII, с. 118. «*La relat. des trois embassades de Charles II., vers Alexey Michailoviezz, etc. par Miege*». — Amst., 1762 г., с. 324, Petrejus «*Histor. und Berichte von dem Großfürstenthumb Muschcow*», с. 9, изд. Лейпциг., 1620 г. — Слюда была небезызвестна Мъежю, но он называет ее тальком, что не все равно. — Он так описывает: «du talc, dont les peintres en mignature se servent aussi fort frequemt pour mettre devant leurs portraits. On tire cela du rocher, qui se fend de soi — même en plaques minees et unies, de sorte qu'il est pour le moins aussi transparent que le verre., mais il ne se casse point» <тальк, коим художники пользуются в миниатюре, облицовывая им портреты. Добывают его из скал, расколотых и рассыпавшихся; он прозрачен как стекло, притом что не разбивается>. — Ясно видно, что он говорит о нынешней слюде, но неправильно то, что он смешал ее с тальком, который никак не отделяется пластами и никакой не имеет прозрачности. — Древние приписывали тальку чудесную силу: полученным из него маслом думали возвратить старости молодость.

та, которая разделялась на две или три части, и вся эта часть называлась *светлицею*. В ней окна были гораздо большие, нежели в других покоях, и по большей части выкрашенные, отчего они получили название *красных окон*, в противоположность *волоковым* или обыкновенным. Волоковые окна находились в четырехугольных отверстиях, в кои вкладывались рамы со стеклами, или те отверстия задвигались на ночь вделанною в стену доскою — это доселе в употреблении по деревням. В светлицах делывались деревянные трубы, и эти светлицы топились из сеней. Противу светлицы находилась простая комната, называвшаяся избою; между светлицею и избою были устроены теплые сени, в коих иногда находилась кладовая, именовавшаяся *чуланом*. В сенях жили горничные девушки, называвшиеся тогда *сенными*; печи делались из битой глины или муравленые, поды были кирпичные; под жилыми покоями делались подклети. В дальнем расстоянии от хором стояли конюшни, клети, спальни, *терема, чердаки и бани*.

УКРАШЕНИЕ ПОКОЕВ, САДЫ И РЫБНЫЕ ПРУДЫ

Внутренность каменных покоев обшивали досками в том мнении, что от этого в комнатах воздух здоровее, суще и теплее; стены ничем не окрашивали. У некоторых они были расписаны или обиты голландскою позолоченой кожею. Комнаты царицы Ирины, супруги Феодора, были расписаны великолепно: стены были изукрашены мусиесю с изображением на ней Спасителя, Божией Матери, Ангелов, иерархов и мучеников; на потолке лежал прикрепленный к своду лев, который держал в зубах змею с висячими на ней роскошными подсвечниками. — Две царские палаты, Большая Грановитая и Золотая Грановитая, были расписаны событиями из священной и русской истории, аллегорическими изображениями добродетели и порока, времен года и явлений природы*. Картинам, портретам и эстампам появились в это время, и первый стал употреблять бояр. Арт. Серг. Матвеев, украшая ими внутренность своего дворца, который, однако, был деревянный. — Почти при каждом доме находился сад, но наилучшее украшение домов составляли рыбные пруды.

* Arsenii «Decrip. itineris in Moscoviam», пом. в собр. Вихмана; Petrejns «Histor und Berichte von dem Großfürst. Muschkow»; «Muskow Reise». 1602 г., пом. в Библиогр. магаз., ч. VII; Olcar. Offst begehrte Beschr. d. Neuen Oriental. Reise», с. 116, изд. 1647 г.; Mayerberg «Voyage en Moscovie», с. 105, 106, изд. Leide, 1688 г.

Двор обводился частоколом или плетнем, называвшимся тыном; ворота были вальящатые, вереи дубовые, подворотна из доски или бревна.

ПОЯВЛЕНИЕ ЯГОД, ПЛОДОВ И МАХРОВЫХ РОЗ

До XV в. были у нас овощи сладкие; в XVI в. встречаются во множестве орехи, малина, смородина, яблоки и вишня. — Груши, сливы, дыни и арбузы только что разводились. Дыни славились отличным своим вкусом. Многие иностранцы утверждали, что за Самарою, между р. Волгою и Доном, растут дыни удивительные: они наружным видом похожи на ягненка и со всеми членами этого четвероногого животного, потому называются *баранцами*. Эти барашки по созре^{<ва>}нию перекатываются с места на место в длину своего стебля, выходящего из пупа к корню, и пожирают растущую вокруг них траву. На баранцах образуется курчавая кожа, как на ягненке, из коей можно приготовлять зимнюю одежду. Олеарий даже пишет, что в Москве ему показывали несколько небольших лоскутков одеяла, сшитого из баранцев: шерсть из них была легкая и курчавая. — Иностранцы долго верили, что у нас находятся животные из растительного царства, называемые естествоиспытателями *зоофитом*, пока ученый Кемпфер, живший в XVIII в., не объяснил, что овчины получаются не из растений, а из овец.* — Из яблок особенно славились наливные, потому что они были нежные и прозрачные. — В пол. XVII в. появились садовые и махровые розы; в нач. XVIII в. появились в садах оранжереи; сады и дворы обводились уже дощатыми заборами**.

К особенной части наших предков должно сказать, что они были хорошие домохозяева, начиная от селянина до великого князя. Владимир Мономах в духовной к своим детям наставляет их между прочим: «В хозяйстве сами смотрите за всем внимательно, не полагаясь на отроков и тиунов, да гости не осудят ни дому, ни обеда вашего».

* Olearii «Offt begehrte Beschr. der neuen Orientalisch. Reise», и пр., с 117, изд. Шлейзв. 1647 г.; Margeret «Estat de l'empire de Russie», на обор. л. 1, изд. Париж, 1607 г. Petrejum «Histor. und Berich. von dem Großfürstent. Muschikow», с. 124 — 125, изд. Лейпц., 1620 г.; «The voyages of Struys through Moscovia», с. 180, изд. 1683 г. — Кто первый распространил мольбу о наших зоофитах? — Маржарет. — У него первого встречается описание баранцев. — Witsen «Noosrd en oost Tartaryen eene Beschryving», etc. Amst., 1785 г. in f., т. I, с. 288, говорит, что Энгельберт Кемпфер прежде всех объяснил значение баранца.

** Olear. и Le-Brun, см. их «Voyages»; Herberst. «Rer. Moscov. com.», Korb. «Diarium»; Lyseck. «De legat.», с. 75 и 76.

ПЫШНОСТЬ ХОРОМ, ПРЕВОЗНОСИМАЯ ПЕСНЯМИ

В старинных песнях начала XVIII в. превозносятся роскошные украшения домов, наприм. в рассказе о Соловье Будимировиче.

Гой еси вы, мои люди работные!
Берите вы топорики булатные,
Подите к Запаве в зеленой сад,
Постройте мне снаряден двор,
В вишенье, в орешенье. —

С вечера поздним поздно,
Будто дятлы в дерево прощелкивали,
Работала его дружина хоробрая;
Ко полуночи и двор поспел.
Три терема златоверховаты,
Да трои сени косящатые. —
Хорошо в тереме изукрашено:
На небе солнце, в тереме солнце;
На небе месяц, в тереме месяц;
На небе звезды, в тереме звезды;
На небе заря, в тереме заря. —
И вся красота поднебесная.

Изображение богатого дома новгородского купца Терентьева.

В стольном Новегороде
Было в улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской.
А и жил-был богатый гость,
А по имени Терентьище.
У него двор на целой на версте,
А кругом двора железный тын,
На тынинке по маковке,
А есть по жемчужинке.
Ворота были вальяющательс,
Верей хрустальные.
Подворотина рыбий зуб.
Среди двора гридня стоит,
Покрыша седых бобров,
Потолок черных соболей,
И иматица-то валженая,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная.
А посереди кроватка стоит,
Да кровать слоновых костей;
На кровати перина лежит,
На заголовье молодая жена,
Авдотья Ивановна.

Из удалой жизни Дюка Степановича — его дом.

Ой ты, ой еси, Владимир Князь! *
В том ты на меня не прогневайся:

* Это говорится про в. к. Владимира I, а Дюк Степанович его витязь.

Печки у тебя биты глиняны,
А подики кирпичные,
А помелечко мочальное;
В лохань обмакивают.
А у меня, Дюка Степановича,
А у моей сударыни матушки:
Печки биты муравлены,
А подики медные,
Пометелечко шелковое. —
В сыту медянную обмакивают,
Калачик съешь, больше хочется.

Описание богатства у Ставра боярина:

Что это за крепость
У великого князя Владимира?
У меня де, Ставра боярина,
Широкий двор не хуже города Киева;
А двор у меня на семи верстах,
А гридни, светлицы белодубовы,
Покрыты гридни седым бобром,
Потолок во гриднях черных соболей;
Пол середа одного серебра;
Крюки да пробои по булату злачены.

Богатство Чурилы Пленковича, витязя Владимира I.

Чурила живет не в Киеве,
А живет он пониже малого Киевца.
Двор у него на семи верстах,
Около двора железный тын,
На всякой тынинке по маковке
А и есть по жемчужинке.
Середи двора светлицы стоят,
Гридни белодубовые,
Покрыты седым бобром,
Потолок черных соболей,
Матица-то вальжная;
Пол середа одного серебра;
Крюки да пробои по булату злачены.
Первые у него ворота вальяцтые,
Другие ворота хрустальныe,
Третьи ворота оловянныe .

* «Древн. русск. стихотв., собр. Кирш. Даниловым», изд. 1818 г., с. 6, 13, 27, 424 и 159. Упоминаемые здесь в огрывках богатства витязей, конечно, суть прикрасы стихотворца, но они по крайней мере изображают нравы его времени, смешанные с преданиями старины.

Говоря о витязях Владимира, мы не можем пропустить без внимания, что в. к. Владимир был женат не на сестре греческих императоров: Василия и Константина, но на их племяннице Анне. У них была одна сестра, Феофания, которая была выдана замуж за германского императора Оттона II. Marq. de Gastelhau «Ess. sur l'hist. anc. et moderne de la nouvelle Russie», т. I, с. 116. — Par., 1820 г.

Нет сомнения, что прадеды наши завидовали роскошной жизни своих предков, а мы завидуем их простоте.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ДЕРЕВЯННЫХ ДОМОВ ОТ ПОЖАРОВ

Дома, сады и дворовые места огораживались плетнем или досками, а мостовые делались из брускатого дерева, отчего во время пожаров истреблялись нередко целые города. — Приведем замечательные пожары. В 1124 г. июн. 23 и 24 сгорело в Киеве одних церквей около 600; 1185 г. апр. 13 во Владимире на Клязьме 32 церкви; 1192 г. в июне месяце там же истреблено 14 церквей и более 1000 домов; 1194 г. горели города: Русь, Ладога и Новгород, и жители со дня Всех Святых до Успения Богородицы должны были жить на открытом поле; 1199 г. в июле месяце сгорело во Владимире на Клязьме 16 церквей и около половины города; 1212 г. в Новгороде 25 цер. и 4300 домов, а 1217 г. в мае месяце 15 цер.; 1227 г. во Владимире на Клязьме обращено в пепел 27 цер., в том числе дворец в. к. Константина Всеволодовича с его церковью и редким книгохранилищем; 1231 г. истреблена в Новгороде вся славянская часть; 1267 г. в мае месяце вся неревская часть превращена в груду пепла; 1299 г. та же часть вновь опустошена, и тогда сгорело великое множество домов и 22 цер.; 1340 г. истреблена пожаром большая часть Новгорода; 1355 г. то же случилось с Москвою, причем весь Кремль и 13 цер. обращены в пепел; 1349 г. сильный пожар в Новгороде поглотил множество домов, восемь каменных и две деревянные церкви; 1412 г. сгорели в Твери на Волге крепость Городень с церковью Пресвятая Богородицы и княжеским дворцом; 1445 г. июл. 14 почти вся Москва превращена в пепел. Не только истреблены тогда пламенем деревянные строения, но и каменные, пали даже городские стены. Множество жителей погибло в огне. Семейство велиокняжеское должно было переехать в Ростов до построения дворца. Никогда огонь не свирепствовал так ужасно в Москве, как в 1547 г. — Апреля 12 сгорели лавки в Китае с богатыми товарами, гостиные казенные дворы, обитель Богоявленская и множество домов от Ильинских ворот до Кремля и реки Москвы. — Высокая башня, где лежал порох, взлетела на воздух с большей частью городской стены и реку запрудило кирпичами; апр. 20 обратились в пепел за Яузою все дома, в коих жили гончары и кожевники; июня 21 вспыхнул пожар за Неглинною в страшную бурю: огонь разлился рекою и вскоре запыпал Кремль, Китай и большой посад. Вся Москва представила зрелище необъятного пылающего костра; вверху носились черные тучи густого дыма. Рев бури, треск огня и вопль людей заглушались взрывами пороха, хранившегося в разных

частях города. Царские палаты, сокровища, оружие, древние хартии, книги и иконы, все сгорело. Из Успенского собора едва успели вынести образ Св. Марии, писанный Св. Петром митрополитом и Правила церковные, привезенные Киприяном из Царьграда. — Ни огороды, ни сады не уцелели; деревья обратились в уголь, трава в золу; сгорело 1700 челов., кроме младенцев. — В три часа ночи угасло пламя, но развалины дымились несколько дней. Нельзя, по сказанию современников, изобразить этого бедствия. Люди бродили как тени среди ужасов обширного пепелища; искали детей, родителей, остатки имения, не находили и вопили в отчаянии! — «Счастлив, — говорит летописец, — кто, смирясь душою, мог смотреть на небо и плакать!» Утешителей не было. — Царь Иоанн IV удалился с вельможами в село Воробьево как бы для того, чтобы не слыхать народного вопля. — Приближенные объявили царю, что Москва сгорела от чародейной силы злодеев, и через два дня он приехал в Кремль. Собрали граждан на площади и спрашивали: кто жег столицу? Злоумышленники отвечали: «Глинские! — Их родная мать, княгиня Анна, вынимала сердца из мертвых, клала в воду и кропила ею все улицы, разъезжая по Москве». — Государь с трепетом услыхал обвинение на свою бабку. Он не верил, но, видя ярость черни, спешил укрыться в церкви Успения; народ вломился за ним, убил пред его глазами родного дядю; извлекли тело из Кремля и положили на лобном месте. Никто не унимал! Царь дрожал, добродетельная Анастасия молилась. Тогда явился Сильверст, и Москва успокоилась*.

Прекращая сим исчисление опустошительнейших пожаров, нельзя пройти без внимания известия двух иноземцев: Олеария и Таннера. Первый говорит, что в бытность его в Москве редкая неделя проходила без пожаров; иногда ночью загорались дома в двух и трех разных местах, и целые улицы выгорали**. Второй говорит, что в его время шесть раз горела Москва, и всякий раз обращалось в пепел более 1000 домов***. Их известия правдоподобны: тогда дома строились

* О сих пожарах см. отечественные летописи под 1547 годом, а именно: Нестора, никоновскую, воскресенскую, царственные книги, и Кар. «И. Г. Р.», т. VIII, о пожаре 1547 г., который описан им живо.

** Олеарий «Offt begehrte Beschr. der Neuen Oriental. Rcis», с. 116, изд. 1647 г.; Чилли «Hist della sollevationi notabili in Polonia», gli'anni 1606, 1607 и 1608. Там описан страшный пожар, опустошивший Вильну, которая сгорела, по его словам, от приготовления в доме вишневого меда и водки.

*** Lyseck. «Relatio eorum quae circa Sacr. Caesar. Majest. ad Magn. Moscov. Czarum ablegatos de Bottoni et de Gusman, etc. — Лизек был очевидцем пожара.

близко; дерево было сухое, и пламя, обхватив один дом, распространялось быстро по прочим так, что не было возможности тушить.

Пожары, оставляя по себе следы печальных опустошений, были тогда ужасные. В наше время, когда столько придумано спасительных мер, часто деревни и города делались добычей огня. — Но ни в каком году не было столько бедствий от огня, как в 1842 г. Во всех пяти частях света происходили тогда неслыханные пожары, поглощавшие многолюдные города. В России также погорело множество селений, деревень и городов; но самый большой пожар, истребивший 1375 домов, был в Казани (августа 29). — 1842 год может называться пожарным годом. — В этот бедственный год огненные искры как будто бы вылетали из небесных сводов и зажигали обреченные в жертву города. Народ трепетал и молился.

МЕРЫ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОЖАРОВ

О внутреннем устройстве городов, порядке и безопасности жилищ мы никаких не имеем сведений. Назначение же чиновников, которые надзирали за всеобщим спокойствием обывателей, появляется не ранее XV в. — Наместники и воеводы были блюстителями вверенных им городов: они собирали подать, судили и решали спорные дела и наказывали нарушителей спокойствия. Иоанн III первый учредил для безопасности жителей разъезды в Москве, доверяя их знатным людям. В 1504 г. устроены рогатки по улицам; каждая часть города была обведена решетками; никому не позволялось ночью ходить без надобности по городу без огня, и смотрение за внутренней безопасностью возложено было на городскую стражу, избираемую самими жителями*. В XVII ст. находились по разным местам улиц часовые, которые производили оклик, давали знать о пожаре и били в деревянные доски равномерно о пробитии часа, с которого времени никто не должен был ходить по городу**. В пол. XVII ст. издан уже *наказ для городского благочиния*, который касался одной Москвы. — Назначенные тогда для обезъезда по городу Ив. Новиков и подьячий Викула Панов имели обязанностью прекращать воровство и смотреть за огнем. Во время разъезда они имели при себе пять решеточных приказчиков и с каждого десяти дворов по человеку с рогатинами, топорами и водоливными трубами; наблюдали еще,

* Herber. «Rer. Moscov. com»; Paul Jovii «De legat. Moscov.», с. 172.

** Olear. «Offt begehrte Beschr. d. Neuen Orientalischen Reise», с. 134.

чтобы в жаркие дни не топили изб и бань, и к ним прикладывали печати — и чтобы не сидели поздно с огнем. Для приготовления кушанья и печения хлебов велено делать русские печи в поварнях; у кого не было отдельных, тем приказывалось устраивать на огородах или полых местах вдали от хором и прикрывать их от ветра щитами.

Служители, кои непосредственно наблюдали за городскою чистотой и гасили огонь, назывались земскими ярышками и огневщиками. Земские ярышки носили в Москве красное и зеленое платье, а в других городах иного цвета; на груди нашивались буквы З. Я., означавшие их звание. При крестных ходах и выезде царя стояло готовых несколько человек с метлами и лопатами, которые, находясь впереди, мели улицу и не допускали тесниться народу. Скорившихся или дравшихся они брали немедленно и отводили в городскую избу. — Огневщики же были пожарные служители.

Заведение собственно полицейского порядка принадлежит Петру I. Он учредил в Петербурге (1718 г.) главную полицию и генерал-адъютанта Девиера назначил генерал-полицмейстером; потом учредил ее в Москве (1722 г. мая 19), дал полицмейстерскую инструкцию (в том же году дек. 10) и московского обер-полицмейстера подчинил генерал-полицмейстеру. С утверждением полиции на нее возложено непосредственное попечение о спокойствии и безопасности горожан. Таковые меры распространены впоследствии на все города в России, и полиция, дотоле неизвестная, заняла почетное место в области государственных постановлений. В наше время для содействия городской полиции учрежден еще корпус жандармов.

При появлении где-либо пожара определено было особым градским чинам, а потом стрельцам, давать знать жителям битьем в доски и трещотки и звоном колоколов, приказано разламывать смежные дома или покрывать их мокрыми кожами, поливая беспрестанно водою. В половине XVII в. (1649 г. в апр.) постановлено в Москве иметь при каждом пяти дворах по одной медной водоливной трубе, а при каждом дворе по одному деревянному ведру. Впоследствии времени (в нач. XVIII в.) заведены со стороны городской стражи пожарные трубы, постановив жителям в обязанность содействовать тушению пожара. По улучшении пожарной стражи возложена на нее обязанность гасить пожар. — В нач. XIX в. подтверждено, чтобы не только в городах, но в селах и деревнях иметь каждому дому по запасному ведру, а богатым людям готовую бочку с водою, и чтобы все содействовали прекращению огня. Эта мера принята в таких лишь местах, где не существует пожарная стража.

Ни одна из пожарных страж, быть может во всей Европе, сколько мне не случалось ее там видеть, не поступает с таким самоотвержением, как петербургская. Ужас обнимает, когда смотришь на действующих во время пожара. Сквозь пламень и ад огня пожарный служитель взлетает бесстрашно на крайнюю высоту здания: он — горит! — Но он не заботится об этом: ему надобно спасать несчастных. Испепеляющий жар, дым столбом, огненное облако искр охватывают его — он погиб! Нет, он спасает: на своих плечах он выносит ребенка или дряхлого старца, передает другому и вновь летит спасать, не думая ни о себе, ни о своем семействе! Товарищи его, обожженные и обгорелые, отуманные удущивыми облаками дыма и охватываемые огнем — носят смерть в своей груди, но они ничего не видят, кроме своей обязанности. — Иные, держась одной рукою на лестнице и часто вися на воздухе, схватывают другую остатки имущества несчастного; другие, не зная смерти, кроме смерти других, устремляются на огненный костер и вырывают из его вулканических челюстей вопиющих о спасении! Вот уже валятся бревна, рассыпается дом с ужасным громом, ничто не сопротивляется сокрушительной силе. Но один противится русский! Он действует беспрепетно, идет навстречу смерти и, если падает под грудою развалин, то умирает с благороднейшим самопожертвованием, свойственным русскому.

СТРОЕНИЕ ПО ПЛАНУ

Несмотря на предосторожности противу пожаров, сильные огни беспрестанно опустошали города. Это происходило от множества деревянных домов, строенных без плана, почти кучей; от неправильных, кривых и узких улиц, в коих никому нельзя было действовать с успехом: мгновенно охватывались части города, и все обращалось в пепел. Каменные дома появлялись изредка даже в больших городах. При построении новой столицы, Петербурга, ей стоило великих трудов выстроиться из кирпича — по недостатку в нем. Изобилие леса и удобство в доставлении его предпочтиталось <по> прочности каменным зданиям. Москва же до 1812 г. строилась большею частью из дерева — пожар этого года заставил ее строиться по плану и из кирпича, хотя она издревле слыла белокаменною. О других городах нечего говорить — все из дерева. Правда, есть города, как, например, Харьков, Одесса, Тверь, Новгород, Нижний Новгород, Казань, Ярославль, Тула и еще некоторые, где распространяются каменные здания; но они составляют там роскошь,

а не потребность. — Много раз подтверждалось городским жителям строиться по плану и из кирпича для безопасности от огня; но эти меры не были приводимы в исполнение самими жителями по причине несостояния и нераспланировки города. В конце XVII ст. предписано уже было, чтобы строящимся в Москве выдавать пособие из Приказа Большого Дворца. Указом 1681 г. окт. 23 повелевалось, чтобы все строящиеся крыли дома тесом, а поверх теса засыпали землею и укладывали дерном. Кто не мог этого сделать, тот должен был крыть дранью на подставах, дабы во время пожара легче было снимать кровлю. На палатном дворе воспрещалось строить деревянные хоромы. Жившим на большой улице и погоревшим недавно велено отпустить кирпичу в долг из Приказа Большого Дворца по указанной цене: по полтора рубля за тысячу, рассрочив платеж на десять лет*. — Эти меры не изменили образа постройки. Петр I повелел при построении Петербурга всем строиться по плану, и ежели не из камня, то по крайней мере на каменном основании, и чтобы дома ставились окнами на улицу, а конюшни, сараи и другие здания — внутри двора. В 1718 г. указано то же самое в Москве; в 1722 г. повелено крыть дома железом; в селениях же и деревнях обзаводиться чистыми домиками, и запрещены в Москве черные избы без труб и с одними деревянными трубами; подтверждено иметь заливные пожарные и расписано каждому из обывателей: кому с чем являться для тушения пожара. — С этого времени несравненно реже случались опустошительные пожары.

УЛУЧШЕНИЕ ДОМОВ СОДЕЙСТВОВАЛО ПЕРЕМЕНЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ

Екатерина II, распространив полезные учреждения, доставила городским и сельским жителям еще большую безопасность. Правительственные меры приводились в исполнение повсюду, и ныне большая часть городов, можно сказать, щеголяет правильностью постройки домов и улиц, чистотою города и вкусом. Даже по отдаленным деревням хоромы отличаются изяществом, убранством и, некоторым образом, роскошью. Жизнь сделалась везде если не блестящею, то расточительною: с нею соединилась прихоть и подражание столичному вкусу. Картины, обои, отборная мебель и фортепиано почти неразлучны в помещичьем быту. Самые избы

* Такой указ повторен еще в 1685 г. сентябр. 1.

сельские делаются гораздо чище и содержатся опрятнее. Уже выходит из употребления во многих местах держать в жилых покоях домашних животных; для них делают особые теплые на зиму отделения. В некоторых деревнях, особенно в расположенных по большим проезжим дорогам, встречаются каменные избы, выстроенные по плану, и улицы прямые и широкие, или дома с высокими кровлями и широким навесом. Внутренность разделена уже на жилые покои и на приемные для гостей; окна довольно достаточной величины, до $1\frac{1}{2}$ арш.; у других бывают такие же, как у городских жителей. Оконницы и ставни расписаны голубою или зеленою краской с разноцветными изображениями. Богатые и достаточные, познакомившись с выгодами гражданской жизни, живут уже в хороших избах; недостаточные и земледельцы живут вместе с семейством, часто в тесноте — как бывает везде с бедными; пол дощатый, но встречается и земляной. Наши земледельцы в сравнении с прежними годами изменили устройство самих изб: делают их просторными, с перегородками, палатами, нарами и примостками и заботятся о чистоте.

ИЗБЫ ИЗ СРУБОВ

За всем тем доселе в обыкновении делать хижины из срубов. Это подало повод многим иностранцам, бывшим у нас из любопытства или по делам службы, с XVI по XIX в. писать и разглашать нелепости, что на торгах продают подвижные и перевозные дома, не рассудив о невозможности и не вникнув в сущность самого дела. Читавшие таковые описания, разумеется, верили и, быть может, еще думали, что у нас продают на рынках готовые палаты и дворцы! — Делание изб из срубов происходит в лесных и приречных местах в промежутке земледельческих работ. Составляют четвероугольник из четырех бревен и связывают их в концах зарубками, называемыми *венцом*. Таковых венцов складывают в несколько рядов, плотно друг на друга, пока вышина будет соответствовать требуемой ширине и сбору материала для постройки. Сложенный с венцами костер называется срубом, который сплавляют потом на плотах в безлесные места и продают. По перемеченным венцам разбирают сруб и перевозят куда надобно для постройки; его могут поставить четыре человека в неделю; из него делают, кроме изб, хлева, амбары, овины и клети.

КУРЕНИ

Во всех безлесных и степных местах существовали еще курени (землянки), которые были привольными жилищами украинских казаков, когда удальство и наездничество составляло стихию разгульной их жизни. — С устройством бездомных казаков (в XIV в.), живших под особым предводительством атамана или кошевого, они ни в какие не вступали семейственные связи, жили в куренях холостыми, вне селений; служили верными защитниками окрестным городам, славились отчаянной храбростью и постоянной воинственностью.

В земле выкапывались широкие и глубокие ямы, в коих помещались от 5 до 10 человек; внутри обмазывались стены, которые укреплялись на подпорах вместе с кровлею, состоявшую из земляной насыпи, и поверх ее покрывали соломою, очеретом, травою или делали прежде верх из плетеного хвороста, а поверх его насыпали землю; кровля обрастила травою и сама кровля делалась в уровень с землею. Только были видны торчавшие деревянные трубы, а часто одни дыры, чрез кои проходил дым и обкуривал верх, отчего произошло название куреней. В курень входили по земляным ступеням; двери делались довольно крепкие, хотя маленькие; внутри затворялись деревянною задвижкой или просто притворялись; посреди куреня стояла кирпичная печь, а иногда просто раскладывали огонь, который выходил через двери; окна редко бывали, и если бывали, то курень делался повыше земли. — Курени занимали пространство многолюдного города и отличались от него своими невидимыми жилищами. Предводители невидимых обитателей именовались куренными атаманами. Малороссийские казаки, будучи преследуемы польским правительством за неприсоединение их к Унии, часто спасались в своих куренях, которые, по описанию иностранцев того времени, трудно было разорить, потому что все находилось в земле, и что неприятелю, нападавшему на них, неминуемо предстояла собственная погибель; ибо, набегая на курени, он проваливался в них и гиб. Другие пишут, что ногайские и крымские татары, враждовав беспрестанно с казаками, гонялись за ними в их земле и не находили их там, потому что они таились в своих зарытых норах, и когда неприятель проходил мимо, тогда они как подземные духи вылетали из куреней, нападали на врага в тыл и истребляли его. — Курени, не стоявшие никаких расходов для постройки, существовали по селениям еще во время императрицы Екатерины II. В начале XIX в. стали строиться повсюду. В великой России и во всей

юго-западной ее части делают поныне землянки; но они без труб и притом это летнее жилище, выкапываемое разными промышленниками, например рыболовами, судовщиками, надзирающими за продажею вина и пр.

Не у одних малороссийских казаков существовали курени, но у волжских, донских, уральских, гребенских, одним словом, у всех тех, которые проводили воинственную жизнь и беспрестанно были подвергаемы неожиданным нападениям враждебных им неприятелей или должны были сами нападать на них: посему если враги, вторгаясь в их куренские селения, истребляли огнем, то они легко выкапывали новые подземные жилища и снова поселялись. Сокровища, скопленные ими на войне или на грабежах, прятались в потаенных ямах и в лесу, и потому в куренях ничего не находили. Скопленное богатство часто прятали на кладбищах, между гробами.

Между куренями возвышались насыпи, или курганы, которые не что иное были, как сторожевые: по ним давали знать о движении неприятелей или хищнических набегах, но в их курганах никаких не открывали сокровищ, потому что они служили маяками.

МАЗАНКИ

В юго-западной России строились с самых древних времен мазанки, которые впоследствии переименовались в хаты (избы); но между ними есть различие. Мазанки делались, как и ныне у горских и всех полудиких и степных жителей Кавказа, довольно незатейливо. Предназначенное место для жилья огораживали плетнем; разделив внутренность на части или покои, разгораживали их другим плетнем, который состоял из хвороста или тростника, называемого в Малороссии очеретом. Плетень облепливали землею, смешанной с глиною, или просто одною глиной; потом смазывали нагладко глиною, и от мазания произошло название мазанок. Посреди мазанки ставилась кирпичная печь, которая топилась из сеней очеретом, кизяками (засушенным навозом) или валежником; пол бывал земляной, иногда он укрывался травою или соломою, но более всего он смазывался желтой глиною. Стены внутри и снаружи обеливали или завохривали (красили желтой глиною). Поверх земляной насыпи часто выводили соломенные крыши. В стене прорезали небольшие окошки; со стороны наружных дверей приделывали по бокам призбы*; дом обгораживали тыном (плетнем); во дворе находились устройства для домашних животных и хранения хозяйственных вещей.

* Завалины при избе.

Хаты строятся, как строились прежде, из леса; обмазываются глиной с обеих сторон; внутреннее расположение удобное и широкое; оно разделяется на две половины: в одной живут и готовят кушанье, а в другой принимают гостей — и это называется *свитецкою* (светлицею); пол вымазывают глиной; печи белят, а у богатых они делаются из кахли разноцветной (изразцов); окна довольно большие; покой очень светлые, чистые и опрятные; внутренние и наружные стены обеливаются, отчего все избы в малороссийских местах представляют издали белый город; стрехи (кровли) покрываются соломою и очеретом, у богатых же дранью или тесом; вокруг хаты делаются те же присьбы, как у мазанок; трубы бывали деревянные, ныне большей частью кирпичные. — Дворы обводят плетнем или забором; домашние устройства — хлевы, амбары, конюшни и другие службы — делаются мазанками. Хаты и мазанки бывают значительно высокие; зимою они очень теплые и замечательно, что в них не заводятся тараканы, прусаки и другие нечистые насекомые, оттого что летом и зимою чистят и белят избы. При каждом хорошем дворе находится сад, состоящий из яблонь, груш, слив, вишен, дуль, чернослив, бергамота, черешни, смородины, малины, разных цветов и душистой зелени: руты (резеда), любистка, пижмы, кануфера, божьего дерева, пивонии, мяты, гвоздик, зирок (звездочек), барвинка, васильков, незабудок, нагиток, колокольчиков, бузка (сирени), бузины, калины и пр. За садом обыкновенно огород из поваренных растений, а далее *левада* (усадьба), засеянная коноплей, огурцами, дынями и арбузами. Если сеются одни огурцы, дыни и арбузы, то это место называется *бахчою* и *баштаном*^{*}, которые бывают и при нивах на полях. В иных местах левадою называют сенокосный луг и домашнее пастбище для скота и гусей. Места вне города для пастбища лошадей, овец, коров, свиней и пр. называются выгонами. В стороне от дома устроены гумно и ток. Тут же стоят в скирдах хлеб и сено в продолжение всей зимы.

* Бахча, от него баштан, происходит от турецкого слова *бахче*, — сад. В новогреческом яз. также употребляется *бакче* (μοστέχ). — Татары, может быть, позаимствовали это название от турок, однако у татар *бекчаяс* поныне значит огород, а *бег* сад. — Мы переняли от татар, и у нас бахча, баштан означают уже места для посева арбузов, дынь и других плодов. — Бахчисарай значит, собственно, дворец в саду.

ПОСТРОЕНИЕ БОГАТЫХ ЗДАНИЙ ПОСЕЛИЛО РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ

С половины XVIII в. распространились вкус и изящество не только в построении дворцов, но частных домов. — Палаты богачей и вельмож изумляли иностранцев уже в царствование императрицы Елизаветы пышностью, великолепием и привлекательностью. Петербург осыпаем был похвалами и в то время от всех иноземцев и, сделавшись ныне единственную столицей в мире по своей красоте, правильности и просторности улиц, щеголеватости и роскоши зданий, обширности и величественности дворцов и по многим памятникам века и искусств по справедливости может быть назван красавцем*.

Из первых столичных городов в Европе, виденных мною, я могу сказать беспристрастно, что Петербург по своей обширности, правильности и изысканной чистоте — во главе первых городов, за ним Дрезден, Мюнхен, Вена, Москва, Брюссель, Лондон, Париж, потом Берлин, который во многих местах от незакрытия водопроводных каналов довольно смрадный; за ним Варшава, Бреслав, Львов и т. д.

Дома наши стали украшаться со всею изысканностью: богатые персидские ковры, превосходные произведения живописи, зеркальные стены, роскошь в мебели и столовых вещах, сделались теперь необходимостью светской общежительности. Кто только малейше имеет средство блистать, истощается в бесконечно утонченной прихотями жизни.

Едва протекло у нас столетие от распространения каменных домов и ознакомления с общежительной роскошью, как уже, не говорю Петербург, но вся Россия заразилась пышностью и расточительностью: каждый только думает о том, чтобы блистать, а не о том, чтобы жить и думать о будущем. Все живет настоящим, для себя, а как будут жить дети и

* Нельзя не заметить, что наши каменные здания почти все снаружи обеливаются белой краскою, а это весьма вредно не только для слабых, но и здоровых глаз. При ярком сиянии солнца белизна усиливается и поражает зрение своим блеском. Гибельное действие солнечных лучей еще более проявляется в зимние дни. Солнце, разбрасывая лучи по снегу, ослепляет глаз разнообразно бесчисленными яркими звездочками. Тогда увеличивается белизна стен, от них происходит судорожное трепетание в зрении с постоянным изменением цветов. Глаз от чрезмерно невыносимого света чувствует сначала тягость от рассыпающихся искр и, так сказать, вертящихся на его зрачке; потом мало-помалу глаз пригупляется и страдает. — Весьма было бы полезно, что все здания красились темно-желтыми или дикими цветами, как Зимний дворец и т. п. Во многих государствах строго воспрещено белить дома, например: в Баварии, Саксонии, Франции и пр., под законным взысканием.

внуки — нет надобности никому! Непомерное увеличивание роскоши — дурная примета для всякого государственного благосостояния.

О ЧИСЛЕ ДОМОВ ВО ВСЕЙ РОССИИ

Число домов во всех городах европейской и азиатской России составляет 513 370. В том числе каменных: 78 170, деревянных 435 200. Отношение между сими последними, как 1 к $5\frac{1}{2}$. В Санкт-Петербурге каменных домов 3265, деревянных 5 096; в Москве каменных 3 765, а деревянных 9047. — На один дом приходится в городах 9 жителей, но эта пропорция совсем другая по губерниям, а именно: в Петербургской губернии: 45 жител. обоего пола на 1 дом, в Московской 21, Курляндской 19, Виленской 18, Волынской 13, Гродненской, Лифляндской и Эстляндской 12, но самую меньшую пропорцию составляют: Енисейская, Костромская, Олонецкая, Тверская, Тобольская, Томская, Херсонская, Земля Донского Войска, Кавказская область, Камчатское приморское управление — по 6 жителей на один дом; Грузино-Имеретинская, Пермская и Смоленская губ. и Каспийская область по 5, а Якутская область по 4 души обоего пола*.

УЛУЧШЕНИЕ ГОРОДОВ

Если в прочих европейских владениях все строится из кирпича, то этому там причиной недостаток в лесе. У нас же пока не будут нуждаться в лесе, дотоле каменное строение не может сделаться повсеместным. Наши города то имеют преимущество пред многими европейскими, что они строятся без стеснения: улицы в них широкие и прямые, площади и рынки вместительные и содержатся в большой чистоте; мостовые хорошие и прочные, устилаются бульгаником или другим крепким камнем; освещение находится во всех больших и торговых городах — одним словом, городское благоустройство соединено у нас с полезной деятельностью, и если присоединить промышленную производительность, разлитую во всех состояниях, и фабричные заведения, занимающие многие сословия, которые не только питаются от фабрик, но богатеют, то нет сомнения, что города наши скоро улучшаются. — Самое число фабрик и заводов заметно распространилось в короткое время, не более в 20 л., и ныне считается:

* Статист. табл. о состоян. гор. Рос. имп., и пр., составл. в statist. отд. Сов. мин. внутр. д. СПб., 1842 г.

	число фабр.	рабочих	на 1 фабрик. раб.
в европейской и азиатской России	7 486	117 376	17
в в. к. Финляндском	59	452	16
в царстве Польском	1 675	12 940	77
	9220	130 768	
	число лавок	на 1 город	число трактир.
в европ. и азиат. России	80 300	115	2 852
в в. к. Финляндском	518	16	71
в царстве Польском	3 068	36	210
	83 886	167	3 133
			13 952*

Хотя числа рабочих и фабрик ясно доказывают, что государство наше более земледельческое, нежели промышленное, однако нельзя не согласиться, что Россия весьма в недавнее время стала заниматься фабричными и заводскими устройствами и что едва прошло четверть столетия, как многие города до того изменили сам наружный вид, что их совершенно узнать нельзя: промышленность и торговая деятельность этому причиной. — Но что будет по истечении ста лет?

*Стат. табл. о состоян. гор. Рос. ими., составл. в statist. отд. Сов. мин. внутр. д. СПб., 1842 г.

ДОМОВОДСТВО

ДРЕВНЕЙШАЯ ПИЩА

редки наши, живя в простоте патриархальной, довольствовались весьма немногим: полусырая пища, мясо, коренья и шкуры диких и домашних зверей удовлетворяли их нужды. Наши предки долго не знали роскоши. В XI ст. они питались еще просом, гречихою и молоком; потом выучились готовить яства. Для гостей ничего не жалели, обнаруживая к ним свое радушие изобильными кушаньями.

МЕД

За столом кипел мед — любимый напиток всех наших славянских племен, коего введение современно первоначальной истории славян. Северные немцы также употребляли мед, если не прежде наших единоплеменников, то и не позже их, и он в таком был у них изобилии, что в IX в. самые бедные пили мед, а богатые кобылье молоко*. Эдда**

* Кар. «И. Г. Р.» пр. 147; Форстер «Entdechungen in Norden», с. 99.

** «Ценинейший художественный и исторический памятник древнеисландского эпоса и мифологии».

называет мед божественным питьем. Жители Дании употребляли его в V в. вместо вина*.

Мед был первым нашим напитком, и он делался столь крепким, что от него упивались, как от самой водки**. В. к. Ольга, будучи у древлян (945 г.), повелела жителям Искорostenя (ныне Коростень Волынской губ.) приготовить для нее меда, коим она хотела угостить их самих***.

Разведением пчел не занимались тогда, они сами водились в лесах. Иностранный писатель XVI в.**** пишет, что ему рассказывал в Риме наш посол Дмитрий, что дикого меда было у нас в таком множестве по лесам, что не было возможности проходить от пчел. Однажды, говорит он, мужик отправился в лес и попал нечаянно на бортъ (улей с медом), и потонул в меде: два дня он сидел там, не могши вылезти. К счастью его, что в ту же бортъ полез медведь задними ногами; мужик схватил его за хвост и крикнул; медведь испугался, бросился назад и вытащил его с собою. Этот рассказ, конечно, преувеличенный, однако он подтверждает, что у нас долгое время не занимались разведением пчел, которые сами снабжали медом. — Другой иноземец, Франциск да Колло, уверяет, что он сам видел леса на сто миль, в коих водились пчелы без всякого рачения людей; что только стоило пойти в лес, набрать меду и сварить напиток, который, будучи приготовлен на ягодах, был самый вкуснейший и превосходнейший*****. И ныне во многих лесах сами водятся пчелы.

Искусству приготовления медов, их крепости, многим цветам и названиям удивлялись вообще все иностранцы. Виды медов были: вишневый, смородинный, можжевельный,

* «Mem. popul.», ч. I, с. 504. — Мед не есть славянское название, но древнее греческое, на коем μέδω означает опьянение, μέδυσθαι — баухис. В X в. русские вывозили к хазарам мед и вино в великом множестве. Oriental Geography of Ebn-Haukal, transladet by W. Ouseley <Восточная география Эбн-Хокала, в переводе У. Аусли>.

** Контарини, бывший в Москве в кон. XV в., говорит, что татары, которые его сопровождали в пути, упивались на ночь особым напитком, делаемым из меда, и что такого напитка никому не позволялось делать без согласия великого князя. Contareni «Voyage de Perse en 1473», с. 8, 44 и 53, помещ. в собр. Бергер., изд. 1735 г.

*** Нест. по Кенигсб. сп. — Это показывает, что мед был в изобилии и варили его во всякое время при первой надобности.

**** Paul. Jov. «De leg. Moscov.»

***** Francesco da Collo «Trattamento di pace tra re di Polonia e gran Principe di Moscova», 1518 г. л. 53; печ. Padoa 1603 г., пом. у Чилли «Hist. delle solevazioni di Polonia gl'anni 1606, 1607 и 1608», ed. Pistoria, 1627 г. — Barbaro «Il viaggio dalla Tana», в 1436 г., пом. в собр. Рамузио; Contareni «Voyage de Perse», в 1473 г.; Francesco da Collo «Trattam. di pace tra re di Polon. e gran Princip. di Moscova», 1518 г., л. 52, пом. у Чилли. «Hist. delle solevazioni

обарный, приварный, красный, белый, белый паточный, малиновый, черемховый, старый, вешний, мед с гвоздикой, княжий и боярский. — Для лучшего вкуса и цвета выжимали из свежих вишен сок и подливали в мед. — Все отзывались с великою похвалою о красном и белом меде, но отдавали преимущество красному. — В жаркое время хранили в ледниках мед, пиво и брагу. Для прохладления клади в бокалы лед. — Во многих уездах Саратовской губ., особенно в Новоузенском и Царевском, делают арбузный мед, который даже не составляет там лакомства. Берут арбуз, изрезывают его на ломти, складывают в чугунный с водою котел и кипятят долго на сильном огне, пока все не раскипит и не превратится в темно-красную жидкость; потом процеживают ее сквозь сито, сливают в посуду и хранят для употребления*.

Узнав выгоды гражданской жизни, мы стали заниматься разведением хлебного зерна, и тогда же стали печь хлебы и делать квас. В X ст. это было уже во всеобщем употреблении, и даже обливались квасом в банях**. Нифонт, епископ новгородский, дозволил пить монахам в праздничные дни во время поста квас и мед, а светским людям употреблять, сверх кваса и меда, икру и рыбу***. В пол. XVII ст. иностранцы находили у нас в употреблении яблочный квас****. — В Олонецкой губ. делают квас из репы, который, как говорят, весьма приятный и вкусный.

notabili in Polonia gl'anni 1606, 1607, 1608»; Paul. Jovii «De leg. Moscoviae»: «Medonem ac birram per aestatem infrigidare, infusa poculis glacie voluptatibus gratia solent. Nam ingentia glacie frusta nobillium in cellis subtarenis singulare studio reconduntur» <Имеют они обычай летом охлаждать мед и пиво, для удовольствия растворяя в кубках лед. Причем огромные куски льда (странным образом) хранятся у знатных людей в подвалах>. Turini «Costumi, leggi, riti e usi antichi, e moderni de popoli d'Europa», ed. Veneti, 1656 г., с. 65: «...bevono costoro acqua, e quella dolce bevanda, che essi chiama medo.... Usano contra il freddo varie maniere di scalfatori, e di aromati fanno un'acqua ardente, ól solimato di avena, e di mele e ancho di latte, cosi gagliarda, e potente, che spesso ne divengono ubri, non hanno ne vino, né oglio. E vietato loro ogni sorte di bevanda, che inebria, sotto pena della vita <...пьют они воду и тот сладкий напиток, который они называют медом... Употребляют против холода разные виды горячительного, а на специях делают огненную воду из овса и меда и даже из молока, такую крепкую и сильную, что часто от нее становятся пьяными, не имеют ни вина, ни масла. Запрещены им все сорта напитка, который опьяняет, под страхом смерти>. — Margeret «Estat de l'empire de Russie», на обор. л. 10, изд. Париж, 1607 г., in 12; Olearii «Off. begehrte Beschr. der Neuen Oriental. Reise», с. 123, изд. 1647 г. — Тут же о браге, с. 511.

Арбузный мед имеет вид и вкус нашей патоки. Его продают на вес: за фунт платят от 1½ до 5 к. сер. — Простой народ употребляет его с хлебом и квасом. — Я его отведывал, и он очень сладок.

**«Русск. лет. по воскр. сп». — «и обмокаются квасом кислым», ч. I, с. 62 — 63.

***«Вопросение Кирика к еписк. Нифонту», и Гербершт. «Rer. Moscov. com.», ed. Antv., 1557, с. 38.

Olearii «Off. begehrte Beschr. der Neuen Oriental. Reise», с. 224, изд. 1647 г.

Времени введения кваса нам неизвестно. — Хлебное зерно росло у нас в изобилии, но почва земли юго-западной России, славящаяся ныне хлебом, не была тогда превозносима иностранцами. — На пространстве от Астрахани до Москвы, говорит Контарини, путешественник конца XV в., мы не находили ни леса, ни дров, чтобы готовить для себя кушанье, и употребляли вместо дров сухой коровий навоз*. В северо-западной России водилось тогда много пушных зверей, особенно бобров**.

ПИВО И ПЕРЕВАР

Пиво называлось прежде олуй***. Оно делалось крепким и было разных названий и цветов и обыкновенное черное и белое. — Каждый зажиточный сам приготовлял для себя.

Перевар, древнее русское горячее, упоминается в отечественных известиях в нач. XII в. (1128 г.). В. к. Всеволод, пируя с боярами, приказал выставить для народа по улицам вина, меда, перевара, овощей и всякого кушанья****. Перевар то же самое, что сбитень, назывался еще *взваром*. Он приготавлялся из меда на зверобое, шалфее, лавровом листе, имбире и стручковом перце. Ныне употребляется сбитень между простыми людьми. Продавцы разносят его в саклах (медных чайниках), имеющих форму самовара и обернутых в холст. — Другие кипятят его в самоварах, выставленных пред лавочками,

* Contareni «Voyage de Perse» en. 1473 г., пом. в собр. Бержер. т. 2.; Paul. Jovii «De leg. Moscov.», с. 170 и 173; Herber. «Rer. Moscov. com.», с. 67, изд. 1571 г. — Турбевиль. «Certaine letters in verse», пом. в собр. Гаклюята, т. 1, с. 432, говорит, что квас па вкус терпкий и употребляется простым народом.

** В России находилось тогда в великом множестве хищных и пушных зверей всякого рода. Бобры водились повсюду, и правою русской строго воспрещалось ловить их на чужой земле. С таковых велено взыскивать за ловлю каждого бобра по 12 гривен серебра. — Гривна значила в то время полфунта серебра. — Частный свидетельствует, что в XIII в. ловили бобров около Ницы и Нарвы. — Еще в XVI в. русские ловили их около северной и западной Двины посредством сетей и собак, особенно к тому приученных. — «Melet. de Russor reli. et ritib.», 1581 г., ed. Spirae. Хорошие соболи ценились весьма дорого, и если верить да Колло, то один соболь продавался по 100 черв. — Fran. da Collo «Trattam. di pace tra re di Pol. e gran principe di Moscovia», л. 52, помеч. у Чилли «Histor. delle solevalioni notabili», и пр.

*** «Степ. кн.», ч. I, с. 134. — Скандинавы, изображая счастливую жизнь на том свете, представляли себе блаженство в кушании жареного вепря и питье из рога пива.

**** «Царств. лет.», кн. 1, с. 25, изд. Спб., 1772 г.

или на рынках и продают маленькими стаканами. При кипчении сбитня в сосудах русские выдумали *самовар*, но время введения его неизвестно.

ИЗОБИЛИЕ В СЪЕСТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

В велиокняжение Владимира I не было недостатка ни в плодах, ни во вкусных яствах: рыба, дичь и мясо были в изобилии. Однажды на пиру его находилось триста вар (бочек) меду, и он велел развозить еще по городу в телегах хлебы, мясо, дичь, рыбку, овощи, мед и квас в бочках, и угощать всех*. Следовательно, в конце X в. мы имели уже в юго-западной России плодоносные деревья.

Пиры были тогда в обыкновении, и не было праздником для богатых без угощения бедных. Сами великие князья почевали гостей; ели и пили вместе с ними. Вельможи и знаменитые духовные особы мешались с толпами гостей всякого сословия: дух братства сближал сердца. Это сближение поддерживалось благоразумно нашими государями долгое время — до угнетения России татарами. — Азиатская гордость и недоступность испортили древние похвальные наши обычай.

Нестор и его современники с изумлением говорят о размножении всякого рода дичи и домашних животных.

ПРЯНОСТИ

Перец шел к нам из Царьграда и Болгарии. — Оттуда же мы получали миндаль, кориандр, анис, имбирь, корицу, лавровый лист, гвоздику, кардамон и другие пряные коренья, которые давно служили приправою нашим кушаньям.

МЕЛЬНИЦЫ

Говоря о печении хлебов, должно сказать, что муку приготавливали на мельницах, которые давно были у нас известны, как видно из устава Ярослава, гораздо прежде XI в. До того же времени мололи хлеб в жерновах руками. Мельницы распространились у нас прежде XVI в.

* «Нест. по Кенигсб. сп.», с. 88, 89; «Русск. лет. с воскрес. сп.», ч. I, с. 156 — 158.

ПИЩА ПРОСТОЛЮДИНОВ

Простой народ питался довольно умеренно: хлеб, квас, соль, чеснок и лук составляли обыкновенную его пищу. Голод и холод он переносил терпеливо*. Идя на войну, он нес в своей сумке сухари и овсяную муку, которую замешивал на воде ложкою и делал толокно. Щи, каша и кисель овсяный готовились повсюду дома. Щи приготавлялись с куском свиного сала или говядины. Они были любимым кушаньем и при дворе. Царь Иоанн IV, обедая однажды с кн. Ос. Гвоздевым, рассердился на него за какое-то дело и в гневе своем велел вылить на него мису горячих щей.

Хороший хлеб, рыба свежая и соленая, яйца, огородные овощи: капуста, огурцы соленые, на уксусе и свежие, репа, лук и чеснок считались лучшими кушаньями, и только в XVI в. мы узнали от англичан и голландцев салат, который считали прежде за траву. — Масло и творог нехорошо выделявали у нас**.

В «Правде русской» говорится о соли, — но мы не знаем, какую тогда употребляли у нас: вываренную или озерную? В Бочнии и Величке копали соль в царствование Казимира Справедливого между 1178 и 1198 г.*** В Червонной России, Волынии и Украине долгое время употреблялась вываренная соль, и она выделявалась формами наподобие сахарных голов, которые называются у поляков *slupkami*, *główkami* и *gąskami*, а русские называют их гусаками****.

* Herb. «Rer. Moscov. com»: ad haec, si dominus vult laetius epulari, tum addit parvam particulam carnis suillae — <к тому же, если господин хочет насытиться поизысканней, то добавляет кусочек свинины>. — Греки древние любили есть лук с медом и ячменной мукой, а козий сыр присыпали одной ячменной мукой. — Гнед.. «Илиад. Гомер.», п. XI, ст. 630 — 644, изд. 1839 г. — Египтяне и евреи употребляли издревле лук, чеснок, огурцы и дыни. «Числа. 4 кн. Моисея», гл. 11, с. 5 — 6. Olear. «Offt begehr. Beschr. der Neu. Orient. Reise», с. 122. 8 изд. 1647 г.; Maerb. «Voyage en Moscovie», с. 60, изд. Leid., 1688 г.; Meletii «De Russor. religione et ritib», ed. 1581 г.; «Relatio Legationis in Moscoviam de Aug. Meyern et Guil. Calvuccii, an. 1661 — 1663 г.», ч. I, с. 350 — 351, помещ. в собран. Вихм.; «Нест. по кенигсб. сп.», с. 92.

** Miege. «La relat. des trois embassades de Carlisle», с. 336, 337, изд. 1772 г.; Mach «A relation of three embassies, by Earle of Carlill»; Tanner «Legat Moscoviae», с. 71.

*** Нарушев «Histor. narodu Polskiego», т. IV, с. 282.

**** Накельский in Miechovia говорит: salis nativi vel fossilis, qualem nunc Wieliczka et Bochnia suppedidat, ratus tunc, apud incolos illius provinciae (cracoviensis) usus fuit.

Все славянские племена любят кашу, пироги, клецки, горох, кисель, капусту, лапшу, густую кашицу и на все это сохранились у них притчания. Напр., у венгерских славян.

На кашу:

Лала сем му три гроше,
Миле мужу: купи каше!
А он купил табаку,
Сафрамешки гапаку.

На кашу с молоком:

Немцом зелина,
Угром сланина;
А словаком
Каша с млеком.

А та наша Катаринка,
А та наша Ганка,
Наварилы каши с млеком,
Накрисили янка.

Недобре есть вино детом,
Лепша есть им каша с млеком.

На кашу с медом:

Гостя наша, гостя, цо вам
предложити?
Каши наварыме, медом осладиме.

На мучную кашу,

или хамулю:

Шла варити мучницу,
Преврела си повницу,
Мать вареху хытила,
Дёвку варить учыла.

Хамулю варила, а гричок забила;
И масло зожрала, на мачку рептала.

На свадебную кашу:

Отварайте руку вашу,
Кухарка проси за кашу.

На кашу и куляш

(густую кашицу):

Нехцела каше,
А ни куляше
С олём:
Побрала гандры,
Та шла на вандры
С Ондреем.

На остуживание каши:

Ез кашу, не духай,
Под обличком не бухай;
Як же бы сам не бухав,
Кед сом дёвча занухав.

На кашу с жиром:

Научи те жена морес,
Будем глады мрет, яко пес.
Сама буде есть белуще,
А тебе да с лоем каше.
Упражи ее, праженицу,
Ты будешь хлептать жентицу.
Она буде курецину,
Ты даку запаренину.
Собе упече печену,
Тобе да звару смуденю.
Она буде есть пироги,
Ты бухты жебрак убоги.
Она буде пить паленку,
А ты си ходь на студенку.

На кашу

с свежим мослом:

Мамичка! где са бола? — Во
млыне.
Чос там робила? — Мучку сом
млела.
На чо ти с та мука? — Кашичку
варити.
Пре кого? — Пре тебя. —
Чим ю осолиши? Белой
осолишкой.
Чим ю омастиши? — Младым
масельцом.

На кашицу:

В паклину псызые,
Не бойме се нузе,
ниц?
Дам грош на кашичу,
Ах, Боже, в покличку
ниц?

На неупревшую кашу:

Нагневай са стары на свою жену,
Же му дала кашу недоварену.

На утревшую:

Рад сей бы си жены кашу
доварили.
Яко небозятика девки оправали.

На пироги:

Пан патер са дива, чи со должне
нива?
Должне, ак да женцом пирогов а
пива.

ВВОЗ ВИН И ПЛОДОВ ИЗ ЦАРЬГРАДА

Олег по возвращении его из похода константинопольского (907 г.) привез с собою в Киев золото, ткани, овощи и вина^{*}; следовательно, мы уже были тогда знакомы с винами греческими. Какие же именно вывозили? — Неизвестно. В конце XV ст. упоминается белое и красное. Новгородский архиепископ Феофил при прощании с в. к. Иоанном III (1476 г.) подарил ему три бочки вина белого, две красного и две меду старого^{**}. Нет сомнения, что эти вина были известны гораздо прежде. — В начале XVI века мы узнали бургунское, называвшееся романею; его привозили немецкие купцы. — Романею, по словам Карамзина, называется еще в питейных домах красная наливка, настоящая на водке с медом, также на чернике и клюкве. — Канарское вино,

На кисель:

На рыбнику заказали,
А бы кысель не варили.
Лен голушки пыгловане,
Пре те дёвки цифроване.

На капусту:

Яздина, яздина, зле са яздовала.
Капуста ти згнила, кедъс ги не
змывала.

На лапшу:

На вяносе опекание, па новы рок
локше:
Уж та дёвча занеховам,
Нех та везме кло хце.

На репу:

Рядком хлопцы, рядом,
долу нашим садком,
Там с мила гладка, ако репа сладка.

На печение хлеба:

Поведав ми едан хлопец,
Же я не вем хлеба напечь.
Злигав хлопец, ако шелма,
Напечем го ако земла.

Полевые занятия, уборка, молочение хлеба, сенокос, жатва, шитье, пряжа, беление холста, одним словом, все домашние работы имеют свои особые причитания — Kollar Narod. zpiew. Ч. I. с. 313 — 318.

*«Нест. по Кенигсб. сп.», с. 26: «и прииде Олег к Киеву, неся злато и паволока, и овощи, и вина».

** «Русск. лет. по Никонов. сп.», ч. VI, с. 67, изд. 1789.

или бастр, и мальвазию* пили за столом одни богатые, и этими винами потчевали отличных гостей — особенно мальвазиою: ее давали понемногу и принимали вместо лекарства. — Красное греческое вино, называемое иначе церковным от употребления при богослужении, также давалось больным вместо лекарства**.

ХЛЕБНОЕ ВИНО ИЛИ ВОДКА

Упоминаемое вино в нач. XII века, которым в. к. Всевод угощал народ, не было хлебное. — Водка есть собственно аравийское произведение; в Европу перешла не ранее конца XIII, а к нам в конце XIV века. — Раймунд Луллий, находясь на острове Майорке, бывшей тогда в руках аравитян, узнал там от одного ученого мужа способ приготовления водки, именовавшейся жизненной водою (*aqua vitae*), и привез ее в Европу (1290 г.). — Весь свет считал эту воду за извлечение из философского камня. Ее предписывали принимать каплями, и она производила целебное действие. Генуэзские купцы, узнав способ приготовления этого напитка от Арнольда де Виллана, который вывел из Луллия, продавали в склянках за дорогую цену как целительный бальзам под именем жизненной воды. Они производили ее посредством взгонки из винных дрожжей, сочных плодов и хлебного зерна. — После падения генуэзской торговли в XV веке тайна выделывания сделалась всем известна, за всем тем водка долго еще продавалась в аптеках как лекарство. — Весьма вероятно, что по найдении способа генуэзцами курить вино оно вскоре перешло на юг России, а тогда генуэзы, владея приморскими местами Таврического полуострова, имели с нами сношение по торговле. Правдоподобнее полагать можно, что водка появилась у нас не ранее 1398 года: тогда уже генуэзы доставляли водку в Литву*** и ознакомили нас с пагубным напитком.

Продажа горячего вина и всех хмельных напитков была у нас сперва вольная, но как излишнее их употребление причиняло бедность и разорение бесчисленным семействам, то это побудило великих князей ограничить неумеренное потребление. В. к. Иоанн III совершенно запретил приготавливать крепкие напитки. В бытность в Москве послы бар. Герберштейна (нач. XVI века) позволялось народу пить крепкие напитки только в некоторые праздничные дни. Царь Иоанн IV, построив первый для своей опричнины *кабак* в Москве на Балчуге, дозволил им пить сколько угодно. За

* Olear. «Offt begehr. Beschr. der Neuen Oriental. Reise», с. 251, изд. 1647 г.

** Paul Jovii «De Leg. Moscoviae».

*** Успен. «Оп. повеств. о древ. русск.», ч. I, с. 78.

всем тем он не любил пьянистующих; он позволил народу веселиться в кабаках только на Святой неделе, Рождество Христово и в Дмитриевскую субботу; во всякое другое время велел сажать в тюрьму*.

Царь Федор приказал разломать кабак, но Борис Годунов, думая о доходах, а не о сохранении нравственности, приказал вновь выстроить и отдал все крепкие напитки *на откуп*. В начале XVII в. находились во всех городах и селениях кабаки, называвшиеся *кружечными дворами*, от слова *кружка*, коею мерилось и продавалось вино. В Сибири такие же дворы заведены в 1617 г. со стороны казны: но как многие перестали заниматься работами, проводя жизнь в пьянстве и приходя в нищету, то царь Михаил, уничтожив все кабаки, учредил одни питейные дома, в коих продавалось вино только в большом количестве. Царь Алексей отдал опять на откуп и повелел завести кабаки во всех городах по одному, а в Москве три; впоследствии их размножилось до чрезмерности**.

Место, в коем ныне производится мелочная продажа водки, называется питейным домом, а в Малороссии, Литве и Белоруссии *шинком****, корчмою и постоянным двором с шинком, коих содержатели преимущественно жиды.

Водка делалась у нас прежде, по свидетельству иностранцев, столь крепкою, что подобной ни у какого народа не бывало. Крепость ее усиливали еще посредством различных пряностей, кореньев и трав. Приправленное этим способом вино называлось *настойкою, наливкою, травником и ерофеичем*.

ЕРОФЕИЧ

Последний сделался известным во второй половине XVIII в. Он вошел в употребление около 1768 г., но прежде всего в Петербурге. Граф Алексей Григорьевич Орлов был

* В пермско-устюгской грам. 1553 г. сказано: «Пермич пожаловал, дал есми им в году три недели питья варити и пити: неделя великоденная, другая в осень дмитриевская, третья в зиме рождественская, и тем трем неделям вино пити доспета без явки». — «E vietato loro ogni sorte di bevanda, che inebria, sotto pena della vita». — Turrini «Costumi, leggi, riti, etc. popoli d'Europa» <«Запрещены им все сорта напитков, которые опьяняют, под страхом смерти»>. — Туррини «Нравы, законы, обряды и т. д. народов Европы», ed. Ven., 1656 г., с. 65.

** Отзывы иностранцев о кабаках см., между прочим: Флечера «Common Wealth», с. 44, пом. в собр. Гакл.; Sebast. Glavinich: «De rebus Moschorum», ч. I, с. 351 — 352, в собр. Вихмана; Tanner «Leg. in Moscov.»; Lyseck. «Relat. Sacr. Caes. Maest. allegatos de Bottoni et de Guzman etc.»; Korb. «Diar. itineris in Moscov.», ed Vien., in f.; Mach. «A relat. of three embas. etc.»; Meletii «De russor. religion, ed.» Spir. 1581 г. Margeret «Estat de l'empire de Russie», изд. Париж.

*** От немецкого Schente, означающее лавочку, в коей продаются вещи мелочные, или иначе мелочная лавка.

болен; врачи истощили все знание для его излечения. Тогда славился своим искусством цирюльник Ерофей. Граф прибегнул к его помощи. Посредством постоянных трав на водке, которая проименовалась впоследствии «Ерофеичем», он совершенно выпользовал его, за что от него и императрицы получил великое награждение. Ерофей не имел никаких познаний в врачевании, но он знал свойства трав, коим изучился, находясь еще в Китае, у тамошнего врача.

СТАРИНИНЫЕ ПОПОЙКИ

До времен Петра I знатные люди проводили праздное время в пирушки, на коих самые попойки не считались пороком. Это было тогда общим по всей Европе. Хозяин, не употчевавший своих гостей, считался неласковым и с ним не хотели знаться; но чтобы к наполнению головы виннымиарами иметь благовидную причину, то попойку начинали кубками, сначала за здоровье государя, потом государыни, там за каждое царственное лицо, патриарха, знаменитых сановников, победоносное оружие и, наконец, за каждого из присутствующих. Не опорожнить за здоровье каждого целый кубок значило иметь неуважение к дому, не желать ему добра и тому, за чье здоровье пили. Хозяин начинал первый и неотступной просьбою заставлял выпивать до капли. В половине XVIII в. попойки происходили только в дружеских обществах, на именинах, крестинах и свадьбах, и никогда не расходились не упившись даже первостепенные особы. — По деревням и городам не было веселости без вина*.

От неумеренного потребления водки произошли поговорки:
Чару пить, здраву быть;
Вторую пить, пьяну быть;
Третью пить, безумцу быть.

Пить до дна, не видать добра. — Другие, несмотря на поучение, приговаривают, когда пьют:

А ты, чарочка, каток,
В один тоненький глоток:
Лейся прямо в роток,
Чарочка моя, серебряная!

В Малороссии, когда женщины потчуют друг друга варенухою, тогда, подавая чарку, поют протяжно и унывно и, если сходятся хорошие голоса, то производят тоску на сердце:

Выпьем по повний!
Вик наш не довгый!
Не довгый, не довгый, не довгый!

Там, съезжаясь друг к другу, проводили время в попойке иногда целые недели и по миновании разгуляя начинали похмеляться столько же времени. Надлежало пить, чтобы не быть в презрении от товарищей. Женский пол нередко хлебал зеленое, а чаще белый крепкий мед. В конце XVIII в. значительно изменилось неотступное потчевание; стали пить умеренно и стыдились беспокоить гостей частыми подносами хмельных напитков. Прекрасный пол изгнал их из своего круга: вкус и утонченность приличий, распространенные Екатериной Великой, совершенно истребили этот порок между ними. Ныне наши дамы образец для мужчин.

Страсть к вину, впрочем, виноградному была в Европе всеобщею. Людовик XI постоянно пил со своими приближенными и тех из них отличал, кои пили и умели веселить его похотливыми рассказами о женском поле. Римлянки и француженки пили наповал. У древних греков это считалось добродетелью (заслугою). Кир между прочими качествами, коими он хвалился, говорил, что он лучше пьет своего брата, царя Артаксеркса, и потому достойнее ему сидеть на престоле. Александр Македонский и Марий померли от пьянства, и многие другие. В Европе все университеты отличались разгульной жизнью. Вновь поступавших в университет товарищи записывали в число пьяниц, обязывая их торжественными обрядами и клятвой во имя Стефана лесного, что они будут пропивать все свои деньги, какие получат от родителей. Если же товарищи замечали, что кто-нибудь из них более слушался ректора, то немедленно сами выгоняли его из училища или приколачивали. — Такой обычай долгое время, почти до наших дней, господствовал в разных заведениях — где пили не вино, но водку. — Ближе к цели.

ДЕЙСТВИЕ ВОДКИ НА УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ

Между простым народом водка до такой степени в употреблении, что об ней заботятся едва ли не более, нежели о самой пище — даже последнее несут в питейный дом. Есть особо записные пьяницы, которые всю свою жизнь проводят в кабаках. Целовальники нарочно заманивают таковых и поят их ежедневно безденежно. Обязанность записных пьяниц состоит в том, чтобы завлекать сюда всех проходящих и поселять в них страсть к невоздержной жизни. Получая даром каждодневно четыре чарки водки, они являются поутру, перед обедом, перед полдником и ввечеру и стараются заводить скору или драку с гуляющими. Целовальник же, пользуясь этим случаем, грозит им полицейским усмирением. Тогда поссорившиеся прибегают к мировой: требуют

штоф водки, за этим другой и т. д. Вместо того, чтобы посорившийся выпил сам две или три чарки, он выпивает уже несколько штофов и поит записного пьяничу, который гуляет в чужом похмелье, а целовальник тогда безжалостно обманывает пьющих: обсчитывает и насчитывает на них. — Если записной пьяница не может поссорить кого-либо, то он пьет из десятой чарки. Пьющие, допивая девятую чарку, подносят десятую записному пьянице, который сторожит свою добычу — как серый кот. Если бы пьющие не поднесли ему десятой чарки, то он сам вырывает из их рук.

Удовольствие от опьянения так сильно, что оно губит каждого. Сначала оно приятно возбуждающее, потом производит ослабление тела и, наконец, умственных сил, и пьяница обращается тогда в полусумасшедшего: он пьет донельзя, и рассудок его помрачается. Такой человек или такое пьющее общество на что не может решиться? Благосостояние граждан ему непонятно; он считает их своими врагами, потому что благоразумные граждане чуждаются его. Чем более пьющих, тем они вреднее, сердце у них черствеет и развращается, совесть не пробуждается. Нет на земле тяготительнее рабства, какое налагает на людей пьянство. Надобно иметь необыкновенную силу собственного убеждения, чтобы вырваться из оков продолжительного безумия, потому что влияние винных спиртов столь же враждебное, сколько злоба адского духа противу счастия смертных*. Большую часть преступлений должно приписать пьянству. — Вред от него неизъяснимый: поля остаются не засеянными, дома в развалинах, семейства с обнаженными детьми: они скитаются по миру, выпрашивают подаяние и пропиваются выпрошенное. Если что удерживает их от разбоя, то этому причиной чувство религии, которое в них не погасло еще. Мысль, что они будут грабить своих единоземцев, будут лить их кровь — еще ужасает их. — Сколько открывали разбойничьих шаек, в коих русский лил кровь своего собрата в буйном пьянстве? — Эта шайка и предводитель ее, бежав из тюрьмы или ссылки, уже грабили не из одной ненависти и мщения к правосудию, но по иступлению в пьянстве. В то время каждый из них ознаменовывал себя смертоубийством, истреблением городов и резал с восторженной радостью.

Пьянство производит другое еще страшное действие: оно мертвят просвещение и загребает его заживо в могилу — оно подрыв всему обществу. — Яд скоро прививается, но исцеление от него необыкновенно медленное и часто бывает

* Предающиеся пьянству не могут быть нравственными, потому Апостол Павел сказал, что пьяницы не наследят царствия небесного. — Первое послан. к Коринф., гл. 6, с. 10.

невозможное. Против разбоя принимаются открытые меры: поиски и оружие, но против яда застарелого? — Могут быть только скрытные и гадательные меры!

В 29 великороссийских губерниях* продано в 1836 г. на 140 230 479 р^{<ублей>} ас^{<сигнациями>}; питейных домов находилось 10 525. — Если принять в соображение не показанные здесь 36 губ., области, градоначальства и управления, числом 14, и высокие цены винного откупа в 1843 г., то можно полагать, что продажа во всей империи едва ли менее 240 мил. р. ас. Присоединив к этому многочисленные погреба с виноградными винами и иностранными водками, то выходит чрезвычайный итог израсходования горячительных напитков. Губернии, в коих более всего израсходуется водка, это суть: Петербургская, Московская, Орловская, Тульская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Саратовская и Пермская. В Курской губ. находилось питейных домов в 1836 г. 1004; в Орловской 644, Воронежской 641, Тамбовской 553, Московской 458, Пермской 428, а в Петербургской 343.

Нельзя пройти здесь молчанием, что главная причина бедности и неустройства крестьянского хозяйства, и даже равнодушия крестьян к своему положению — это есть страсть к горячим напиткам. Из достоверных сведений, собранных на месте, видно, что потребление горячих напитков государственными поселянами в питейных заведениях, существующих в казенных селениях, простирается в Курской губ. до 4 р. 59 к. ас., а в Харьковской до 28 р. ас. на душу. Среднее потребление вина во всех губерниях составляет 13 р. 60 к. ас. Если принять в расчет, что эти крестьяне пьют еще в питейных домах, находящихся вне казенных селений, то можно положить пропиваемую сумму в год на душу по 15 р. ас. Взяв за основание, что крестьянин пьет в продолжение 33 л. средней своей жизни и пропивает ежегодно по 15 р. ас., то если бы он не пил и пускал их в оборот, которые по среднему расчету принесли бы ему по меньшей мере по 10%, он мог бы получить процентов на эту сумму в первый год 150 к. — всего 16 р. 50 к.; во второй уже 34 р. 65 к.; в третий 54 р. 61 к. и т. д., а в 33 года 3666 руб. 30 коп. Оцен^{<ива>}я еще на деньги время, в которое крестьянин мог бы заработать, но вместо того проводит в пьянстве и опохмелении, выходит, что его потеря простирается до 60 р. в год, следовательно, вся потеря 75 руб. на душу. Сосчитав с этой суммы проценты, расход каждого крестьянина простирается в 33 года до 18 552 р. 27 к. — Если помножить

* Материалы для статистики росс. импер., издаваемые с Высочайшего соизволения при статистическом отделении Сов. мин. внутр. д. СПб., 1841 г. См. отдел. IV, с. 26.

это количество на общее число государственных крестьян, то выходит, что одно их поколение в 33 г. теряет 25 176 132 328 р. ас., а со временем, проведенным в пьянстве: 139 019 540 861, всего же 154 186 473 189 руб. — Выводя такой расчет для всех прочих классов крестьян, мещан, казаков и военных поселенцев, они израсходуют деньгами и временем в одно поколение 91 569 150 000 р. Итак, в продолжение существования целого поколения теряется во всем государстве от пьянства деньгами и временем 245 755 623 189 р. Если бы наш народ не тратил заработанных денег на покупку вина и не губил лучших дней своей жизни на пьянство, то общее благосостояние производительного класса в империи увеличивалось бы ежегодно на 188 м. р., а по миновании поколения в 33 г. следующее поколение получило бы в наследие 245 755 000 000 р.; сверх того, что при обыкновенном порядке вещей может поступить от отцов к их детям.

Влияние пьянства на рабочий класс народа и проистекающие отсюда вредные последствия стесняют сердце грустью. — Министерство государственных имуществ уже успело в недавнее время своего существования сделать много полезного, улучшив нравственность крестьян, вверенных его попечению. Не говоря о разных полицейских мерах к воздержанию крестьян от излишнего употребления горячих напитков, министерство госуд. имущ. старается достигнуть этого самым верным и благонадежным путем: оно стремится возвысить благосостояние казенных поселян распространением между ними учебных заведений, чтобы, просветив их, сделать пьянство в собственных их глазах постыдным пороком*.

БУЗА

При порабощении нас татарами мы позаимствовали от них напиток бузу: он делался из проса, и пили его холодным; ныне он не в употреблении**.

* Шопен. «О страсти простого народа в России к горячим напиткам и о влиянии пьянства на хозяйственное и нравственное состояние крестьян» — помещено в Трудах Имп. Вольного экономического общества за 1842 г., третья вторая.

** Jos. Borbaro «Il viaggio dalla Tana», в 1436 г. Он говорит о бузе: «fassi etiandio *bossa*, che vuol dir *cervosa*» <выдержанная *bossa*, что означает сорт пива>, — но *cervosa* собственно значит пиво. — Нынешние татары разумеют под именем бузы брагу, но есть однозначающее ему буз, означающее собственно лед. Буза есть аравийский напиток. Ксенофонт говорит, что таковой напиток был им найден в Армении, в зарытых в земле сосудах. В Армении долгое время зарывали сосуды с бузой. Guthrie «Sur les antiquités de Russie», с. 149, ed. S. Petersb.

НЕУПОТРЕБЛЕНИЕ В ПИЩУ НЕКОТОРЫХ ЖИВОТНЫХ, ОСОБЕННО ЗАРЕЗАННЫХ РУКОЮ ЖЕНЩИНЫ

Предки наши с самых древних времен не употребляли телятины, зайцев, голубей, раков и тех животных, которые были закалываемы или зарезываемы руками женщины, почитая оскверненными. Это обыкновение еврейское зашло к нам по преданиям.

За приготовлением кушанья смотрела домашняя прислуга. Но если бы женщине случилось зарезать какую-нибудь птицу для стола, и тогда никого бы из мужчин не было в доме, то она выходила за ворота с ножом и просила первого проходящего, чтобы ей зарезали*.

КУШАНЬЕ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО РЫБНОЕ; БОТВИНЬЯ, ОКРОШКА, БЛИНЫ И ОЛАДЫ

Вареная и жареная рыба, икра волжская и балык составляли любимое кушанье". К столу подавали уху скромную и постную, как-то: юрму, уху с курицею на шафране; уху черную, белую с умачем и манты, готовленные с курицею; калью с лимонами, огурцами и лапшою; уху рыбную с прямыми кореньями. — Домашнюю птицу и дичь кушали не так охотно**. В летнее время подавали к столу ботвинью, которая приготовлялась на квасе с рыбой и щавелем***. Окрошку делали во всякое время из жаркого и огурцов и часто подливали к ней квас или кислые щи. — Блины, давно употребляемые при поминовении, готовились по праздникам. Оладьи пеклись с сыром и на яйцах и составляли лакомое кушанье. Были

* Негр. «Rer. Moscov. com.»; Daniel Prinz a Buchau «De Moscoviae ortu et progressu»; — Melet «De Russor. relig. et ritib». — В книгах Ветхого Завета запрещено евреям употреблять в пищу тех четвероногих животных, которые не отрыгают жвачку; из птиц же грифа, орла, ворону, лебедя, сову, ястреба, воробья и пр. См. подробное исчисление в 3 кн. Моисея, Левит, гл. 11, кн. 5; Второзакония гл. 14. — Телят он не запретил есть, но простолюдины наши не едят потому, что их откармливают для развода, и есть сомнения, что эта самая причина удерживала наших предков.

** Балык татарское слово и собственно значит рыбу живую. У нас же балык есть копченая рыба, которая в приволжских и других рыбных местах закапчивается или вялится на солнце.

*** Herb. «Rer. Moscov. com.»; Melet. «De Russor. relig. et ritib».

**** Maerb. «Voyage», с. 19.: «Richter Geschichte der Medicin in Russland», ч. I, с. 57; Olear. «Oftt begehrte Beschr. der Neuen Orientalische Reisen», с. 123, изд. 1647 г. — Он же описывает окрошку.

еще оладьи с сахаром, блины красные и тонкие и сырники на яйцах.

Курицы, утки и прочие домашние птицы продавались в XVI ст. по копейке серебряной*. Простое сословие чаще употребляло: толокно, щи, квас и ржаной хлеб; но все страстно любили приправлять кушанье луком и чесноком. Бедные пили за обедом квас, а богатые вино и мед.

Один иностранец рассказывает: кто шел в гости, тот непременно носил с собою мед и угощал им, хвалясь превосходством своего приготовления**.

ИЗОБИЛИЕ В СЪЕСТИХ ПРИПАСАХ

Изобилие во всех родах жизненных припасов и чрезвычайная во всем дешевизна, конечно, весьма много содействовали довольству жизни и гостеприимству. — Фазаны, куропатки, дрозды серые и черные, перепелки, жаворонки и бекасы наполняли леса. Журавли, аисты, лебеди, дикие гуси и утки летали беспрепятственно стадами. Зайцев белых и серых встречали повсюду; голубей до того было много, что их ловили руками. Стерлядь, белуга, осетры, белая рыбница, семга, форель и пр. наполняли реки. — Всего этого было вдоволь и дешево еще в конце XV в. — Тогда ягненок продавался по 10 к., курица по 7 полушек***.

Хлеба и мяса было также в изобилии; мясо не продавали на вес, но глазомером; 4 ф. мяса можно было купить за один марк (около 15 к.), 70 куриц за один червонец, а гуся за три марка****.

* Paul. Jovii «De legat. Moscov.», в 1525 г.

** Melet. «De Russor. relig. et ritib», изд. 1581 г.

*** Herber. «Rer. Moscov. com.», Paul. Jovii «De legat.»; Franc. da Collo «Trattam. di pace etc.», л. 52 и 53; Чилли «Hist. della solevalioni notabili etc.», с. 99; Barbarro «Il viaggio dalla Tana», в 1436 г.: «La fertilità delle biade e della carne, che è in questo luogo, si puo comprender da questo, che non vendono carne à peso, ma ne danno tanta ad occhio, che certa se ne ha quattro libre ad marchetto; la galline s'hanno settanta al ducato, l'ocche tre marchetti l'una» <«изобилие зерна и мяса, имеющееся в этой местности, можно понять из того, что мясо не продается на вес, но его выдают с избытком на глаз, так что некто купил себе его четыре фунта за марку; куры покупаются семидесят за дукат, гуси — три марки за одного»>. Margeret «Éstat de l'empire de Russie», etc. л. 2 — 4, изд. Париж, 1607 г.; Miege «La relat. des trois embas. de Carlisle», с. 326, изд. 1762 г.

**** И ныне во многих местах России всего в таком изобилии, что невольно приходишь в изумление. Доселе в хлебе, жизненных припасах, овощах, домашней птице и скоте нет недостатка. В юго-восточные страны столько

прилстает весною дикой птицы и разного рода дичи, что покрывает собою поля и реки. В Саратовской и Астраханской губ. все пространство по течению Волги на расстоянии 400 вер. бывает усеяно дикими гусями, утками, куропатками, перепелками, бакланами, бабами, лебедями, журавлями, дрофами, тетеревами, бекасами, дупелями и другими птицами. Гусей и уток такое налетает множество, что они пожирают хлебные стога и приводят в крайнее разорение поселян. Там дикие птицы, истребляя запасы, обращаются в хищных. Надобно бы вменить в обязанность, где перелетные птицы делаются зловредными — истреблять их. К счастью обитателей низменной части Волги и луговой ее стороны, что река во время своих разливов потопляет птенцов в камыше и уносит со своим течением миллионы яиц — зародышей. — Бакланы, бабы и журавли доставляют здешнему краю по крайней мере ту пользу, что они по сбытии воды пожирают остающихся в речках, протоках, оврагах, озерах и болотистых местах рыбу, лягушек и разных насекомых, которые гноят и заражают зловонием воздух. Без них в этих местах непременно свирепствовала бы зараза, которая и без того бывает, но не так опасна. Воздух в то время бывает пресыщен ядовитой гнилью; появляются перемежающиеся лихорадки и чума, иначе называемая *сибирка*, которая начинается прыщом на теле: сначала делается свербеж, потом опухоль, после открывается чирейная рана, которая обволакивается гноемой плевою и жжет тело; человек распухает, горит и в два дня умирает. — Сибирка обнаруживает все следы анатомона огня, который, при скорых средствах, уничтожается выжиганием раны с помощью раскаленного железа или примочки всякой кислоты, напр. из выжатого лимона, уксуса и т. п. Суеверы употребляют окуривание из бросаемых на землю кожаных подошв, гниющих оставов и костей и прибегают к совету знахарей, которые своими нацеплениями и заговорами вводят простолюдинов в одни заблуждения. Вот заговор от чумы: «Уроки-зволоки! Помолимся наперед Господу Богу и Божией Матери и недильтини святый и пятници, и Миколаю, и Пресвятой Богородице. Уроки, урошицы! Мужицки, жиночки, паробочки, хлопчи, дивчачи. И подумати и погадати: витряны и водяны, пидзорни, пидстретни. Летив ворон з чорными кигтями, з чорпыми великими кигтями. Изними з раба Божиего Осипа черные крови, жовтыя кости; раздвои чорные кигти и чорныя прокигти; понеси по метлам, по очеретам, по болотам; розтаскай, розволочи, — вовики веков, — аминь». — Заговор от бишик (рожи). Ворожся окуривает первоначально больного ремезицым гнездом, потом читает над ним молитвы: «Царю Небесный», «Пресвятую Троицу» и «Отче наш»; по прочтении этих молитв она давит опухоль крестообразно средним пальцем и произносит: «з нарожденного, з молитвенною, з крещеного Ивана, прогоняю святым крестом бишику. Пиды ты на пустыя степи, на гнильи колоды, на дикии воды — аминь».

Эти заговоры списаны со слов простолюдинов в г. Цареве Саратов. губ.

При изобилии в естественных произведениях и животных все там обходится дорого проезжему в самых дешевых местах. Отчего бы это? Жители, занимаясь скотоводством и земледелием, заготавливают для одного домашнего своего потребления жизненные запасы и нимало не заботятся для приготовления на продажу. Дичи не стреляют по неупотреблению и отварянию к ней. Если постороннему предстоит надобность в сельских произведениях, как-то: в молоке, масле, твороге, домашней птице или в дичи, то он должен заранее заказать, иначе ничего не получит, хотя бы хотел заплатить то, что с него запросят. Захотелось бы ему иметь кусок говядины, надошиб купить целую корову для одного супа. Захотелось бы иметь кусок жаркого из телятины — надошиб купить целого теленка. — Хотя всего у нас много, однако оно находится в руках таковых людей, которые не понимают выгод от общежитительности и, запасаясь грубыми произведениями для своего употребления, полагают, что этим обеспечен уже каждый человек. Что же доставляет природа весной и летом: птицы и овощи разнообразные, то они не считают для себя полезным промышлять ими, потому что занимаются обрабатыванием одних полей и, снимая хлеб, употребляют его частью для своих надобностей, а частью отвозят на продажу оптом. Оттого не найдете в продаже хороший даже муки. — Надобно для двух или трех фунтов хлеба заготовить пуд муки и приказать спечь, но к этому горю, нет пекарей. — Делается женщинами попросту, без всякого внимания к улучшению или к удовлетворению собственной прихотливости и лакомства. Там все довольствуются тем, чтобы только набить желудок.

Сказания иностранных писателей XV, XVI и XVII в. о богатстве и изобилии нашей России: хлебом, рыбью, овощами, домашнею птицей и дичью оправдываются ныне только в отдаленных краях нашего отечества; но эти места изобилия дотоле будут малоценны, доколе не проникнет сюда городская жизнь и не распространится потребность вкуса к лучшей пище — между детьми природы. — Тогда появятся лакомые кушанья и пропадет охота жить по природе.

СОБЛЮДЕНИЕ ПОСТОВ

Столы наших предков были тогда приготовляемы сообразно вкусу и состоянию поваренного искусства. Наши предки строго соблюдали посты: по понедельникам, середам, пятницам и даже субботам. Самые безнадежные больные не смели употреблять мясного. Великие князья и цари не изменяли общепринятых правил^{*}; нарушавшие их почитались католиками, погаными и басурманами^{**}.

Не соблюдавших постов не принимали в обществе. — В Филипповку, Петров и Великий Пост не только не ели мясного, но и рыбного; последнее допускалось только по

^{*} Herb. «Rer. Moscov. com.», ed. Antv., 1557; Paul. Jovii «De leg. Moscov.»; Meletti «De Russor. relig. et ritib.», ed. 1581 г.; Whitworth «An account of Russia, as it was in the year 1710»; Philips «The Russian Catechism», 1723 г.

^{**} Басурман, от татарского слова бесермен, значит правоверующий; но ненависть наших предков к действиям поработителей, угнетавших свободу, благосостояние и христианство, сделала это имя укорительным, которое перешло впоследствии в бранное. — Католики же сделались ненавистными в простонародии по причине прописок иезуитов, желавших водворить у нас свое вероисповедание, особенно с тех пор, когда родилась Уния. — Последовали страшные гонения и мстительное истребление, ожесточившее православный народ: тому пример малороссийские казаки. Польское католическое духовенство притесняло их до такого изуверства, что накладывало на храмы печати или отдавало церкви на откуп жидам, которые отворяли для самого священнодействия за чрезмерную денежную плату. Крестины, свадьбы и похороны не освобождались от платежа жидам; им же отдавали пасочный сбор, который состоял в том, что они одни имели право печь и продавать пасхальные хлебы к Светлому Воскресению. Если откупщик находил при освящении хлебов испеченные христианами, то он взыскивал с них тройную ценой. — Откупщики требовали еще, чтобы семейство покупало у них хлеба по числу душ в доме, не исключая младенцев. — Неслыханные жестокости, совершенные поляками над самими предводителями казаков, защищавших православие, воспламенили между ними негодование, которое перешло потом в природную ненависть к католикам. — Наливайко был сжарен в Варшаве в медном быке (1599 г.); Павлюка сначала мучили, потом содрали с живого кожу (1638 г.); Остраницу с товарищами колесовали живых, и многие другие примеры. — Враги славились и тогда еще просвещением и кротостью католической веры.

воскресеньям. Нарушителей подвергали эпитимии или налагали на них покаяние.

ВРЕМЯ КУШАНЬЯ И ОТДЫХА

В день ели по несколько раз, но обыкновенно завтракали, обедали, полудничали и ужинали. Все отдыхали после обеда по несколько часов, ибо изобилие трапезы усыпляло за столом. Малое движение рождало тучность, особенно у знатных и богачей. На дородность смотрели с почтением, как на некоторое достоинство. Думали, быть дородным — значило иметь право на уважение*.

Отдых после обеда есть самое древнее обыкновение. Владимир Мономах, говоря в поучении к своим детям о том, как он проводил жизнь, продолжает: «Потом садились думать с дружиною, или судить народ, или ездили на охоту, а в полдень спали: ибо не только человеку, но и зверям, и птицам Бог присудил отдохать в час полуденный»**. По свидетельству некоторых иностранных писателей, все в городе было пусто после обеда: лавки и дома были заперты; иные спали дома, а другие пред своими лавками не менее трех часов***. Народ наш, осуждая первого самозванца за несоблюдение отечественных обрядов, ставил ему в вину, что он никогда не ложился спать после обеда.

Завтрак бывал поутру рано, обед около полудня, полудничание около четырех или пяти часов, а ужин после заходения солнца; потом, спустя час, молились Богу и ложились спать. — Не садились за стол и не вставали из-за него, не помолившись. Один иностранный писатель, бывший у нас в начале XVI века****, говорит, что русские не знают ужинов, но это известие ошибочное. Кн. Василько, шедший воевать поляков (в конце XI века), остановился около Киева с своим войском, чтобы отправиться в монастырь Св. Михаила помолиться Богу и потом по совершении молитвы ужинал с монахами. В. к. Святополк обиделся, когда он пригласил Василька к себе на ужин, и тот не был у него.

* Margeret «*Éstat de l'emp. de Russie*», на об. 15 л., изд. Пар., 1607 г.: «tienneut en honneur ceux qui sont les plus ventrus, les appellans» <«они почитают тех, у кого самый большой живот и называют их»>; *dorotney schalovec* (дородный человек).

** Владимир Моном. велиокняжил с 1113 — 1125 г. — См. его поучение.

*** Herber. «*Rer. Moscov. com.*»; Ollearii «*Oftt begehrte Beschr. der Neuen Orient. Reise*», с. 11, изд. 1647 г., там же о дородности, с. 122.

**** Бар. Гербер. «*Rer. Moscov. com.*».

Вообще все вставали у нас до солнечного восхода. Служившие при дворе и состоявшие на жалованье вставали еще ранее, ибо они отправлялись ежедневно во дворец и сопровождали государя в церковь; после обедни рассуждали бояре с царем о делах. Потом каждый обедал и отдыхал два и три часа. По вечернему звону колокола сходились снова в церковь и, отслушав с государем вечерню, расходились по своим домам; там ужинали и ложились спать.

СОДЕРЖАНИЕ ПО СЛУЖБЕ

Состоявшие на службе получали от двора содержание, которое определялось степенью должности и ее важностью. Из известий конца XVI в. видно, что члены Думы получали от 500 — 1200 р. Самый большой оклад имел один только кн. Феод. Ив. Мстиславский, занимавший всегда первое место. — Окольничие получали от 200 — 400 р. и земли на посев хлеба от 1000 — 2000 четвертей; думные дьяки от 100 — 200 р. и земли от 800 до 1200 четв., московские дворяне от 20 — 100 р. и земли от 500 — 1000 четв.; выборные дворяне от 8 — 15 р.; городовые от 5 — 12 р. и земли до 500 четв. — Жалованье выдавалось ежегодно, но земли назначались им в потомство с тем, что они обязаны были выставлять по первому требованию с каждого ста четвертей по 2 челов. — Дети и сыновья боярские получали от 4 — 6 р. однажды в течение шести и семи лет, но зато их награждали пожизненно землею на посев хлеба от 100 — 300 четв.

ПЕЧЕНИЕ РАЗНОГО ХЛЕБА

Приготовлением съестных припасов занимались хозяйки дома; богатые возлагали попечение на слуг. — С печением хлебов соединялось знание домоводства, и та пренебрегалась хозяйка, которая не умела хорошо спечь их: ибо думали, в чьем доме хороший хлеб, в том хорошая хозяйка.

Хлебы пшеничные и крупяные пеклись на сладостях, с разными изображениями*.

* Margeret «*Éstat de l'empire de Russie*», л. 25 — 26, изд. Париж, 1607 г.

** Ответ монаха Зиновия на послание старца Вассиана, в нач. XVI в.: «не изволи брашина симоновского ясти», т. е. что сам Вассиан не употреблял пищу симоновской братии. — «Яде приносимое ему от трапезы великого князя: хлебы пшеничны, крупяные, брашина заслажаемо и многопестротне застораемая. Пияще романию, бастр, мунпатель, ренское белое вино. Брашно же (в монастыре) хлеб овсян, не веян, или классы ржаные толчены, и таковые хлебы сухи без соли; питие же вода и варение имеющих капустное листвие; преимеющие же в них, аще зелие, имеют свеклу и репу; овощи же им рябина и калина». «Ист. Российской иерархии», т. II, с. XXX.

За треугольным серебряным столом в. к. Василия подавали калачи и хлебы наподобие хомута*.

Пироги пекли с разною начинкой: из яиц, капусты, рыбы, грибов, риса, гороха и пр. Должно думать, что пироги с начинкой были те же кулебяки — старинное и любимое русское кушанье, которое превосходнее многих заморских выдумок по пирожной части. — Пироги сладкие, приготовлявшиеся на сахаре, с изюмом, вареньем и пряными кореньями заменяли в то время нынешние кондитерские и назывались *левашниками*. Они имели форму труб. — Употребляли еще пироги подовые с сахаром, мясом, яйцами, сыром,

* «...formam helcii equini habentes» <«...в форме изогнутой части конской сбруи»>. — Нерв. «Rer. Mosc. com.», с. 136 и 137, ed. Antv. 1557 г. — Хлебы наподобие хомута, вероятно, позаимствованы от татар, и вид этих хлебов напоминают нам продолжительное порабощение. Paul. Jovius, leg. Moscov. <Павел Иовий, посол в Московии> говорит, что пред в. к. Василием ставили два треугольных серебряно-озолоченных стола, за коими он обедал с родственниками и послами.

Англичанин Берров, искающий пути по Ледовитому морю в Америку, был занесен бурею в Белое море и потому нечаянно прибыл в неизвестную ему страну — Московию — в пол. XVI в. Однако жители неизвестной ему страны, русские, встретили его с почестию, как посла, и поднесли ему в знак дружелюбия: хлеб, шесть калачей, четыре сушеных щуки и меру овсяных круп. — «The navigation and discoverie toward the river of Ob, made by M. St. Burrough», пом. в собр. Гакл., т. I, с. 308, изд. 1809 г. in 4⁰.

Крупчатые и пшеничные хлебы были не что иное, как сайки. Они доселе в славе, и лучшие из них можно иметь в Москве на Красной площади недалеко от царского амвона, у пекаря Румянцева, который здесь продаёт их и они слывут *румянцевскими сайками*. Нельзя не подивиться: отчего умеющие печь так превосходно свои хлебы дозволили немцам овладеть булочной частью? — Московские сайки, как равно вземские пряники только могут печься на своем месте. В другом же месте никакое искусство не сделает их вкусными — этому причиной вода и выделка местной муки. Выборгские крендели как ни пекутся хорошо пекарем Ивановым (в Петербурге), но они не могут сравниться с настоящими выборгскими — по той же причине. — Превосходные вадайские баранки, малороссийские бублики, калужское тесто, смоленские крендели, московские калачи и прочее давно у нас в употреблении. Нельзя определить времени их появления, но они появляются уже прежде XIII в., исключая калужского теста. — «Дела цесарские в рук.» № 1, л. 120 — 127; Гербер. «Rer. Mosc. com.»

В глубокой древности не были известны булочники; тогда довольствовались простою пищею и самые хлебные зерна кушали вместо плодов. По открытии способа делать муку стали ее месить и потом квасить. В глубокой древности пекли к столу лепешки хлебные, заменявшие наши хлеб, и пекли, когда садились обедать. Царь сам закалывал ягненка, а царица занималась кухнею. Авраам приказывал своей Саре, когда он садился обедать, печь хлебы на угольях. Римляне также поступали. — Первые булочники появились на востоке. Евреи, греки, кипропокияне, лидияне и финикияне завели их; но у римлян появились они за 150 л. до Р. Х. От римлян распространились булочники по Европе. — «Dict. des origines», Paris, ed. 1777 г.

пряженые с сахаром, пряженые с сыром, пряженые кислые с сыром*. — Русские весьма любили пироги, отчего произошла поговорка: не красна изба углами, а красна пирогами.

ОБЕДЫ

До нас не дошли сведения о семейных обедах бояр, двоинства и остального сословия. Есть некоторые известия о велиокняжеских обедах, которые могут несколько ознакомить нас с тогдашним вкусом. — В большой комнате ставились в несколько рядов длинные столы. — По поданию на стол кушанья объявлялось царю: «Государь! Кушанье подано». — Тогда он отправлялся в столовую и садился на возвышенном месте; подле царя садились его братья или митрополит; там вельможи, чиновники и простые воины, отличенные заслугами.

Во время принятия посла бар. Герберштейна в. к. Василий один сидел на возвышенном месте, окруженный пышным двором. С правой его стороны лежал колпак, а с левой посох, тут же стоял двухгорловый сосуд с полотенцем. Подавши руку послу, он после мыл ее, думая, что католический закон нечистый. В середине, на высоком столе, блестело множество золотых сосудов, чаш и кубков. — Первым блюдом всегда были жареные лебеди. — За обедом разносили кубки с мальвазией и другими греческими винами. Государь посыпал со стола своего кушанье в знак особой милости отличенному им гостю, который тогда вставал и кланялся ему. Другие также вставали из уважения к милостивому гостю, а он должен был им кланяться**. Во время обедов вели разговоры без принуждения. — Обедывали серебряными ложками, которые сделались у нас известными в конце X века***.

При обедах царских находились: крайчий, чашник и чарошники; каждый из них смотрел за своевременным подаванием кушанья и напитков; но сверх их назначались еще

* Во многих местах северо-восточной России, особенно в Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Астраханской губ., пирогами называют круглые пшеничные и французские хлебы, а калачи *пшеничником* или *белым калачом*. Собственно же пироги называются там *пироги с харчем*, т. е. с начинкой из говядины, рыбы, птицы и овощей. — Харч в Саратовской губ. значит всякое мясное. — В этой губернии простой народ употребляет более полубелый, нежели черный хлеб — по избытку пшеницы.

** Herb. «Reg. Moscov. com.», с. 137.

*** Нестор пишет, что гости Владимира I, быв однажды разгорячены медом (996 г.), возроптали на него, что им давали деревянные ложки, говоря: « зло есть нашим головам ясти деревянными лжицами». Услышав об этом, Владимир повелел сделать для них серебряные, сказав благоразумно: серебром и златом не добудешь дружины, но с нею добуду много серебра и золота.

к столу особые чиновники, которые должны были «*встали смотреть и встолы всказывать*». Они подавали за столами ковши или чаши, кому государь приказывал. Поднося знатному боярину ковш с вином, именовали его с прибавлением *ста*, или *су*, например, если имя его Василий. — *Василий-ста!* Великий государь жалует тебя чашею. Тот, приняв ее, выпивал стоя и кланялся, а подносящий докладывал царю: *Василий-ста выпил чашу, челом бьет.* Менее знатных именовали: *Василий-су*, остальных без всякого прибавочного окончания просто *Василий*.

Иностранцы с изумлением отзывались о пышности царского стола: гости пили и ели из золотых сосудов; слуги во время обедов три раза переменяли свое платье, и обед продолжался до ночи. Обеды Иоанна IV продолжались по шести часов; от 600 до 700 гостей пресыщалось не только изобильными, но дорогими яствами, плодами и винами. Однажды в Кремлевских Палатах обедало 2000 ногайских воинов**. Борис Годунов давал пиры в Серпухове в продолжение шести недель, и каждый раз угощал под шатрами по 10 000 человек. — Кушанье подавали на серебряной посуде***. — Расставаясь с войском, он дал роскошный обед в поле 500 000 гостей, пировавшим на лугах р. Оки. Яства, мед и вино развозили обозами; чиновников дарили бархатами, парчами и камками****. Иностранец Варбоч, посол императора германского*****, не мог исчислить серебряной и золотой посуды, которая лежала горой в комнате, смежной со столовою. — При нем подавали на стол около ста различных блюд.

* Margeret «*Estat de l'empire de Russie*», л. 81, 32, изд Париж, 1607 г.; Флечер «*Common Wealth.*» пом. в Гакл.; Olearii «*Oft begehrte Beschr. der Neuen Orientalischen Reise*», изд. 1647 г., с. 162; Korb «*Diar. in Moscov*», ed. Vien, in f., с. 190. «Dum mensa Tzaram paratur, nulla tubarum officia aulios vocant ad ministeria, verum unus illorum stentoria voce clamat: Gosudar! cuschinum; Gosudar, cuschinum» <Пока готовится царская трапеза, ни одна труба не зовет придворных на службу, но один из них кричит натужным голосом: «Государ! кушать: Государ! кушать!», т. е. «Государь! К кушанью!» — Корб, верно, хотел сказать: «Государь! Кушанье подано!» — Именование сокращенным именем отца было общее у греков древних. Сам Гомер это употребляет. Напр. «Что ты меня *Приамид?* — Встретясь с *Пелидом*, славный Эней *Анхизид* и *Пелид Ахиллес благородный*» — Гнед. «Ил. Гомер.», п. XX, ст. 87, 99, 160 и т. д.

** «*Navigat.*», пом. в Гакл., с. 349 и 352.

*** Marger. «*Estat de l'empire de Russie, etc.*» — Все иностранные писатели этого времени с любопытством вели счет гостям и самой посуде.

**** Кар. «И. Г. Р.», т. XI, с. 18, изд. 1824 г.

***** «*Beschr. der Rais in die Moscow so H. Warbotsch gethan*», пом. в собр. Вихм., ч. I, с. 165.

За торжественными царскими обедами служили по 200 и 300 жильцов в парчовой одежде, с золотыми цепями на груди и в черных лисьих шапках. Государь садился на возвышенном месте; слуги низко кланялись ему и потом, по два в ряд, отправлялись за кушаньем. — Между тем подавали водку; на столах тогда ничего не ставилось, кроме хлеба, соли, уксуса, перца, ножей и ложек; тарелок и салфеток не знали. — За одним разом приносили сто блюд и более, отведанные поваром при стольнике; после отведывались крайним, в глазах царя. — Потом царь посыпал гостям ломти хлеба, яства, вина, мед и в конце стола раздавал сам сущеные венгерские сливы. Всякий гость отпускался домой с блюдом мяса или пирогов*. — Поныне соблюдается обыкновение, что хозяйка при отпусканье гостей от обеда или ужина навязывает им узелки с разными лакомствами: пряниками, орехами, сущеными плодами, пирогами сладкими и пр. Крайнею было бы для нее обидою, если бы не приняли. Хлеб-соль — дар Божий, говорят русские. — Не принять хлеба — значит прогневить Бога.

За столом царя Феодора были уже дорогие вина и мальвазия; обеды его продолжались до полуночи**.

БОГАТСТВО СЕРЕБРА, ЗОЛОТА И ДРАГОЦЕННОСТЕЙ

Иностранные послы всегда говорили с удивлением о богатстве серебряной и золотой посуды. *Бурхард*, посланик импер. немецкого Генриха IV, увидев блеск двора, сказал: никогда мы не видали столько золота, серебра и богатых одежд. — А другой посол императора, *Ламберт*, не верил своим глазам, видя кучи золота и серебра***, и пишет, что столы, покрытые блестящею серебряной посудою, гнулись от ее тяжести. — Герберштейн говорит, что на посудном столе лежали одни серебряные и золотые сосуды****, и

* Флечер «Com. Wealth.», пом. в собр. Гакл.; Margeret «Estat de l'empire de Russie».

** «Beschr. der Rais in die Muscow, so H. Warbotsch gethan», 1593 г., ч. I, с. 159 в собр. Вихм.: «Das Getranck welches der Grofsürt zu diesem Pamkhet, war Mancherlei als Meth, Malvasier undt Wein, undt wehrete dip Pamkhet biß in die Mitternacht» <«Питье, которое великий князь поставил на этот банкет, было более разнообразным, чем медовый напиток: мальвазия и вино, и продолжался этот банкет до полуночи»>.

*** Lambert. von Aschaffenburg «De reb. gest. germanor.», пом., у Пистория, т. I, с. 301, изд. Ratisb. 1726 г. — Бухард и Ламберт были в России в велиокняжение Изяслава I, в 1075 г. — Контарини «Voyage de Perse en 1473 г.», — пом. у Бергерона.

**** «Ref. Moscov. com.» ed Antverp.

рассказывает за редкость, что первое блюдо состояло из жареного лебедя; что после обеда подавали разные прохладительные напитки и заедки: сахарные, аниевые и из корицы. — Франциск да Колло пишет, что денег, серебра и золота столько у в. к. Василия, что он есть богатейший и могущественнейший из европейских владетелей; что он, сверх богатства, хранящегося в казначействе, собирает ежегодно огромное количество золота и дорогих мехов с разных мест своего царства; что великий князь щедро одарил самого Франциска да Колло серебряно-позолоченными сосудами и другими вещами*. — Другие видели в кремлевских палатах горы жемчуга, золота и серебра**. Маржерет видел в кладовой литые серебряные бочки, огромные серебряные тазы, кои поднимали за ручки четыре человека. Он видел еще три или четыре вазы с большими серебряными чашами, назначеными для черпания меда, которые (т. е. вазы) были столь великие, что надобно было употребить 300 челов., чтобы наполнить каким бы то ни было напитком. Все это сделано руками русских, и все из серебра***. Польский посол кн. Гедроцкий и патриарх Иеремия приходили в изумление от великого множества серебра и золота****. — Принятие датского принца Иоанна, жениха Ксении, дочери Бориса Годунова, ослепило блеском и пышностью глаза иностранцев. — Столы трещали от тяжести золота и серебра. Посредине столовой находился четырехугольный стол, искусно украшенный серебряными подносами, чашами, блюдами, кубками; многие вещи были из чистого золота. Кресло царское было из одного золота, стол серебряный с позолоченными ножками, который был покрыт вязанной из золота скатертью; комнату украшала тонкой работы люстра с боевыми часами. Посол Лжедимитрия Афанасий Власьев поднес в подарок Марии Мнишек от имени ее жениха рубиновое перо, гиациントовую чашу, золотой корабль, осыпанный драгоценными каменьями; золотого быка, павлина и пеликаны; часы с флейтами и трубами, три пуда жемчуга, 640 редких соболей, кипы бархата, парчи, штофа и атласа. Сверх того, многие подарки ее отцу и родственникам, всего на 200 000 червонцев. Иностранцы, описывая блеск Лжедимитриева двора, с изумлением говорят о его престоле, вылитом из чистого золота, обвшанном кистьми алмазными и жемчужными, утвержденном внизу на двух серебряных львах и

* Franc. da Collo «Trattam di pace», и пр., на обор. л. 51 и л. 52.

** «Navig.», пом. у Гакл., с. 349 и 354.

*** Marjer. «Éstat de l'emp. de Russ.», изд. Пар., 1607 г., л. 20.

**** Richter «Gesch. der Medic. in Russe.», ч. I, с. 72.

покрытом накрест четырьмя богатыми щитами; над ним блестели: золотой шар и золотой орел. Самозванец имел колесницы и сани, окованные серебром, обитые бархатом и соболями; на его конях узды, седла и стремена сияли золотом, изумрудами и яхонтами. Он заказывал беспрестанно драгоценные вещи и в три месяца издержал на одну пышность суетную более 7 мил. руб. сер. — Народ роптал, потому что он не любил расточительности государей, страшась новых налогов. — Корб, бывший в Москве в конце XVII в., не мог исчислить богатства царских палат*.

Герберштейн пишет, что в Калуге весьма искусно делали деревянные стаканы и другие домашние вещи для домашнего употребления, и они продавались в Литве и других местах**.

Сосуды, чаши и кубки делались продолговатыми, круглыми, одним словом, кому как хотелось. В X в. пивали из позолоченных рогов***, и это продолжалось до пол. XVIII в. — Псковские посадники, встречая (в 1473 г.) невесту в. к. Иоанна III Софию, пили за ее здоровье из злаченных рогов****. Хан крымский Менглигирей, друг в. к. Василия, просил его письменно, чтобы он приспал ему в подарок между прочими вещами серебряную чару в два ведра. В. к. Иоанн III присыпал ему прежде серебряную чару с серебряным черпалом, но ее взял у него шах Зада, почему он хотел иметь другую, за что, писал он великому князю: «Я бы всегда из нее пил, а тебя, брата своего, поминал».

Столовая посуда знатных особ в средние века была большею частью серебряная и золотая. Серебряные ковши, обложенные жемчугом, весили по три фунта и более; серебряные золоченые кубки бывали в 14 фунтов; чары серебряные и золотые часто по 12 ф.; мисы, кружки серебряные и позолоченные, кубки из строфокамиловых яиц по нескольку фунтов. Были чарки сердоликовые, обложенные серебром; рога буй^{<во>}ловые и воловые, оправленные в золото и серебро; делали сосуды из одного серебра наподобие рогов, отчего такие сосуды часто называли рогами заодно с простыми, оправленными только в золото или серебро*****. — Арсений, бывший с патриархом Иеремией в Москве (1590 г.), удивляясь богатству и разнообразию сосудов, говорит: «Я

* Petr. «Hist. und Bericht von dem Großfürst. Muschkov», с. 281; Гравенбрух, с. 32, Писецкий, с. 223, Кар. «И. Г. Р.», т. XI, с. 242 — 243. Корб «Diar. itiner. in Mosc.», с. 188.

** Herb. «Rer. Moscov. com.», с. 68.

*** «Русск. правда», с. 31, 34.

**** «Псков. летоп.», под 1473 годом.

***** Ки. Щерб. «Рос. ист.», т. IV, ч. II, с. 102, 103, 149, 151; Усп. «Оп. пов. о др. руск.», ч. 1, с. 381.

был поражен неисчислимым сокровищем; необыкновенною пышностию первостепенных сановников, облитых в золото. Я видел серебряные сосуды с золотыми коронами, наполняемые критским вином. Из многих золотых чаш была одна, которую едва 12 человек в состоянии были несть. — Чаша изображали львов, медведей, волков, быков, лошадей, зайцев и оленей; были единороги, отлитые с огромными рогами, и разные четвероногие животные; птенцы и павлины золотые и золоченые; журавли, аисты, утки, гуси, пеликаны, страусы большие и малые, фазаны, голуби, куропатки, горлицы — и все это или из золота, или из серебра. Но всего искуснее и естественнее изображен был охотник с силком, который, защищая свою сеть на добычу, радовался вперед своему успеху. — Сверх исчисленных мною чаш и бокалов такое было множество другой посуды, что я не в силах поименовать ее»*

Многие из владетельных князей, отказывая своим наследникам имущество, именуют разные сосуды столовые, которые в то время были весьма дорогие. В. к. Иоанн Данилович, отправляясь в Орду, разделил свои дорогие вещи между тремя сыновьями и супругою Еленою. Старшему сыну Симеону отдал четыре золотые цепи, три пояса, две чаши, блюдо с жемчугом, и три блюда серебром, и два ковша; Ивану четыре золотые цепи, два пояса с жемчугом и каменьями, третий сердоликовый, два ковша, две круглые чаши и три блюда серебром; Андрею четыре золотые цепи, пояс фряжский, другой жемчужный с крюком (с застежкою) на красном шелку, третий ханский, два ковша, две чарки и три блюда серебром. Дочери Фетинье: 14 колец, новый складень (ожерелье), чело (головное украшение) и гривну. Большое серебряное блюдо о четырех кольцах в храм Владимирской Богоматери**. Внук его в. к. Иоанн II завещал (в 1359 г. ноябрь 13) детям своим — кн. Дмитрию: золотую шапку (корону), бармы, жемчужную серьгу, коробку сердоликовую, золотую саблю и шишак; кн. Иоанну: саблю и шишак, жемчужную серьгу и стакан цареградский, а двум будущим зятям по золотой цепи и поясу***. Когда в. к. Иоанн III гостил в Новгороде (1467 г.), тогда его дарилишелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, рыбными зубами, иностранными винами и драгоценными сосудами. Владыка Феофил подарил ему золотой ковш с жемчугом, два рога, окованные серебром, серебряную мису; Вас. Кази-

* Arsenii «Descript. itineris in Moscoviam habiti a Jeremia II, patriarcha Constantinopolitano», c. 85 — 86, пом. у Вихман. «Sammlung Schriften des Russischen Reichs», ed Berl., 1820 г.

** «Собр. госуд. грам. и дог.», т. I, с. 31, писано в 1328 или 1331 г.

*** «Собр. госуд. грам. и дог.», ч. I, с. 41.

мер золотой ковш; Яков Короб рыбий зуб; знатная вдова Анастасия Ивановна два рыбых зуба и пр. По приведении Великого Новгорода «во всю волю» Иоанна (1478 г.) ему поднес в дар на Паозерье один архиепископ Феофил: панагию, обложенную золотом и жемчугом (князья и цари носили их на груди, на золотой цепи); строфокамилово яйцо, окованное серебром, в виде кубка; сердоликовую чарку, кристальную бочку, серебряные мисы, цепи, чары, два ковша золотые и пояс серебряный весом в 31 ф. — Если верить сказанию современного польского историка Длугоша, то Иоанн нагрузил тогда 300 возов: серебром, золотом и драгоценными каменьями*. Кн. Иоанн Борисович Волоцкий исчисляет в завещании (1504 г.) 29 серебряных блюд, 5 мис, 1 уксусницу, 1 перечницу, 1 солонку большую, 2 солонки малые гладкие, чарку серебряную, 11 ложек, 7 ковшей, 7 чарок гладких, одну чарку с полкою, 2 чарки больших, 4 чарки малых, три кубка, 1 рог, 3 стакана, ковш большой, сковороду серебряную с венцом, серебряник и посуду каменную.

При домашних столах бояр и дворянства подавали яства и напитки в простой посуде. — Принц Бухай пишет** (в пол. XVI в.), что в его время по большей части кушали и пили из деревянной посуды, коей края бывали позолочены, и она делалась монахами. — Оловянные блюда и тарелки составляли редкость; но каждый боярин непременно имел серебряный кубок, который подавался гостям для питья за здоровье. — Вилки были в редкости.

Тот же Бухай, обедая у царя Иоанна IV, говорит, что он, Бухай, не имел ни тарелки, ни ножа, ни вилки; но пользовался ими, заимствуя от сидевшего подле него боярина. Олеарий, бывший в Москве в нач. XVII в.***, пишет, что у богатых людей редко встречалась оловянная посуда и что за редкость считалось, если серебряная появлялась у бояр. — Маерберг, бывший в Москве в пол. XVII в., говорит, что у многих богачей оловянная посуда, ложки, ножи, вилки и тарелки подавались одним знатным или почетным гостям.

ЗВАНЫЕ ОБЕДЫ

Чтобы показать более отличий в царских милостях и польстить суетности вельмож, Борис Годунов первый ввел званые обеды в царствование еще Феодора, который приглашал думных сановников и угожал их в своих чертогах,

* Dlug. «Hist. Polon.», кн. XIII, с. 588.

** Daniel, Printz von Buchau «De Moscoviae ortu et progressu» и пр.

*** Олеар., см. его «Voyage», с. 127.

обнаруживая пред ними всю гостеприимность обыкновенного хозяина*.

Хлебосольство, известное одним нашим русским, отличалось более всего в частных домах, где вольность в обхождении, соединенная с равенством, ничьего не обижала честолюбия. Хозяин с радостью принимал гостя, не скучился перед ним, ставил все на стол, что имел: яства, мед и водку, чтобы не прослыть негостеприимным. От этого произошла доныне употребляемая поговорка: все на стол мечи, что есть в печи. — Самым величайшим упреком было еще, кто скажет: «Ты забыл мой хлеб-соль»**.

Мясные яства приготавляли весьма просто — варили в одном горшке несколько различных мяс. — Кроме соли, перца и уксуса находились на столе соленые огурцы, сливы и кислое молоко. Все это употребляли с соусом и жарким, которое приправлялось довольно много луком и чесноком***.

МУЗЫКА И ЗВОН ВО ВРЕМЯ ОБЕДА

Пышное угощенье, какое оказывали иностранцам, было иногда сопровождаемо музыкой. Контарени пишет, что по дороге к Москве он был великолепно принят наместником Помартином и им угощаем; что во все время обеда играла музыка — это происходило в кон. XV в.**** Варбоч, обедавший у царя Феодора, говорит, что во все обеденное время звонили в дворцовые колокола, коих звук раздавался по всем комнатам. По отъезде его из дворца в десять часов вечера он проезжал сквозь ряды стрельцов, стоявших с ружьем в руках; 6 конных москвичей освещали ему дорогу фонарями, а 16 факелами к самому его дому*****.

* Кар. «И. Г. Р.», ч. 10, с. 72.

** Marger. «Estat de l'emp. de Russie», на об. с. 16, изд. Пар., 1607 г.

**** Reutensels «De reb. Moscovit». — «Caeteres cibos sine ullo alio, praeterquam salis condimento valde simplices apponunt et vulgo escas etiam diversas in eadem olla elixunt», — с. 108; Herb. «Rer. Mosc. com.». Lac praeterea accidum in eundem usam appositum, item ciscumferes salsi, haec pruna eadem ratione condita, prandii tempore a mense non removentur <Прочие блюда готовят весьма просто, добавляя, помимо соли, пряности и разные приправы во множестве, и варят все в одном горшке. Кроме прочего, подаются кислое молоко, соленые огурцы, сливы и в течение всей трапезы не убираются со стола>.

Последующие иностранные писатели, говоря о кушанье, подтверждают то же самое.

***** «Beschreib. der Reis. in die Moskow so H. Warbotsch — gethan.», ч. 1, с. 155, 183 — 185; пом. в собр. Вихмана.

***** Контарени «Voyage de Perse en 1473 г.», пом. в собр. Бержерона.

Бояре и богатые (XVII в.), обедая у себя дома без гостей, имели стол простой, но сытный; кушанье делалось без приправ, т. е. без ягод, сахара, перца, имбиря; было малосоленое и невкусное. Для гостей приготовляли как можно поболее различных кушаний, от 50 до 100 блюд. Ставили на стол по одному блюду, прочие же держали слуги; где было мало соли, уксуса и перца, там прибавляли сами гости*. Борис Годунов по прибытии шведского принца Магнуса, жениха Ксении, посыпал ему во дворец от 100 до 200 разных кушаний на одних золотых блюдах и золотых сосудах с толстыми золотыми крышками. Во время угощений подавали на стол не менее 200 кушаний, и все на золотых подносах**. При дворе, когда угощали посланников, подавали от 150 до 200 блюд.

Для оказания большой части гр. Карлилю, английскому послу, ему отослали после обеда от царского стола одного мясного кушанья сто блюд, которые несли в торжественном порядке по большой улице, с великим множеством меда, вина и водки. Перед послом стояло для пышности на царском столе 12 серебряных позолоченных тарелок; перед окончанием обеда пили по списку за здоровье особ, которые именовал крайчий. За другим обедом,енным для Карлиля, который начался с двух часов пополудни и кончился в десять вечера, подавали не менее 500 блюд. Первым кушаньем были: икра с салатом, потом очень хорошие сладкие супы, разнообразная вареная и жареная рыба; мясного не подавали, потому что тогда был постный день. Из напитков подавали: пиво, мед белый и красный, вина испанские, греческие и водку. За столом не было салфеток; скатерть едва прикрывала стол***. Царская столовая была

* Коших. «О Росс. в царств. Алекс. Мих.», гл. XIII, с. 118.

** Petrejus: «Hist und Bericht von dem Großfürstenthumb. Muschcow», с. 278 — 282., изд. Лейпц., 1620 г.

*** Скатерти давно были у нас в употреблении, гораздо прежде XVI в. — По возвращении из ссылки первостепенного боярина, знаменитого кн. Михаила Воротынского (в 1565 г.), он просил у царя Иоанна Грозного, чтобы между прочими вещами, необходимыми для домашнего его употребления, как-то: белье, посуду и одежду, которые отобрали у него при заточении, повелел бы снабдить его скатертями. — Кар. «И. Г. Р.», т. IX, прим. 145. Берг. «Жизн. цар. Алексея Михайловича», ошибочно говорит, что скатерти появились в 1665 г. — Maerberg «Voyage en Moscovie», с. 60 и 61, изд. Лейп., 1688, бывший в Москве <в> 1661 и 1662 г., подтверждает, что одна скатерть покрывала стол. — Маерберг говорит еще, что тарелки, салфетки, ножи и вилки подавали только знатным osobам; что посуда была нечистая и первое кушанье составляло отваренную говядину, потом холодное, приправленное уксусом, сыром и луком; потом супы, жаркое и соусы. Уксусница, перечница, солонка стояли на столе; за столом более употребляли крепкие напитки, нежели вино и пиво. — Салфетки вывезены Петром I из Голландии в 1718 г. См.: Круга «Описание монет». — Нет сомнения, что они давно были нам известны; но Петр I мог вывезти лучшей работы.

освящена. Не забывали пить за здоровье, а пили преимущественно из бокала золотого, который был нарочно сделан в честь короля Карла I, казненного на эшафоте по настоянию Кромвеля, с этой вокруг надписью: «В память преподобного мученика Карла I, претерпевшего великие печали на сем свете. Я не сомневаюсь, что он наслаждается в том мире блаженством». Спустя несколько времени принесли три небольшие дерева, унизанные позолоченными на конце пирожками (прянниками). Одно дерево было для посла, а третье для бояр. Пирожки срывали и кушали вместо десерта, который заключился вином, поданным собственноручно царем.

Между ружьями, пистолетами, сосудами и многими другими вещами, какие Карлиль получил от нашего двора для вручения королю Карлу II, была серебряная вызолоченная чаша, которую несли два человека*. При угощении цесарских послов Meerна и Кальвучи царь Алексей целовал их в уста и после лобзания мыл рот и руки; за столом царь сидел на почетнейшем месте, в углу**.

Пряники употреблялись исстари, и как некоторые думают, что они были известны еще до принятия христианской веры между северными славянами при их жертвоприношениях. Жрецы приносили богу Святовиду огромной величины хлеб, замешанный на меду и печеный, как нынешние пряники. На нем, вероятно, делали изображения тех животных, которые они, может быть, представляли при жертвоприношениях***.

О способе приготовления кушанья в старину может послужить примером то кушанье, которое было заготовлено во время бракосочетания царя Алексея с Наталией. Государю подавали в сенник квас в серебряной лощатой братине, лебединый *папорок* с шафранным взваром, рябь *окрошиван под лимоны* и гусиный потрох. Государыне подавали из жарких: гуся, поросенка, курицу в *калью* с лимоном; курицу в лапше и курицу во щах *богатых*. Из хлебного государю и

* Match «A relat. oft hree embassies of Carlisle», с. 291 — 294. — Miege «La relat. de trois embas. de com. de Carlisle», с. 102 — 111, изд. Amst. 1772 г.

** «Relat legation. in Moscoviam, an. 1661 — 1663, de Aug. Meyern et Guil. Calvucci», ч. I, с. 223, 228 — 229 и 231, пом. в собр. Вихм.

*** Усп. «Оп. пов. о русск. древ.», ч. I, с. 72 и 73. Нынешние пряники также носят разные изображения животных и с надписью: вяземский пряник, который своим вкусом превосходит многие чужеземные сладости. Нужно покупать его на месте, в Вязьме, и там отличнейших пряников фунт, в коем не бывает более четырех, продается по полтора рубля серебром. *Коврижки* и московские пряники также хороши; но последние далеко уступают превосходству петербургских коврижек: душистых и сахарныхъ, однако и петербургские не могут поспорить с вяземскими.

государыне: перепечь крупичатую в *три лопатки недомерок*, четъ ситного хлеба, *курник*, осыпанный яйцами, пирог с барапиною, блюдо пирогов с яйцами, блюдо блинов *тонких*, блюдо сырников, блюдо карасей с барапиной; пирог расольный, блюдо подовых пирогов, каравай на яйцах, кулич недомерок и блюдо *жареных* пирогов .

В старину постные яства употреблялись с разрешения или благословения духовных лиц. Вот пример, который не есть общий, однако он может знакомить нас со старинным обыкновением. Патриарх подносил государю Алексею (1671 г.) из своего домового кушанья в постные дни в трех статьях: 1. Щуку, лещ и стерлядь паровые и спину белой рыбицы. 2. Оладью *тельную* из рыбы, щучью уху, пирог из рыбы и каравай, осыпанный рыбью. 3. Щучью голову, несколько осетров свежих, тешку белужью, ренское, романею и бастр. В среду первой недели Великого Поста готовили для патриарха (1667 г.): четъ хлебца, папошник сладкий, взвар с рисом, ягодами, перцем и шафраном; хрень *греночки*, капусту *топаную холодную*, горошек *зобанец* холодный, кисель клюквенный с медом, кашку тертую с маковым сочком, кубок романеи, кубок мальвазии, хлебец крупнитчатый, полосу арбузную, горшочек патоки с имбирем, горшочек ма-зули с имбирем и три шишки ядер**.

ЗАКУСКИ ИЛИ ДЕСЕРТ

Какого рода закуски или десерт подавались в кругу бояр и дворян, мы никаких не имеем о том сведений; но закуски давно были известны: их приготовляли на пряностях с разными плодами, на меде и сахаре и в XVII в. уже назывались конфетами. Как назывались прежде? — Неизвестно***. По случаю рождения Петра I подавали на стол после обеда: коврижку сахарную на корице; сахарную голову, расписанную цветами, весом 2 пуда 20 ф.; большой сахарный орел, литой белый, а другой сахарный большой красный, с державою, весом 1½ пуда; лебедь сахарную литую в 2 пуда; утку сахарную литую, полпуда; попугая сахарного литого, 10 ф.; голубя сахарного литого, 8 ф.; сахарный кремль с

Новик. «Древ. рос. вивл.», ч. XIII, с. 210.

Нов. «Древ. рос. вивл.», ч. VI, с. 301, 320 и 321; Успен. «Оп. пов. древ. русск.», с 68, 69. — Тешка не есть собственно кушанье, но название брюшной полости всякой большой рыбы: белуги, осетра, севрюги и пр. Ее готовят свежею и соленою в супах, соусах и студени; приготовленную таким образом тешку подают к столу.

*** Olear. «Offt begehrt. Beschreib. der Neuen Oriental. Reise», с. 249, 251, изд. 1647 г.

пешими и конными воинами и башнями, из коих над большой и средней парили орлы; город был представлен четвероугольным и окружен пушками; две большие трубы из сахара на корице: одна красная, а другая белая, по 15 ф.; два больших сахарных марципана: один на пяти кругах, а другой леденцовый; две спицы леденцовые: белая и красная, весом каждая по 12 ф., 40 блюд сахарных узорьев с изображением людей пеших и конных и других животных, по полфунту на блюде; 30 блюд леденцов на разных плодах, весом по фунту без четверти на блюде; 10 блюд зеренчатого сахара с пряностями, по фунту на блюде; смоквы пол-ящика, цуката, лимонов, яблок мускатных и померанцевых, шапталы, имбиря в патоке, арбузы, дыни и другие плоды — всего было на столе 120 блюд.

Закуски, какие ныне подают за несколько часов до обеда, стали входить в употребление в XVIII в.

ДАВНОСТЬ САХАРА

Сахар давно вывозили к нам иноземные купцы, и его употребляли у нас при поминовениях еще до XI века*.

* О сахаре говорится в вопрошении Кирика к епископу новгор. Нифонту. Эти вопрошения помещ. также у Герб. «Rerum Moscov. com.» — Монах Кирик жил в XI веке.

Древние писатели греческие и римские ни слова не говорят о сахаре. Теофраст, умерший за три столетия до Р. Х., упоминает о нем слегка. Плиний и Диоскорид, жившие в первом веке после Р. Х., говорят об одном леденце. По словам Павла Эглинского, сахар еще в VII веке мало был употребляем. — Отчество сахарного тростника — восточная Азия: он растет в южном Китае, на острове Индийского архипелага и в королевствах Сиамском и Кохинхинском. Оттуда, кажется, перешел в Индостан, потом в Аравию и, наконец, к азиатским и африканским берегам Средиземного моря: в Эфиопию, Нубию и пр. До перенесения этого растения сахар, должно быть, отправлялся сначала из Китая в индийские пристани, оттуда в Персидский залив или Черное море посредством караванов до берегов Средиземного моря. По этому чрезмерно трудному и продолжительному пути сахар составлял предмет редкости и любопытства. Аравитяне, завладев в течение IX ст. Родосом, Кипром, Кандиою и Сицилиею, перенесли туда сахарный тростник. Около XII ст. венецианские торговцы закупали сахар в Сицилии. Крестовые походы, породившие деятельность торговлю венециан и других итальянских городов, распространили вкус и требование на сахар по всей Западной Европе. В нач. XV ст. испанцы и португальцы привезли ростки сахарного тростника на острова Канарские и остров Мадеру. Полагают, что сахарный тростник отсюда перешел в новый свет, несмотря на уверения некоторых историков, будто бы он сам по себе рос в некоторых местах Америки. Мадерский сахар пользовался своей известностью. К концу XV в. венециане придумали способ вываривания и очищения сахара, который в наше время доведен до усовершенствования. — Маленький остров св. Фомы под экватором, принадлежащий Португалии, имел в нач. XVI в. много

сахарных заводов (около 1520 г.). Сахарный тростник, привезенный в то же время в Гаити испанцами, сделал там быстрые успехи. Благоприятствуемый климатом и почвой, он давал втрое и четверо более, нежели в самой Испании, и 28 пресловуты были заняты под сахар. Возделывание сахарного тростника, распространившееся по Америке, сделалось особенно важным в Бразилии. Здесь то португальцы удержали за собою монополию снабжения Европы сахаром в конце XVI и нач. XVII в., и этому самому Лиссабон обязан был своим богатством, как ныне Англия индийской торговле. Англичане, завладев Ямайкою в 1606 г., одним из Антильских островов, нашли там только три сахарных завода, а через 30 лет торговля этого острова заняла деятельность 400 кораблей, поднимавших до 60 000 тонн; но как вся торговля Антильских островов переходила в руки голландцев, которые с невероятной деятельностью поспевали всюду, где только можно было получить какую-либо выгоду, а английская морская сила приходила в упадок, то парламент утвердил билль «Навигационного акта» в 1651 г. декабря 1, служащий поныне краеугольным камнем английской торговли. Этот билль, направленный против Голландии, открыл войну; но протектор Кромвель, окончив неприязненные действия, оставил во всей силе навигационный акт, по коему дозволено англичанам свободный ввоз в Англию всех товаров из трех частей света: Азии, Африки и Америки и английских колоний, а произведения европейской промышленности могли быть доставляемы в колонии только на английских кораблях или на кораблях туземных, построенных самими переселенцами. — Во Франции постановлениями с нач. XVII века (1634 г. нояб. 25) до пол. XVIII века, были отстранены все соношения колониальных туземцев от торговли с другими островами даже до того, что воспрещено было учреждать новые заводы для рафинирования сахара. По мере того как острова Мадеры и св. Фомы подорвали сахарное производство в Сицилии, Египте и Аравии, потом Терры-Ферры и Мексики уменьшили эту отрасль промышленности в Андалузии, в это время Бразилия, находившаяся под португальским владычеством, сделалась центром сахарного производства и до пол. XVII в. снабжала все европейские рынки. Развившиеся новые колонии в начале XVIII в. уменьшили закуп сахара в Бразилии. — За сто лет пред сим обращавшийся сахар в европейской торговле получался из Бразилии 100 000 000 ф., с английских островов 100 000 000 ф., из Голландии 620 000 000 ф., из французских островов 50 000 000 ф., итого 312 000 000 ф. — Французская революция и борьба европейских народов до 1815 г. доставили англичанам случай завладеть теми сахарными колониями, которые не были под их владычеством, и по мере того, как неудачи Наполеона все ближе и ближе подвигали к Франции войска государств, державшихся колониальной системы, цены быстро поднялись. Но мир 1815 г. понизил их чрезмерно быстро. — В настоящее время производимость сахара обнимает в географическом отношении две системы: западную и восточную. В первую входят острова и материк Америки, равно острова Маврикий и Бурбона, а во вторую от Аравии вдоль Индийского моря и Тихого океана до западных берегов Америки. По западной системе доставлено сахара с 1833 — 1834 г. из английских колоний 575 мил. ф., ос. Кубы 275 мил. ф., из французских колоний 200 мил. ф., Бразилии 187 мил. ф., Луизианы 150 мил. ф., голландских колоний 80 мил. ф., Пуэрто-Рико 62 мил. ф., шведских и датских колоний 25 мил. ф., всего 1 554 000 000 ф. По восточной системе: из Явы 100 м. ф., Бенгала 50 м. ф., Манилы 32 м. ф., Китая 25 м. ф., Конхинхины, Сиама и островов индийского архипелага 7 м. ф., всего 214 000 000 ф. — Замечательно, что отчество сахарного тростника: южный Китай, королевства: Сиамское и Конхинхинское и острова Индийского архипелага доставили в наименьшем количестве: этому причиню стеснительная система торговли сих государств. — Из двух систем: восточной и западной, получено сахара: 1 768 000 000 ф., из этого количества употреблено для Англии 500 м. ф., Соединенных штатов 250 м. ф., Франции 158 м. ф., России 75 м. ф., всего 983 м. ф., для четырех государств только, а прочие 686 м. ф. идут для Голландии, Бельгии, Германии, Дании, Швеции, Италии, Греции, Турции, Египта, Северной Америки, Испании и Португалии. — Колонии французские,

возвращенные во время Реставрации своей метрополии, подчинились прежнему ее управлению, существовавшему до революции; но они устремили все свои усилия о воспрещении ввоза во Францию иностранного сахара. Цены возвысились на сахар, и проистекли большие злоупотребления. Это самое повело к открытию нового предмета, который теперь весьма много занимает не только французских земледельцев, но касается до существования колоний, распространения торговли и важной отрасли государственного дохода — этот предмет — *свекловичный сахар*. Это открытие, возбуждавшее сначала столько насмешек, после исследований 1828 г. распространилось под влиянием мер, принятых для покровительства колониального сахара. Во Франции возникло гонение на свекловичный сахар, который не мог бы выдержать борьбу с колониальным ввозом, если бы свекловично-сахарное производство не стало бы развиваться в Германии, особенно в черте, ограничиваемой прусским таможенным союзом. — В 1836 г. считалось в Пруссии 50 заводов, а в других государствах 25 заводов; в 1840 г. было уже в Пруссии 91 завод, а в других государствах 50 заводов, из коих добыто около 750 000 пуд. сахара. — В России первый учредил свекловичный завод в Тульской губ. генер. Бланкенагель в 1800 г., но Отечественная война остановила это предприятие; потом Бланкенагель умер, завод перешел в руки Герарда: он и Мальцев не переставали убеждать своим примером в пользу этого учреждения. До 1824 г. уже изредка говорили об этом предмете. — Когда русские помещики Бахметьев, Давыдов, Нейдгардт и др. увили во Франции успехи свекловичной промышленности, тогда они по возвращении в свое отчество учредили у себя свекловичные заводы. — Помещики стали отдавать учеников на завод Герарда и Мальцева. — В 1840 г. считалось уже 164 завода, а именно в Тульской губ. 28, Харьковской 15, Воронежской 13, Калужской и Орловской по 12; Рязанской и Курской по 11; Черниговской, Киевской и Пензенской по 8; Тамбовской 7; Нижегородской 5; Симбирской, Саратовской и Минской по 4, Подольской 3, Московской и Витебской по 2; в Тверской, Ярославской, Екатеринославской, Херсонской, Бессарабской и Гродненской по 1. — Привозной сахар, белый гаванский, продавался в Петербурге в 1840 г. в генваре *<по>* 8 и 14 сер. пуд. — Эти высокие цены на сахар сделаны в пользу свекловичного сахара, без этого покровительства он не мог бы выдержать соперничества с колониальным по той причине, что по химическому разложению содержится в сахарном тростнике более сахарных частиц, нежели в свекле:

в сахарном тростнике

воды	74,8	до	69,2
сахара	14,0	—	18,0
волокон	8,0	—	9, 0
разных органических веществ	1,8	—	2,0
кремнезему и солей	1,8	—	1,8

100,0 до 110,0

в свекле

воды	88	до	84,0
сахару	82		
	8	—	10,0
древесины	12		
белковины и азотного веществ			2,0
других разных кислот и веществ			1,5
			2,5

100,0

Но в том виде, как ныне, сделался он повсюдным и прежде ознакомления нашего с кофеем и чаем. — Мы знаем, что и до этого времени приготавляли вареные и другие сладости на сахаре; что первоначально мы получали его из Константинополя, потом через Тавриду от генуэзцев в XV в., после из Германии через Польшу и Литву в продолжении XVI и XVII в.; и наконец в XVIII столетии через петербургский порт из всех концов Европы, Азии и Африки. Выделывание сахара началось у нас еще в XVII в. — Мы тогда уже имели сахарные фабрики, однако не запрещалось ввозить иностранный сахар, отчего наши фабрики не могли прийти в хорошее состояние. Петр I запретил указ. 1718 г. мар. 14 и 1721 г. апр. 28 ввоз сахара кроме сахарного песка.

В самое древнее время предки наши считали сахар скромным кушаньем, потому не употребляли его в постные дни. Набожные приверженцы постов то же самое делают поныне, думая, что сахар делается на крови.

ПОРЯДОК ПОДАВАНИЯ КУШАНЬЯ

В XVII в. столы при дворе начинались с жаркого и преимущественно с жареных лебедей*. Если же их не бывало за столом у богатых, то это считалось обидою для гостей**. В XVII в. начинали обед студнем из говяжьих ног или икрою; потом подавали суп, вареное и жаркое***. В XVIII в. при дворах и домах вельмож угощали наперед окороками, колбасами, солеными и холодными мясными кушаньями, приготовленными на деревянном масле, луке и чесноке; после подавали теплые похлебки, жаркое и другие кушанья, наконец, закуски из свежих и вареных в сахаре плодов, дыни и арбузы астраханские.

В наше время почти то же самое: за несколько времени до обеда подают закуску, состоящую из водки, наливок, настоек и ликеров; рыбы копченой, балыка, икры, масла, сыра, ветчины и пр. Обед начинают супом и оканчивают пирожным; после обеда разносят кофе, а там, спустя не-

В настоящее время мы извлекаем половину сахара, заключающегося в свекловице, и когда искусство достигнет того, что можно будет получать весь сахар; тогда, без сомнения, разовьется эта отрасль важной промышленности. Но свекловично-сахарное производство без покровительства тарифа никогда не подорвет колониальный сахар, и мысль тех, что настанет время, когда Россия будет снабжать Европу своим сахаром, мечта! — Журн. мин. госуд. им. за 1842 г., № 4. Ст. о сахаре колониальном и свекловично-сахарном производстве в России, с. 209 — 244.

...Herb. «Rer. Moscov. com.» «Printz v. Buchau», с. 192, Petreus, с. 562.

...Petreus, с. 597.

...Maerberg «Voyage» etc.

сколько времени, варенья, виноград, конфеты, дыни, арбузы, разные ягоды и сладкие плоды.

Прежнее поваренное искусство всегда не нравилось иностранным послам, которые, из великого множества присыпаемых им кушаний от царя почти ничего не могли есть. Наиболее им посыпали рыбное, и волжская рыба была дороже дичи и мяса. Чем более было рыбы и огромной еще величины, тем почетнее было для гостя. Один иностранец уверяет, что, обедая за царским столом, давали такие большие рыбы, что едва три человека могли поднять половину рыбы. — Искусство поваров превращало рыб в петухов, кур, гусей, уток и пр., придавая им вид этих животных*.

Причиною невкусных яств были, по уверению иноземцев, нечистота в приготовлении, сильный луковый и чесночный запах, горький вкус от конопляного и коровьего масла, на коем готовилось кушанье, пироги и жареная рыба. — Коровье масло приготовлялось тогда в печах и не солилось, отчего оно получало горечь и портилось. Неудивительно, что иностранцы не были довольны нашими яствами. — В начале XVIII в. стали приготовлять хорошее коровье масло по иностранному способу, а тогда многие вельможи и дворяне начали вводить чужеземные кушанья и усваивать их. В половине того же столетия уже появились немецкие и французские повара, которые вытеснили поварих. — Ныне порядочный помещик имеет прекрасного повара. — В конце XVIII в. была даже страсть у многих знатных вельмож выписывать из Парижа пироги, хлебы и сладкие кушанья, которые доставлялись в Петербург в шесть дней. Другие нарочно ездили туда, чтобы попить и поесть всего вдоволь; теперь за этим не отправляются туда: искусство поваренное стоит у нас на высшей степени усовершенствования.

РАЗВЕДЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПЛОДОВ И ОВОЩЕЙ

Прежде долго не знали других плодов, кроме огородных: капусты, чеснока, лука, гороха, моркови, репы, бураков и редьки. В XV в. мы имели хорошие вишни, орехи и полевые яблоки; сеяли огурцы и дыни*, коим, по особой приятности и вкусу, удивлялись иностранцы. В XVII в. находились большие сады с яблоками, вишнями, сливами, смородиной, малиной, клубникой, особенно с поваренными растениями. Из этих плодов превосходнее всех были наливные яблоки,

* Tanner «Leg. in Moscov.», c. 57.

** Barbaro «Il viaggio dalla Tana» в 1436 г.; Contareni «Voyage de Perse en 1473 г.», c. 52, 53, пом. в собр. Бергер.; Herb. «Rer. Moscov. com.» — «Melones autem singulari cura ac industria seminant. <О дынях же заботились с особым усердием>. Franc. da Collo «Trat. di pace», etc., л. 53.

которые, когда созревали, светились насквозь*. — Салат долго не сеяли и, видя употреблявших его, говорили, что они едят траву, как животные, и уговаривали других не есть, чтобы они не превратились в скотов*. Олеарий, бывший в Москве в пол. XVII в., пишет, что русские привыкали уже к салату; в конце XVIII в. он сделался в большом употреблении только в столице; еще в нач. XIX в. многие не могли есть его по предубеждению к немцам. Простой народ и многие из купеческого сословия доселе не научились есть его.

В 1660 г. ноября 11 указано разводить арбузы в Чугуеве (Харьковского уезда) и, когда они поспеют, присыпать ко двору***.

* Olear. «Offt begehr. Beschr. der Neuen Oriental. Reise», c. 117, изд. 1647 г.

** Tanner: «Leg. Mosc.». Dum lactueis vesceret, circumstantes admirabundi Mosci, partim indignantibus, partim explodentibus verbis, a cibo illo nos dehortati sunt, momentes ne bestiarum more advorandum gramen, converteretur.

*** Самые лучшие и единственныи арбузы — это *быковские*, *балахлейские* и *пролейские* Царевского уезда Саратовской губ. Быков, Балахлей и Пролейки суть хутора, заселенные государственными крестьянами; находятся в недалыем расстоянии от Камышина и, как до образования Царевского уезда (1835 г.), все эти хутора находились в Камышинском уезде, потому эти арбузы доныне сливут камышинскими. — В Быкове, Балахлее и Пролейках занимаются разведением мужики; почва здесь песчаная, потому самая удобная для произрастания арбузов, коим благоприятствует еще солнечный зной с перепадающими дождями. Арбузы бывают в окружности в $1\frac{1}{2}$ арш., а весом более пуда; семена маленькие и не в большом количестве; тот самый лучший арбуз, которого кора зелено-беловатая, и когда его разрезают, тогда он как будто бы крошится от чрезмерного множества сахаристых веществ; вкус очень сладкий, а запах имеет душистого ананаса. Сотня арбузов стоит на месте от 35 к. до 75 к. сер., и эта цена есть уже самая высшая. На большом возу, запряженном волами, не может поместиться более 150 арбузов. — Их доставляют по подряду в ближайшие губернии и Москву, в которую вывозят каждое лето до 15 000 арбузов. В предмосковских местах продают арбуз по самой высшей цене 62 к. сер., а в самой Москве от 1 — до 3 р. сер. Из всех этих арбузов самые лучшие суть быковские. — В урожайные годы такое бывает их множество, что не успевают снимать с бакшней (арбузных полей) и оставляют гнить на месте или пускают скот и свиней, которые пожирают и топчут ногами. — У нас в Петербурге лучшими арбузами сливут астраханские, но это ошибочно. Астрахань похитила не принадлежащую ей часть у хуторов Быкова, Балахлеи и Пролеек, которые по старому размежеванию уездов находились в составе Астраханской губ. до конца XVIII в. В Астрахани никогда не бывало превосходных арбузов, как быковские, балахлейские и пролейские. — Пробовали сеять быковские семена в Астрахани, но арбузы не вырастали там прекрасные, как на родной почве. — С разведением арбузов появились тыквы, которые в восточной России именуются *дураками*, в Малороссии *гарбузами*, а арбузы *кавунами*. — Причина названия дураков неизвестна. — В Оренбургской губернии такое множество родится дураков, что ими откармливают свиней, и если верить рассказам, то иные бывают до $1\frac{1}{2}$ пуда весом. — Астрахань славится дынями, кои, кроме ароматного запаха, отличаются полнотою мяса или тела, которое срезается до корки; во внутренности мало семян, и дыни эти лежат свободно, без всякой порчи, до октября месяца. Превосходнейшие дыни растут в Дубовском Посаде Царицынского уезда на берегу Волги, и по этому посаду они усвоили название дубовок.

В нач. XVIII в. появились: саллери, спаржа и артишоки; последние привезены из Голландии в Петербург в 1715 г. — Виноградные вина мы давно получали из Царьграда, но разведение виноградных лоз началось не прежде XVII в. Они в первый раз посажены в Астрахани (1613 г.) одним немцем, который был монахом из тамошних монастырей, а он получил в подарок от проезжих персидских купцов. В пол. XVII в. уже были многие виноградные сады, из коих доставлялось ко двору ежегодно по 200 бочек вина. В XVIII в. вошли в обыкновение венгерские вина, коими угощали почетных людей. Петр I, заботясь о разведении винограда по разным местам России, поручил особый присмотр за астраханскими виноградниками французскому садовнику*. Со ввозом иностранных овощей, вин и пряностей мы познакомились с пуншем, кофе, чаем и табаком.

ВЗВАРЕЦ И ПУНШ

В старину вместо пунша пивали ковшами *взвар*; он приготовлялся из пива, меда и вина на пряных кореньях. В Малороссии он известен под именем *варенухи*. Пунш узнали в нач. XVII в.; около половины того же века мы употребляли кофе и чай.

КОФЕ

Семена кофе перенесены в Европу голландцами из Мекки, но свойство их дознано было настоятелем монахов, Фаустом Нейроном, коему пастухи рассказывали, что когда овцы и козы наедались кофейных зерен, тогда они прыгали всю ночь. Другие писатели говорят, что некто Гомаледдин, живший в городе Адене в пол. IX в. эджиры или XV в., путешествуя по Персии, нашел там при устье Красного моря кофе, привез с собою на свою родину и развел; отсюда он распространился по Сирии, Мекке и Египту**. Но это известие несправедливое, потому что настоящая его родина есть Йемен в счастливой Аравии. Он растет на горах и называется там *буина*. — Турки, персияне, армяне и другие азиатские народы до ознакомления их с кофе делали напиток из растения *кауш*, имевший вкус кофе***. Сначала кофе употребляли вместо лекарства; на востоке пили и теперь

* Усл. «Оп. пов. о древ. русск.», ч. I, с. 74 и 75.

** «Diction. des origines».

*** Жюлье «Recueil de l' academie des sciences», изд. 1713 г.

пьют одну гущу и без сахара, а в Европе вываренную жидкость с сахаром и сливками. Мы узнали кофе едва ли не прежде чая, потому что голландцы, имея с нами еще в конце XVI в. непосредственные торговые сношения, без сомнения, между многими плодами и произведениями роскоши привозили кофе.

За границей менее его пьют, нежели у нас, и напрасно думают, что немки страстные охотницы. Я видел, что они пьют мало и некрепкий по причине пламенных воодушевлений к нежностям*.

ЧАЙ

Соотечественник наш Василий Старков первый упоминает о чае. Будучи отправлен послом к хану Алтыну в 1636 году, он там увидел чай и говорит как о вещи, доселе неслыханной, и не знает: считать ли за дерево, или за траву? Он только знает, что чай варят в воде, прибавляют к нему молока и пьют горячий**.

* Известно, что многие пряные коренья: гвоздика, корица, имбирь, перец, кардамон, особенно ваниль, производят сильное стремление к чувственности; но питье крепкого кофе без привычки и в большом количестве производит сильное волнение крови. Частое его употребление и большими приемами ослабляет органы: делает их нечувствительными; потому у таких людей всегда рождается леность, бездеятельность и слабость тела; цвет лица мертвает и белые зубы, краса девиц, обращаются в уголь. Это дознано многими наблюдениями. — Здесь говорится только о тех, которые много употребляют кофе; но пить одну чашку, как средство для ускорения пищеварения, весьма полезно.

** Употребление чая в Китае и Японии незапамятно. Индо-голландская ком., учрежденная в 1602 г., в первый раз вывезла чай в Европу в нач. XVII в. Голландцы, зная по слухам, что китайцы и японцы извлекали питье из какого-то дерева, растущего в их странах, отправили к ним некоторое количество шалфея, за один фунт коего выменяли три фунта чая. Салернская школа предлагала тогда шалфей как специфическое средство против многих болезней. — Привезенный чай в Париж был продан от 30 — 100 фр. за фунт. Шалфей не имел успеха в Китае. — Употребление чая быстро распространилось в Европе, так что уже в 1655 г. он был в чрезвычайном употреблении в высшем кругу парижского общества.

Как скоро чай распространился в Европе, он сделался предметом преследования науки. — Голландский врач Николай Тюльниус описал в 1640 г. медицинские свойства чая; потом вскоре за ним два врача французские Марине и Жонке сделали то же; последний назвал чай *божественной травой* и сравнил его с амброзисом. — Наконец, в 1678 г. голландец Корнелий Бентхек написал прекрасное сочинение о чае, имевшее такой успех, что после трех изданий, раскупленных тотчас по напечатании, оно было переведено на все языки: это сочинение окончательно утвердило успех чая.

Вскоре Англия начала соперничать в ввозе чая: первый груз чая ост-индской компании пришел в Европу <в> 1669 г. Директора компании поднесли 22 ф. чая английской королеве, супруге Карла II, в день ее рождения. Исчислено, что <с> 1652 г. по 1700 г. количество ввоза чая не привышало 90 000 килогр.; в настоящее время Англия употребляет 18 мил. килогр. в год.

Гуссей рассказывает о бесполезных попытках всех мореплавателей пересадить это деревцо в Америку и Европу и заключает неутешительную истину, что мы, европейцы, можем его разводить не иначе, как в теплицах. — «La monographie du the, par Houssaye», Par. un vol. in 8.

Чай играет столь важную роль в торговых сношениях и внутреннем потреблении многих государств, что невольно изумляешься недостаточности химических исследований над составом этого произведения. Анализы, сделанные Франком, Брандом, Мейльдером и Штейнгузом, суть единственные, но недостаточные, посему докт. Пелиго охотно воспользовался предложением просвещенного негоцианта Гуссея, доставившего ему различные образцы черного и зеленого чаев. В записке о чае, читанной им в Парижской академии наук (17 июля н. с., 1843 г.), он нашел в чае следующие вещества: 1) дубильное начало (*tannin*), 2) летучее масло, от которого зависит аромат чая, 3) вещество, содержащее в себе много азота — чайн (*théine*), которое встречается в кофе и лекарственном веществе *guatapa*, дорого ценимого бразильцами. Пелиго нашел, что в листьях чая содержится азота от 6,15 до 6,62 на 100. Ни в одном растении не найдено столь богатого содержания азота. Это начало в чае, соединенное с другими началами, составляют азотистые вещества — таких веществ содержится от 20 — 30 на 100. Если листья настоять в теплом и слабом растворе поташа, то получится буроватая жидкость, и потом, если прилит какой-либо кислоты, то получится осадок, содержащий в себе азот. Пелиго считает этот осадок тождественным с *творожиной* молока (*cáseine*). Зная, что чай содержит много азота и что в нем есть творожина, нельзя сомневаться, что он есть питательное вещество. — В Индии приготовляют чай с молоком, маслом, поваренной солью и с какой-то щелочной солью, горькою на вкус. Точно таким образом приготовляют киргизы, калмыки и многие жители Сибири, прибавляя иногда сало или масло и лук. — Этот чай известен в торговле под именем кирпичного. В Канавере приготовляют его другим образом: листья кипятят час или два, потом воду сливают и листья приготовляют с маслом, мукою и мелко изрубленным козлиным мясом. Очевидно, что в первом случае употребление горькой соли имеет целью растворение творожины в жидкость, а во втором творожина остается в листьях и с ними вместе потребляется. — У образованных народов чай употребляется иначе. — Следует ли допустить, что настой из малого количества чая и большого количества воды действует возбудительно на нервную систему, а тем как бы заменяет пищу? Или: имеет ли он такие же питательные свойства, как молоко и бульон? Не разрешая положительно этих вопросов, Пелиго определяет только вес и свойство начал, входящих в состав чайного настоя, обыкновенно у нас приготовляемого для питья. В таком случае листья чая, с которого несколько раз сливался настой, все еще содержат в себе около $\frac{1}{6}$ части растворенных веществ. — Желательно, чтобы физиологическими опытами было исследовано: какую силу воспроизводит чай в питании, особенно в соединении с сахаром? Вообще, если чай, рассматриваемый как вещество питательное, содержит азота более, нежели всякое другое растение, то его возделывание представляет чрезвычайные выгоды, потому что большая часть азота заимствуется не из удобрения, а из атмосферы. Пелиго заключает, что во Франции нельзя желать чрезвычайного распространения чая, ибо тогда должно уменьшиться потребление виноградного вина, к ущербу французского виноделия. Если

У нас первоначально употребляли его вместо лекарства, как предохранительное средство от простуд, влияний на здоровье воздуха и дурных последствий от пьянства. Ввоз его в полов. XVII в. был уже столь велик, что иностранец Кальбургер в бытность его в Москве (1674 г.) покупал по 30 к. фунт. В 1702 г. открыт первый кофейный дом в Петербурге. С пол. XVIII в. кофе и чай вошли во всеобщее употребление и образовали двухполый напиток: женский пол пристрастился к кофе, а мужской к чаю. Но что пьют более: кофе или чай? — Кофе, утвердительно кофе! Нет дома, который бы не пил его; нет женщины, которая бы отказалась от кофе. Особенно пьют много купеческие жены, прислуга и кухарки, по несколько раз в день, и в Петербурге совершенная кофемания. — Горничная девушка, кухарка или другая женщина, поступающая в услужение, выговаривает себе ежемесячно по фунту кофе сверх того, который отпускается им от господ. Этого мало, переваривают остающуюся кофейную гущу и пьют его снова, находя ее лучше самого кофе. Недаром говорит пословица: остатки сладки. — К чаю в особенности охотники купцы и все рабочее сословие; им как-то бывает невесело или чего-то недостает им, если не напьются чаю. Нет трактира, в котором бы не пили чай. На севере России он заменяет приятное препровождение времени: там, сидя за чаем, разговаривают и пьют вприкуску с таким искусством, что небольшой кусочек сахара достает для полдюжины стаканов. С мужика льется пот градом: он пьет, не переводя духу; оботрется полой и снова за чашечку. Еще существует обыкновение во многих местах, что кто бы ни пришел в гости и в котором бы часу ни было: в полдень ли, или до полудня, или после обеда, непременно угостят чаем, а там закуской или обедом. Хотя бы сами хозяева недавно пили чай, но пришел гость, для него настаивают и сами пьют с ним. Случается, что несколько раз в день ставят самовар, а у зажиточных, особенно в праздники, не сходит со стола самовар. Точно так поступают с кофе женщины, угощая им друг друга, и пьют так много, что от неумеренного употребления сгущается у них кровь: они получают головные припадки и лишаются сна. Другие же получают удары, лишаются зубов еще в молодости, которые преждевременно

это может быть справедливо для Франции, то для государств, где собственно виноделие никогда не может быть значительной отраслью государства, напр. у нас, в России, должно желать возможно большего потребления чая с одной стороны для уменьшения хлебного вина, а с другой для распространения сахара, с чем тесно сопряжена единственная належда к улучшению земледелия. — Журн. мин. гос. им., 1843 г., № 5 в смес., с. 89 — 92.

чернеют и крошатся. Весьма неприятно видеть хорошенъких с черными зубами, коих уже никак нельзя вычистить, а этому причиной кофе.

В Сибири пьют чай вприкуску, и там нет деревни, где бы не было самовара. Между отдаленными ее обитателями чай весьма дорог, и сюда привозят, как, например, в Якутск или Охотск, кирпичный. Его приготовляют в формах и столь жестким и плотным, что своим цветом похож на кирпич, отчего получил название кирпичного. Разбив на куски, кладут в горшок и варят как кушанье, с жиром, салом, преимущественно с ворванным салом, и потом, когда уварится, пьют его с хлебом без сахара. Самовидцы рассказывали, что это есть одно из лакомых напитков якута, который сверх того пьет с особой жадностью растопленное масло или жир. — Нет для него пищи, усладительнее этой. — О вкусе и цвете нельзя спорить.

Однако есть места в России, где кофе, чай, картофель и табак доселе не употребляются. — Это между староверами и раскольниками. Во многих уездах Астраханской губ. простолюдины думают: кто пьет чай, тот не внидет в царствие небесное; кто пьет кофе, того Бог не допустит на Страшный суд. Картофель, как они думают, есть дьявольское порождение табака, поэтому есть его великий грех, а табак, треклятая трава, выросла на могиле блудной девицы, и кто его курит, тот дышит блудным грехом.

ТАБАК

Наши предки причисляли табак к вредным напиткам по причине производимого опьянения*. Древним народам он не был известен и привезен испанцами из Америки в XVI в. — Об отечестве табака спорят доныне Китай и Япония, как о родине Гомера. — Утверждают, что Китай и Япония употребляли с незапамятных времен *дамбагу*. — Гернандез, спутник Колумба, первый узнал (в 1496 г.) употребление табака на острове Сан-Доминго и назвал его *табакко*, от области Табаго, где он рос; но там он назывался *панацией*, *пициелем*; у бразильцев *петум*, у островитян Испаньолы *перебеценук***. По другим известиям табак найден на одном из Антильских

* Уложение, гл. XXV, ст. 11 — 26.

** «Epistolae et judicia claris. aliquot medicorum de tabacco», ed. Ultraject. 1644 г., с. 150. — «De herba panacea», Everato, ed. Ultraject. 1644 г. См. его статью «De tabaco herba commentariolus», с. 12 — 15. Некоторые туземцы Испаньолы называют еще *козоба* — «Neandri tabacologia», с. 68, изд. Ultrajecti, 1644 г.

островов Табаго, находящемся близ области Каракас. — Европейцы, однако, скоро выучились употреблять его, ибо миссионер Роман Ган, отправленный Колумбом во вторую его поездку в Америку на остров Сан-Доминго для распространения христианства, уже нашел там (1496 г.) европейцев, употреблявших табак. Отец Роман вывез отсюда семена табака в Испанию, и они быстро принялись. От этих семян развелся табак в лиссабонском саду (1550 г.), потом распространился с неимоверной быстротою по Европе и сделался страстью.

Посол французский при португальском дворе, Ив. Никоциан де Вильмен, привез табак в Париж в 1560 г., где он стал известен под его именем, т. е. *никоцианы*, и вскоре вошел в большое употребление при дворе Марии Медичи. Королева Мария до того пристрастилась к нему, что его прозвали в честь ее королевским порошком (*poudre à la reine*), королевской травою (*herbe à la reine*). — В Англию около этого самого времени завезли моряки знаменитого мореплавателя Драка. При дворе он введен в употребление щеголем Ралейгом*. Сначала он курил потихоньку, запершись в своей комнате, но человек его, вошедши к нему неожиданно, подумал, что внутренность барина загорелась, и начал от всего усердия обливать его водою. — В Италию привез табак кардинал Санта-Круче, бывший в Испании нунцием. Здесь табак был принят с восторгом. — В скором времени он распространился в Азии. В Индию привезен в нач. XVII в. под именем святой травы; в Африку в 1610 г. Сначала употребляли его вместо лекарства и называли *святою божественной травой и травою противу всех немочей***.

* Ралейг (Ralegh) был близкий любимец английской королевы Елизаветы. — Курение табака введено прежде всех в Лондоне и составляло принадлежность человека светского и с тоном. — Дикари Виргинии, приписывая тысячу достоинств табаку, относили растение это к *высшему дару небес, ниспосланному для утешения человечества*. Roberts «Hist. of Americ.», кн. IX, с. 286 — 287, изд. 1829 г.

** *Herba divina sancta, Heilekraut, heiliges Wundkraut, herbe propre a tous les maux.* — Для любопытных указываем статью «Neandri tabacologia», изд. Ultraject., 1644 г., с. 65 — 70, где встречаются названия: *herba legati, herba reginae, Catharinaria ac Mediccae, Uppovvos, herba magni prioris, Tornabonam*, от имени посла при французск. дворе; *herba St: Crucis*, от имени папского легата и др. В честь табака написана похвала в двух книгах и в стихах, см. Raph. Thorii «Hemnus tabaci ed. Ultrajecti», 1644 г. и начинается:

Innocuos calices et amicam vatibus herbam,
Vimque datam folio: et lacti miracula sumi
Aggregior. Tuqui censu decoratus equestri,
Virtutem titulis, titulos virtutibus ormas,

При Людовике XIII моряки являлись с трубками даже в народные собрания. — Трубка богатая щеголя Жан-Бара была предметом общих разговоров более, нежели его платье из серебряной парчи. — Французское правительство раздало около этого времени своим солдатам табак, заставляя каждого иметь свою трубку и огниво. Этого еще мало: правительство вздумало, чтобы вместо выдачи по 6 унций хлеба на человека в день отпускать по 3 унции хлеба и 3 унции табака. Министр Лувуа во время войны голландской увеличил солдатам отпуск табака более противу хлеба на том основании, что табак отнимает аппетит. Распространившееся курение и нюхание навлекло на табак гонение. Медицинский факультет в Париже первый восстал против него. Людовик XIV дозволил произносить в церквях проклятия против курения и нюхания. Доктор его, знаменитый Фагон, утверждая повсюду о смертоносном действии табака на здоровье, до того забывался, что в жару красноречивых своих доводов беспрестанно нюхал. Папа Иннокентий торжественно проклял табачников в 1690 г. — Папа Урбан VIII грозил нюхающим отлучением от церкви.

Английская королева Елизавета строго воспретила курение табака, а король Иаков I убеждал своих подданных оставить дурную привычку курить, говоря, что «эта привычка, отвратительная для глаз и обоняния, вредна для груди и опасна для мозга. Запах от курящего исходит заразительный и смертоносный, и кажется, что он исходит из ада». В Швейцарии стали наказывать курителей и нюхателей как за прелюбодеяние и убийство. В 1675 г. учреждена была там особая судебная палата для преследования и осуждения табачников. В Венгрии запрещено было в 1670 г. курить под взысканием денежной пени до 200 сер. — Мусульмане преследовали с фанатизмом, между тем как ныне табак заменяет там нередко самую пищу. Султан Амурат IV водил табачников по улице с петлею на шее, выставлял отрубленные головы пред народом с трубкою во рту. Персидский шах Аббас жег курителей вместе с трубками и табаком.

Antiquum et Phaebi nato protitis honorem. etc. etc.

<Кубки невинные и траву — подругу пророков,

Силу, данную листьям: чудо млечного дыма

Я созерцаю. Ты же всадника украшаешь,

Доблесть его и честь восполия чином и званием,

Древнюю обещаешь славу рожденному Фебом>.

При всех похвалах, расточаемых табаку от излечивания застарелых болезней, трудных и даже заразительных (см. любопытные средства, которые составлялись из табака против этих болезней, *«De herba panacea»* «Панацея из травы», с. 20 — 58, ed Ultrajecti, 1644 г.), однако в то же самое время Неандер (см. его *«Tabacologia»*, с. 82 и след.) указал, что табак действует отправительно.

Что же было причиною проклятий и гонений на табак? Нововведение, которое всякий раз пугает старое поколение; предрассудки и фанатизм, кои представляли курящего дьяволом, который, сидя в аду на огне, испускает изо рта дым — охает и ревет. Удивительно еще, как инквизиция, которая по малейшим доносам сжигала невинных на костре, терпела курение и нюхание табака — никого не сожгла и даже не преследовала.

В России весьма рано появился табак; не протекло полстолетия от первого ввоза в Европу, как англичане привезли его к нам в 1553 г. через архангельский порт: они привезли вместе с солью, вином и французской бумагою. Иоанн Грозный не воспрещал, а русские охотно меняли за табак свои товары. Ни правительство, ни духовенство не обращали на него внимания до царя Михаила Федоровича, при коем последовало гонение и жестокие наказания. Отсюда начинается ряд многочисленных указов — о воспрещении употреблять зелие *табачище*: «А кто русские люди и иноземцы табак учнут держати, или табаком учнут торговати, и тех людей, и торговцев, и купцов велено имати и присылати в новую четверть, и за то тем людям чинити наказанье большое, под смертною казнью, и дворы их, и животы их имая, продавати». Табачников, или у кого находили табак, секли, пытали и наказывали смертью: «А которые стрельцы и гуляющие и всякие люди, с табаком будут в приводе дважды, или трижды, и тех людей пытать и неодинаково бить кнутом на козле или по торгам; а за многие приводы у таковых людей пороти ноздри и носы резати»*.

Нюхательный табак вошел в употребление под именем табачного порошка. — Вероятно, нюхание не скоро бы распространилось, если бы не последовали запрещения и преследования. Запрещение последовало по суеверному преданию, принесенному в Россию некоторыми греческими монахами, что табак есть адское зелие, и кто его употребляет, тот знается с нечистой силою. Есть даже книга под заглавием *«Мир с Богом»*, в коей между прочим сказано, что употребляющий табак лишается благословения Божиего. Это растение там названо проклятым и богомерзким. Раскольники, следя суеверным преданиям, поныне гнушаются табака и в подпору своего мнения приводят слова из Послания к евреям Апостола Павла, гл. XII, с. 15: «Да некий горести корень выспрь прозябай, пакость сотворит и тем осквернятся мнози». Пустосвяты не поняли, что Апостол не говорит о

* «Улож.», гл. XXV, пом. в «Полн. соб. законов».

табаке, который в его время был неизвестен, но о горьком корне. — Происхождение табака приписывают еще раскольники сверхъестественному действию: на могиле одной распутнейшей женщины, какая только была в мире, выросла чертова трава, табак, а потому все нюхающие и курящие суть товарищи распутнейшей женщины. — По невежеству времени верили прежде всем бредням. Патриарх запретил нюхание табака, и это утверждено указом (в 1634 г.) и потом самим Уложением: кто будет нюхать табак, продавать или держать в своем доме, тех велено бить кнутом, рвать ноздри, резать носы и посыпать в дальние города на поселение, таким считали важным преступлением — вложить в нос щепотку истертой травы. — Петр В., истребляя суеверия и пустосвятство, позволил иностранцам ввозить табак вместе с чубуками, трубками, коробочками и другими вещами, принадлежащими к курению, и все это продавать свободно. С того времени распространилось нюхание и курение. При императрице Елизавете запрещалось только нюхать в церквях, а в придворной церкви приказывалось лакеям и гайдукам, если увидят в руках табакерку, взять ее, несмотря ни на какую особу, ни на ценность вещи*. Теперь нюхают табак в церквях — время изменяет мнения, но справедливо ли? — Для нюхательного табака делают драгоценные табакерки, осыпаемые бриллиантами и с изображениями знаменитых государственных людей или владетельных особ.

Мы вполне разделяем мнение, что курение и нюхание табака имеет вредное влияние на здоровье, особенно на умственные способности. — Рассмотрим. — Табак принадлежит к породе вонючих трав и производит отравительное действие, подобно опиуму, красавице, дурману, белене и мандрагору. — При приготовлении табака подвергают его многим изменениям, чтобы очистить от неприятного и едкого запаха. Работники лишаются аппетита, страдают головной болью, тошнотою, часто рвотою и беспрестанным чиханием, потому что при приготовлении поднимается тонкая, едкая пыль. Соседи фабрик страдают от нее. Лошади, употребляемые при верчении жерновов, кивают головами, задыхаются и одуряют^{**}. Упорные поборники табака скажут, что работники со временем привыкают к вредным испарениям и едкой пыли и что потом все оканчивается благополучно. Но это не значит еще, что они наслаждаются здоровьем; что удеш-

* Болтин «Примеч. на истор. Леклерка», ч. I, с. 476, 507 — 510. Усп. «Оп. пов. о древ. русск.», ч. I, с. 85. Татищ., его «История».

** Ramasini «Maladies des artisans, trad. de Fourcroy», с. 189.

ливый запах не тяготит еще их; что сам зараженный воздух не действовал бы на мозговые органы. Нет ни одного яда, который, будучи принимаем в малых приемах, производил бы мгновенное поражение. Одно последствие оказывает губительное действие — точно так и табак. — Степень едкости его очень значительная. По химическому разложению доказано, что табак содержит в себе большое количество белкового вещества, которое весьма ядовитое; зеленую камедь, начало древесное, уксусную кислоту, селитрокислую соль, окись железа, кремнезем и множество других веществ*. При перегонке листьев табака отделяется масло, которое такую имеет остроту, что капля его, положенная на язык собаки, производит в ней судороги и наносит смерть. — Табак, причисляемый к одуряющему свойству, причиняет сильное головокружение — до обмороков, опьянение, тошноту, рвоту и, наконец, повреждение зрения. Настойка, порошок, декохт и извлечение табачного сока действуют отравительным способом. В этом случае делали опыты над собаками, кроликами и кошками, и всякий раз оканчивалось для них смертью**. Что же до повреждения зрения, то это подтверждалось и подтверждается многими несчастными свидетельствами. Из многих тысяч один мой знакомый, куривший более 25 л., до того пристрастился к табаку, что он заменил ему часто пищу; но одно было его горе: ослабел глазами и даже со временем не стал хорошо видеть предметы. Принимали средства, чтобы помочь, и все было напрасным. Между тем никому не приходило в голову спросить: не ослабело ли зрение от сильного курения сигар? — Сам больной — страдальц, забыл об этом и только вспомнил, когда ему случилось пожить более полгода в степи, где не было ему возможности достать сигар. Это случайное лишение было его спасением. Он почувствовал, что зрение его несколько укрепилось, и когда вовсе бросил курить, тогда удостоверился, что всему зло табак и сигары. — Теперь он не страдает глазами, но в них остались следы боли: дрожание глаз, тупозрение, слабость и поражение зрачков, которые часто приходят в содрогание от ярких цветов, сильного света и солнечных лучей.

* «Annal. de Chim.», т. LXXI, с. 139.

** Орфил «Loxologie générale», т. II, с. 246, I. edition. За два столетия до Орфилы уже доказал отравительное действие табака Неандер, см. его сочин. «Tabacologia, edit. Ultrajecti», 1644 г., с. 89 — 139. — Он рассказывает, что каннибалы намазывали стрелы свои соком табачным; что этим соком испытывали над животными — и всегда была следствием смерть.

Табачный дым портит вкус, наводит сон, притупляет чувства, затемняет память, расслабляет легкие, сушит грудь и возрождает сухотку. Вскрытием трупов удостоверено, что табачный дым наносит язвы в легкие и мозг, от этого нередко случаются смертные апоплексические удары. — Злодеи часто давали табачный яд для совершения своих преступлений. Так был отравлен знаменитый поэт Сантель, коему подали табак в вине*. Одно семейство умерло, когда по злому умыслу положили в сосуд, в коем варился чернокслив, несколько табаку**. Было бы излишне приводить примеры многочисленные, одним словом, беспристрастные наблюдения врачей вполне подтверждают губительное действие табака, обнаруживаемое по смерти воспалением в желудке и кишках.

Нюхательный табак хотя не отравляет в такой степени, как курительный, однако он весьма вреден: лишает обоняния, вредит вкусу, производит раздражение в волосяных сосудах, образует носовое течение, умножает отделение слизи и причиняет частые насморки. От неумеренного нюхания приходит в воспаление мокротная перепонка, и она покрывается язвами, которые часто превращаются в рак. Если бы охотники нюхательного табака знали, что лицо скорее покрывается морщинами, губы иссушиваются, нос и верхняя губа пухнут и самая жизненная деятельность мертвает, то конечно отказались бы от нюхания. Нет досаднее смотреть, как женщины предаются нюханию, особенно если видишь красавицу, окруженную роем поклонников и созданную для одних поцелуев. Буало хорошо выразился на этот счет:

Et fait a ses amants, trop faibles d'estomac,
Redouter ses baisers, plein d'ail et de tabac.

«И заставляет своего возлюбленного, слишком слабого желудком, опасаться ее поцелуев, пышущих чесноком и табаком».

Нет неприятнее смотреть на пожилую женщину, когда ноздри ее покрыты табаком; но нет отвратительнее видеть старика, когда он поминутно набивает свой нос, пачкает вокруг себя и самого себя: свою одежду, свой рот и к доверию течет из носа по губам в рот, часто капает еще. Один этот гнусный вид не убеждает ли, что это происходит от расстроенных уже нервов, поэтому нюхать табак не вредно ли?

* Merat. «Dict. des sciences medic.».

** Merat. «Ephemerides d'Allemagne», 2 dec., ann. 8, obs. 106.

В повсеместном употреблении всякого рода табак, но сигары, вошедшие в употребление в нач. XIX века, вытесняют курительный. Доселе щеголяют драгоценными табакерками, серебряно-пеньковыми и золочеными трубками, чешневыми, бисерными чубуками — длиною в два с половиной аршина, с бархатным подчубушником, усеянным золотыми и серебряными блестками, яхонтами, изумрудами, алмазами, жемчугом, аметистами — и с янтарным пером. Есть такие охотники до курения, что скорее лишат себя пищи, нежели табака. Эта страсть господствует между молодыми людьми, расходующими почти все свое жалованье на один табак. — Сигары курят с неменьшою страстью; в столицах пристрастились к ним даже извозчики и кучера.

Названий табака и сигар великое множество; простой табак, делаемый в Малороссии, Крыму и других частях юго-западной России, весьма крепкий и называется *тютюн*, *махорка*, *корешок*, *венгерка*. Почетный составляют: жуковский, турецкий и вакштаб. Сигары и табак выделываются у нас и носят только иностранные названия. Из сигар лучшие суть: манильские, королевские, гаванские, с короной — коих сотня продается до 25 р. сер. Замечательно, что продажа табака и водки сделались гораздо прибыльнее для торговли, нежели полезные произведения, особенно ума.

Разведение табака появилось первоначально в Малороссии, в бытность ее под игом Польши. Кроме Малороссии, табак шел к нам из разных концов пограничных мест, несмотря на строгие указы и наказания. В отдаленной Сибири уже занимались около 1690 г. засевом табачным. Петр I, запрещавший первоначально употребление табака, по возвращении своем из-за границы уничтожил преследование, и табак сделался свободным в продаже и употреблении с 1697 г. На табак, разводимый внутри государства, была наложена *десятинная* пошлина, доставлявшая казне $\frac{1}{10}$ части производств. — Граф Пемброк в бытность государя в Голландии просил его дозволения ввозить табак в Россию, предлагая за то значительную сумму, а лорд Кармартен возобновил это предложение в 1698 г. — Кармартен обязался платить 200 000 ф. ст. за право ввоза табака и дал задаток 12 000 ф. ст. — Это казалось государю выгодным, и на эти деньги он накупил в Лондоне разных припасов, редкостей, инструментов и нанял в службу русскую многих иностранцев: математика Фергерсона, инженера Перри, мастера Джона Дина и пр. — Хотя большое количество денег, в коих нуждался царь, было с первого раза выгодным, однако сам договор не был выгоден, потому уполномоченные: генерал-адмирал Лефорт и военный кригс-комиссар Головкин огра-

ничили ввоз на 7 лет, по 16 000 бочек ежегодно, в каждой по 500 ф. табаку. За две бочки, которые Карматен обязался доставлять собственно в казну, дозволено ему привозить трубки, табакерки и прочие вещи табачные. Впоследствии и этот договор оказался невыгодным, потому что пошлина была слишком ничтожная в сравнении с тою, которую казна могла получить за провоз из других государств, потому договор соблюдался не строго, контрабанда производилась с дозволения правительства. По истечении семилетнего договора учреждена была торговля табаком с откупом.

Между тем разведение табака в Малороссии из американских семян обещало большие выгоды, и мануфактур-коллегия, получив листья малороссийского табака, объявила, что он далеко превосходит черкасский — в Черкасске также разводили его, потому государь употреблял все средства для поощрения этого промысла: выписывал семена и мастеров, строил мельницы по образцу голландскому: для крошения, толчения и витья.

Первая табачная фабрика заведена в Ахтырке (Харьковской губер.) около 1714 г., но со смертью царя она рушилась и до времен Екатерины II не было другой.

Доход с продажи табака был весьма незначителен. При императрице Елизавете купец Матвеев взял табак на откуп с 1749 г. янв. 1 с обязательством платить по 42 891 р. 60 к.; по окончании срока новый откупщик давал по 63 662; потом, в 1753 г., откуп взял санкт-петербургский купец Гордылев за 70 000 р. сроком на 6 л., но последний откуп снят генерал-фельдмаршалом граф. Шуваловым, по 70 000 р. ежегодно, на 20 л. Участие вельможи в делах торговли едва не истребило табачный промысел. Шувалов не заботился о том, чтобы сделать табак лучшим, и еще примешивал к нему посторонние вещества для придания тяжести. Русский табак не стали покупать не только иностранцы для вывоза за границу, но сами русские; цена на него так упала, что перестали заниматься разведением и довольствовались ввозом заграничным. С восшествием на престол Екатерины II уничтожен откуп в 1762 г. — и с этого времени началась новая эпоха табачной промышленности. Действ. стат. сов. Теплову поручено было (1763 г. февр. 11) заняться усовершенствованием табака, и новые плантации начались в Малороссии. В Романах (Полтавской губ.) была учреждена главная контора; табак произрастал здесь самый лучший, славный поныне. — Чрез несколько лет доброта русского табака доведена была до того, что фунт продавали по 2 р., наравне с получаемым французским, и что сами французы, предубежденные против нашего табака, остались довольными нашим выделкой.

С 1763 г. было дозволено свободно торговать китайским табаком, называвшимся мар, поэтому составились две компании: одна в Петербурге, а другая в Ромнах. Для лучшей отделки выписывали мастеров из-за границы и посыпали их в Ромны. В 1768 г. явилась в Петербурге первая табачная фабрика, и с того времени число этих фабрик возрастало значительно. Раздача земель в южном крае России (в 1803 г.) для разведения красильных и торговых растений принесло большую пользу табачной промышленности. Год от году появлялись новые плантации, и в течение пяти лет увеличилось число фабрик. До 1812 г. было шесть, а в 1816 г. уже 24. — Крым, Кавказ, Бессарабия, Новороссийский край и Саратовская губ. покрылись ныне обширными посевами табака, который получали первоначально из одной Малороссии. Крым до 1820 г. получал чрезмерное количество из Турции, а теперь он из своих табачных заведений удовлетворяет не только свой край, но снабжает с избытком соседние губернии. С основанием Императорского московского общества сельского хозяйства (в 1819 г.) табачная промышленность еще более усилилась. Сильное участие этого общества распространением познаний, раздачею лучших семян, наград и поощрений подняло в короткое время наше табаководство до весьма хорошего состояния и размножило фабрики: доказательством этого служит, что с 1840 г. продажа табака обложена акцизом. Если еще доселе привозится иностранный табак в листах, то он уже обделяется на наших фабриках, и есть надежда, что искусство возделывать и обрабатывать табак сравнятся с голландским; что русский лист сравняется достоинством с иностранным и большое количество его, вывозимое из-за границы, без сомнения значительно уменьшится*.

Лучшие фабрики считаются в Петербурге: Жукова, Колобова, Тулинова, Головкина, Фалера и Гишара.

* Привоз всего иностранного табака ценится на 3 943 663 р.; всего более ввозится в Петербург: на 2 970 657 р. — Самое большее число фабрик в Москве, потом в Петербурге, но зато здесь производство втрое более против Москвы. — В Московской губ. считается 42 фабр., на них выделяется курительного до 24 800 пуд, нюхательного 10 248 п., сигар 496 п., всего на 950 127 р. В [Петербургской] губ. выделяется курительного 43 773 п., нюхательного 6 585 п., сигар 5 000 ящ., всего на 3 266 875 р. На петербургских фабриках обделяется большей частью русский табак. В прочих губерниях считается 36 фабр. — Число табачных и табакерочных фабрик значительно увеличивается: в 1812 г. было 6, в 1816 г. 24, в 1825 г. 35, в 1840 г. 103 — «Отеч. зап.», 1843 г., № 6. «Табач. пром. в России», с. 40 — 43.

К числу полезнейших произведений должно причислить картофель. Родина его есть Перу, и здесь он называется *napan*. Из Перу перевезли его в соседние страны Южной Америки. Спустя 50 л. после открытия Америки он был вывезен в Европу первоначально из Сантафе (Южной Америки) в Ирландию, 1565 г. — Английский адмирал Франц Драке познакомил Виргинию с картофелем в 1585 г., а потом Англию в 1586 г. Это обстоятельство заставило думать, что родина картофеля есть Виргиния. Драке снабдил английского знаменитого ботаника Иона Горарда несколькими семенами шишек, которые он посадил в своем саду. Растение вскоре взошло, отцвело и принесло много зеленых семенных яблочек. Ботаник, принимая их за самый плод, сорвал и отведал; но, найдя неприятным, бросил с досадою и сказал: все мои труды пропали! — Потом он принес несколько яблочек адмиралу. Драке и сказал с насмешкой: «Это-то хваленый драгоценный плод из Америки!» Адмирал отвечал: «Если это растение негодное, то выдерни его сейчас вместе с корнем и истреби!». — Садовник, приводя в исполнение замечание адмирала, нашел, к удивлению своему, под каждым кустом много картофелин, какие он посадил весною. Между тем по приказанию адмирала сварили вырванные картофелины и дали отведать садовнику. — «Нет! — сказал он с изумлением, — такое драгоценное растение нельзя истребить».

В 1589 г. появился картофель у нидерландского ботаника Клузиуса, который развел его в Бургундии и Голландии, и здесь картофель сделался известным под именем *prodromus*. В Ирландии снова появился картофель, который был уже вывезен из Виргинии адмиралом Ралейтом (между 1616 и 1625 г.). В Париже подавали на королевском столе в 1616 г. как редкость. В Германии узнали в 1650 г. — Но из многих известий видно, что картофель проник в разные места Германии в Тридцатилетнюю войну. Его разводили в садах. — В Вюртемберг вывезен <в> 1710 г., в Саксонию <в> 1717 г. Сюда привез генерал-лейтенант Милькау как единственный трофей от пагубной Брабантской войны. — В Пруссию доставлен <в> 1720 г.

Картофель хвалили многие, но боялись употреблять его: думали, что он для здоровья очень вреден. Его причисляли к роду *псинка* (*solanum*), который почитали ядовитым, и полагали еще, что картофель причиняет одурь. Семилетняя война истребила этот предрассудок; тогда начали приготовлять его разными способами и к удивлению нашли, что он ко многому способен и заменяет хлеб. Во всех периодиче-

ских сочинениях стали объявлять, как делать из картофеля суп, клёцки, оладьи и другие кушанья. В семидесятых годах прошлого столетия узнали важность картофеля, без коего погибла бы половина Германии от голода, и это было эпохой славы драгоценного плода. Предрассудки тогда уничтожились, и стали разводить картофель повсюду.

Туземное название картофеля — *papas* — потеряло свое имя. В Виргинии проименовали его *операнк*, англичане — *potatoes*, французы — *pomme de terre*, итальянцы — *tartaffoli*, голландцы — *ardappeln*, но более всего пострадал папас в Германии. Здесь его прозвали *Grüblings* от находящихся ямочек на картофеле, *helianthus tuberosus*, *Erdapfel*, земляными яблоками; *Erbirnen*, земляными грушами, по австрийскому наречию *Grundbirnen*, по швабскому *Grumbirnen*. Иные называли *Toffeln* *<простак>*, *Töffelchen* *<простачок>*, *Urtoffeln* *<пестик>*, *Erduffeln* *<земляной простец>*, *Kartoffeln*, *Kartuffeln*. В некоторых странах называют еще *Knollen* *<клубень>* и *Rudeln* *<масса>*, и оба эти слова соединили в *Knollnudeln*. Многие называли *pataten* и *bataten* *<сладкий картофель>*. Этим именем, собственно, называется в Индии растение колокольчик. — Изо всех названий сделалось общим картофель, коего пород считается 46, из них 23 летнего, а 23 озимого. По происхождению суть: перуанский, американский, суринамский, английский, ирландский, доннерсборгский и гейсбергский. По внутреннему свойству: сухой, водяной, мучистый, тестоватый, крепкий, мягкий, беломясистый, беломясной с пурпуровым кругом, беломясной с красными пятнами, беломясной с синими пятнами. — Самый лучший картофель это сахарный, который не бывает величиною более греческого ореха, иногда с вишню, и только в мокре время бывает величиною с куриное яйцо. Вкус его приятный миндальный. Его употребляют вместо каштанов: с капустою, сорочинским пшеном и в разных супах. За ним борсдорфский, который величиною с яблочко; бывает с голубиное яйцо, пулью и орех. Потом весьма замечателен голландский, имеющий отличие сахарного.

Кроме питательного свойства, картофель с пользою действует против цынги. Мореходцы берут его с собою в дальний путь. — Нигде не было столько предрассудков против картофеля, как в Германии, и теперь нет там ни одного места, ни одного дома, где бы он не составлял пищу. Есть там целые области, которые более употребляют картофель, нежели хлеб. — Между немцами варят с раннего утра картофель и им кормят детей и служителей; с нетерпением ожидают, когда подастся лакомая пища, и не могут дождаться, когда еще созреет картофель!

Картофель весьма много поправляет землю, и нет ни одного плода, который делал бы ее столь рыхлою, так умножал бы глубину чернозема и хорошо приготовлял бы к последующему урожаю. — Картофелем откармливают не только домашних животных и птицу, но даже рыбу. — Из картофеля приготовляют: масло, сыр, крахмал, муку, крупу, саго, уксус, пиво, водку, патоку и сахар. — Немецкие прачки употребляют картофельный состав вместо мыла; медники удачно лудят жесть. Из картофельной кожи можно делать бумагу, столь же прозрачную, как японцы делают для своих искусственных цветов. — Семенные картофельные яблочки с великой выгодою употребляются у ткачей вместо клея*.

Наши предки долго не знали картофель, и он перенесен в Россию в конце XVIII в. Это перуанское произведение удобно усвоилось с нашим климатом. Но простой народ не везде охотно употребляет в пищу, считая *чертовым яблоком*. Есть уезды в восточной части России, где крестьяне даже боятся садить его, думая навлечь на свои поля неблагословение Божие. Они уверены еще, что картофель предназначен для потребления одной нечистой силы; что картофель рождается с головою и глазами, наподобие человека, а потому кто ест картофель, тот ест души человеческие. — Старообрядцы утверждают, что картофель есть тот запрещенный плод, который вкусили первые два человека, поэтому кто ест его, тот не слушается Бога, нарушает Его святые заповеди и никогда не наследует Царствия Небесного. Были примеры, что правительственные меры не могли убедить земледельцев к разведению картофеля, и этому причиной раскольники и суеверы, поселившие в них отвращение и страх. — Время лучший учитель, и поэтому нет сомнения, что предубеждение к полезнейшему произведению, заменяющему хлеб, истребится само собою.

* Путш «Описание картофеля», изд. С.-Петерб., 1821 г. in 4, с. 1 — 3, 7, 16, 13, 14 — 15, 27, 53, 126, 128 и 138 — 181, 182 и 183. Советуем домохозяевам запастись прекрасным сочинением Путша, который очень умно излагает разные породы картофеля, способы его разведения и употребления в хозяйстве.

НАРЯДЫ

ДРЕВНЕЙШАЯ ОДЕЖДА СЛАВЯН

лавяне прибалтийские, по свидетельству Тацита, не отличались одеждью

от германских народов — они едва закрывали наготу свою. Славяне дунайские сражались еще в VI в. почти полуголые, прикрывая только нижнюю часть тела сподним платьем; шкуры зверей лесных и домашних согревали их в холодное время. Женщины носили длинные одежды, украшались бисером и металлами, отнятыми на войне или выменянными у иностранных купцов*.

ДРЕВНИЯ ОДЕЖДА РУССКИХ

Аравийский посол Ахмет, будучи у волгских болгар в нач. X в., видел многих славян и описывает их наряд довольно грубым. — Мужчины, — пишет он, — не носят ни кафтанов, ни камзолов, но набрасывают на себя сбоку толстую одежду, оставляя другую руку всегда свободной. Они никогда не ходят без оружия; у каждого большой нож, меч и топор, и всякая женщина носит нож, а на шее цепи золотые и серебряные; главное же их украшение зеленый бисер**. При

* Striter. «Mem. popul.», т. II, с. 29.

**Этот посол был отправлен багдадским калифом Муктедиром к королю болгар в 922 г. «Über Foßlans und anderer Uraber Berichte über die Russen alterer Zeit», СПб., 1823 г.; перев. акад. Френем, с. 5.

описании погребения одного из старшин он говорит, что покойник был одет в два сподных платья, сапоги, куртку, кафтан из золотой парчи с золотыми пуговицами и парчовую шапку, опущенную соболем*.

Счастливые войны и торговые сношения русских с Константинополем и болгарами в продолжение двух столетий изменили образ жизни: поселили изобилие и роскошь. Великие князья, сановники и воины, ознакомившись с пышностью царьградскою, стали носить длинные, широкие по восточному вкусу платья; от них перенимало все прочее сословие, потому все одежды наши были подражательные греческим. Нередко послы наши требовали от греческих императоров именем своих князей и царской одежды, и венца. Императоры отговаривались от них тем, что порфира и короны деланы руками ангелов и должны быть хранимы в Софийской церкви.

Женщины, одеваясь в длинные платья, убирали грудь монистами, ожерельями и золотыми цепями, пальцы кольцами и перстнями; волосы заплетали в косу, а головной наряд блестал жемчугом и золотом**.

Богатые люди носили шелковое платье, драгоценные пояса и сафьянные сапоги***. В XI и даже в XVI в. мы встречаем сапоги с загнутыми кверху носами; подошвы

* Frähn «Über Foßlans und anderer Uraber Berichte über die Russen alterer Zeit», c. 15.

** Египтяне почитаются изобретателями колец; они не носили их на пальцах, но на хребте ладони, почему делались широкими обручами. Евреи давно носили их. Моисей по возвращении из горы Синайской нашел золотого тельца, выпитого из колец, перстней и серег. Лакедемоняне, следуя ликурговым законам, носили железные. Римляне украшали пальцы статуй: Нуны Помпилия и Сервия Туллы. — В Риме был обычай, что жених посыпал невесте железное кольцо. Кай Марий первый надел золотое кольцо. Север дозволил простым воинам носить кольца, а Август — отпущенным на волю. После этого стали носить все без разбора, отчего Тиберий запретил особым законом. Карфагеняне награждали кольцами воинские заслуги, подобно нынешним крестам; впоследствии римляне стали отличать всадников и заслуженных воинов особыми кольцами. Евреи ввели обручальное кольцо, которое от них позаимствовано христианами для утверждения брачных союзов. — Ожерелья и серьги ввели египтяне, от них же распространились по прочим частям света. — «Diction. des origines». Раг., 1777 г.

*** «Mem. popul.», т. II, с. 1008; т. III, с. 986 именует *προαυδία*, род поясов; Баэр «Com. acad.», т. X, с. 410. — Карамзин пишет: «И. Г. Р.», т. I, с. 246, что сафьяны употреблялись на одну обувь. Какую же? Историограф объясняет впоследствии, что этой обувью были сапоги. — В древности не одни мужчины, но и женщины носили их. Этому доказательством малороссиянки, которые доселе носят по праздникам из красного или желтого сафьяна. В будние дни надевают они смазанные сапоги, которые встречаются и между великороссиянками по деревням и городам.

подбивались гвоздями; голенища были до икр круглые. В XIV в. голенища шились под самые колена и здесь стягивали их ремнем и тесьмою. Знатные люди и великие князья носили по большей части голенища короткие, называли их золотыми и серебряными прошвами, галунами, жемчугом и каменьями. Впрочем, таковая роскошь появилась, как кажется, не раньше XVI в., что увидим в своем месте.

Споднее платье называлось *портами* или *порты*; они шились из полотна*.

Рубашки, называвшиеся *сорочками*, а по-славянски *срачками*, шились из холста длинными до колен, с разрезным напереди воротом и подпоясывались шнурком поверх споднего платья. — По завладении России татарами изменились многие наши одежды. Самые сорочки и споднее платье приняли другой покрой, и едва ли не тогда вошли в употребление штаны и шаровары. Сорочки и тогда шились не длиннее колен; ворот разрезали на левой стороне. Для украшения же делали на груди и спине *подоплек*, вышитый красными нитками и шелком. Под пазухою нашивали красные и синие *ластовки*, или *ластовицы*. Воротник и края рукавов вышивали красными нитками, шелком, серебром и золотом, смотря по состоянию и званию. — Воротник застегивали металлической пуговкою. — Споднее платье шилось весьма просторным: из холста, бумажной и шелковой материи и подвязывали на шнур под рубашкою; концы сподnego платья засовывали в сапоги. Богатые и знатные носили шелковые и парчовые штаны, которые были холодные и теплые.

В. к. Святослав I, гроза восточной империи, ничем не отличался одяждою от простого ратника — тогда воины и мирные граждане одевались одинаково. Когда он увиделся с Иоанном Цимискием на берегу Дуная под Доростелем (Силистриею), тогда греки смотрели на него с изумлением. Император, окруженный облитыми в золото всадниками, сидел на коне, а Святослав в лодке — в простой белой одежде, с длинными усами, реденькой бородой и с клоком

* В некоторых случаях порты принимаются нашими летописцами за одежду без обозначения: верхняя ли это была, или нижняя? В. к. Ростислав велел после смерти дяди своего (1155 г.) «снести пред ся порты и злато и серебро, и все, что ни есть». — «Русск. лет. с воскр. сп.», т. II, с. 33, изд. 1793 г.

Можно полагать, что от порты произошло название *портной*. — А порты? — от толстого посконного холста, называемого в простонародии *порт*, из коего они шьют споднее себе платье.

волос на голове; в ухе его висела золотая серьга, украшенная жемчужиной и рубинами*.

Ношение серег между мужчинами было во всеобщем употреблении до нач. XV в. В завещании в. к. Иоанна, отца Дмитрия Донского, видно, что он отказал сыновьям своим по жемчужной серье**. По известию иностранных писателей XVI и нач. XVII в., они видели многих бояр, купцов и простолюдинов с серьгами. И ныне некоторые из простого сословия носят их.

БОРОДЫ

Должно думать, что киевские славяне издревле брили головы, оставляя на голове один клок волос; но впоследствии, когда мы узнали греческие наряды, тогда стали ходить по-восточному: с длинными волосами на голове и длинной бородою. Аравийский писатель X в. говорит, что русские не бреют бород***. В «Русской правде» определена денежная цена за повреждение бороды и зуба, именно 12 гривен. Гривна означала в то время полфунта серебра. — Ношение бород было повсеместным у нас до нач. XVIII в., с этих пор все дворянство стало брить, оставив их носить духовенству и простому народу. Староверы думают, что человек с бородою есть только образ и подобие Божие****.

О древнейшем нашем одеянии можно сказать только то, что долгое платье считалось почетным и подпоясывали его

• Малороссийские казаки долго носили и теперь некоторые носят длинный клок волос на голове, называемый *хохол*, а чумаки (извозчики, занимающиеся перевозкою тяжестей, соли и рыбы) носят *чуприны* — то же самое. Клок волос, выходя из тем^{<ени>} головы, обвивался за правое ухо, и висевший его конец назывался оселедцем (сельдею), потому что он был похож на сельдь. Русские, насмехаясь над клоком волос, прозвали малороссиян *хохлами*, и это слово обратилось впоследствии в укорительное. Невежи под именем хохлов разумеют людей грубых и необразованных. Им простиительно так думать, но случается слышать, что весьма образованные укоряют хохлом, и эти хохлы весьма благоразумно отвечают им: *нехай соби каже, на то у его язык щоб брехати*. — Ношение чубов или хохлов было известно многим древним народам. Сам Тацит, живший в I веке по Р. Х., говорит, что у свевов был обычай закручивать и пучком связывать себе волосы; что самые старики носят *страний чуб и часто завязывают его на самой макушке* (*Hoplentem capillum retro sequuntur ac saepe in ipso solo venticе religant* <приводящее в изумление сооружение из волос сзади, часто завязанных на самой макушке>). Tacit «German.», гл. XXXVIII.

“Собр. госуд. грам. и догов., см. «Духовную грам. в. к. Иоанна», под 1356 г.

*** «The oriental geography of Ebn Haukal.», с. 191. Евреям запрещено было брить бороды и остригать голову в кружок. — Кн. З. «Левит», гл. 19, с. 26. — Во времена сетований остригали голову и бороду и сидели в храме с непокрытой головою. — «Плач Иеремии», его «Послание», ст. 30.

**** Чулков Абев<ега> русск<их> суеверий, см. под словом «борода».

кушаком, а короткое носило одно простое сословие, как это было во всей Европе до пол. XVII в.; то же самое было с бородами. Генрих IV, король французский, носил еще бороду и длинное платье; императоры германские любили одеваться в пестрые, разноцветно-длинные одежды и гордились бородой — и не ранее пол. XVII в. стали изменять древние обычаи. Об испанских государствах нечего упоминать, потому что они, познакомившись с правами аравитян, позаимствовали их одежду и образ жизни восточной. Колумб знаменитый и весь двор Изабеллы и Фердинанда-католика блистали одеждой шелковой и длинной. Еще Филипп II, Елизавета Английская, Кромвель и другие ходили в азиатских одеждах. — Наружный блеск прежних времен составлял общий вкус одеяний.

СЕРЬГИ, ОЖЕРЕЛЬЕ, МОНИСТА, КОЛЬЦА И ПЕРСТИИ

Хотя серьги носили мужчины, однако ожерелья и мониста были собственно украшением женского пола; употреблялись же у нас с самых древних веков, со времен набегов наших предков на восточную империю. Впоследствии серьги, ожерелья и мониста образовали необходимую принадлежность наших красавиц и распространялись между всеми сословиями: чем богаче были эти наряды, тем более выказывалась через них знатность рода. В старину судили о знатности по богатству, и ныне встречают по голове, а провожают по одежде. До XIII ст. носили, даже боярские жены, серебряные кольца^{*}; с этого же времени появляются уже гораздо чаще золотые, и перстни с драгоценными каменьями. При порабощении нас татарами исчезла роскошь; однако великие князья и их двор носили заповедные кольца и перстни в том мнении, что они имели тайную силу противодействовать всякому яду и чародейству. Ханы Золотой Орды употребляли их с той же самой целью. — Наши князья, отправляясь в Орду, запасались такими перстнями^{**}.

* «Воскресен. лет.», ч. I, с. 69.

** Один из употреблявшихся перстней против чар и яду я имел случай видеть (1843 г.) в Саратове. Он был найден на царских курганах — на месте бывшей столицы Золотой Орды: величина его с обыкновенным перстнем, сделан из чистого арабского золота с камнем наверху и изломанной внизу пружинкою. На нем были видны следы изображения какого-то животного. — Другой найденный перстень был также золотой, но без камня, и внизу находилась остроконечная шпилька. Оба они служили отравлением, что нередко случалось при Орде, где, угощая лицемерно, в то же время пожимали руку с злобной улыбкой и сжимали наполненную ядом пружину. — Должно сказать, что этот обычай умерщвления изобретен в Италии, и тут он сильно господствовал до конца XVI в.

В века общего невежества верили в волшебное действие перстней, точно как в амулеты. Этим мнением был заражен сам Иоанн III, великий государь, — и великие часто платят дань предрассудкам. — Хан крымский Менгли-гирей, друг Иоанна III, отправляя к нему однажды подарки, писал: «Посылаю тебе перстень из рога качерденева, индийского однорога. Тайная сила этого перстня уничтожает яд в кушанье и всякое лихое зелие; носи на руке и помни мою дружбу»*. К чести России, у нас не носили ядовитых перстней и колец. — В конце XVIII и нач. XIX ст. господствовала страсть носить драгоценные перстни и кольца. Купечество и мещанство столичных городов щеголяет еще ими, но в благородном сословии почти вышло из обыкновения.

Серьги и мониста, изящное украшение женских прелестей, издавна были во всеобщем употреблении, и их было у нас в таком множестве, что во время государственных несчастий выкупали себя ценностью украшений.

Удельный князь дорогобужский Владимир Мстиславич, осадив Галич, требовал от жителей серебра. «Если же не дадите, то подниму всех вас на щиты». Они, не зная откуда взять, сняли со своих ушей серьги, а с шей мониста, сили и принесли ему**.

ЛАПТИ

Живя в простоте нравов, все довольствовались произведениями своей страны, которая в избытке снабжала наших предков дорогими мехами, полотном и шкурами

* Кар. «И. Г. Р.», т. VI, изд. 1817 г., прим. 534. «Дела крымские», хран. в москов. государ. арх., с. 1029, 1030.

** «Русск. лет. с воскр. сп.», ч. 11, с. 8, изд. 1793 г. Мониста называются в Малороссии намисто и крали; то и другое носят девушки на шеях. Мониста очень сходны с латинским словом *monilla*. В «Превращениях» гл. X говорит Овидий: «*dat digitas gemmas, dat longa monilla collo*» <даровались на пальцы перстни с драгоценными камнями, даровались длинные ожерелья на шею>. Надевать на пальцы перстни с драгоценными каменьями, а на шее длинные мониста почиталось у римлян отличием. Перстни и кольца давались мужчинам за особенные подвиги — как нынешние орденские знаки. Времена изменяют понятие об отличиях. — О римских отличиях см.: «*Thesaurus eruditio[n]is scholasticae*», Frankf., ed. 1652 г. *De omnibus mulierum ornamentis eruditam indicationem*, Andr. Tiraquelli, in expositione: «*Legum copiib[us] alium*». <«Ханилище познаний о риторике», изд. Франкф. в 1652 г. Об искусстве ношения всяческих женских украшений в изложении Андр. Тирааквelli «Брачные права».> — Серьги носили с незапамятных времен оба пола. — Египтяне, евреи и все восточные народы делали золотые, серебряные и из драгоценных камней. Греки и римляне украшали еще жемчугом и алмазами. Девицы и мальчики носили по одной серьге, а мужчины и женщины по две. У индийцев мужчины и женщины делали уши нарочно длинными и привешивали широкие дощечки, усыпанные драго-

для разных одежд; но, однако, простой народ предпочитал сапогам лапти по чрезвычайно легкой работе и изобилию материала. — Древность их превышает введение сапог. — Владимир I, заставив болгар своими победами платить ему дань, возвратился в Киев со многими пленниками (985 г.). Добрыня, осмотрев приведенных, которые были в сапогах, сказал князю: «*Сим дани нам не давати, но пойдем искать лапотников*»*. Им не быть нашими данниками, потому что такие люди, доказывая свой избыток, имеют более средств к защищению себя. — Лапотники, о коих говорит Добрыня, суть племена северо-восточной России, где народ был беднее».

ценностями. Калькутские царицы и придворные дамы тщеславились ушами, висевшими на грудях и унизанными биссером, — это считалось особой красотой. Европейские дамы не доходили до этой утонченности. — Но кто знает будущее? Многие восточные обычай начинают возобновляться, недалеко примеры: длинные женские платья, тянувшиеся по земле.

Пест. по Кенигсб. сп., ст. 73.

“Наши лапти весьма похожи на римские *спарган* и греческие *карватины*. Те и другие плелись из прозябаемого вещества. Образец таковых лаптей найден в геркуланских развалинах. Плиний говорит, что растение *спарган* (*sparganium*) употреблялось для плетения башмаков, которые от самого растения получили название спарган и спаргам. — Guthrie «*Sur les antiq. de Russ.*», с. III. — От чего произошло название лаптей, кои те же спарган? — Неизвестно. Все знают, что лапти — обыкновенная обувь наших поселян, потому что она самая дешевая. Их плетут из липовых лык не только взрослые, но и дети; носят довольно долго и выгодны для земледельческих работ, потому что если рвутся скоро, то потеря нечувствительная; новые делают с чрезвычайной скоростью: по несколько пар в день. — Многие доказывают грубость нашего народа тем, что он носит лапти? Поселянин, занятый работами, может ли думать об убранстве? Мужик, неусыпно работающий в поле, среди снегов и дождей, в состоянии ли запастись таким количеством сапог, как лаптями? Что ему стоит одна пара сапог, которые он изобьет в короткое время на полевых занятиях; то верно не стоят полсотни лаптей, коих не сносить в четыре или пять лет. Женщины и девушки деревенские не стыдятся носить лапти, следуя благоразумному правилу: чужим умом не будешь умен. Они трудятся, не засыпают ночей от работы и думают не о приличии: носить ли им лапти, или нет? но о том, как бы им покончить скорей работу. Во время трудов все сельское живет по-сельски; в праздники же налевают мужчины сапоги, а женский пол башмаки: — В этом ли грубость наших добрых и трудолюбивых поселян. — Некоторые из наших соотечественников, поклонников чужеземчины, удивляются, если я им скажу, что я сам видел в Германии и даже в столичных ее городах, что мужчины, женщины и девушки носят деревянные башмаки: мягче ли это для их ног? В Берлине многие порядочные семейства для сбережения башмаков и сапог носят в комнате деревянные башмаки. — Что доказывает это? грубость или образованность? — А наш мужик не знает этой мучительной обуви. — Одежда его простая и теплая, обувь дешевая и удобная, весьма естественная с образом его жизни и занятиями постоянными.

Мужик надевает свои лапти на обернутую им онучь или портняку и обматывает потом лыком, веревочкой или ремнями*.

ОДЕЖДА XI ВЕКА

Памятником одежд XI в. может служить рисунок черниговского князя Святослава с его семейством**.

Изображение одежды сына его Глеба изглажено временем; все княжеское семейство представлено в рост. Олег в высокой синей шапке, наподобие колпака, с палевой опушкою; на шее золотой парчи платок с развевающимися концами на груди; кафтан багряный, обложен алою бахромой; подпоясан золотым поясом и в желтых сапогах. Давид и Роман одинаково одеты, только в алых кафтанах. Княгиня в синей высокой шапке, с алым покрывалом; платье красное с золотою бахромой, подпоясано золотым поясом; на рукаве золотое ожерелье, башмаки малиновые, крытые золотом. — Она держит за руку юного Ярослава, который представлен в багряном кафтане с золотой бахромою; подпоясан золотым кушаком с бантом, сапоги красные. Кн. Святослав, с усами и бородой, стоит в круглой низенькой желтого цвета шапке

* Особой торговли лаптями нигде не существует. На Нижегородскую ярмарку привозят по несколько тысяч. Тут покупается сотня около 2 р. сер., а продаются по 3 к. с. — В Кинешемском уезде Костромской губернии есть казенное село Семеновское, которое с окружающими его деревнями преимущественно занимается выделкою лаптей. Они во множестве вывозятся на тамошние базары, почему и самое это село известно в народе под именем Лапотного. Здесь и в помещичьем селении Молвитине на каждый зимний базар доставляется до 100 000 пар лаптей. Продающиеся в Молвитине считаются самыми лучшими. Женский лапоть отличается от мужского тем, что он делается поменьше. Посредственный работник может изготавливать в день пять пар. — Их плетут следующим образом: начинив лыко, делают заплетку, потом надевают лапоть на колодку, оправляют и ковыряют. — См. Журн. мин. госуд. имущ. за 1841 г. № 3, статья Кеппена «О мочальном промысле», с. 25. — Тверской помещик г. Эгерштром нашел способ делать лапти: соломенные, из болотной травы осоки (согех *uliginosa*) или явора, камышовые и моховые, подковыренные пеньковыми бечевками. Опыт подтвердил удобство и дешевизну этих лаптей, и многие помещики высыпали мальчиков к г. Эгерштруму для обучения. — Бар. Боде предлагал ввести в употребление вместо лыковых пеньковые лапти, а г. Колычев советовал делать из льняного изгребья. — см.: «Землед. газ.», 1838 г., с. 105, 585, 784; 1839 г., с. 448; «Землед. журн.», 1838 г., № 5, 1839 г., № 4, с. 135; «Земл. газ.», 1839 г., с. 81; «Земл. журн.», 1839 г., № 3, с. 486.

** Этот рисунок находится в сборнике Иоанна дьяка, который собственноручно писал в 1073 г. для черн. кн. Святослава в л. на перг. в два столбца уставом. Изображения рисованы красками, с позолотой; над головами сыновей, супруги и князя позолоченные имена: Глеб, Олег, Давыд, Роман, Ярослав, княгиня, Святослав. Вверху золотая надпись: «Желания сердца моего, Господи, не приимины ны вся и помилуй ны». Снимок этого сборника хранится в Румянцевском музее, а полтинник в Императорской библиотеке.

с красной опушкою и в синих сапогах; кафтан на нем синий с красною бахромой, поверх кафтана золотая княжеская мантия; в руках его книга, окованная золотом и покрытая малиновым бархатом.

Вся роскошь одежды, как мы видим из этого рисунка, состоит в блеске золота и разноцветной парчи*.

Великие князья имели частые сношения с Византиею, получали оттуда богатые ткани и узорья; а купцы, производя значительную торговлю с Грецией, вывозили их для богатых и вельмож. — Великие князья и бояре отличались пышностью одежд, а заслуженные бояре отличались еще от незаслуженных ношением на груди золотой цепи с золотой гривною. Впоследствии времени тысяцкие новгородские носили золотую цепь на шее — в ознаменование их власти. — Великие князья и удельные, цари и патриархи носили на золотых цепях кресты и панагии, осыпанные драгоценными камнями и жемчугом.

Простой народ одевался в толстые одежды: мужчины в запуны, а женщины в поневы — это самое древнее одеяние. — Мантия называлась в древности корзнем, коцем и кочем. — Вероятно, и мантия Святослава была тоже корзно, т. е. верхняя одежда. Кн. Владимир, желая защитить Игоря от убийства киевлян, соскочил с лошади и покрыл его корзнем**. В. к. Андрей Боголюбский, женатый на дочери боярина Кучки, был убит приверженцами Кучки, и тело его бросили в огород. Киевлянин Козьма, усердный слуга несчастного государя, стоял над трупом и плакал и потом отнес в церковь, положил в притворе и прикрыл корзнем***. Черниговский князь Михаил, прибыв в стан Батыя, не хотел поклониться священному огню и кумирам. Ему объявили, что должно исполнить хансскую волю или умереть. «Для вас не погублю своей души», — сказал он, снял с себя коч и бросил убийцам. «Возьмите славу этого мира, кочу небесный»****. В. к. Иоанн Калита в завещании своем отказал

В историческом описании одежд и вооружений российских войск, составлен. г. Висковатым, ч. 1, с. 7, сказано, что черниговский кн. Святослав одет в зеленоватое платье вроде подризника с красною по подолу обшивкою, с длинными рукавами и с золотыми зарукавьями; сверху накинут плащ синего цвета, застегнутый на правом плече золотыми петлицами и с красной застежкою или запоном, имеющий красную подкладку и обшитый золотым гасом.

** «Летоп. Нестора», с. 96 и 204.

*** «Киевск. летоп.» — «Андрей Боголюбский умерщвлен в 1174 г. — И тако положив его в притворе у божницы, и прикрыв его корзном, и лежа ту дни и ночь».

**** «Воскрес. лет.», ч. 11, с. 223. «Сымя с себе коч свой». В других летописях употребляется коц: «и връже к ним коц». — Кос по-польски значит полсть, а кос — коляска.

сыну Симеону, между прочими одеждами, коч с бармами*. Это доказывает, что корзно, коч или коц была велиокняжеская одежда. — Со временем Владимира I или с конца X по XIII век велиокняжеская одежда хранилась в Софийском соборе в Киеве и во храме Божией матери во Владимире на Клязьме. Половцы, опустошив Киев (в 1201 г. янв. 4), не оставили в церквях ни одного сосуда, ни иконы и похитили драгоценные одежды наших князей, которые вешались во храме на память потомству. Татары, взяв Владимир (в 1238 г.), ворвались в святой храм, сняли все украшения с икон, книг и унесли древние одежды.

Корзно обратилось впоследствии времени в приволоку, т. е. короткий плащ, который носили князья, бояре и дворяне до Петра I**.

ПОЯСА И КУШАКИ И ВОЙНА ЗА ПОЯС

Пояса золотые, усыпанные камнями, украшали мужской убор и с тем вместе обнаруживали расточительность. Они никогда не складывались, а надевались гладко и ровно. Были пояса шелковые и плетенные золотом с серебром; бархатные и кожаные: их усаживали золотыми и серебряными бляхами, жемчугом и каменьями; при поясе висели капторги (застежки), тузлуки и калиты.

За один из поясов возгорелась война. Князья Василий Косой и Дмитрий Шемяка пировали однажды на свадьбе у родного своего дяди, в. к. Василия (в 1433 г.); все были веселы и все изумлялись драгоценному поясу Василия Косого. Между тем наместник ростовский, Петр Константинович, узнал пояс и сказал о том Софии, матери в. к. Василия, которая, обрадовавшись своей находке и забыв пристойность, сняла пояс с Косого. Произошла ссора. Косой и Шемяка остались дворец с гневом, отправились в Галич, собрали войско и начали неприятельские действия. — Этот золотой пояс с цепями, осыпанный драгоценными каменьями, первоначально был подарен кн. Суздальским, Дмитрием Константиновичем, нареченному его зятю, кн. Дмитрию, впоследствии Донскому; тысяцкий Василий во время свадьбы этого князя (1367 г.), тайно обменял его на другой, гораздо меньшей

* «Собр. госуд. грам. и догов.», ч. I, с. 32.

** В сказании о Мамаевом побоище говорится: когда в. к. Дмитрий осматривал свое войско в поле, «утвердив же полки русские и паки приде под свое черное знамение и снide с коня на иной конь, соглагая с себя приволоку царскую и во иную облечеся». В «Древ. рос. вивл.», ч. 8, с. 113, сказано, что при встрече грузинского царя Теймураза стольники и комнатные стольники, стряпчие и московские дворяне были одеты в приволоки.

цены, и отдал сыну своему Николаю, женившемуся на Марии, старшей дочери князя Сузdalского. Переходя из рук в руки, этот пояс достался Василию Косому.

Кушаки складывались в несколько раз: они были шерстяные, шелковые, а иногда переплетались золотом и серебром. Концы кушака висели впереди. За поясами и кушаками висели, по азиатскому обычанию, кинжалы и ножи*.

НАРЯД В XIII ВЕКЕ

Почти такой же наряд был в XIII в., но здесь встречаем гораздо более описаний о женском одеянии и их уборе. Замужние носили, по словам Карпиния, длинные и широкие платья без застежек напереди; голову покрывали кокошником, придававшим величественность всякой женщине. Девушки лелеяли этот убор, возвышавший их прелесть. — Низ кокошника был узкий и оканчивался вверху широким четырехугольником, который обводили серебряным или золотым прутником; весь кокошник обшивали багряной или темно-красной материей. Девушки и молодые женщины из простого сословия одевались совершенно как мужчины и никто из посторонних, кроме родных, не мог различить их. Оба пола в молодом возрасте носили длинные красные и алые платья, опоясываясь повыше живота одной лентою с левой стороны и тремя с правой, оставляя левый бок открытым. Девицы носили косы до пядей**.

Рубриквис, другой путешественник того же столетия, рассказывает, что женский пол делал на платьях опушку снизу полы до колена из разных мехов и горностаев. Мужчины носили епанчи, подобно немецким; головы покрывали высокими остроконечными шапками, которые делались из войлока***. Рубриквис, говоря о головном наряде женщин, не находит никакого различия в одежде нашей между западными народами, потому что по всей Европе было тогда однообразное платье.

* «Собр. государ. гр. и догов.», ч. I, с. 32.

** «Voyage de Carpine en Tartar.», 1246 г., помещ. в собр. Бержер., ч. I, с. 28 — 29, изд. 1735 г.

*** «Voyage de Rubriquis en Tartar.», пом. в собр. Берж., с. 29, изд. 1735. Описанные им войлковые шапки, вероятно, те самые, какие носят белорусы.

ОТЗЫВЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ О НАРУЖНОСТИ РУССКИХ

Путешественник кон. XV в. Контарени хвалит мужчин и женщин. «Они, — говорит он, — весьма красивые»*.

Павел Иовий, писавший в нач. XVI в., так отзыается: «Русские вообще среднего роста, статные и как бы четырехугольные, но мусковатые»**; «глаза у всех голубые. Нежные щечи женского пола обвиваются самыми тончайшими соболями»***.

Олеарий пишет, что русские во всем похожи на немцев, отличаются же от них одной дородностью и крепостью. Бояре весьма спесивые; ходят с большими отвислыми брюхами, означающими важность и знаменитость. Женский пол по большей части стройный, лица их нежные и белые, груди небольшие, но правильные; глаза черные, руки полные и мягкие, пальцы небольшие, но всю свою очаровательность уродуют окрашиванием лица, рук и шеи белою, голубою, красною и черною красками, особенно когда идут в гости или в церковь****.

Маэрберг говорит: «Женщины среднего роста, по большей части весьма хорошенкие и сложены правильно, но лица свои, от природы румяные, портят натираниями белил, думая, что без них они некрасивые»*****.

Меч пишет, что мужчины и женщины носят весьма длинные волосы. После смерти матери дочери срезают с головы покойницы пучок волос и заплетают их в свою косу*****. — Корб говорит, что женщины вообще статные

* «Voyage de Contareni», c. 53.

** Sed quadrata statura et valde torosa. <Но четырехугольный стан и очень мускулистый>.

*** Paul. Jovii «Leg. Moscov.».

**** Olear. «Offt begehrte Beschr. der Neuen Orientalischen Reise», c. 137, изд. 1647 г., Petrejum «Histoiren und Berichte vom Großfürstenthumb Muschkow», c. 595.

***** Маэрб. «Voyage en Mosc.», c. 149, изд. Leid. — Mach «A relation of three embas. of Carlisle», c. 39. — О волосах царя Алексея Михайловича он пишет: «thoagh his hair was so short, that one of our company took occasion to say, he wondored so great a Monarch should want hair to cover his ears» <однако же его волосы были столь коротки, что один из нашей компании воспользовался случаем, чтобы сказать, что ему хотелось бы знать, испытывает ли столь великий монарх необходимость в том, чтобы волосы закрывали его уши>.

***** Mach. «A relat. of three embas.», и т. д.

и хорошие, но губы их прелесть; красоту свою безобразят румянами*.

НАРЯДЫ НАЧАЛА XVI ВЕКА

Барон Герберштейн, посол импер. германского Максимилиана, бывший у нас в нач. XVI века два раза, есть один из лучших и верных наблюдателей наших нравов того времени. Между многими любопытными сведениями он сохранил в точности названия носимых тогда одежд, а именно: терлика, однорядки, охабня, ферези <или ферези>, кунтуша, доломана и кафтана. Эти одежды давно употреблялись у нас, но мы доселе нигде не встречали им описания. — Терлик было верхнее широкое платье с рукавами, но без воротника. Однорядка — верхнее платье без воротника: длинное, широкое и с опушкой; охабень совершенно похож на однорядку, только что с воротником; ферезя — длинное платье с пуговицами сверху донизу. Если делали ферезю с нашивками, то она называлась кунтушом, и пуговицы ставили на нем до пояса. Доломаны и кафтанды были короткие платья с пуговицами и прорехами на боках: полукафтаны делались с козырем. Головы накрывали колпаками, которые у дворян были остроконечные и делались из шерсти**. Все подпоясывались пониже живота, отчего всегда висело брюхо, как у итальянцев, испанцев и немцев. — Сапоги почти у всех были из красной кожи. — Поверх платья набрасывали еще епанчу с капюшоном***. Другой иностранец пол. XVI века говорит, что одежды наши во всем сходны с венгерскими, исключая шапки, которые решительно белые****. Такие одежды носили бояре, дворяне и купцы. Богатый отец передавал свое платье сыну и в праздник давал ему надевать свое. Тогда для всех шили одинаково, и потому, что было при-

* Korb. «Diar. itiner. in Moscov.», edit. Vien., in f., c. 208.

** Герберштейн ясно говорит о колпаке, и ни слова о шапке: *colpac dextra tenentem*.

*** Herber. «Rer. Moscov. com.», c. 49 и 55 и д., edit. Antver., 1557 г.; Alex. Guagnianus тоже говорит, что носили колпаки, называя их *«pileolum»* <круглыми шапочками>, см.: «De Relig. Moscovit. omnium que Ruthenorum», в ст. «In tractata de Sarmatia», c. 228, nom. в собр. «De Russor. Moscov. Tartar. ritus», edit. Spir. 1582 г. in 4⁰; Meletii «De Russor. relig. et ritib.», edit. 1581 г.

**** Tiepolo «Relazione di Moscovia», 1560 an. in tutto simile a quelli degli Ungari fuor che nei capelli que da titti si usano bianchie puntali <Тиеполо «Доклад о Московии», 1560 г.: «Во всем похожие на тех венгров, только не волосами, которые у всех принято белить до корней»>. — Это известие рукописное хранится в Румянцевском музее, списано в Риме из библ. Барберини.

лично матери, то шло и дочери. — Рубашки носили разноцветные, воротники были вышитые и с серебряной пуговицею; сапоги из цветного сафьяна, более красные, с железными подковами; волосы отстригали в кружок*. По свидетельству Гванина строго было запрещено царским указом во второй половине XVI века, чтобы люди без состояния не одевались в пышные одежды. Этим доказывается, что роскошь давно была знакома нашим предкам; что недостаточные часто жертвовали последним из своего имущества, для того только, чтобы своим блеском дать почувствовать гордым боярам, что они имеют равное право на уважение народа, преклонявшегося перед дорогими одеждами первостепенных сановников. Общее было тогда мнение, что эти сановники, рожденные в знатности и воспитанные в ней, имели неоспоримое право на почтение, но народ, узнав впоследствии, что уважение приобретается делами, стал их чтить по заслугам. Когда встречали бедного, но пышно одетого, тогда останавливали его и говорили ему с укором: «Ты нарядился паном! Верно, собрался бежать в Литву. — Изменник! Откуда ты взял эту одежду? не продал ли себя ляхам?» — Так думали тогда, и часто не без причины. — Литовские князья, враждуя беспрестанно с Россиею,сыпали золото вероломным, которые, служа орудием для их умыслов, жили богато, роскошно и ходили в блестящих одеждах. Часто видели в этих одеждах бедных людей, почему считали их за изменников.

Одежды: терлик, ферезея, кафтан и колпак позаимствованы нами частью от востока, а частью из Литвы; доломан и кунтуш собственно венгерские и перешли к нам из Польши.

Тогда же носили кожухи и шубы, о коих хотя не говорит Герберштейн, однако они весьма старинные одежды и суть русские. — Кожухи (от слова кожа, мех) и шубы подбивались дорогими мехами; шубы преимущественно делались из лисьего меха. Употреблялись также бострого (татарские шубы), крытые цветной матерью. Простой народ носил полушибки из бараньих и овечьих мехов, которые доселе во всеобщем между ними употреблении**.

* Herber. «Rer Moscov. com.», c. 36 — 40 и 56, edit. 1557 г.

** Наш народ так привык к нагольным тулурам, что он не желает иметь лучших, потому что они хорошо греют. По этому предмету сохранилась народная поговорка:

Не ради красоты,
А ради теплоты
Овчинную шубу носим,
И лучшей не просим.

Мы имеем другие сведения о старинной нашей одежде, которым во многом противоречат сказания очевидца Герберштейна. Жаль, что сочинитель не указал источников: откуда он почерпнул любопытные известия о кафтане, ферезее, однорядке, русской и турецкой шубах, терлике, турском кафтане, становом кафтане, зипуне, платне, опашене и кожухе. Мы не могли оставить без внимания эти известия, если бы не видели большого разногласия с описанием Герберштейна и не желали бы другим доставить случай поверить, тем более что в наших летописях нет пояснения этим одеждам, кроме названий. Кто имел случай видеть древнейшие рисунки наших одежд, тот, конечно, знает, что других нет источников. Сочинитель* видел самые древние одежды, но трудно предположить, чтобы они уцелели с глубокой древности. Самое военное платье, которое с недавнего времени стало храниться в Москве в Арсенале и Оружейной палате, шилось уже по образу стариинному, когда оно портилось.

Вот занимательное описание. — Кафтан было узкое платье, с рукавами узкими, длинными и со сборами. Длина его не заходила далее колен; воротник делался высокий и стоячий, закрывавший весь затылок, и назывался козырем. Кафтан шился из легкой и тонкой материи, редко из сукна; полы обивали золотым и серебряным галуном и цветной материей. Напереди застегивался петлями на пуговицах, с длинными кисточками; у запястий связывались рукава тесьманными, металлическими и ременными зарукавьями. Богатые украшали жемчугом и камнями. — Козырь или стоячий воротник, предмет щегольства и роскоши, делался атласный, бархатный и парчовый: он вышивался серебром, золотом, жемчугом и драгоценными камнями. Выражение, употребляемое доселе: *он ходит козырем, он смотрит козырем*, означает чванного и тщеславного блеском своей одежды. Из дома не выходили в кафтане, а надевали на него ферезь: длинное платье, почти до лодыжек, с таковыми же длинными рукавами без перехвата и воротника; она застегивалась напереди длинными петлицами с пуговицами; шилась из бумажных материй, сукна, бархата и парчи. — Простолюдины надевали ферезь на рубашку и предпочитали белый и синий цвета. На ферезь надевали охабень или охобень: это длинное платье

* Г. Висковатов «Историческое описание олежды и вооружения русских войск», ч. I, с. 14 — 20, СПб., 1841 г. Это прекрасное сочинение украшено богатейшими рисунками, каковых еще не бывало при издании наших книг. Описание одежд и вооружений составлено по высочайшему повелению.

до самых пят, но гораздо шире, с прорехами под рукавами и с откидным четвероугольным воротником, который висел почти до половины спины, иногда ниже, и вышивался подобно козырю. Охабни шились из обояри, атласа и бархата. — Однорядки во всем похожи на охабень; были без воротника и шились из сукна, каразеи и других шерстяных материй. — В зимнее время носили русские и турские шубы на разном меху; их покрывали сукном, камкою, атласом, бархатом и парчою. Русские шубы были похожи на охабень, он с рукавами и отложным меховым воротником. Напереди застегивались пуговицами или завязывались шнурами с длинными висячими кистями. — Турские шубы имели покрой русский, но широкие и длинные рукава до кистей рук. Иные делали двойные рукава: одни надевались на руки, а другие закидывались сзади для украшения.

Одежды: терлик, турский кафтан, становый кафтан, зипун, платно, опашень и кожух, исключительно употреблялись при дворе. Терлик во всем похож на ферезь, но был с перехватом; напереди делались короткие петли; от шеи вдоль обеих пол по подолу и рукавам обшивали серебряным и золотым гасом, унизывали жемчугом и каменьями. Рукава шили короче ферези и без сборок. — Турский кафтан — длинное платье без воротника и петель; правую полу закидывали за левую, застегивали у шеи и на левом боку. — Стновый кафтан был во всем подобен турскому, с широкими и недлинными рукавами; вверху застегивали запонкой и полы забирали за полы, шили преимущественно из шелковых материй. Его носили государи поверх зипуна. Такого покроя кафтаны доселе носят купцы с тою разницею, что рукава у них в обхват. — Зипун то же, что кафтан, но с короткими петлями и без козыря. Зипуны подбивались мехом и украшались стоячим ожерельем вокруг шеи, осыпаным жемчугом и каменьями. — Платно во многом сходствовало с ферезью; оно имело короткие рукава и застегивалось короткими петлями; надевали на становый кафтан и носили одни государи, потому шили только из бархата и парчи; вокруг унизывали кружевами из жемчуга и дорогих каменьев. — Опашень, похожий на платно, шился с короткими рукавами. — Кожух был то же, что опашень, но подбивался мехом. Стновый кафтан, платно, опашень и кожух носили государи и царевичи. Кафтан, зипун и кафтан турский подпоясывались кушаками и поясами. — Вообще старинные наши одежды имели внизу боковых пол прорези, которые застегивались петлицами.

В старинных наших бумагах встречаются еще названия одежд: бугай, портище, ментеня и чюга и, как видно из

некоторых известий, они были дорогие, носились великими князьями и знатными боярами. — Бугай подбивался собольим или другим дорогим мехом и имел наплечники, усаженные жемчугом и каменьями. Портище, вероятно, носили на плечах, ибо было с бармами, и шили из дорогой материи. Ментеня, верхняя одежда, шилась из бархата и атласа, подбивалась мехом и унизывалась жемчужными кружевами. Чюга шилась из камки, бархата и сукна; подбивалась тафтою и опушку имела атласную, или подбивалась соболями и другими мехами; впереди застегивалась на пуговицах; пуговицы были золоченые, петли серебряные, а концы петель заткны золотом*.

РУКАВИЦЫ

Люди всех сословий носили рукавицы, и смотря по состоянию, они были кожаные, суконные и бархатные, с серебряными и золотыми узорами; делались, однако, холодные, теплые и перчатые. Должно думать, что от последних произошло название перчаток. Рукавицы крестьянские были такой же формы, как нынешние, и так же тисненные по краям. Для зажиточных же купцов, дворян, бояр и великих князей они шились из сукна и бархата, подбивались мехом с собольей опушкою; рукавицы перчатые были атласные, суконные, олены, лосинные и вязанные из шелка. Их иногда подбивали мехами и атласом; при них носили дорогие запястья, низанные жемчугом и шитые *воловиченым* золотом с шелками; по краям нашивалась бахрома. Нет сомнения, что женский пол носил щегольские рукавицы и перчатые рука-вицы.

Не только драгоценные украшения, золотые и серебряные сосуды, но и одежды завещали великие князья своим детям. В. к. Иоанн Калита пишет в духовной: «Из одежд моих назначаю Симеону червленную шубу с жемчугом и шапку золотую; Ивану обаяринную шубу с жемчугом и коц великий с бармами; Андрею бугай соболий (шубу) с наплечниками; Марии и Феодосии два кожуха с аламы (наплечники с застежками), унизанные жемчугом»**.

* О бугае и портище см. «Собр. госуд. гр. и дог.», ч. 1, с. 34, под 1328 г.; о ментене — «Собр. госуд. гр. и догов.», ч. 1, с. 417, о чюге г. Висковат. «Истор. описание одежд и вооружений», ч. 1, прим. 43.

** «Собр. госуд. грам. и догов.», т. 1, с. 31, писано завещание в 1318 или 1331 г.

ИЗВЕСТИЯ О НАРЯДАХ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

По известию англичанина Турбевиля, половины XVI века, русские носили весьма длинные рубашки с отложными воротниками, которые у богатых унизывались жемчугом, а рукава обшивались шелком. Поверх споднего платья надевали полукафтан*, а на него однорядку. Одна пара льняного платья достаточна была для каждого русского, который носил ее и зимою. Поверх однорядки надевалась меховая шуба и, смотря по состоянию, она вышивалась шелком и серебром. Бедные носили армяк на бараньем меху, азямы и сермяги. Армяки шились из холста, а азямы и сермяги из толстого серого сукна, отчего последние получили название сермяг. Азямы и сермяги шились с узкими рукавами в длину до колен, застегивались напереди петлями и пуговицами и подпоясывались поясом**. Сапоги с заостренными носками делались на подковах, волосы стригли, и тот считался в опале, кто их отращивал.

Было величайшим наказанием для сановников, когда были обязаны носить длинные волосы. По несколько месяцев тужили, что прогневили царя. — Такая кара, подкрепляемая общим презрением к опальным, действовала на них сильнее пеней.

Мужчины и женщины наряжались в разноцветные платья.

Бород мужчины не стригли, исключая одного случая, когда в. к. Василий, желая казаться моложавым для своей супруги Елены, обрил свою бороду (1526 г.) и всегда заботился, чтобы нравиться молодой жене.

СТРАСТЬ К РУМЯНАМ

Женский пол страстно любил румяниться, и тот муж, который не покупал для своей жены белил, значил, что он не любил ее. Женщины красили щеки, губы, подбородок и брови и намазывались до того, что отвратительно было смотреть на них. Гостю позволялось румяниться в присутствии

* A germent jaccket <камзол>.

** В словаре Российской Академии так определены азям и сермяга. Азям — род одежды, подобной покрою русскому кафтану, употребляемый в некоторых областях простым народом вместо летнего платья. Сермяга — толстое и грубое сукно, из которого поселяне шили себе одежду. — Между франками был в употреблении азям: *acesmes, achesmes*, — см.: *La Combe «Diction. du vieux langage François»*, изд. 1762 г.

женщины, ибо этим он доказывал к ней свое уважение*. Другие белили и румянили дорогие головные повязки (венчики), украшенные золотыми и серебряными звездочками.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИЗВЕСТИЙ О НАРЯДАХ

Сведения англичанина Флечера, бывшего в Москве в конце XVI в., гораздо полнее. — Недостаточные носили зимою поверх овечьих шуб широкие, длинные по икры, из толстого серого или белого сукна зипуны**. Из такого же сукна делали споднее платье, шапки и рукавицы; бедные носили жупаны или зипуны, приготовленные из коровьей шерсти, а в летнее время довольствовались рубахою с косым воротником и сподним платьем из холстины или пестряди. — Богатые отличались всегда роскошью и изысканностью: они носили рубашки с шитыми воротниками, делавшимися около шеи без складок; летом хаживали у себя в доме, когда не было посторонних, в одних рубашках; шеи покрывали унизанным жемчужным козырем или стоячим воротником толщиною в три или четыре пальца; поверх рубашки надевали легкий шелковый жупан, который был до колена; сверх жупана надевали узкий парчовый кафтан с персидским кушаком, за который затыкали кинжал и нож; поверх кафтана была шелковая и широкая ферезь, подбитая мехом. Это была самая почетная и торжественная одежда бояр и всех

* Turbeville «Certaine letters in verse», — писано им к его другу, пом. в собр. Гаклюта, т. I, с. 432 in 4⁰, изд. 1809 г. Mach «A relat. of three embas. of Carlisle», с. 40; Окрашивание головных повязок см. Tanner «Leg. Moscov.», с. 49; Olear. «Offt begehr. Beschr. der Neu. Orient. Reise», с. 137, ed. 1647 г.; Маэрб. «Voyage en Moscov.», с. 149, ed. Leid.

Если румянились мужчины, то это они делали из угождения к прекрасному полу: на все была мода, а мода страшный тиран. — Но чем может оправдаться нынешняя молодежь? Пусть это делают кокетки, беззубые воздыхательницы и старые волокиты, а нецветущая молодость всегда прелительна — Шекспир хорошо сказал о пристрастных к румянам: «I have heard of your painting too, wellenough. — God has given you one face and you make yourselves another. You jig, you amble and you lisp and nickname God's creatures and make your wantoness your ignorance». — «Hamlet», act III, scen. II <«Слышал я и о вашем малевании, вполне достаточно. Бог дал вам одно лицо, а вы себе делаете другое. Вы приплясываете, вы припрыгиваете и щебечете, и даете прозвища божьим созданиям, и хотите, чтобы ваше беспутство принимали за неведение»>. — «Гамлет», акт III, сцена II>. На многих старинных иконах сохранились надписи, грозящие адским мучением тому, кто колдует, белится, украшает себя богатыми одеждами и делает соблазн. Вот одна надпись: «Женский пол за чары и бесчинное ублечение лиц, за прелестное украшение риз и за прочие соблазны, идут в муку вечную».

** Между франками употреблялся зипун (gipan), см.: La Combe «Diction. du vieux langage François», изд. 1762 г.

чиновников. Она употреблялась для придворных выходов и шилась по бархату золотом; была и обьяринная.

При приеме иностранных послов переменяли по нескользку раз кафтаны. Недостаточные получали из казны золотые, серебряные, парчовые и из персидской ткани одежды и высокие шапки из черного лисьего меха. Это великолепие изумляло иноземцев; они говорили единогласно, что царский двор был облит в золото. Иные представлялись ко двору в цветном платье, шитом из обьяри, камлота или тонкого сукна с золотыми нашивками; голову покрывали черной шапкою.

ПРИДВОРНАЯ ОДЕЖДА

Указом 1680 г. дек. 19 предписывалось являться ко двору в ферезях только одним боярам, окольничим, думным и ближним людям, стольникам, стряпчим, дворянам и дьякам. На ферезь набрасывали охабень, длинное платье с рукавами и воротником. — В царствование Федора Алексеевича в конце XVII века не велено никого впускать во дворец, одетого в охабень. — Во время выездов надевали поверх охабня однорядку, длинную одежду из сукна или камлота, деланную без воротника; в военное время употребляли корзнь, род епанчи. Сапоги носили сафьянные и часто обшивали жемчугом; нижнее платье было атласное или парчовое. Головы покрывали высокими собольими, горлатными и лисьими шапками*. Название горлатных шапок произошло от употребления меха от душек, или горла пушистых животных. Они делались вышиною почти в аршин: вверху шире, а к голове уже. К этой шапке иные прикрепляли пушистое высокое перо на дорогом запоне или застежке, усыпанное камнями. У других шапок верх был парчовый или бархатный, а спод соболий или рысий. Иные унизывали жемчугом и кверху привязывали кисти с дорогими каменьями, и таковые шапки назывались *мурманками*, или *мурманкою*. Борис Годунов при приеме константинопольского патриарха Иеремии 11 стоял у трона царя Феодора в *шапке мурманке и золотой одежде на опашку*. — Мурманки были высокие, с плоскою тульей и к голове шире; делались без бархата и парчи и вместо мехового околыша имели меховую с отворотами лопасть, которая в двух местах у тульи пристегивалась пуговицами на петлях. К ним прикрепляли иногда дорогое или жемчужное перо.

* Название шапок в первый раз встречаем между иноземцами у Олеария «Offl. begehr. Beschr. der Neuen Oriental. Reise», с. 136, ed. Шлезв., 1647 г.

БОЯРСКАЯ ОДЕЖДА

Обыкновенное же платье бояр, как самое старинное, было черное бархатное, иногда унизанное по краям дорогими камнями и жемчугом, и употреблялось почти до половины XVII века. Носили еще фофудии — самая древняя одежда мужчин и женщин, а подпоясывались малиновыми или красными поясами. — Волосы стригли, опальные отращивали их весьма длинными, так что они закрывали лицо и лежали разбросанными по плечам*. Остриженную голову закрывали маленькою скуфьею, плетенною из золотых или серебряных ниток и унизанную жемчугом и дорогими каменьями. Поверх скуфьи надевали тафию — высокие шапки из черных лисиц или других мехов, которые не снимали в присутствии самого государя.

При царе Иоанне IV было запрещено собором носить тафии, особенно входить с ними в церковь, вероятно потому, что они были собственно татарские шапки. Несмотря на запрещение, многие носили: царевич Дмитрий носил суконную, которая ныне хранится в ризнице московского Архангельского собора и убрана яхонтами и жемчугом.

Государи и бояре носили еще шубы, называвшиеся бостроги, кожухи и терлики. Они были по большей части бархатные с золотыми шнурами и кисточками на дорогих собольих или лисьих мехах. Были еще и летние терлики. — Сапоги подбивали гвоздями и подковами серебряными; иные унизывали по швам, носкам и каблукам жемчугом; иногда драгоценными каменьями. — Великокняжеский дом носил боярскую одежду, которая отличалась одним блеском и пышностью.

БОГАТСТВО ЦАРСКОЙ ОДЕЖДЫ

Богатство царской одежды было ослепительное, особенно когда наши государи являлись в торжественные дни к выходу или короновались. Царь Феодор, по сказанию очевидцев, превосходил великолепием все предшествовавшие коронации. Один скипетр, осыпанный драгоценными каменьями, был длиною в $3 \frac{1}{2}$ фута и стоил несколько миллионов на

*Опала, судя по достоинству людей и важности преступлений, была различная: 1. Запрещалось ездить ко двору. 2. Выезжать из своего дома. 3. Повелевалось жить в деревне. 4. Снимали чины и писали в дворянне по городу и 5. Сажали в тюрьму.

наши деньги; одежда царя весила не менее 200 фунтов; шесть князей держали хвост мантии; вельможи сияли бриллиантами, яхонтами и жемчугом удивительной величины, ценные на миллионы*.

О наряде царя Михаила, бывшем во время его бракосочетания, сказано, что он был в кожухе золотом аксамитном, на соболях, и в шубе русской собольей, крытой бархатом золотным, замотав полы за плеча.

НАГРАДА ОДЕЖДОЮ ЗА ЗАСЛУГИ

Франциск да Коло пишет, что великие князья жаловали храбрых и любимых воинов одеждами шелковыми, суконными, парчовыми и шубами. Этой одежды всегда лежало в великом множестве в кладовых, занимавших в Москве целую улицу.

Контарини получил от Иоанна III в подарок 1000 червонцев и богатую кунью шубу и приказал ему, чтобы он, одевшись в нее, явился во дворец**.

Иоанн IV по покорении Казанского царства жаловал отличных воинов шубами золотыми и бархатными на собольих мехах; ковшами золотыми и кубками***.

По изгнании Кази-Гирея, хана крымского, из пределов Москвы царь Феодор украсил кн. Мстиславского и Бориса Годунова золотыми португальскими червонцами, а прочих воевод корабельниками и венгерскими червонцами; потом

* Горсей «Coronation», в собр. Гакл., с. 527 и 528.

** Frances. da Collo «Trat. di pace tra re di Polon. e gran prenc. di Moscovia», на обор. 53 л. до 54, пом. у Чилли; Contarini «Voyag. de Perse en 1473 г.», с. 55, пом. в собр. Бержер., ed. 1735 г. в 4⁰.

Об одежде, хранившейся в великом множестве в царских кладовых, подтверждает сказание Франц. да Колло Гваньин «Kronika Sarmasusy Europeskicy», с. 514, изд. 1611 г. — Гваньин, родом итальянец из Вероны, служил в польской службе в конце XVII в. и был комендантом в Витебске. Он пишет между прочим: «в кладовой великого царя хранится весьма много дорогих одежд, спештых единственно для торжественных случаев. Когда приезжает посол от короля или цезаря, тогда выдаются одежды дворянам, по приказанию царя, а потом возвращаются в кладовую. — Недостаточные из дворян, отправляясь в гости к своим знакомым, или на крестьины, или на какое-нибудь празднество, берут взаймы одежду из царской кладовой, обязываясь заплатить, по условию, за ношение платья. Если оно запачкается или окажется малейшее на нем пятно, то он должен заплатить, во что оно будет оценено. Если же в другой раз испортят платье, то для напоминания о бережливости наказывают его кнутом.

*** «Царствен. летоп.», кн. 2, с. 329 — 330, изд. СПб., 1793 года.

надел на Бориса Годунова со своих плеч русскую шубу с золотыми пуговицами и драгоценную цепь, на кн. Мстиславского такую же шубу и подарил ему кубок с золотою чаркой.

ПАРЯД БОЯРЫНЬ

Боярские жены, знатные и богатые, покрывали волосы шелковой сеткою, обвязывая голову белой повязкою или носили тафтяную шапочку, обыкновенно красного цвета, с шелковым белым пойником или шлыком. Для наряда надевали большую парчовую шапку, опущенную мехом и унизанную жемчугом и дорогими каменьями; незамужние и бездетные отличались черными лисьими шапочками. — Некоторые знатные перестали было украшать шапки жемчугом по той причине, что таковые же стали носить купеческие и подьяческие жены. — В уши вдевали золотые серьги с изумрудами и яхонтами длиною иногда в два дюйма; шею покрывали жемчужными монистами, головы повязывали богато вышитыми платками. Платья их были из тонкого красного сукна и разноцветной материи; носили широкие, длинные, с висячими рукавами и застегивались дюжиною золотых пуговиц; другие боярыни носили серебряные парчовые и золотые. Воротники делали откидные до половины спины, и часто собольи. Боярыни и их дочери шили иногда широкое платье, застегнутое спереди, без рукавов, и это называлось ферезея, или ферезъ, которая во многом сходна с сарафаном. Тогда носили сарафаны не только простые, но и боярские жены, с той разницей, что у недостаточных и простого сословия делались из крашенины, китайки, кумачные и суконные; у знатных и богатых из дорогой материи. Шили еще телогреи, на которые надевали теплые и холодные душегрейки. Они были совершенно сходны с сарафанами, только гораздо короче, без пуговиц и на груди с выемкой. Поверх ферези надевали опашень кармазинного цвета, с рукавами до самой земли. Это одеяние суживалось спереди и усаживалось большими золотыми или по крайней мере серебряными позолоченными пуговицами величиною с грецкий орех. Позади привешивался подбитый дорогим мехом капюшон, висевший до половины спины. — Рубашки носили длинные, коих рукава были от 6 до 10 локтей, и складки сбирали искусно на руки.

Зимой носили картели (шубы) из собольевых, горностаевых и других дорогих мехов; крыли их бархатом и золотистой материей. Летом надевали летники: атласные платья с

рукавами или из другой легкой материи; до локтя обшивали их парчою или делали складки со швами из материи другого цвета. Носили еще кокошники, выдававшиеся вперед, которые были различного вида и величины. Тулья кокошников делалась из цветной шелковой ткани, парчи и штофа. Передняя сторона вышивалась шелками, унизывалась бисером и жемчугом, а местами цветными каменьями. Иные делали их круглыми, ширину в пять или шесть вершков, и довольно низкими. Другие делали высокими, иногда в поларшина, с торчащим вверх клином. На рукава платья надевали широкие запястья из золота, усаженные жемчугом и драгоценностями; пальцы украшали кольцами и перстнями; сапожки носили сафьянные: желтые, малиновые и голубые, шитые золотом, жемчугом, но на высоких каблуках. Марина Мнишек в день своей свадьбы (1606 г. мая 8) была в русском красном бархатном платье с широкими рукавами и в сафьяновых сапожках; весь ее наряд был усыпан алмазами, яхонтами и жемчугом; венец на ее голове ослеплял сиянием. Сам высокомерный Лжедимитрий был усыпан с ног до головы алмазами и драгоценными каменьями*.

Женский пол очень любил белиться и румяниться и считал за нарушение приличия, если не следовал общепринятым обычаям**. По известию Посевина, богатые и знатные женщины имели обыкновение носить по три платья, надевая одно на другое. Если бы которая оделась в одно, то это приписывали к ее неблагопристойности и бесчестию.

Описанный женский убор был общий для цариц и царевен, которые распознавались только по особо оказываемому им почтению или чрезвычайному блеску одеяния.

* Petrejum «Histor. und Berichte vom Großfürstent. Muschikow», et. c. 337 — 339, изд. 1620 г.

** Сиряне, вавилоняне и арабы красили глаза. Гречанки и римлянки, желая всегда иметь живой цвет лица, придумали румяна, а именно: белила и румянную краску. Римские поэты, восхваляя своих красавиц, говорят, что дочь Юноны, похитив у своей матери ящик с румянами, подарила его дочери Агенора. Искусство белиться и румяниться перешло от гречанок к римлянкам, и покрываться ложными красками отнюдь не было стыдно, потому что сами богини любили краситься — верно, они были дурные! — Итальянцы, находившиеся при дворе Екатерины Медичи, ввели во Францию румяна; оттуда они распространились повсюду и к нам зашли не ранее конца XV в. — Француженки, натирающие ресницы сурьмою, еще растягивали их, чтобы глаза были большие. На востоке вообще любили большие и черные глаза — и эта краса перешла в Европу. — Доньи многие народы Азии, Африки и Америки красятся черною, желтою и красною красками; руки, грудь, щеки, губы и лоб натирают разными красками по наколенному узору.

УБОР ЦАРИЦЫ ИРИНЫ

Арсений, приезжавший с патриархом Иеремией в Москву (1590 г.) и видевший блестательные украшения царицы Ирины, говорит: «Нельзя постигнуть разуму человеческому, какими драгоценностями была унизана голова царицы! Чем более я смотрел на ее корону, тем более изумлялся. Корона ее, обведенная двенадцатью столбами, представляющими Иисуса Христа и Его Апостолов, вся составлена из одного жемчуга и весьма искусно усеяна рубинами, алмазами, топазами, аметистами, сапфирами и другими драгоценностями».

ОДЕЖДА ЖЕНСКАЯ, ДУХОВНОГО СОСЛОВИЯ

Женщины и девушки из духовного сословия одевались точно так же, как светские. Замечательно, что между рисунками старинных одежд бар. Маерберга представлен священник в ферези теплой.

НАРЯД ДЕВИЧИЙ

Девицы заплетали волосы в косу, голову повязывали широкою повязкой, называемой лентою, потому что она была или из одних лент, или широкого позумента; богатые накладывали жемчужные *поднизы*, оставляя верх головы открытым. Из-под повязки ниспадала по спине коса, к концу коей привешивался косник, который не что иное был, как из картузной бумаги треугольник шириною в два или три вершка: обшитый шелковою тканью, унизанный разноцветным бисерным узором или жемчугом и каменьями. Косу заплетали как можно слабее и пошире, разделив волосы на множество прядей и перевив их золотыми нитками, а богатые переплетали нитки жемчугом.

Заплетание косы составляло большое искусство. Надобно было, чтобы коса закрывала всю шею широкой решеткою, которая постепенно суживалась бы до самого косника. Девицы, отправлявшиеся под венец, не заплетали волосы в косу, но распускали по плечам, и в этом положении венчались. По совершении бракосочетания сва-

* Arsenii «Descriptio itineris in Moscoviam», с. 99 — 100, пом. в собр. Вихм., ч. I.

хи выводили новобрачную в трапезную или на паперть, снимали с головы ее девичий убор и, разделив волосы надвое, заплетали в две косы; потом, обвертев ими голову, надевали кокошник, наконец, покрывали фатою и подводили к новобрачному, который все это время ожидал ее на своем месте в церкви*.

ЕДИНООБРАЗИЕ ОДЕЖДЫ ОБОИХ ПОЛОВ

Платье обоего пола было почти одинаковое; женский пол высшего сословия и богачей распознавался нежностью сложения, но в простом сословии женщины и девушки не могли быть различены от мужчин по причине одинаковой с ними одежды. Десятилетние девушки и мальчики ходили в одних длинных рубашонках; всем им стригли одинаково волосы на голове, оставляя висячими по два локона, и девушек можно было узнать по одним длинным волосам**.

НОШЕНИЕ ИНОСТРАНЦАМИ РУССКОЙ ОДЕЖДЫ

Все упомянутые наряды и одежда более или менее употреблялись до конца XVII в. — Иностранные, жившие у нас

* Флечер «Com. wealth»; Jenkinson. «The first voyage from the citie of London toward the land of Russia, begun the 12 of may 1557», c. 351. Так же Флечера «The embassage from her Majestie to Theodor the Emperor of Russia» — все это пом. в собр. Гакл. «Collection of the early voyage, travels and discoveries of the englisch nation», ч. I, 1809 г.; Гванниль «Kronika Sarmaciev Europskiey», изд. 1611 г., с. 514; Petrejum «Histor. und Ber. vom Großfürstenthumb Muschcow», с. 593, 595, 596 и 613; Maerberg «Voyage en Moscov», с. 100 — 101, ed. Leid., 1638 г. В рисунках к путешествию его по России, издан. в 1827 году за счет государства канцлера графа Н. П. Румянцева, изображены старинные одежды несколько сбивчиво, за всем тем они во многом согласны с описанной одеждой. См. рисунки XXVII — XXXIX. — Новик. «Древ. рос. вилл.», ч. II, с. 222; Болтин «Примеч. на истор. Леклерка», т. I, с. 437 — 441; Mach «A relat. of three embass. of Carlisle», с. 42 — 46. — О платьях при приеме послов. см.: Marger. «Estat da l'emp. de Russie», л. 15, 16 и 19, изд. Париж, 1607 г.; «Лет. с воскрес. сп.», ч. I, с. 69, изд. 1793 г.; Korb «Diar. itin. in Moscov.», ed. Vien, in f., с. 208 — 209.

** Olear. «Offt begehrte Beschr. der Neuen Oriental. Reise», с. 136 и 137, ed. 1647 г. — Там же, с. 15... alle so wohl Megden als Jungen mit abgeschnittene Haaren auf beiden seiten hangenden Zocken, und in langen Hembden giengen, daß man die Megden von den Jungen nicht unterschieden kunte. Wolte unser Medicus deßen gleichwol Wißenschaft haben, grieff einen von sechs Jahren nach dem Hembde, troff aber ein Knablein an, dieser sagte lachende: devke niet, нет, не девка. <...все, как девочки, так и мальчики, с подстриженными волосами с висящими по обеим сторонам локонами и в длинных рубахах ходили, так что девочек от мальчиков нельзя было отличить. Когда наш лекарь захотел все же это выяснить, схватил одного шестилетнего за рубаху, обнаружил, однако, мальчишку, который, смеясь, сказал: нет, не девка>.

по торговым делам и находившиеся в служении, должны были носить наше платье, если не хотели подвергать себя посмеянию и презрению. Впоследствии им было запрещено носить русскую одежду.

ЗАПРЕЩЕНИЕ ИНОСТРАНЦАМ НОСИТЬ РУССКУЮ ОДЕЖДУ

Во время одного крестного хода патриарх осенял крестом народ, который по своему обычаю делал земные поклоны, но <так> как находившиеся тут иностранцы, одетые по-русски, не следовали нашему обряду, то патриарх за неуважение к святыне прогневался на них и запретил им носить русскую одежду^{*}.

ЗАПРЕЩЕНИЕ О ВВЕДЕНИИ ИНОЗЕМНЫХ ОБЫЧАЕВ

Под конец царствования Алексея запрещено было (1675 г. авг. 6) стольникам, стряпчим, московским дворянам и жильцам перенимать немецкие обычаи, носить их платья, шапки и стричь волосы по-иноzemному. Кто же ослушивался, тот подвергался опале, а из высших чинов переписывали в низшие.

ОДЕЖДА В ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА И ПРИСТРАСТИЕ К РУМЯНАМ

В бытность в Москве английского посла Карлиля, во второй половине XVII в., одевались так же, как и прежде: в широкие и длинные платья, коих рукава ниспадали до пядей, но их подбирали в многочисленные складки с большим искусством; носили полукафтаны, длинные по икры, с большими висячими воротниками. Знатные особы одевались в кафтаны до колен, со стоячими воротниками, кои сзади были шире и выше, нежели спереди; их покрывали бархатом и парчовой материей. Споднее платье было узкое. Головы покрывали высокими колпаками с одним отверстием впереди и другим сзади: богатые носили кармазиновые и бархатные и унизанные жемчугом; купцы делали суконные, а бедные войлоковые, кои пестрили разноцветными кусочками сукна. На зиму подбивали мехами. Рубашки, составляя щегольство, вышивались шелком; воротник, наруканики и грудь блистали золотою вышивкой и жемчугом. Носили полусапоги остроконечные с весьма высокими каблуками; подборы под-

* Olear. «Voyage en Moscovie», c. 200.

бивали гвоздями. — Большая часть дворянства носила уже тогда башмаки и шелковые чулки или вязаные шерстяные; поселяне и рабочие обворачивали ноги войлоком или толстым сукном; бороды отращивали длинные, а волосы на голове имели короткие. Должно отдать справедливость, говорит Мъеж, что русские, не говоря о прекрасной их наружности и хорошем сложении, гораздо еще важнее в своих длинных одеждах, высоких колпаках, со своими короткими волосами и длинными бородами, нежели большая часть европейцев в их одеяниях. — Платье простого народа в отношении покроя было тоже, что у знатных, отличавшихся от них бархатами, атласами и парчою; горожане носили суконное: темно-красное, темно-зеленое и фиолетово-красное, а бедные — из толстого сукна, делаемого ими самими. На зиму подбивали платье, смотря по состоянию и важности, дорогими мехами: собольими, лисьими, горностаевыми, беличьими, заячьими и пр.; простолюдины носили овечьи полуушубки. Женский наряд отличался от мужского шириной и длинными рукавами. Рукава их рубашек были довольно узкие, но от трех до четырех аршин длины, почему собирали в складки, которые покрывали сгибы самих пальцев. Полусапоги носили такие же, какие мужчины. Волосы заплетали девушки в две плетенки, которые ниспадали по спине; женщины подбирали их под чепец. «Надобно заметить, — продолжает Мъеж, — что женщины вообще имеют правильные черты лица и прекрасно сложены, но так преданы белилам, что едва можно их уверить, что они без румян хороши»*.

Страсть белиться и румяниться продолжалась до наших времен. И теперь многие купеческие жены и мещанки не покидают этой дурной привычки. В этом, однако, нельзя обвинять их одних. Очень многие из другого сословия прибегают к постыдному средству краситься и румяниться, думая привлечь воздыхателей поддельной красотой или обмануть глаза других, натираясь румянами**.

* Miege «La relat. de trois embass. de com. Carlisle», c. 329 — 334, ed. Amsterd., 1672 г.

** Дикари, стараясь казаться красавцами, намазывали тело красками, выводя по нему узоры. При открытии Америки испанцы видели не только женщин, но мужчин, проводивших целый день за уборным украшением, состоявшим в натирании маслом и краскою — это составляло их одежду. Они не прежде могли выйти к ним, пока не покроют себя мастикою, извиняясь перед ними, что они еще голые (не одетые): «by sayng that they cannot appear, because they are naked» <говоря, что не могут появиться, потому что обнажены>. — Roberts «Hist. of America», кн. 4, с. 120 и с. 348, прим. 78, изд. 1828 г.

Следующая простонародная песня явно показывает, что для того только белятся и сурьмятся, чтобы нравиться:

Ах! На что ж было,
Да к чему ж было,
По горам ходить,
По крутым бродить!
Ах! На что ж было,
Да к чему ж было,
Мне, младёшеньке,
Соловья ловить!
У соловушки,
У младеньского,
Бедной пташечки,
Одна песенка.
У меня, младой,
У меня, младой,
Один дряхлый муж,
Один дряхлый черт.
Да и тот со мной,
Да и тот с младой
Не в ладу живет
И не любится.
Не белись мое,
Не белись мое,
Лицо белое,
Лицо полное!
Не румяньтесь,
Не румяньтесь,
Щеки алые,
Щеки алые!
Не сурьмитеся,
Не сурьмитеся,
Брови черные,
Брови черные!
Не носись мое,
Не носись мое,
Платье цветное,
Платье цветное!

Мне на что ж было,
Мне к чему ж было
По горам ходить,
По крутым бродить!
Мне на что ж было,
Мне к чему ж было,
Соловья манить,
Соловья ловить!
У соловушки
У младенькова,
Одна песенка,
Одна песенка.
У меня, младой,
У меня, младой,
Один милый друг,
Мил сердешинский.
Да и он со мной,
Да и он со мной,
По любви живет,
Верно любится.
Ты белись мое,
Ты белись мое,
Лицо белое,
Лицо полное!
Вы румяньтесь,
Вы румяньтесь,
Щеки алые,
Щеки алые!
Вы сурьмитеся,
Вы сурьмитеся,
Брови черные,
Соболиные!
Ты носись мое,
Ты носись мое,
Платье цветное
И нарядное!

ПОСТЕПЕННОЕ ВВЕДЕНИЕ ИНОСТРАННОГО

Иоанн III, дозволив полезным иностранцам селиться в Москве, покровительствовал им и не препятствовал введению иноземных обычаяев. Внук его Иоанн Грозный имел намерение ввести немецкие обычай и законы*. Борис Годунов не воспрещал перениматъ немецкие обычай, замышляя

* Львов «Подробная летопись»; Кар. «И. Г. Р.», т. IX, прим. 34.

совершить преобразование; но преждевременная смерть прекратила его предначертания. Первый самозванец презирал уже наши обычаи и вводил польско-немецкие. Цари Михаил и Алексей постепенно вводили науки, не воспрещали иноzemцам жить по своему обычанию, а русским заимствовать от них не одно просвещение, но образ жизни и одежды. Напрасно думают, что Петр В. первый начал вводить иностранное и что он первый ввел науки: до него уже были посеяны начатки, ему оставалось докончить важное дело преобразования.

При царе Феодоре Алексеевиче уже запрещалось носить драгоценные платья, шитые на татарский покрой, а повелевалось ходить в польском или древнем русском. Боярин Никита Иванович Романов давно носил польские и французские одежды, но только у себя в деревне*.

ВВЕДЕНИЕ ИНОСТРАННОЙ ОДЕЖДЫ И ЗАПРЕЩЕНИЕ НОСИТЬ РУССКУЮ

В конце XVII века повелевалось всем (1699 г.), исключая землемельцев и духовенство, носить венгерское платье; потом предписано было (в нач. XVIII ст.), чтобы мужской и женский пол носили определенное для них платье. Мужчинам определялось: верхнее саксонское, камзолы и споднее платье; сапоги и башмаки немецкие. — Тогда появились у нас польские шубы без отложного воротника, петлиц и пуговиц; они шились с просторными рукавами и меховой опушкой; вверху застегивались запонкою. — Такие точно и поныне носят. Предоставлялось на выбор носить зимою кафтаны саксонские или французские, но летом одно французское. Всем женщинам без исключения предписывалось носить: кунтуши, юбки, немецкие башмаки и немецкие шапки (шляпки). Черкесские кафтаны, русское платье и вообще все русское, как-то: тулупы, штаны, сапоги, башмаки строго запрещалось носить; даже не ездить на русских седлах, не делать и не торговать ими. На ослушников полагалось денежное взыскание: с пешеходцев по 30 алт. и 2 деньги, с конного 2 р. Портных, башмачников и седельщиков велено подвергать жестокому наказанию за изготовление старинных одежд и вещей**.

* Olear. «Voyage en Moscovie», c. 201.; Korb. «Diar. itiner. in Moscov.», c. 191, ed Vien., in f.

** Грамота о ношении немецкого платья, 1705 г. марта 8 и апреля 28, пом. в собран. записок Туманского «О жизни Петра I», ч. 2, с. 251 — 252.

С основания нашего государства до конца XVII века все носили единообразное платье: и мирные граждане, и воины.

С учреждением регулярной армии Петром I в начале XVIII века одежда гражданская совершенно отделилась от военной, и с этих пор старинная наша одежда не только стала изменяться; но терять прежнюю свою важность и величавость, блеск и роскошь, хотя она находила еще приверженцев старины, однако уже была оставлена при дворе, потом дворянами и, наконец, даже стала пренебрегаема. Иноземные обычаи и одежды совсем вытеснили ее из круга русского.

ГРАЖДАНСКАЯ, ВОЕННАЯ И ПРОСТОНАРОДНАЯ ОДЕЖДА

Одежду нашу безошибочно разделить можно: 1) на гражданскую, называемую в простонародии штатскою, 2) военную и 3) простонародную. Первая не имеет и тени русской: в ней смесь иностранных мод. Вторая употребляется в полках, военно-учебных заведениях, между свитскими, инженерами, при разных военных учреждениях, между служащими по военным ведомствам и теми, коим присвоена военная форма. Третья сохранилась в простом народе, и хотя она понесла ощутимые изменения, однако все еще сохраняет наружность русской одежды. Нельзя не заметить, что очень многие между купеческим и мещанским сословием, даже между зажиточными простолюдинами, бросают уже свое народное платье. — Что будет через сто лет?

ВВЕДЕНИЕ НОВЫХ НАРЯДОВ И БЛАГОВОНИЙ

С постепенным распространением иностранной одежды мужчины стали носить галстуки и манжеты, а женщины кофты, корсеты, шнуровки, локоны, гребенки, башмаки с пряжками, перчатки, кружева, платья длинные и широкие на фижмах, робонах и со шлейфами*. На белые лица наклеивали черные атласные мушки, затягивались крепко в корсеты, надевали еще предлинные платья: фуро и полонезы, которые шились с косыми полами. Женские наряды приготавливались из крепкого гродентура, тафты, штофа, блестящего атласа и пушистого бархата. Голову убирали огромными со

* Галстуки появились первоначально в Германии, и первые ввели их кроаты в 1636 г., почему таковые платки называют французы доселе *cravates*. «*Dict. des origines*», Par. 1777 г.

шпильками шиньонами и булавками разной величины и вида. Булавки были топазовые, яхонтовые, жемчужные и бриллиантовые: в виде звездочек, роз, незабудочек, мух и т. п. Пальцы унизывались кольцами и перстнями; без перчаток и веера ни одна дама не смела появиться в гостиную; лица румянили почти все без исключения. Входя в комнату и держа в правой руке надушенный платок, делали реверансы и кникс^{<ен>}ы очень почтительно — присев всем толовищем на колена, а мужчины, шаркая и размахивая платком со всевозможной осторожностью, раскланивались и потом подходили целовать ручку. На рождественские Святки и в Пасху позволялось им целовать дам в губы. — Женские башмаки шились с высокими каблуками и на рипах. — Мужчины щеголяли во французских кафтанах с медными, стальными и стразовыми пуговицами; жилеты носили глазетовые и шелковые, с кружевными манжетами; нарукавные манжеты были так длинны, что они закрывали пальцы; голову покрывали треугольной шляпой, башмаки были тугоносые с серебряными большими пряжками; а сапоги по икры, лощенные ваксою, с шелковыми кисточками и рипами; в руках носили бамбуковые трости с костяными или металлическими набалдашниками. Такой наряд употреблялся с небольшими изменениями до конца XVIII в., но в царствование императрицы Елизаветы появились букли и тупеи с длинными косами, вкладываемыми в кошелек с большим бантом; голову осыпали душистой и самой лучшей пудрою. Во время Суворова наше войско носило косы и букли, и поэтому он сказал однажды: «букля не пуля, коса не тесак». — Екатерина II по открытии наместничеств назначила для гражданских чиновников и дворянства губернские мундиры.

При императрице Анне стали пудриться и делать прическу волос, примазывая розовым маслом, или помадились и напрыскивались духами — все это получали из Германии и Франции*. Благовонное мыло, зубные порошки и изысканные румяна, не выходившие тогда из употребления, были

* Розовое масло, вероятно, получали из Румелии, в косй делалось самое лучшее, известное под именем казанликского. Казанлик город в Румелии, древней Фракии, у подошвы горы Гемус (Балканы); он расположен на живописном месте: обнесен розовыми садами, составляющими главный промысел жителей, и тут выделялось розовое масло, единственное во всем свете. — Априлов «Деница новоболгарского образования», прим. 50, с. 113. — Богини любили благовонное масло и духи: богиня Гера «умастилась маслом чистейшим, сладким, небесным изящнейшим всех у нее благовоний». — Гнед. «Илиада Гомер.», песнь XIV, ст. 171 — 172.

распространяемы ввозами иностранных торговцев. — Парики, круглые шляпы и фуражки заменили старинные колпаки и меховые шапки. Широкие и длинные шинели, долгополые сюртуки, жилеты длинные со светлыми пуговицами, манишки с манжетами, трости толстые камышовые с дорогими набалдашниками, часы карманные, коих носили по двое, с длинными золотыми цепочками и печатями из дорогих каменьев, составляли щегольской убор мужчин; но время все это так изменило впоследствии, что ныне только вспоминают и хвалят старину.

Мы теперь по одежде совершенно ничем не отличаемся от иностранцев, и нигде нет такой роскоши на платья, как у нас. Для уборов и нарядов ничего не жалеют; охотнее согласятся голодать, чем отказать прихотям моды, особенно женский пол, который решительно поглощает состояние своих мужей*.

Изменение платья не простидалось на духовенство и простой народ. Первое носило и теперь носит греческую одежду: длинные рясы с широкими рукавами, посох в руке и черную круглую шляпу с широкими полями. — Народ остался верным стариным армякам, кафтанам, только заменил колпаки круглыми низенькими шляпами с короткими полями и круглыми шапками, подбиваемыми теплою подкладкой. Оба эти сословия удержали свои бороды. Доселе купцы, хотя многие уже из них стригут бороды и носят иностранные платья, величаются окладистой бородою и усами**.

* Бессмертные красавицы — богини не поглощали столько состояния своих мужей — богов, как наши смертные красавицы — богини. Вот описание наряда Геры, державной богини, супруги верховного бога:

«...Умастивши прекрасное тело, власы расчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательных кудрей,
Пышных, небеснодущистых с бессмертной главы ниспустила.
Тою душистой оделася ризой, какую Афина,
Ей соткав, изукрасила множеством дивных узоров.
Ризу златыми застежками выше грудей застегнула.
Стан опоясала поясом, тьмою бахром окруженным.
В уши прекрасные серьги, с тройными подвесями, вдела.
Легким покровом главу осенила державная Гера,
Пышным, новым, который как солнце сиял белизною». —
Гнед. «Илиада Гомер.», песнь XIV, ст. 175 — 185, изд. 1839 г.

** О приверженности к стариным обычаям см. Бергия «De stato eccles. et relig. Moscov.», в статье: «De Russor. relig. et ritib.», 1710 г., ed. Lubeck.; Fabri «Relig. Moscov.», edit. Tubing., 1523 г.; Philips «The Rissian Catechism, compos'd and publis'd by order of the Czar.», Lond. 1725 г.; Whitw., ed. 1710 г.

СТРИЖЕНИЕ БОРОД И УСОВ

При введении иноземных обычаяев многие стали брить бороды. Еще во время владычества татар некоторые брили из подражания им, и это продолжалось почти до Иоанна III. Однако никому не воспрещалось носить их. Псковитяне, по свидетельству Герберштейна, стригли волосы и тем отличались от прочих русских. — В. к. Василий, желая казаться молодым для своей супруги Елены, обстриг свою бороду и во время одного обеда, данного им для цесарских послов, он, подозвав к себе барона Герберштейна, спросил у него, бреет ли он бороду? — «Брею», — отвечал посол. — «Это по-нашему», — сказал великий князь, улыбнувшись с самодовольствием*. — Столгавом воспрещалось брить бороды, подстригать усы и носить иноземные одежды. Царь Борис Годунов, вводя чужеземные одежды, приказал, между прочим, брить бороды. Поборники старины упрекали его в порче нравственности, ставили ему в вину сами смуты; однако благоразумные люди стриглись и моложавились**. Преждевременная кончина его была причиной, что намерение его не исполнилось, чтобы истребить некоторые старинные странные обычаи. Петр I почел за нужное изменить застарелые понятия о платьях и бороде: он начал с себя. Его пример долженствовал бы произвести перемену между знатными и всеми гражданами, однако почти все упорствовали. Это побудило его указать (1699 г.) о повсеместном стрижении бород, исключая духовенство. Упорство снова оказалось между многими столь сильное, что государь оставил принуждение, потому что оно произвело разные расколы, а недовольные его нововведениями волновали умы; но по прошествии шести лет он повелел новым указом (1705 г. июл. 25) брить бороды и усы; не желающих же брить обложил пошлиною. С царедворцев, дворцовых, городских жителей, служащих и приказных велено взыскивать ежегодно по 60 р.; с гостей и гостиною сотни первой статьи по 100 р.; средней и меньшей статьи, торговых и посадских, по 60 р.; с посадских, боярских людей, ямщиков, извозчиков, кроме духовенства, по 30 р. и всем им выдавать из приказа медные знаки вместо квитанций, которые должны были носить на себе. С крестьян же велено взимать пошлины по две деньги всякий раз, как только они отправятся в город и за город

* Herber. «Rer. Moscov. com.», c. 89 — 101.

** Келарь Аврам. Палицын «Истор. Троицк. лавр.», с. 17, Кар. «И. Г. Р.», т. XI, с. 110.

по своим делам, и без этих знаков не пропускать их*. Собирание пошлины с бород и усов отмечалось на медном кружке величиною с обыкновенную медную копейку и с надписью: *деньги взяты*; под этими словами висел нос с губами, длинными усами и бородой; на другой стороне изображалась кружка и государственный герб с означением под ним года.

Должно заметить, что усы составляли отличительную черту жителей Малороссии и всех казаков. Малороссияне и казаки малороссийские не носили бород, но зато величались длинными усами. Донские и волжские казаки до того величались ими, что отращивать самые большие усы мог один только их атаман, и в песнях он прославлялся «усищем».

Собирались усы на царев кабак,
А садились молодцы во единый круг.
Большой усище и всем атаман,
Сам говорит, сам усом щевелит:
А, братцы усы, удалые молодцы!
А и лето проходит, зима настает,
А и надо чем усам голову кормить,
На полатях спать и нам сытым быть.
Ах! Нутеж-ко, усы, за свои промыслы!

Впоследствии, кто носил большие усы, тот в общем мнении был храбрый человек. Ежели о ком говорили: «Вот усатый», то это значило: «Вот храбрец!» В старинные годы борода у испанцев занимала почетное место, как в прежние годы у наших предков: длинная, окладистая и чернолоснящаяся борода, и на нее смотрели с особым уважением. Если говорили: он с длинной бородою, то под этим разумели — он умный человек. — Испанцы говорили: «*Es hombre de barba*» — вот бородатый муж, это значило: «Вот умный!»**

В половине XVIII века усы обозначали мужество и удальство военных, а ныне щегольство.

Носили ли в самой глубокой древности бороды и усы? — Все народы не только носили, но отпускали еще предлинные бороды и усы. Языческие боги были изображаемы с бородами и усами; философы, мудрецы, государи и весь народ, просвещенный и непросвещенный, носили бороды и усы. Александр Македонский повелел всем своим воинам перед Арбельским сражением (332 г. до Р. Х.) остричь бороды,

* Указ 1705 г. июля 25, пом. в собр. записок Туманского о жизни Петра В., ч. II, с. 282 — 286. Там же указ 1705 г. июня 12 — о флагах на торговых судах.

** «*Diction. des origines.*» Par., 1777 г., см. под слов. *barbe*.

чтобы во время сражения не хватали друг друга за бороды. — Персидские цари переплетали бороду золотыми нитками; французские короли, перевязав ее золотом, застегивали. Испанцы долго смотрели на бороду с почтением, приписывая ей особое достоинство мужества и ума, и выражались об умном человеке: «*Вот бородатый муж*». — Усы же у них означали символ *свободы и братства*. Происхождение этому значению следующее: когда мавры завоевали Испанию в половине VII века, тогда христиане так сходствовали с ними по однообразному ношению платья и волос, что трудно было отличить магометан от католиков. Надобно было придумать какой-нибудь знак, по коему христиане могли бы узнавать и немедленно подавать друг другу помочь, потому начали отпускать под носом горизонтальную линию волос, а под нижней губой перпендикулярный клочок волос. — По этому самому усы сделались символом свободы и братства, и этот знак вскоре усвоили другие народы в том же значении, но ныне, как мы уже сказали, они выражают отличительный знак военнослужащих.

Все азиатские народы чрезмерно любят бороды и усы, и должно сказать, что древний бородато-усатый мир уже не противен новому европейскому.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКОЙ ВЫДЕЛКИ С САМЫХ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН

Предметы, охранявшие здоровье от влияния непогод, были нам известны еще в отдаленные времена. Составлявшие же собственно утонченную и роскошную работу, мы приобретали по торговле, вывозя их сначала из восточной империи, потом из Западной Европы. Холст, толстое сукно и пестрядь вырабатывали мы сами. — В первой половине XV века уже были устроены в Москве суконные фабрики. В 1364 г. заведены в Пскове соловарни; вскоре явилась в продаже селитра, но где в первый раз она выделявалась — неизвестно. Железные, стальные и медные вещи, из коих иные служили для домашнего употребления, ножи, топоры, висячие замки, мечи, секиры, дротики, копья и ружья давно выделявались у нас; улучшением же обязаны распространению художеств, что не прежде начала XVIII века.

В конце XIV столетия нам были известны пушки, ибо в 1420 г. уже лили их в Москве. — Пушки привезены к нам немцами еще в 1389 г. — В. к. литовский Витовт, подступив под Порхов (1428 г.), встретил здесь *стрельницу русскую* (пушку), и сам Витовт шел сюда с пушками, *тюфяками* и

пищалями. Одна пушка его, по имени «галка», была везена в день трёх сменами: с утра до обеда на 40 лошадях, с обеда до полудня на других 40 лошадях, а с полудня до вечера на третьих 40 лошадях. Галка во время осады была направлена на церковь Св. Николая, которая за одним выстрелом оторвала переднюю и заднюю стену в алтаре*. Тульский оружейный завод уже славился в половине XVII века. — Аравитяне изобрели карабин, итальянцы пистолет, французы ружье в XV веке, русские самопал, род пищали (старинное ружье, которое зажигалось фитилем), а голландцы духовое ружье в начале XVII века. — Копья, дротики, лук и меч принадлежат восточным народам; в Европе их улучшили, и ввели еще в употребление шпаги.

Греки и римляне запрещали ходить в мирное время при шпагах и с оружием, ибо они думали, что таковые люди могут нарушить спокойствие. Многие европейские государи тоже запрещали, и они никому не дозволяли входить в церковь с мечом, считая противным святости**.

Обработка рукояток для кинжалов и украшение их серебряной чернью не уступали в превосходстве восточным народам, и иностранцы всегда смотрели на эти изделия с изумлением. В XVI в. добивались англичане в Вологде открыть эту тайну. Иоанн III и Борис Годунов, заботившиеся особенно об улучшении многих полезных изделий, приглашали искусственных иностранцев. Некоторые из них тогда же завели в Москве, Вологде и Устюге полотняные и шелковые фабрики и обучали русских, которые довольно хорошо выделявали сукно, порох и металлические вещи***. Посредством менового сбыта и продажи своих туземных произведений, как-то: икры, рыбы соленой и копченой всех родов, балыков****, рыбьего клея, ворвани, смолы, дегтя, поташа, сала, мыла, циновок, сырых и выделанных кож, войлоков,

* «Царств. лет», ч. I, с. 162.

** «Diction. des origines.», Par., 1777 г. — см. статьи под слов. меч и шпага.

*** Reutensels «Reb. Moscovit»; он был в Москве в XVII веке.

**** Хотя рыбные произведения доставлялись из северных мест России, превозносимой тогда богатством рыб лучших пород, однако южные части ее, находившиеся во владении кочующих и крымских орд, еще более изобиловали рыбной промышленностью. За двадцать три с половиной века до нашего времени устья Днепра, Дона и Буга славились рыбными промыслами, и греки вывозили отсюда осетры (accipenser sturio), стерляди (accipenser cyclostomes) и сельди, называвшиеся у них маландрион: они употреблялись соленые, с уксусом, маслом и луком. Сельди были в такой славе в Риме, что Катон горько жаловался на расточительность соотечественников, плативших за глиняную кадочку сельдей 300 драхм (270 р.). — Эти кадочки назывались у греков *амфорами*, и их поныне находят в Ольвийском городище. — Ольвийские осетры так ценились в Греции и

особенно выгодного сбыта богатых и дорогих мехов мы получали тонкие изделия сукон, парчи, бархата и атласа.

Выделка кож была у нас известна еще в первые века политического бытия нашего отечества, и кожевники назывались тогда *усмарьми*.

Бумагу и стекло ввозили иноземные купцы. Бумага появилась у нас при в. к. Симеоне около половины XVI века. — До этого времени у нас писали на пергамене, но доселе не доказано: в Италии ли, или в Германии изобретена бумага?

Риме, что их подавали к столу увенчанные цветами невольники на украшенных цветами блюдах и при звуке флейт. — Древние гастрономы употребляли свежую и просоленную рыбу, доставляемую преимущественно из устьев Дона, Ейского и Агуевского лиманов, находящихся на землях черноморского войска. — Никифор Григорас, византийский летописец половины XIV века, говорит, что в Константинополе не только в древности, но и в его время вывозили из устьев Азова целые грузы хлеба и соленой рыбы, и что медленное их доставление производило иногда голод в столице. — На Таврическом полуострове Пантикопея (Керчь), столица и главный порт Босфорского царства, славилась рыболовными промыслами, особенно балыками. Знаменитые греческие поэты: Гесиод, Антифен и Аристарх, говоря, что Пантикопея была славна своими осетрами, описывали, что их ловили зимою в прорубях, сделанных на льду. Афиняне и римляне не верили им и считали это за сказку, потому что не имели понятия ни о зиме, ни о льдах. Демосфен в одной из своих красноречивых филиппик описывает с восторгом о нагруженной на корабле соленой рыбе в Пантикопее. Греческая Феодосия, на развалинах коеи генуэзцы основали в XIII в. знаменитую Кафу, была известна торговлею рыбы. Тилигульский лиман (Одесского уезда), одно из больших здешних озер, был известен грекам и римлянам своей рыбной торговлею. — Рыба, ловимая древними промышленниками для соления и приобретения икры, вязиг и балыков, была почти тех же ролов, как и ныне, а именно: осетр, стерлядь, кефаль (*mugil cephalus*), составлявшая особую роскошь у римских гастрономов, скумбрия (*scumbrus*), бычок (*gobius*), сельди, анчоусы и сардели. — Переходя от столы глубокой древности к позднейшим временам, мы находим частые упоминания о наших рыболовных промыслах у многих писателей с XIII — XVI в. При владычестве генуэзцев на берегах Черного и Азовского морей в XIV веке они продавали рыбу не только по всей Тавриде и нынешнему Новороссийскому краю, но в Польше и Литве, и в эти страны доставляли через Киев. — По занятии русскими нынешних мест Новороссийского края и Таврического полуострова занялись рыбным промыслом степные жители, донские казаки и переселенцы малороссияне, а потом нахлынули сюда толпы разных торговцев. — А. А. Скальковский «Древнее и нынешнее рыболовство в Новороссийском крае», помещ. в журн. мин. ви. дел., 1846 г., № 9, с. 412 — 426. *Ταχίδος ou recherche sur l'histoire et les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale, par Koehler*, помещ. в «*Mémoir. de l'academ. imper. des sciences de St. Petersbourg*», 1832 г., vol. IV — V. <ιαχίδος или ици в истории и древних сведениях о рыбных промыслах южной Руси Кёлера, помещ. в «Записках Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге», 1832 г., тома IV — V>. Из древних писателей см. Геродота, кн. IV, гл. III, Страбона, кн. I, гл. IV, Полибия «*Histor.*» reip. LXXXI, с. 24, Никифора Григораса «*Hist. Byzant.*», кн. IX, гл. V, Ариана «*Перипл Понта Эвксинского*», пер. Фабрия.

Известно только, что она появилась не ранее XIII века*. В начале XVIII столетия была заведена в Москве игольная фабрика (в 1718 г.). Около половины XVII века итальянец Миньет первый завел в селе Измайлово близ Москвы стеклянный на казенном иждивении завод, на коем приготавлялись весьма чистые стекла. Несколько лет спустя был устроен Юлием Кожетом другой стеклянный завод в Духанине, в 40 вер. от Москвы, на собственном его иждивении. Материалы для стекла он получал из Германии, пока не открыл их в России. С его фабрики доставлялось в Москву ежегодно стеклянной посуды и бутылок от 80 до 90 000 штук**.

Кристальная посуда в прежние времена была столь редкая, что завещивали ее после смерти. В. к. Василий отказал сыну своему Василию (1455 г.) кристальный кубок, который ему подарил польский король. Английский посол представил от своего короля Иакова в 1604 г. царю Борису Годунову кристальный сосуд, обделанный золотом***. Фаянсовая посуда получалась еще в XVII в. от китайцев, но первая частная фаянсовая фабрика заведена в Москве <в> 1724 г.; потом первая казенная в 1756 г., в восьми верстах от Петербурга****; другая в 1765 г. близ гор. Дмитрова (Московской губ.) английским купцом Гарнером*****.

Украшение внутренности покоев зеркалами долго не было известно нашим предкам; но нет сомнения, что женский пол давно употреблял их. Если не ставили их в покоях, то этому было причиной суеверное мнение, будто бы зеркала изобретены дьяволом и что зеркала представляют образ человека двуличным*****. Суеверы не знали, что двуличных всегда много и без зеркал.

* «Essai sur l'origine de la gravure», т. I, с. 332; «Wehr vom Papier», т. I, с. 173 — 320.

** Шторх «Gemälde des Russisch. Reichs», ч. III, с. 290.

*** Нов. «Древ. рос. вивл.», ч. I, с. 15; кн. Щербатов «Рос. ист.», ч. VII, с. 183, 194. Посол, приезжавший к Борису Годунову, был англичанин Шмид.

**** Ныне эта фабрика за шлиссельбургской заставой, где доселе делают стеклянные и кристальные произведения отлично превосходной и высокой работы.

***** Шторх «Gemälde des Russisch. Reichs», ч. IV, с. 344.

***** На востоке первоначально употребляли металлические зеркала из меди, стали и серебра. Пред ними убирались и наряжались. В храме, построенном Вездесущему Соломоном, стены были украшены стальными зеркалами. Богатые римлянки употребляли серебряные зеркала, которые были не что иное, как плоские выполированные доски, вставленные в рамы. — Изобретение стекла приписывают финикиянам, но делание зеркальных стекол принадлежит венецианцам.

Предубеждение к зеркалам начало искореняться мало-помалу заведением зеркальной фабрики, которую первый учредил кн. Меншиков около Петербурга в 1716 г.

Говорят, что в древности стояло на Александрийской башне зеркало, которое отражало свет по плоскости морской на 500 миль, и плывущие корабли из Греции и западных частей света были предостерегаемы от подводных камней зеркальным освещением*. После смерти Александра Македонского неприятели его разбили.

Разработка металлов началась у нас в конце XV века, когда Иоанн III послал двух иностранцев на реку Печору для отыскания серебряных руд; они открыли в 1491 г.** Золото, серебро и драгоценные каменья мы получали до открытия руд через торговлю***. К нам доставляли из Европы серебро в слитках, сученое золото, ножи, иглы; из Азиишелковые ткани, парчи, ковры, жемчуг и драгоценные камни. Взамен шли от нас лучшие печорские меха: за соболь нам платили от 20 — 30 золотых флоринов, за черную лисицу 15 зол. флор., за горностай от 3 — 4 зол. фл., а за белку 2 деньги****.

В половине XVI века заключено было условие с англичанами (1569 г.) о дозволении им отыскивать и плавить железные руды, но с тем, чтобы они обучали русских добывать этот металл и при вывозе его из России платили бы по одной деньге с фунта. — До открытия у нас благородных металлов мастера золотых и серебряных дел занима-

* Voyage de Benjamin, путешествовавший в 1193 году, помещ. в собр. Бержер., ed. 1735, in 4, c. 61.

Шеделий, летописец половины XV века, говорит, что Новгород наполнен серебром, что немецкие купцы преимущественно ведут с ним торг и что вечевой колокол управляет им. «Alda ist die Gross statt Nogarte, dahin die Deutsche Kawfleut mit grosser arbairsaysen. Alda ist grosse habe, vil silbers und Köstliche rauhe war kawflende und verkauffende, daß silber gewegen und nit gepregt geprachende. Alda mitten auff den margk ist ein vieregketer stain, welche auff denselben steygen mag und nit herab geworffen wirdt der erlangt die herschung der statt <Альда — большой город нового типа, туда тевтонский торговый люд в большом числе ездил по делам. Альда большая, в ней много серебра, и ценности навалом покупались и продавались, так что серебро употреблялось на вес и нечеканенное. Альда среди торговых рынков есть краеугольный камень, который может подняться над ему подобными и не быть низвергнутым, который завоевывает господство городу>. Gartman Schedelii «Alter Welt oder Chronick anno 1493», ed. Nürnberg, in f. в статье «Von Russen Land», л. CCLXXIX.

** Paul. Jov. «De leg. Moscov.».

*** Herber. «Rer. Moscov. com.», c. 42 — 59; Korb. «Diar. itiner. in Moscov.», ed Vien., in f., c. 191.

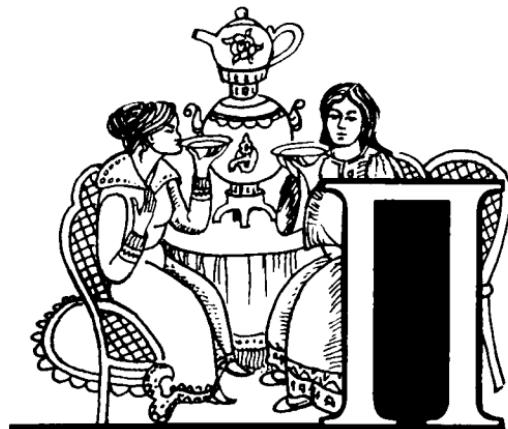
лись не только деланием посуды столовой, но женских украшений: ожерелий, серег, колец и пр.

При всем сильном изменении старинных одежд и нарядов поселяне и жители небольших городов доселе приготовляют сами для себя одежду и деревянную посуду, которая окрашивается желтою и красною краскою или испещряется по произволу. Для изготовления кушанья употребляют глиняные сосуды.

ЕДИНООБРАЗИЕ В ЖИЗНИ, ПЛАТЬЕ И ОДЕЖДЕ МЕЖДУ ПРОСТОЛЮДИНАМИ

Покрой платья простолюдинов едва ли не тот самый, что был за несколько столетий, исключая древние названия, которые почти все исчезли. Употребительный всеобщий наряд: белая рубашка поверх сподного платья и кафтан синий, шапка круглая низенькая с маленькими полями, пряжкой и пером. — Зажиточные носят красные рубашки с цветным бумажным платком на шее; широкое споднее платье из черного плиса или бархата: оно подбирается в сапоги, которые бывают лоснящиеся или хорошо смазанные; кафтан из хорошего сукна, более синего; шапка пуховая и с блестящей пряжкою. Развевающееся павлинье перо или любимый цветок по какому-нибудь воспоминанию украшают шапку. — Образ жизни несравненно улучшился: здоровая пища, красивая и даже щегольская одежда, просторная и опрятная изба составляют ныне потребность каждого хорошего хозяина поселянина.

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ПОХВАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА СЛАВЯН

лемя славян издревле отличалось почитанием старших себя. Глава семейства был отец и его начальник; все прочие: жена, дети, родственники и слуги повиновались ему беспрекословно. Славяне, добрые сердцем, мужественные и гостеприимные, были восхваляемы самими врагами, всегда находившими у них приют. — Отказать гостю-неприятелю защиту в своем доме или в хлебе-соли было осуждаемо самими соотечественниками. Обиженный в их земле иноземец или заблудившийся путник был отомщаем соседями. — Русские славяне были кроткие и тихие, их стыдливость украшала брачную жизнь, спокойствие и целомудрие господствовали в домах семейных. Мужья ценили супружескую верность, жены повиновались им раболепно. Мать, воспитывая детей, вселяла в них любовь к отечеству, и часто народная любовь превращалась в неумолимую месть к врагам*. Дети, следуя древнему обычаю уважать старших, славились особым почтением к родителям и заботились об успокоении их на старости лет**.

* Unton «Bersuch.», c. 54.

** Helmold «Chron. Slavor.», c. 202.

Наши предки были трезвые и умеренные, довольствуясь тем, что производила природа; наслаждались долговечностью, были крепкие и веселые, любили пляски, музыку, хороводы и песни; не знали никаких заразительных болезней, переносили холод и зной в равной степени; легкие одежды простого сословия, будучи единообразными, в чем поныне служит живым примером наш народ, носились без украшений: они искали прочности и теплоты в одеждах. Неутомимые в трудах и привязанные к земледельчеству, они были вознаграждаемы собиранием обильной жатвы, молока и шкур, которые в домашней жизни служили покровом от непогод. — Доброта сердца, обнаруживавшаяся повсеместным гостеприимством, была отличительной чертою наших предков, и самое отдаленное потомство не изменило их умилиительных чувств хлебосольства.

ХЛЕБОСОЛЬСТВО

Доныне между поселянами, живущими в отдалении от столиц и больших городов, существует обычай, чтобы проезжего или прохожего пригласить к себе в дом, накормить и успокоить его по возможности. Хозяин и хозяйка встречают и провожают такого гостя с радостным лицом, поклонами и приветствием; подают на стол, что имеют, и не берут никакой с него платы, думая, что брать с прохожего деньги за хлеб-соль есть великий грех. В Малороссии преимущественно господствует это добродушие. Там считают еще за великую обиду, если приглашенный путник на хлеб-соль откажется посетить дом. Хлеб, говорят малороссияне, есть дар Божий; не принять его значит прогневить Бога. — Почти во всей России еще владычествует гостеприимство, особенно между простым сословием и помещиками, которые ничего не щадят для угощения званых и незваных гостей, и хозяева были бы обиженными, если бы их гости мало пили и ели. Таковых обыкновенно просят неотступно и часто заставляют пить и есть противу сил. Сначала просит хозяин, потом хозяйка. Если пирует у них какой-нибудь почетный гость, то употребляют всевозможные попечения, чтобы потчевать его беспрерывно — и это сплошь ведется между поселянами, мещанами и купцами и, к чести помещиков, еще сохранилась между нами эта прекрасная прадедовская черта. Когда почетный гость уже не в состоянии не только есть, но и пить, тогда хозяин со своей женой и детьми становится перед ним на колени и умоляет его: еще хоть немножко! чего-нибудь! И дотоле все стоят на коленях и кланяются ему в ноги, пока упросят.

НАБОЖНОСТЬ

В древние времена вставали до восхождения солнца, молились тотчас Богу, испрашивая Его святой помощи на все добрые дела, и, не помолясь, никакого не начинали дела. Отправлялись ли в дорогу, строили ли дом, засевали ли поле, ходили прежде в церковь помолиться. В опасных же предприятиях исповедовались и причащались. Выступая в поход или осаждая приступом город, все воины исповедовались и принимали Святые Тайны, и тогда они шли бесстрашно на смерть. Сражаясь за отечество, охотно умирали мучениками, будучи убеждены, что их души примут ангелы и отнесут в царство вечного блаженства. Такое действие веры укрепляло наш народ среди величайших его невзгод. Эти достохвальные свойства благочестия не истребились: они доселе украшают простолюдинов, и поныне наши воины с чистой молитвой отправляются на доблести геройские. Пред выступлением в поход никакой полк не двинется вперед, не отслужив молебна и не будучи окроплен освященою водой.

Садился ли кто за стол или вставал из-за него, осенял свое чело крестным знамением*.

Спать ложились после солнечного захождения, оттого были крепкие и жили по столетию. Здоровая пища, скажут многие, весьма много содействовала их долголетию. Правда, но не более ли правильная жизнь? Могут ли быть те здоровыми, которые превращают ночь в день, а день в ночь? Посмотрите на столичную жизнь, и вы убедитесь. Едва расцветшие девицы уже чахлые и бесцветные, а усыпляемые роскошью дамы отживают в 30 л. свой век: они делаются дряхлыми и безжизненными. Сами мужчины, изнуряемые светскостью, сохнут в 40 л. старики.

Владимир Мономах прекрасно изобразил в своем поучении набожные свойства, которые руководили им всю жизнь, и желал, чтобы все подражали примеру благочестивых мужей. Это доказывает, что в его время было общею принадлежностью отличаться христианским благочестием. Слезы у него текли из глаз, когда он молился Вседержителю за отечество и народ, ему любезный. Мономах был еще редкий сын: он никогда и ни в чем не

* На востоке было во всеобщем обыкновении не сидеть за столом, а возлегать, т. е. находиться в полулежащем состоянии. Когда же истребилось в Европе обыкновение возлегать за столом? — На это нет достоверных сведений. Знатные римляне держались восточного обычая почти до падения своей империи, до 480 года, и этот обычай доселе между азиатами. — Наши предки не следовали восточному образу жизни.

ослушивался своего отца. «Приближаясь ко гробу, — пишет он, — благодарю Всевышнего за умножение дней моих! — Кто будет читать это писание, наблюдайте в нем правила. Когда же сердце ваше не одобрят их, не осуждайте моего намерения, но скажите: старец уже ослабел разумом. О, дети мои! Хвалите Бога и любите человечество. Ни пост, ни уединение, ни монашество не спасут вас, но благодения. — Не забывайте бедных, кормите их и мыслите, что всякое достояние есть Божие. Не скрывайте богатства в недрах земли: это противно христианству. Не призывайте всеу имени Бога; утвердив же клятву целованием, не нарушайте. Не оставляйте больных, не имейте гордости ни в уме, ни в сердце, и думайте: мы тленны, ныне живы, а завтра в гробе. — Бойтесь всякой лжи, пьянства, любострастия; чтите старых людей, как отцов; любите юных, как братьев. В хозяйстве сами прилежно смотрите за всем, да гости не осудят ни дому, ни обеда вашего. Всего более чтите гостя и знаменитого, и простого, и купца, и посла; если не можете одарить его, то удовольствуйте брашном и питием: ибо гости распускают в чужих землях и добрую, и худую славу. Приветствуйте всякого человека, когда идете мимо. Любите жен своих, но не давайте им власти над собою. Все хорошее помните; чего не знаете, тому учитесь. Отец мой, сидя дома, говорил пятью языками: за это хвалят нас чужестранцы. Леность есть мать пороков: берегитесь ее. Вместо суетных мыслей читайте молитву, хотя самую краткую, но лучшую: «Господи, помилуй!» Не засыпайте никогда без земного поклона. Когда чувствуете себя нездоровым — поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на ложе! Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю: так делал мой отец; так делали все добрые мужи. Когда озаряло их солнце, они славили Господа с радостью: «Просветил еси, очи мои — Христе Боже! и дал ми еси свет твой красный». Мелеций, писатель XVI века, говорит, что все спешили во храм прежде помолиться Богу, а потом принимались за работу**. Никто не садился за стол, не совершив молитвы, и никто не вставал из-за обеда, не принеся благодарения Богу. Лжедмитрий не думал следовать нашим древним обычаям и, желая быть во всем ляхом и немцем, он не хотел креститься пред

*Кар. «И. Г. Р.», т. 2, с. 152 — 156.

** Meletii «De Russor. relig. et ritib.», ed. 1581 г.; Philips «The Russian Cathechism».

иконами, не велел благословлять царской трапезы, садился за обед не с молитвою, а с музыкою, за что народ сначала осуждал его, но, не видя в нем исправления, восстал противу него.

Праздники отправляли в старину, как и ныне, с благовейными обрядами, потому что русские всегда отличались при встрече священных дней истинной набожностью, умилительными обычаями, простосердечной, нелицемерной и братской радостью. Во время празднеств все забывали свои вражды и составляли одно общество*.

* Для лучшего объяснения о встрече празднства приводим для образца Рождество Христово. — Накануне Рождества Христова государь выходил утром в столовую избу или золотую палату к царским часам в сопровождении бояр, окольничих, думных, ближних, приказных, стольников и стряпчих. Во время службы благовещенский дьякон кликал многолетие государю и всему царскому семейству. По отходе часов протопоп благовещенский, царский духовник, здравствовал государю (поздравлял). Потом царь принимал поздравление от бояр: первенствующий из них подходил к нему и от лица всех говорил *титило* (речь). — Вечером в тот же день приходили к государю славить: соборные protопопы и попы; певчие дьяки и подьяки царские, патриаршие, митрополичьи и других духовных властей. — Государь принимал всех их в столовой избе или передней палате и жаловал им по ковшу белого и красного меду. Отславив у государя, они ходили славить к царице и патриарху. — Кроме того, государевы певчие дьяки пользовались в течение всего праздника тем преимуществом, что они имели право славить у всех дворовых и служилых людей. Когда некоторые из них не пустили к себе этих певчих (в 1677 г.), тогда велено сказать им от имени государя: что они-то учинили дуростью своею не гораздо, и такого бесстрастия никогда не бывало. За это бесстрашные дьяки в свою очередь лишились по указу царя всяких светлых и даже темных доходов, т. е. поминок и взяток, соединенных со службою в приказе.

В праздник Рождества Христова после заутрени во втором часу дня патриарх в предшествии соборных ключарей, несших крест на мисе и св. воду, и в сопровождении митрополитов, епископов, архимандритов и игуменов приходил к государю в золотую палату: славить Христа и здравствовать государя с праздником. Потом патриарх и власти ходили славить к царице и ко всему царскому семейству. По совершении славления государь торжественно выходил в Успенский собор к обедне. — Всем сановникам, приезжавшим ко двору, указано было (1680 г., дек. 19) являться в золотых ферезях, потому можно вообразить себе, каким блеском сопровождался царский выход.

Праздничный стол у государя был в столовой избе или золотой палате и начинался обыкновенно в последнем часу дня (в сумерки). У стола были по приглашению: патриарх, власти духовные, несколько бояр и окольничих; но чтобы звать к себе *хлеба есть*, то государь посыпал к патриарху окольничего, а к властям и боярам дьяков. Иногда сам государь приглашал их в соборе после обедни.

Приглашение к царскому столу бояр и окольничих основывалось на их родословном старшинстве, а иногда на их родстве с государем. Люди неродословные приглашались ими по особенному к ним благоволению государя, или когда он хотел наградить их за службу: обыкновенно все награды объявлялись тогда после царского стола. — К столу выходил государь всегда в предшествии стряпчего, который нес царский скипетр.

Зная, что проклятие совершается, наши предки верили, что благословение и доброе слово сбываются. Всякий человек, встретившийся со знакомым или проходившим мимо незнакомого, но чем-нибудь отличаемого, приветствовал его снятием своей шапки и наклонением головы. Это делается поныне в отдаленных местах. Как прежде соблюдались, так и ныне соблюдают усмадительные обряды набожности и чистосердечия. Посторонний человек, вошедший в избу или в пышные палаты, обращал впервые свои глаза на икону и молился; потом кланялся и приветствовал: «*Будьте здоровы*» или «*Здравствуйте*». — Когда посторонний входил во время обеда, тогда он, помолясь Богу, говорил: «*Хлеб-соль*», — хозяин отвечал: «*Добро по-жаловать хлеба-соли кушать*»; проходивший мимо работающего говорил: «*Бог в помочь!*» — тот отвечал: «*Спасибо*», выражая этим: спаси тебя Бог за доброе твое желание. При провожании кого-либо в дорогу говорили: «*Счастли-*

Если по какому-либо случаю не готовился стол для патриарха, духовных властей и бояр, то посыпали к патриарху целый обед под надзором ближнего человека или окольничего. — После стола дарили патриарха кубком, камкою и другими предметами. Митрополиту Дионисию было подарено (в 1584 г., дек. 26) Государева жалованья 10 ариш. камки венецианской багровой, цена по 10 алтын арин и того шесть рубл. и кубок индийского ореха (кокоса), окованный серебром, но вместо кубка было выдано ему девять рублей. — Точно так дарили патриархов, из них самые богатые дары получал один Никон. В числе первых подарков всегда был кубок из индийского ореха, окованный серебром. Из рук митрополита и патриарха он переходил снова в царскую казну, из которой выдавали за него неизменные девять рублей. — От стола царского посыпались еще подачи боярам, думным и ближним людям. Если подача не доходила по назначению, то этим наносилось оскорблечение тому лицу, которому было послано. Крайний кн. П. С. Урусов разоспал однажды боярам, окольничим, думным дворянам, думным дьякам и ближним людям по две подачи с кубка, т. е. с винами, и сверх того отдельно боярам *корки* (род пирожного).

В день Рождества Христова (как и в другие большие праздники) цари не садились за стол, не накормив прежде *тюремных сидельцев*. — Так в 1663 г. было кормлено на большом тюремном дворе 964 тюремных сидельца.

Независимо от всех церемоний, происходивших в царских палатах, приносилась дань обычаям того времени в отделении дворца царицы. Окруженная дворовыми боярынями, она принимала в своей золотой палате духовенство, приходившее к ней славить Христа, и *приезжих боярынь*, которые являлись к ней с поздравлениями и по особому приглашению обедали за ее столом. — Каждая приезжая боярыня подносила царице и царевне по тридцати перепечей. Царице Марье Ильиничне и царевнам поднесли 14 приезжих боярынь (в 1663 г.) 426 перепечей. — После обедни царица посыпала патриарху от себя и каждой царевны по 5 перепечей. — Ив. Забелин «Некоторые придворные обряды и обычай царей московских в праздник Рождества Христова», см. «Ведом. С.-Петерб. городск. полиции 1847 года, № 5».

вый путь»; при встрече со знакомым: «Здорово, брат», или «Здравствуй, брат», желая ему, чтобы он был здоров. — Расставаясь друг с другом, говорили: «Прощай» или «Прости, брат», т. е.: в чем я тебя оскорбил или какое я тебе сделал неудовольствие, забудь ныне все и не вспоминай лихом даже заочно; не кляни, не благослови. — Проходя мимо церкви или увидя издали крест, всякий снимал шапку и молился*. Ныне только делают купцы, мещане и простолюдины. Многие при звуке колокола вечернего или во время благовеста делают крестное знамение. Другие, когда зевают, осеняют свой рот крестным знаком не менее трех раз, — над этим простодушным обрядом издеваются некоторые. Когда кто чихнет, тогда считают невежеством, если не пожелаю исполнения желания или не скажут: «На здоровье», «Мое почтение» или: «Встать и поклониться»**. Иные думают, кто чихнет при разговоре, тот подтверждает истину сказанного. Другие замечают еще: чихнуть в воскресенье — значит быть в гостях; в понедельник — будет прибыль в этот день; во вторник — будут ходить за долгами; в среду — будут хвалить; в четверг — рассердит кто-нибудь; в пятницу — получатся письма или будет неожиданная встреча; в субботу — придет весть о покойнике. Есть на свете люди, для коих обычай, освященные временем, кажутся невежеством***.

ОТЗЫВЫ ИНОСТРАНЦЕВ О СВОЙСТВЕ РУССКИХ

Наши свойства казались наблюдателям худыми и добрыми, а обычай любопытными и странными. Контарени пишет, что москвитяне толпятся с утра до обеда на площадях и рынках: глазают и шумят, а день заключают

* Herber. «Rer. Moscov. com.», Marger. «Estat de l'emp. de Russie»; Petrejum «Histor. und Berich. von dem Großfürstenth. Muschik.», с. 618 — 669.

** В Архангельске делают приветствие чихнувшему: «Салфет вашей милости!» Чихнувший благодарит: «Красота вашей честности».

*** Папа Григорий I имел привычку креститься, когда зевал. Тертулиан научает, чтобы мы при всех наших движениях, при входе и выходе из дома и умывании, равномерно когда садимся за стол или встаем из-за него, когда ложимся и просыпаемся, должны креститься. Ориген говорит, что крестное знамение прогоняет чародейство. Импер. Юлиан, беседуя с магиком, который являл ему духов, всегда крестился при их появлении, чтобы не пристала к нему вызываемая нечистая сила. «Diction. des origines.», Par., 1777 г.

в медовых домах*. Герберштейн говорит с удивлением, что он видел работающих в будние дни, что им запрещалось тогда пить, что одни иноземные воины, служившие за деньги, имели право быть невоздержанными в употреблении хмельных напитков, для чего слобода за рекою Москвою, где они жили, называлась *Наливайкою*, от слова наливай. — В. к. Василий, опасаясь худого примера от иностранцев и дурных от них последствий, запрещал русским жить вместе с ними. У всякой рогатки на улице стояли часовые; никто не смел ходить ночью без надобности и фонаря. Тишина царствовала в городе. — Русские не злы, не сварливы, но москвики склонны к обманам. Славили честность новгородцев и псковитян. Пословица «товар лицом продать» оправдывала тогдашние времена**. Произнесенные слова «да будет мнестыдно» — заменяли клятву. Имя Божие не смели призывать напрасно, боясь Его праведного гнева. Клялись пред св. Крестом и Евангелием, но с трепетом, зная, что за нарушение клятвы душа погаснет, как свеча. Не божились по произволу, зная заповедь: не произноси напрасно имени Господа Бога Твоего! — Эти достохвальные свойства изменились от угнетения татарского, почему неудивительно, если иностранцы осуждали наших предков прямодушных, клявшихся и в язычестве: «Да будем золоты, яко золото, и да будем иссечены своим оружием», не дерзая призывать во свидетели даже своего идола Перуна. — Флечер укоряет тогдашние нравы. Москвитяне не верят чужим словам, говорит он, ибо никто не верит их слову. Воровство и грабеж, весьма частые от множества бродяг и нищих, которые, требуя неотступно милостыни, говорят: дай мне, или убей меня! Днем просят, ночью воруют, а вечером нельзя выходить из дома. Несмотря на это, он сознается, что искренняя набожность царствует между русскими***. Петрей говорит, что русские крепкие, сильные и не страдают никакими зловредными болезнями; но москови-

* Contareni «Voyage», c. 53, пом. в собр. Бержер.

** Herber. «Rer. Moscov. com.».

*** Флечер. «Com. Wealth.», пом. в собр. Гакл., с. 116; Mach «Relat. of three embas. of Carlisle», с. 43; Korb «Diar itin. in Moscov.», ed. Vien, in f., с. 189; Schleissing «Regements Stab», с. 13; Petrejum «Histor. und Bericht von dem Großfürstenthumb. Muschkow», с. 617 — 620. Флеминг написал стихами слово похвальное, которое во многих местах довольно грязное для имени русского. Его сочинение напечатано под заглавием: «Pontische Wälder», в путешествии Олеария: «Offt begehr Beschr. v. Neuen Orient. Reise», с. 199, ed. 1647 г.

тяне лукавые и обманчивые. Меч пишет, что русские одарены сметливостью, изобретательностью и остротой ума. Корб, восхваляя добродушие, говорит: «Достойно удивления, что в Московии никогда не было восстания». Капитан Шлейссинг, бывший несколько лет в службе царей: Алексея, Феодора, Иоанна, Петра I и правительницы Софии, отзывается с особенной похвалою о верности русских: «Я никогда не слыхал и никогда не читал, — пишет он, — чтобы русские восставали когда-нибудь противу своих государей, разве только противу самозванцев».

Иностранцы с удивлением описывают еще строгость постов наших предков и говорят все единодушно, что в самых отчаянных болезнях не решались употреблять мясного; что все посты встречали с набожными чувствами, ознаменовывали их добрыми делами, чистосердечным раскаянием и братским угощением*.

* При дворе наших царей встречали первую неделю Великого поста с особыми обрядами. В субботу, а иногда во вторник, приезжали к государю после обедни из 35 монастырей стряпчие и подносили ему и каждому члену царского семейства от каждого монастыря: по хлебу, блюду капусты и кружке квасу. Приняв эту обычную дань, царь жаловал монастырских стряпчих *погребом*, т. е. приказывал их поить вином, пивом и медами своего погреба. — Вот исчисление особ, кому подносили, и названия тех монастырей, откуда приезжали монастырские стряпчие. — В 1665 г. в неделю Православия в субботу подносили по хлебу, блюду капусты и кружке квасу на каменной лестнице у мастерской палаты: царице Марье Ильиничне, царевнам Ирине и Анне Михайловнам, Евдокии, Марфе, Софии, Екатерине, Марье и Феодосии Алексеевнам. — Названия монастырей, от коих подносили, это суть: 1. Из Троицко-Сергиева монастыря. 2. Владимира Рождественского. 3. Чудова м. 4. Спасского, что на новом. 5. Спасского. 6. Спасского Андроньева. 7. Из Звенигорода Сторожевского. 8. Из Костромы Ипат^{ьев}ского. 9. Из Переславля-Залесского Горицкого. 10. Нового девичьего. 11. Вознесенского девичего. 12. Из Суздаля Покровского девичего. 13. Из Можайска Лужецкого. 14. Из Ростова Богоявленского. 15. Из Костромы Богоявленского. 16. Из-за торгу Богоявленского. 17. Знаменского, что на старом дворе у Государя. 18. Из Ярославля Спасского. 19. Из Боровска Пафнутьева. 20. Из Волоколамского Иосифова. 21. Из Суздаля Спаса Ефимьева. 22. Из Переславля-Залесского Данилова. 23. Из Ростова с устья Борисоглебского. 24. Из Никольского Угрешского. 25. Из Кашина Колязина. 26. Из Переславля-Залесского Никитского. 27. Из монастыря Пречистой Богородицы донского. 28. Данилова. 29. Новинского. 30. Златоустовского. 31. Из Переславля-Залесского Феодоровского. 32. Из Серпухова Владыгина. 33. Из Серпухова Высоцкого. 34. Из Бежецкого вверху Никольского Антоньева и 35. Из Дмитрова Никольского Пастынского. — Впоследствии подносили еще из Воскресенского, что на Истре.

От тех же самых монастырей подносили хлебы, капусту и квас: патриарху, боярам, окольничим, думным и ближним людям, думным дьякам, крайчему, стряпчему с ключом и всем приказным людям.

Может быть, обычай собираться из монастырей в Москву и собираять монастырскую великопостную дань присвоил и первому воскресению Великого Поста наименование *Сборного воскресенья*.

ЗАНЯТИЕ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Женский пол в семейном быту всегда был кроток и послушен. Муж обрабатывал землю, плотничал и строил; жена пряла, ткала, шила, и каждое семейство подчинялось старшему в доме, который разделял между ними работы и занятия*.

У нас женщины сами шили для себя одежды и отличались искусством вышиванием разными шелками, серебром и золотом. Знатные боярыни и девицы преимущественно занимались этой работой и щеголяли ею. Анна, супруга в. к. Рюрика II, живя в монастыре св. Андрея в Киеве (в исходе XII века), обучала детей шить золотом и серебром.

Введение вышивания золотом приписывают фригийцам. Во время Моисея (за 1500 л. до Р. Х.) отличались египтяне

Монастыри тогда славились, и ныне славятся, искусством печением хлебов и отличным приготовлением капусты и квасов. При царе Михаиле Феодоровиче славился своими квасами монастырь Антония Сийского (Архангельской губ., Холмогорского уезда), так что государь посыпал туда для ученья квасного варенья своих хлебников и пивоваров.

В субботу первой недели или в Сборное воскресенье, а иногда в другой какой-либо день после обедни, сам государь раздавал в столовой избе *укрухи*: боярам и другим чинам. К патриарху же посыпал их с боярином. В среду первой недели поста (1667 г.) была отправлена к патриарху *укруха* со стольником кн. Петр Ив. Прозоровским, и она состояла: из кубка романеи, ренского, мальвазии, хлебца *кругличатого*, полосы арбузной, горшочки пастоки с имбирем, горшочка мазули с шафраном, горшочки мазули с имбирем и трех шишек ядер.

На первой же неделе Великого Поста, в пятницу, в Успенском соборе патриарх молитвословил над коливом (кугьею), которую раскладывал на серебряные блюда, и с соборным протопопом посыпал к царю и ко всему его семейству. — Смотр. стат. Ив. Забелина «Некоторые придворные обряды и обычаи царей московских», помещ. в «Московск. вед.», потом перепечатано во «Владimirских губернских ведомостях» в 1847 году, № 7.

Орудия, коими шили платья, состояли прежде из заостренных костей рыбых и деревянных игл. Сами одежды выделялись, разумея во время дикости народов, из тонкой коры, листьев и кож; нитки употреблялись очень простые и грубые: сущеные тонкие ремешки, жилы и конопляные витые суровые нитки. Грециандцы шили кишками, выделываемыми из морских собак; эскимосы, самоеды, американцы, африканцы употребляли жилы животных. — Гесиод говорит, что так же поступали греки, пока не получили гражданскую образованность.

Египтян научила прядь Изис, но китайцы отдают эту честь Яо, жене императора; лидиане Аракне, греки Минерве, перуанцы Маме — оэлле, жене Монко-Капака, первого их государя. Прядение, ткачество и шитье приписываются изобретением женскому полу, потому что это свойственно образу его занятий. — Усовершенствование игл приписывают грекам и римлянам. Пряслица изобретена брауншвейгским меценатом Юргеном в 1530 г. — «Dict. des orig.», Par., 1777 г.

шитьем по золоту и тканьем разноцветных материй; женщины сидонские славились вышиваньем. Греки знали оба эти искусства еще до Троянской войны. Елена, по описанию Гомера, прекрасно изобразила на большой ткани кровопролитные битвы греков и троянцев; Андромаха вышила разными цветами несчастную смерть Гектора*. Многие из наших боярынь славились искусством вышиванья. Жена Волынского, оберегателя посольского приказа, славилась вышиваньем.

УДОВОЛЬСТВИЕ В ПЕНИИ

Пение составляло особое удовольствие наших предков, как и поныне между народом. Песни свадебные, хороводные, святочные, плясовые и церковные стихи услаждали их во всякое время. Правильность пения образовалась не ранее как около половины XI века, когда выехали к нам греческие певцы в великолкняжение Ярослава. Они первые научили русских демественному пению на восемь голосов, чтобы и слух молящихся находил не одно удовольствие, но услаждение**. Княжна Янка или Анна, как называет Татищев дочь в. к. Всеявода, будучи монахинею в монастыре св. Андрея в Киеве, учила молодых девиц грамоте, пению и шитью***. Весьма справедливое замечание одного иностранца****, что россиянок XVII века главнейшее увеселение состояло в пении, коим они прогоняли свою скучу, ибо тогда женский пол, проводя всю свою жизнь в затворничестве, не мог участвовать в собраниях с мужчинами. — Одна забава считалась им позволеною — качели, однако и ее осуждали

* «Diction. des origines», Par., 1777 г.

В терем вошла, где Елена ткань великую ткала,
Светлый, двускладный покров, образуя на оном сраженья,
Подвиги конных Троян и медянодоспешных Danaev.

Ткала одежду она (Андромаха) в отдаленинейшем тереме дома,
Яркую ткань, и цветные по ней рассыпала узоры.
Гнед. «Илиада Гомера», песн. III, ст. 125 — 127, песн. XXII, ст. 440 — 441.

** Название демественное есть испорченное греческое и оно происходит от слова δομεστικός, уставщик, потому что он первый начинал и указывал на правильное пение, см.: Du Cange «Glossar. med. aev.». В «Никон. лет.», ч. I, с. 142, сказано, что в 1051 г. приехали из Греции в Киев три певца со своими семействами, см. Кар. «И. Г. Р.», т. 1, пр. 57.

*** Она померла в 1103 г. и в том монастыре похоронена. «Воскр. лет.», ч. I, с. 27; Татищев «Рос. ист.», кн. II, с. 158; Кар. «И. Г. Р.», т. 2, прим. 156.

**** Reutensel «De reb. Moscov.»: Mulierculae canticulus fastidia otii pellant
<Скучный досуг бабы прогоняют пением>.

невежы и суеверы, называя дьявольскою сетью*. Музыкою не занимался женский пол**.

УЕДИНЕНИЯ ЖИЗНЬ

Женщины и девушки, будучи совершенными затворницами, не смели показываться чужим людям, даже не ходили в церковь с открытым лицом. Ни старики, ни родственники, ни братья не могли их видеть без особого позволения отца семейства или мужа, ибо, по тогдашнему мнению, те женщины были нечестные, которые сами показывались, а особенно когда не сиживали дома. В праздники и в летнее время мужья бывали к ним снисходительнее. Жены и молодые девушки выходили гулять на луг. Там пели и качались на качелях, а матери между тем гадали дочерям в фортунике***.

Если женам и дочерям позволяли навещать родственников или проезжаться, то не иначе как под покрывалами или в закрытых возах. Самые царицы подвергались такому же порядку. Когда супруга царя Алексея была нездорою и к ней пригласили врача, тогда ему дозволили ощупать ее пульс чрез тонкое тканье, коей была покрыта ее рука****. От сидячей жизни наш женский пол страдал тогда многочисленными болезнями. А ныне еще жалуются на сидячую жизнь!

* Herberst. «Rer. Moscov. com.» Об осуждении качелей см. «Синонис» Гизеля.

** Успен. «Оп. повесть о древ. русск.», ч. I, с. 93, увлекшись исследованиями Татиц. («Рос. ист.», т. III, с. 84) и кн. Щербатова (там же, с 199), говорит, что когда в. к. Изяслав возвратился в Киев, 1151 г., и вновь занял велиокиляжский престол при помощи венгров, тогда он делал великий пир, на коем играли венгерские музыканты, а киевляне слушали с удивлением. Тогда же Угры на фарех и скоках играху на Ярославле дворе. Фарями назывались арабские кони, см. Дюканжа «Gloss. med. aevi.». В старинной русской сказке, названной: «Деяние и житие Девгениево Акрита», сочиненной, как можно судить по слогу, в XII или XIII веке, сказано: «кто сему не дивится, како дръзость яви уноша (юноша), како нагони бръже (скорее) фаря бръзого». В другом месте: «Како фарь под ним скакаше, а он гораздо на нем играет». Скоки значат скакуны. Венгеры увеселяли пирующих и народ искусною скачкою на лошадях. Об этом см.: Кар. «И. Г. Р.», т. 2, с. 233, изд. 1816 г.

*** Herber. «Rer. Moscov. com.», ed. Antv., с. 51; Petrejum: «Histor und Bericht von dem Großfürstenthumb Muschkow», с. 609; Olear. «Ost begehrte Beschr. der Neuen Orient. Reise», с. 141 и 143. Качели в это время были круглые, быть может как ныне. Maerb. «Voyage en Moscov.», с. 148, изд. Лейден; Mach «A relat. of three embass. to the great Duke of Moscov. in the years 1663 and 1664», с. 52 — 54.

**** Маэрб. «Voyage», с. 88. У греков и богини ходили под покрывалом. Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь.

Мать увидала...

Рвет седые власы, дорогое с себя покрывало

Мечет далеко.....

Гиед. «Ил. Гом.», песнь XVIII, ст. 385; песнь XXII, ст. 405 — 407.

ПОСТЕЛЬ

Нега, принадлежность женского пола, усыпляла его на мягком и теплом ложе. Перины и пуховые подушки, употреблявшиеся издревле, составляли роскошь знатных боярынь и великих княгинь. Постели их застилались шерстяными, шелковыми или льняными одеялами; покрывала вышивались золотом и серебром и украшали богатую постель; кровати были подвижные, ставились к стене под пышным занавесом, называвшимся *пологом*. У недостаточных и бедных делались вместо кроватей *примости*, укрепляемые досками на подставах между двумя стенами. Доныне простой народ спит на примостах и на печи. Полати делались из досок, повыше примостов, в уровень с печью. Часто спали не раздеваясь даже на самих печах.

СУПРУЖЕСКАЯ ВЕРНОСТЬ

Летописцы иностранные хвалят непорочность и верность россиянок. Агнеса, супруга императора германского Генриха IV, дочь в. к. Всеволода I, была однажды подвергнута им испытанию в верности, для этого он велел одному из своих баронов, влюбившихся в нее, искать ее любви. Она презирала его страстные изъяснения, но выведенная из терпения, назначила ему место и время для тайного с нею свидания; но вместо барона явился ночью сам император, который был встречен переодетыми в женское платье служами. Они, исполнив приказание императрицы, поступили с ним, как с оскорбителем ее чести. Узнав же в мнимом бароне своего мужа, Агнеса сказала ему: «Для чего же ты шел к жене под видом обольстителя?» Раздраженный Генрих, оклеветавший барона, казнил его, а целомудренную Агнесу поносил грубыми и дерзкими словами*.

* «Chronic. Th. Engelhusen», в Лейбниц. «Script. Brunsv. 11»; Гебгарди «Erläuterung der Eur Kansel. und Konigl. Häuser», см. табл. 9, где приведены свидетельства разных немецких летописцев. — Агнеса через три года развелась с Генрихом. — Любопытные сведения об Агнесе см. еще: Кар. «И. Г. Р.», т. 2, с. 97, примеч. 157. Она вышла замуж за Генриха IV в 1089 г. Император Генрих IV замечателен в истории средних веков сильными расприями его с папою Григорием VII Гильдебрандом за инвеституру. В западной Европе было тогда обыкновение, что государи, возводя духовных особ в высшее достоинство и отдавая им в пастырское управление земли, вручали жезл и перстень в знак их зависимости от государя; но папа Григорий VII, отнимая это право у государей, под опасением отлучения их от церкви, объявил, что эта власть принадлежит римским первосвященникам. Всем известно несчастное унижение Генриха IV, которое должно приписать невежественному веку и владычеству духовенства, хотевшему быть властителями и судьями. Но благодаря просвещению папской власти, во многом пагубная не только для монархов, но и государств, совершенству ослабела ныне или, лучше сказать, сделалась ничтожью.

Россиянки всегда славились непорочностью в семействе и служили удивлением для иноземцев. Скромность и невинность составляли неразлучную добродетель жен: этим гордились мужья и дорожили самые знатные люди*. Однако, были примеры неверности, но эти примеры не могут быть доказательством безнравственности, в особенности прекрасного нашего пола. — Первый разнес мольву невыгодную барон Герберштейн**. Не принимая и не веря его замечаниям, мы можем согласиться с ним в том только, что мужья, занятые службою, редко бывали дома, и что самое супружество зависело от воли родителей. Не жених выбирал себе невесту, но отец, и он назначал ее для своего сына. Когда жених домогался видеть свою невесту, тогда родители отвечали ему: спроси об ней у добрых людей. По наступлении только дня свадьбы засватанные видели друг друга пред венцом.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ ЧРЕЗ ПОБОИ

Мужья весьма любят своих жен, говорит барон Герберштейн, но без частых побоев мужа каждая жена сомневается

* Paul. Iov. «De leg. Moscov.».

** Herber. «Rer. Moscov. com.» — Paul. Iovius, de legat, говорит (он писал в 1525 г.), что в Москве были дома публичных женщин, которые принимали к себе посетителей за весьма умеренную награду: *ad venetem omne vulgus foeminarum facile pollicitur* <Всякое могут пообещать ради любви падшие женщины>. Должно думать, что введение таких домов современно многоженству. — Французская болезнь была нам известна в конце XV века по одному слуху. Она с американским золотом вывезена в Европу в 1493 г. Сначала именовалась неаполитанской, и до того она была опустошительной, что казалась гневом Божиим, ниспосланным за грехи. Robertson «Hist. of America», кн. 4, с. 99, и с. 342, прим. 50, изд. 1828 г. Одна женщина занесла ее из Рима в Краков: эта болезнь вдруг заразила там многих; от нее вскоре умер кардинал Фридрик. — «Стрыиков. летоп.», кн. XXI, гл. 1. — Слух об этой болезни дошел до Москвы в 1499 г. В. к. Иоанн III, послыав в Литву боярского сына Ив. Мамонова, велел ему разведать в Вильне: «есть ли еще та болесть или нет, что болячки мечутся (покрывают тело), а словет францозска». — «Дела польского двора», № 1, с. 684. — В договоре смоленского кн. Мстисла Давидовича с городом Ригою, заключенном в 1228 г., сказано между прочим, что за бесчестие женщины платить 10 гривен серебра, пока она не была обесславлена, — статья 13, см.: «Собр. госуд. грамот». Это доказывает, что общественные женщины давно существовали. Мелетий, писатель половины XVI века, говорит: «те из них, кои грешат со всеми, изгоняются из общества и называются общими», т. е. общественными. «Eos quoque, quod publice peccant, communicatione persequuntur, quod eorum lingua *obscha* vocant.» — «De Russor. relig. et ritib.», ed. 1581 года. — Petrejum «Histor. und Bericht. von dem Großfürstenthumb Muschikow», с. 595, изд. Лейпц. 1620 г., говорит: «...und haben bei sich herlaufen vielen Diener und Knechte, die sie bewachen sollen, чтобы слуги боярские присматривали за их женами, auff daß sie mit andern Männer

в его любви. Один немец, женатый на русской, рассказывал ему, что жена часто докучала ему своими замечаниями, что будто бы он не любит ее, и постоянно спрашивала: отчего ты не любишь меня?

- Напротив, я тебя очень люблю, — отвечал он ей.
- Не верю, докажи.
- Какого же ты хочешь от меня доказательства?
- Ты никогда не был меня.

und Gesellen keine haben Lieben und Unkeuschheit treiben, weil sie so frech und geil sein, daß sie es, wenn sie die geringste Gelegenheit ergreifen können nich nachlassen, so sie reißen oft die Männer an des Venusspiel mit ihnen zu pflegen, sonderlich mit den Aussländern, zu welchen sie sehr geneigt sein. — Далее, с. 636: Also ist die zwar nicht die geringste, nemlich, wenn armen und geringe Edelleute oder Bürger etwa Nothleiden und kein Geld haben, daß sie etliche Kärl und Gesellen, so Veich und Vermogens sein, antreffen können, denen bieten sie ihre Weiber an, bei ihnen zu schlaffen, und nehmen für ein jedes Mal 2 oder 3 Thaler, darnach das Weib hubsch und schön ist, und sie mit einander köhnen übereinkommen. Und gehet der Mann so lange fur die Thür, und helt Wacht, damit keiner kömpt, der sie in ihren unerbare Werck und Unzucht hindern und verstörn. Ja, sie treiben auch, insonderheit, die großen Herren und die von Adel, grossen Unzucht und sodomischen Sünden und die Männer selbst mit einander, und solches nicht heimlich, sondern oftmais in gegenwart vieler Personen, meinend, es sei ihnen eine Ehre, solches bequemlich und rumlich zu thun». <— Петриюм «Истории и донесения о Великокняжестве Мушкова», с. 595, изд. Лейпц., 1620 г., говорит: «...и имеют у себя на побегушках много слуг и холопов, которые должны их охранять, чтобы слуги боярские присматривали за их женами, дабы они с другими мужчинами и парнями любви не имели и распутством не занимались, потому что они столь наглые и похотливые, что они, если могут воспользоваться малейшим случаем, то часто призывают мужчин заниматься с ними любовной игрой, особенно иноземцев, к которым они весьма расположены. — Далее, с. 636: Стало быть, хоть этот случай и не ничтожнейший, в особенности когда бедные и мелкие дворяне или люди третьего сословья, можно сказать, нуждаются и не имеют денег, так что они могут найти некоторых мужиков и парней, богатых и состоятельных, которым они предлагают своих жен, чтобы с ними спать, и берут за каждый раз 2 или 3 талера, сообразно с тем, насколько женщина мила и красива, и они могут друг с другом договориться. А муж пока выходит за дверь и несет караульную службу, чтобы не пришел ни один из тех, кто им в их порочном занятии и распутстве помешает и испугает их. Так они еще и понуждают, в особенности важных бар и выходцев из дворян, к великим распутствам и содомитским грехам самих мужчин друг с другом, и такое бывает не тайком, а нередко в присутствии многих особ, полагая такое приятным и похвальным, будто бы делают им честь»>. — Это совершенство нелепое сказание Петрея, потому что ни один иностранный писатель не отзыается о женском поле с такой чернотою, как он. Полагать должно, что частные примеры неверности он принял за общую безнравственность. — В Малороссии венгерская болезнь называется *гостец* (гостище, подарок). Она занесена сюда проходящими войсками вроде подарка и, должно думать, не ранее половины XVII века, когда войска останавливались здесь гостить постом. — В некоторых местах России эта болезнь известна под именем *скорби*. О зараженном ею говорят: «у него большая скорбь в носу, в ногах и он весь в скрывах».

Тогда муж исполнил ее желание и, по его словам, чересчур*.

Обыкновение бить жен позаимствовано от татар, и это может быть объяснено только грубостью тогдашних времен. Любовь через побои существовала еще лет пятьдесят тому назад, как рассказывали мне**. В одной песне женщина, выражая чувствования своей любви, напоминает нам старый обычай доказывать любовь хворостиной и кнутом:

Мимо пройдет, да не взглянет,
Как морозом подерёт!
 Ай люли, ай люли,
 Нигде места не найду!
Вдоль спины перепоянет,
Хворостиной аль кнутом,
 Ай люли, ай люли,
 Нигде места не найду!
Мне-то за честь и не больно,
Хоть малиной не корми!
 Ай люли, ай люли,
 Нигде места не найду!***

Еще в другой песне:

* Herber. «Reg. Moscov. com.», c. 51, ed Antv; Petrejum «Histor und Bericht von dem Großfürstenthumb Muschkow», c. 632 — 634, изд. Лейпц., 1620 г.; Olear «Offl begehrte Beschr. der Neuen Oriental. Reise», c. 143.

** Я однажды слыхал жаловавшуюся жену на своего мужа, что он не любит ее. Когда я спросил ее, отчего она так думает? — тогда она отвечала мне, что он ее ни разу не бил.

— Да разве в этом любовь?

«Э, батюшка, жена не ведает любви мужей без битья. Чем крепче и почаше побивает муженек, тем-то жена боится мужа и холит его. Бабий волос длинен, а ум короток. Не потрепли ее косыньки, не оставь синева на плечиках и щечках румяных, и что за любовь!» — Случилось еще видеть, что муж бил свою жену, и весьма жестоко. Когда я заметил, что он поступает с ней бесчеловечно, тогда он отвечал мне: «Нет, батюшка, это уж такая нациа поведенция. Не бей жену, она ругается: ты меня не любишь. — Если любишь, то бей меня!» Во время сердечных побоев жена не плачет и не кричит, она переносит терпеливо, и этим еще гордится между своими приятельницами. — В России все изменяется так скоро, что можно думать, что любовь чрез побои не существует уже. В *<английской>* Индии доселе в обычай доказывать любовь побоями. Привязывают жену к дереву и бьют прутьями до бесчеловечия, пока она не скажет: довольно, доказал любовь! Или пока сам муж не устанет, но это бессчастье для мужа. — Правительство английское несколько раз предпринимало меры к истреблению варварского обычая, но сами жены восставали против этого.

*** «Новейш. полн. всеобщ. песен.», ч. 3, № 297, изд. Москов., 1822 г. Эта песнь начинается так:

Мне моркотно мололеньке,
Нигде места не найду!
 Ай люли, ай люли,
 Нигде места не найду, и проч.

Ах, что это за муж,
Молоду жену не бьет!
Бей жену к обеду,
К ужину снова, да опять,
Чтобы щи были горячи,
Каша масляная.

Каждый народ имеет свой особый дух и такие качества, которые только ему одному свойственны. Женский пол отличается во всем свете чувствительностью и нежностью сердца, но при этом он обнаруживает свои наклонности. Немки хорошие хозяйки, голландки постоянные, англичанки верные, испанки пламенные, португалки страстные, швейцарки патриотки, француженки любезные, итальянки ревнивые, польки увлекательные собеседницы, а русские нежные матери. Мужчины же в своих страстиах так изменились, что все они более или менее на один лад непостоянны, но этот недостаток они вознаграждают твердостью воли, глубокомыслием и проницательностью.

ОБРАЩЕНИЕ В ОБЩЕЖИТИИ

Дворяне и богатые были спесивые к бедным, но между собою гостеприимны и вежливы. Гостя встречали с объятиями и просили садиться, но гость, войдя в комнату, искал глазами Св. икон, подходил к ним, крестился и клал сначала три земных поклона, произнося вслух несколько раз: «Господи, помилуй, Господи, помилуй!» Потом обращался к хозяину с приветствием: «Дай, Господи, тебе здоровья». — Подавши друг другу руку, они целовались, кланялись по несколько раз, и чем ниже, тем считалось почтительнее; переставали кланяться и снова кланялись, наконец, садились и беседовали*. Гость садился лицом к Св. образам. Тут его потчевали медом, пивом, вишневкою,

* В разговорах употребляли «батюшка», «милостивец». Батюшка есть очень древнее употребление, и оно встречается уже в XIII в.; означало отца-покровителя. Ныне же оно произносится без всякого значения, по одному укоренившемуся обычаю. У мексиканских народов существовало обыкновение величать старших себя с прибавлением слога к каждому слову: *цин* и *ацин*, напр.: *tatyi*, батюшка, *tatycin* батенька. Монтесума величался Монтесумацин и т. п. Все это indicating respect, silavas reverentiales y de cortesia <выказывая уважение, проявляя любезность>. — Roberts. «Hist. of America», кн. 7, с. 226, прим. 146, изд. 1828 г. — Эта самая вежливость похожа на наш странный обычай, чтобы придавать к каждому слову *сс* — и нет сомнения, что это позаимствовано от лакеев.

а дорогих гостей греческими винами и мальвазиесю. По окончании разговоров гость, взяв свою шапку, подходил к образам, крестился, делал те же поклоны и прощался с хозяином, желая ему быть здоровым. Хозяин отвечал ему взаимным желанием и провожал его без шапки до крыльца; любимого провожал до самых ворот, а почетного далее, за несколько шагов от ворот.

Путешественник Ле-Брен, будучи представлен кн. Меншиковым государыне Екатерине в селе Измайлово, говорит, что после нескольких разговоров князя с царицей она велела наполнить чашу водкою и подала из своих рук князю, который, выпив, передал одной из фрейлин. Эта фрейлина вновь наполнила чашу, а государыня подала Ле-Брену. После подавали пить вино и наконец пиво, но князь и он, отведав немногого пива, отдали фрейлине, ибо пить пиво считалось неприличием.

Русские не любили придиরаться к словам, в обхождении были весьма просты, и всякому говорили *ты**. Если разговаривали о чем-нибудь сомнительном или слыхали говорящих несправедливо, то вместо учитивых выражений: «*это ваше мнение*», «*извините*», отвечали прямо: «*ты врешь*»**.

Так говорил и слуга своему господину. Сам царь Иоанн IV не сердился за это, но эта простота в обхождении стала уже изменяться в конце XVI века***. Самый почтенный и знатный боярин не обижался, если поселянин называл его *ты*. Великих князей и государей величали *ты*; так называл мужик своего барина, а дети своих родителей. Поныне еще называют *ты*; но, к сожалению, эта простота нравов исчезает. Греки, римляне и все народы древнего и нового мира говорили *ты* из особого уважения, а не *вы*. В слове *ты* выражается почтение к одной особе, а в *вы* ко многим; последнее, приписывая

* Le-Brun «Voyage par la Moscovie en Perse et aux Indes orientales», т. 1, с. 30 и 34, изд. Амстерд., 1718 г.

** У греков отвечали бранью и даже бились не одни смертные, но бессмертные. Богиня Гера, державная супруга Юпитера:

Словами жестокими так Артемиду язвила:

Как, бесстыдная псица, и мне уже ныне ты смеешь?

Лишь сказала (Гера) и руки богини своею рукою

Левой хватает, а правою, лук за плечами сорвавши,

Луком, с усмешкою горькою, бьет вокруг ушей Артемиду.

Гнед. «Илиад. Гомер.», песн. XXI, ст. 480 и 490, изд. 1839 г..

*** Mager. «Estat de l'emp. de Russie», л. 38, изд. Париж, 1607 г.

одному лицу многие не свойственные ему достоинства, льстит его страсти, а люди крайне любят это*.

При подавании просьбы или какой-нибудь жалобы обыкновенно писались уменьшительными именами. Духовные подписывались: «богомолец твой» или «богомолица твоя». Знатные особы: «холоп твой» или «раб твой». Слово холоп употреблялось до XVII века, а раб до половины XVIII века. Императрица Екатерина II заменила слово раб «верноподданным». Крестьяне доныне употребляют «раб» в письмах к своим господам. Купцы и мещане подписывались: «мужик твой», оставшиеся сиротами: «сирота твоя»; женский пол: «раба твоя» или «рабица твоя»; крестьяне: «крестьянин твой»; слуги: «человек твой». Еще до второй половины XVII века многие подписывались сокращенными именами, наприм.: «Ивашка», «Лидюшка», «Федюшка» и т. д. Преступников и простой народ долго именовали, едва ли не до конца XVIII века, сокращенными именами, напр.: Гришка Отрепьев, Стенька Разин, Пугач и т. п. Было особым знаком уважения и почести, если боярина величали полным именем, напр.: боярин князь Василий Андреевич. Окончание *вич* составляло принадлежность княжеского достоинства и знатных особ, но и последние не смели именоваться им без соизволения великих князей, которые прикладывали это в ознаменование заслуг или особого достоинства. В начале XVII века уже стали именовать на *вич* не только знатных, но всех дворян; в XVIII ст. назывались полным именем чиновные и служащие, а в наше время вошло в употребление всеобщее даже между простым сословием, в коем ныне услышите прибавочное еще название: господа. Если соберется несколько из простолюдинов и толкуют о чем-нибудь, а один кто-нибудь из них не соглашается с общим мнением, то он говорит:

*Уважение к господам и вообще к старшим себя распространено в большей степени между простым сословием. Если приходите к чиновнику, барину и т. п. и спрашиваете у горничной или у лакея: «Дома ли барин?», то всегда отвечают: «Нет их дома», и никогда не скажут: «Нет его дома». — Случается слышать часто подобные ответы от самих чиновников, наприм., спрашиваете: «У себя ли его превосходительство?» Отвечают: «У себя, но они заняты». Такая вежливость, противная свойству языка, употребляется постоянно в семейном кругу. Спросите у детей, даже взрослых: «У себя ли маменька?» — «У себя, — отвечают вам, — но оне не здоровы», — «А папенька?», — «Оне только что вышли». Подобные выражения можно допустить одной нежности детей, особенно чувствительным девушки, боящимся оскорбить самый слух; но никак нельзя извинить в этом знающих языки. Великие Божие никоим образом не оскорбляются, когда говорят о Нем: «Он могуществен», — «Его воля святая», а не: «Они могущественны», — «Их воля святая». Из уст прекрасного пола проис текают более всех несправедливые слова.

«Господа! Вы не так рядите. Подумайте лучше, господа», и т. п.

Простой народ назывался почти до конца XVIII века *подлыми людьми**.

Простой народ, особенно деревенские мужики, объясняясь со старшим, говорят простодушно и непринужденно. Пред начинанием своей речи он сначала потупит глаза в землю и думает; потом, почесав затылок, вступает в разговор. Почесывание затылка повторяется едва ли не за каждым разговором, как бы давая этим знать, что все умное вытекает из головы.

ВЫСОКОМЕРИЕ ДВОРЯН

Дворяне, как бы ни были недостаточные, вменяли себе за бесчестие приобретать хлеб трудами своих рук, и в самой бедности были недоступны, а бояре еще более: к последним никто не смел въехать на двор; вставал с лошади у ворот и шел пешком. — Благородные не имели знакомства с мещанами; любили сидячую жизнь и дивились, как можно, стоя или ходя, заниматься разговорами и вести дела. Они имели круг своих знакомых, рады были гостю, но крайне не любили, если гость не сидя разговаривал. Сажали на почетное место того, у кого было значительное брюхо и сам был дородный**. Доныне осталась между русскими старинная привычка не считать того за гостя или порядочного человека, который не сидя разговаривает. Если он встает, то просят его присесть; вошедшего же в комнату, но не садящегося, просят немедленно сесть, говоря: «*Будьте гостем, просим покорно присесть*».

* Не привыкнем читать сочинения, в коих встречается слово подлый, покажется с первого раза не только странным, но непонятным, или просто примут в собственном его значении. Вот, например, выражение того времени: «Многие судьи бедных, а особливо *подлых людей*, хотя бы они и крайнюю имели нужду, редко пред свои очи допускали». — «Истор. о Ваньке Кайне», с. 56, изд. Моск., 1788 г. — Между тем нарицание *подлый человек, подлые люди* дано крестьянам потому, что они жили подле своих господ, то же самое что дворовый человек, дворовые люди, и как они от вольных людей отличались большею несправедливостью, хитростями, неправдами и бедностью, то местное прозвание обращено было на всех тех, кои поступали подобно им. Унижение и нищета, конечно, были этому причиною, как прозвание *крестьян*, данное нам татарами, потому что мы были христиане, но угнетенные ими.

** Herber. «Reg. Moscov. com.»; Marger. «Estat de l'emp. de Russie»; Флечер «Com. Wealth»; Turbeville «Certaine letters in verse», помещ. в собр. Гакл., т. 1, с. 432; «Muscov. Reise» помещ. в магаз. Бишиング., ч. VII, с. 271; Petreum «Hist. und Bericht. von dem Großfürstent. Muschcow», с. 619, изд. 1620 г.

ВЕРХОВАЯ ЕЗДА

Всякий дворянин, даже немного достаточный, ездил в гости верхом, хотя бы расстояние к дому знакомого было в несколько шагов. Ходить пешком считалось за стыд, исключая случаев, когда являлись ко двору и отправлялись в церковь. — Не ездили зимой, потому что лошади не были подкованы. Женщины не ходили далее ворот: они ездили верхом, садясь на седла, сделанные наподобие шотландских стульев, которые делались гладкими из березового дерева; узды не блистали роскошью. Муж редко ездил со своей женой, разве в церковь или в день свадьбы. В конце XVI столетия верховая езда была любимым гулянием женского пола. Когда царица Ирина, супруга царя Феодора, выезжала из Кремля, тогда все знатные дамы провожали ее верхом: в белых поярковых шляпах, похожих на епископские клубки, и обшитых тафтою телесного цвета, с лентами вокруг; в ферезях с золотыми пуговицами и длинными висячими до плеч кистями*.

ЗВЕРИНАЯ И ПТИЧЬЯ ОХОТА

Самым лучшим увеселением не только дворян и бояр, но великих князей была звериная и птичья охота. Звериная ловля приучала юношей к перенесению голода, зноя и холода, подвергала их трудностям, опасностям и часто смерти. Владимир Мономах сам говорит о себе: «Любя охоту, мы ловили зверей. Я вязал своими руками в густых лесах диких коней, вдруг по несколько. Два раза буйвол метал меня рогами, олень бодал, лось топтал ногами; вепрь сорвал меч с моего бедра, медведь прокусил седло; лютый зверь однажды бросился и сбил с ног коня подо мною; несколько раз я падал с лошади, два раза разбил себе голову, повреждал руки и ноги. Я сам все то делал, что мог приказать другим: смотрел за конюшнею, охотовою, ястребами и соколами»**.

Андроник Комнин, император греческий, перенимал многие русские обычай: он любил нашу звериную ловлю и бегание взапуски***. Ловля зверей была у нас любимым

* Marger. «*Éstat de l'emp. de Russie*», на об. л. 15. изд. Пар., 1607 г.; Herber. «*Rer. Moscov. com.*»; Petrejum «*Hist. und Bericht. von dem Großfürstent. Muschikow*», с. 619, изд. 1620 г.

** Духовное его завещание, напечатано в пушкинском харатейном списке Нестора, и еще напечатано особенно в 1793 году. — Владимир Мономах княжил в 1113 — 1125 г.

*** Кар. «*И. Г. Р.*», т. 2, с. 307. Андроник царствовал в 1159 — 1167 г.

занятием в самой еще древности. Великие князья с удовольствием проводили праздное и скучное время в охоте, из них в. к. Василий даже был пристрастен к звериной травле. Увидев государя в поле, говорит Герберштейн, мы оставили своих лошадей и подошли к нему. Он сидел на гордом коне в терлике парчовом, в колпаке высоком, осыпанном драгоценностями и украшенном золотыми листьями, которые развеивались как перья; на бедре его висели кинжал и два ножа; за спину, ниже пояса, кистень. С правой его стороны находился казанский царь Шиг-Алей, вооруженный луком и стрелами, а с левой двое молодых князей: один из них держал секиру, другой булаву или шестопер; вокруг них находилось более 300 всадников. Сначала охотились ловлею зайцев в лесу, неподалеку от Москвы. Государь предоставил первую честь спустить собак важным сановникам и послам: императорскому Герберштейну и польским Кишке и Богушу. На каждого зайца нападало по четыре собаки. Государь был весел и хвалил ловцов. В короткое время поймали более 300 зайцев. Потом последовала соколиная охота. Для этогопускали кречетов: бить лебедей, журавлей и других птиц. Кречеты по тонкому своему чутью открывали, где летали ловимые ими птицы. — Пускали ястребов и соколов из породы орлов, и тетеревов, которые были замечательны тем, что они по крику узнавали фазанов и преследовали их с быстротой. Они черные, величиною с гуся, и брови у них красные. Затем вызывали охотников бить медведей. Отважные ловцы бросались на зверя с деревянной рогатиною. Если медведь его ранил, то он являлся к государю и, показывая ему свои раны, говорил смело: «Государь! Я ранен». — «Я тебя награжжу», — отвечал великий князь. Он приказывал его вылечить и щедро одаривал платьем. — Вечером мы все сходили с коней и для нас разбивали шатры на лугу. Государь, переменив свою одежду, разговаривал весело с боярами в своей палатке об удачной и неудачной ловле того дня. Слуги разносали кориандр, миндаль, орехи и сахар; все преклонялись перед государем и брали; потом пили за его здоровье мед и вино*. Любимой забавой царя Феодора был медвежий бой. — Диких медведей, ловимых тенетами или в ямах, держали в клетках. В назначенный день для забавы собирался двор и множество народа к тому месту, где

* Herber. «Reg. Moscov. com.»; Paul. Jovii «De leg. Moscov.», c. 177. Историограф Карамзин замечает, что в. к. Василий едва ли не первый завел псовую охоту, ибо в старину считали собак животными нечистыми и гнушились ими.

предстоял бой. Место обводилось глубоким рвом для безопасности зрителей и чтобы ни зверь, ни охотник не могли уйти друг от друга. Являлся отважный боец с рогатиной, и тотчас выпускали медведя, который, увидя своего врага, становился на задние лапы, ревел и с отверзтою пастью бросался на него. Охотник стоял неподвижно: он наблюдал его движения и одним сильным размахом вонзал рогатину в зверя, а другой конец ее прижимал ногою к земле, чтобы разъяненный медведь не ринулся на него. Яростный зверь лез грудью на железо, которое орошал своею кровью и пеной, грыз и, если не одолевал, то падал на бок со страшным стоном и обливался кровью. Народ провозглашал радостными восклицаниями имя победителя; его представляли царю и потом поили вином из царских погребов. Каждый охотник бил зверя в грудь; в случае промаха он бы *<ва>*л им изуродован, и это случалось часто. Счастливец был доволен тем, что оставался в живых, и не получал никакого награждения, кроме того, что его поили. Раненым выдавалось награждение, а жены и дети растерзанных содержались на царском иждивении*.

Пристрастие русских к охоте считалось благородным занятием, и потому оно сделалось всеобщею потребностью. В половине XVII века было сочинено даже особое наставление для охотников *сокольничего пути***.

Были особые чиновники, которые смотрели за охотою, а именно ловчие и сокольничие. Ловчие разделялись на ловчих рязанского и московского пути; последнему были подчинены городовые. Ловчий равнялся нынешнему егермейстеру. — Сокольничий смотрел за кречетниками, ястребами и другими охотниками; его звание равнялось обер-егермейстеру.

Бояре много раз силились отклонить Петра I от воинских забав, коими он занимался с любовью еще в малолетстве. Выхваляя псовую и птичью охоту, они хотели его пристрастить к ней. Малолетний государь не любил этой забавы, но в угодность им согласился однажды поохотиться. В назначенный день собрались любители охоты. Государь благодарил их за усердие к нему и сказал, что он желает поохотиться с ними одними, но для этого они должны отпустить своих слуг, с коими неприлично им разделять

* Флечер «Com Wealth.», с. 109, помещ. в собр. Гакл.

** Миллер «Книга, глаголемая урядник, или Новое уложение и устроение чина сокольничего пути», — помещено Новиковым в «Древн. вивл.», ч. III, изд. 1788 г., с. 430 — 463. Тут описаны обряды возведения и пожалования из рядовых в начальные сокольники.

удовольствие. Бояре одобрили. Государь, повелев отдать собак своим господам, приказал прислуге удалиться с поля. Вельможи, приняв собак, пришли в крайнее расстройство; собаки, коими они не умели управлять, подбегали под ноги лошадей и их пугали. Испуганные лошади носили всадников по полю, других сбивали, а иных, державших на своре собак, сбрасывали с себя. — Позабавившись, государь возвратился в село Преображенское. На другой день он назначил птичью охоту, для этого пригласил прежних охотников; но некоторые из них были изувечены и лежали в постели, а другие не явились. — Царь спросил у явившихся: не хотят ли они еще поохотиться с ним? Они все отказались. Тогда государь сказал им: не лучше ли нам быть воинами, нежели псовыми охотниками? — Я царь, а слава царя в благоденствии народа; охота же есть слава псарай*. Хотя Петр I искоренял эти забавы, отнимавшие полезное время от занятий, однако вельможи не отставали от охоты. Петр II был с намерением увлекаем к псовой охоте. Гр. Остерман, его наставник, бывший потом государственным вице-канцлером, много раз жаловался на князей Долгоруковых, что они поселили в государстве страсть к псовой забаве; отвлекали его от государственных дел, чтобы только самим управлять. — После смерти Петра II навсегда исчезла охота в царственном доме: она осталась между любителями-помещиками, которые, живя в деревне, занимаются ею от нечего делать. — Там охотники, отправляясь на ловлю зверей, поют с неизъяснимой радостью любимую ими песнь, которую помещаем здесь по ее приятному голосу и плавному звуку:

По колким дубравам
Охотники рыщут;
Набегом удалым
Волков, лисиц ищут.
Ту его, ту его, ту его, ту его, ту его!
Их шапки краснеют,
Кафтаны желтеют;
Рога серебрятся,
Ножи золотятся.
Ту его, ту его, ту его, ту его, ту его!
Вот стая помчнула, —
Чу! голос слыхать.
Лисица мелькнула —
Прошу не зевать!
Ту его, ту его, ту его, ту его, ту его!
Охотник помчался,
И степь затопилась.

* Гол. «Деян. Петр. В.», с. 175.

Чай, там зверь прокрался,
Но чу! — затравил.

Ту его, ту его, ту его, ту его, ту его!
Ого, го, го, го, го, го.

Есть охотники по обязанности, например, в Сибири и других лесных местах, где бывают пушных зверей и вредных диких: медведей, волков и пр. — Но это доставляет пользу промышленникам: от них мы получаем меха для одежд. Существовавшая же прежняя охота убивала время и отклоняла от образования. — Соколиная охота исчезла еще в конце XVII века.

ШУТЫ

Не менее любимую забаву богачей, вельмож и царей составляли еще игры и пение скоморохов. Царь Феодор тешился ими в свободные часы: после обеденного отдыха и перед ужином. — При дворе нашем соделались впоследствии шуты необходимыми. Из великих наших венценосцев Петр I и Екатерина II держали их, но по другой причине: они многое узнавали от них, чего не могли услышать от приближенных. Вельможи держали для собственного удовольствия шутов, которые забавляли их во время обедов смешными рассказами и часто кололи и намекали на своих господ не в бровь, а прямо в глаз. В старинные годы даже думали, что обеденная пища скорее переваривается, если вдоволь насмешат записные шуты. Ныне это уже не в обыкновении; их места заняли карлики, которые ходят со своими патронами рука об руку или носят за ними зонтики. Карлики заменили род собачек: они то забегают вперед, то отстают сзади.

Шуты не только у нас были в почести, но во всей Европе до половины XVIII века — тогда была на них мода.

ЖИЗНЬ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО ДОМА

Великокняжеское семейство следовало общему древнему обыкновению: сидеть дома и заниматься домашними делами, потому оно проводило всю свою жизнь во дворце. Царицы и царевны выезжали в закрытых колымагах или капитанах; их никто не мог видеть, кроме прислуки и определенных особ. Для вскормления царевичей и царевен выбирали кормилицу честную, добрую и молоком здоровую, которая целый год жила вверху у царицы. По истечении года жаловали ее мужа, если он из дворян, в городские воеводы, или дарили вотчиной; мужьям же из другого сословия назначали жало-

ванье и освобождали их от оброка. — Потом приставляли к детям мамку из честных боярынь или из старых вдов благородных, а из другого сословия назначали няньку и прислужниц. По достижении царевича пяти лет определяли к нему боярина знаменитого, умного и тихого; в товарищи ему назначали окольничего или думного, а в слуги и стольники набирали однолетних с царевичем; в учителя избирали тихих и нравственных. — Наследник престола показывался народу, являемый со своим родителем только в церковь или на игры, и то не прежде пятнадцатилетнего его возраста. Тогда нарочно приезжали из дальних городов, чтобы его увидеть. Государевых сыновей обучали чтению, письму, исчислению, шахматной игре, истории, географии и закону Божиему. Впоследствии стали учить греческому, латинскому и немецкому языкам. Многие из великих князей славились еще в отдаленное время знанием языков. Всеволод I (живший в конце XI века) говорил на пяти языках. В. к. Михаил I знал совершенно греческий и латинский языки и говорил как на природном. Он любил чтение книг и ученых мужей. В. к. Константин I окружал себя учеными, собирая книги и покровительствовал просвещению. В столице своей Владимире-на-Клязьме он основал училище, подарил для него свой дворец и снабжал всеми пособиями. В. к. Михаил Юрьевич говорил на греческом и латинском яз.; князья Ярослав Галицкий, Роман Смоленский, Святополк Новгородский и другие служили примером образованности и учености. Кн. Владимир Волынский, за особую его ученость прозван философом. Он собственноручно списал «Апостол», «Пролог» в 12 месяцах, «Четью-минею» в 12 месяцах, «Триод», «Октоих» и «Служебник св. Георгию». Иоанн IV пре- восходно знал всеобщую историю и богословие и в споре с хитрым иезуитом Поссевином о правилах церкви он пристыдил его при многочисленном собрании.

Дети царя Алексея получили уже воспитание европейское, и по совету врачей стали их учить верховой езде, стрельанию из лука и занимать телесными упражнениями. — Зимой они катались на салазках с ледяных гор, устроенных внутри дворца. Со временем Петра I совершенно переменился образ воспитания.

* Кн. Владимир Волынский помер в Любомле в 1289 году и погребен во Владимире-на-Клязьме, в церкви Св. Богоматери. Он был любитель правды, кроток и милостив. — Кар. «И. Г. Р.», т. IV, с. 138 и 140, прим. 175, с. 375; см. еще «Волынскую лет.».

Женский пол вел скучную, единообразную и сидячую жизнь, которую разнообразили сенные девушки своим пением и играми. Кроме свойственных женскому полу занятий, их ничему не учили; но они любили заниматься приготовлением притиранья; ежедневно посещали церковь, скрываясь от народа. Цари и царицы проводили все время своей жизни в благочестивых обрядах. Набожный Феодор едва успевал одеться, как являлся к нему священник с крестом в руках: он сперва благословлял его, потом прикладывал крест ко лбу, щекам и наконец давал ему самому приложиться. После приносили для наступившего дня образ Святого, и его ставили вместе с прочими иконами, коими были обставлены все стены внутренних покоев. Царь начинал креститься и клал земные поклоны пред всеми образами. По окончании этого обряда священник окроплял иконы, а потом царя освященной водою. После утреннего моления государь навещал супругу и шел с нею в придворную церковь, отсюда в приемную залу, а потом в девять часов в другую церковь для слушания обедни, которая продолжалась около двух часов. После обеда он ходил к вечерне и, ложась спать, молился. Каждую неделю он ходил в монастыри.

Никто не мог похвалиться, говорит Маэрберг, чтобы кто видел царицу или царскую дочь, ибо они не оставляли комнат до самой своей смерти; редко обедали вместе царь с царицей, придворные служители не смели приближаться к государыне. Если царственные особы кушали вместе, то лишь вечером, когда не было придворных. Дочери царские оставались безбрачными; им запрещалось выходить замуж за неправославного, потому они поступали в монашеское звание, в коем умирали. Никого из посторонних не пускали во дворец, кроме родственников, доверенных особ и прислуги; внутри и вне дворца стояла многочисленная стража*.

ПОЦЕЛУЙНЫЙ ОБРЯД

Было великим праздником для женского пола, когда мужья из уважения к почетным гостям дозволяли своим женам приходить после обеда в столовую и подносить каждому гостю по чарке вина, за что от каждого они получали

* Reutensels, гл. X, с. 107; Флечер «Com. Wealth.», пом. в собр. Гакл.; Кошихин «О России в царств. Алекс. Мих.», с. 13 — 14; Korb «Diar. itiner. in Moscov.», ed Vien., in f., с. 189; «Relat. in Moscoviam, an. 1661 — 1663 de Aug. Meyern et Guil. Calvucci», с. 346 и 349, пом. в собр. Вихм., — ч. I.

поцелуй*. Когда же выходило несколько жен к гостям еще до обеда, тогда гости становились у дверей: жены приветствовали их небольшим наклоном головы (это называлось *малым обычаем*), а гости кланялись им в землю (*большим обычаем*). Хозяин, кланяясь в землю гостям, был им целом, чтобы они *изволили целовать* его жену, но гости просили его, чтобы он целовал прежде. Потом гости один за другим, кланяясь женам до земли, подходили и целовали каждую в губы; поцеловав же, отступали на несколько шагов назад и опять кланялись в землю; поцелованная благодарила каждого наклонением головы. Затем жена хозяина подносила гостям по чарке двойного или тройного зеленчика; чарка бывала мерою в четверть кварты. Хозяин между тем упрашивал гостей, чтоб они *изволили пить* вино из рук его жены, но по прошению гостей хозяин приказывал выкушать жене, после пил сам, и наконец подносили гостям. Пред питьем и после питья каждый гость, отдавая чарку, кланялся в землю. Кто не пил водки, тому подносили кубок романеи или ренского. Обнесши кругом, хозяйка раскланивалась и шла в покой своих гостей. — Женский пол никогда не обедал вместе с мужским, исключая близких родственников и свадеб. За обедом пили после каждого кушанья по чарке водки, романеи, ренского, пива поддельного, простого и разных медов. Когда подавали на стол круглые пироги, тогда выходили невестки и замужние дочери или жены ближайших родственников; гости же, встав из-за стола, становились у дверей и кланялись им; мужья жен кланялись и просили гостей, чтобы они целовали их и приняли вино из их рук. Поцеловав жен и выпив вино, гости садились за стол, а жены отправлялись в свои покоя. — Дочери не выходили к гостям, и их никому не показывали; они жили в особых дальних покоях. После обеда хозяин и гости пили за здоровье друг друга и потом расходились по домам. Таким точно образом обедали жены, угождая взаимно напитками; за их столом находились девицы, но никого из мужского пола**.

* У скандинавов женщина считалась первой особою в обществе и она была полной хозяйкою в доме. Для гостя не было лучшей чести, как рог меда, поднесенного ему хозяйкою или ее дочерью. — Обидевшие женщину метились кровью; обольщенную вешали над костром обольстителя и сжигали их вместе.

** Олеарий «Osst. begehr. Beschr. v. Neuen Orient. Reise», с. 9, изд. 1647 г.; Масрб. «Voyag. en Mosc.», с. 63, ed. Leid.; Кошихин «О России в царст. Алек. Мих.», с. 119; Корб и Маэрберг говорят об этом обряде с некоторыми ошибками и упущениями.

Олеарий и Корб говорят, что наибольшая честь, какую оказывал хозяин гостю, состояла в том, когда его жена подносила чарку водки. Бар. Маерберг пишет, что в его время (1661 г.) женщины стали показываться мужчинам чаще, и всякий раз по окончании стола выходила хозяйка к гостям в сопровождении двух горничных в наилучшем одеянии. Хозяйка, вошедши в столовую, подносила сначала чарку водки одному из почтенных гостей, прикоснувшись к чарке своими губами. Потом она уходила в свою комнату, переодевалась в новое платье, пока гость пил, и снова выходила подносить другому гостю, и до тех пор уходила и выходила всякий раз в другом платье, пока всем не поднесет. По окончании почтевания она становилась подле стены, потупив глаза в землю, и каждый из гостей подходил к ней поочередно и целовал в губы. — Таннер добавляет к этому известию, что жены выходили только по сильной просьбе гостей, в богатом наряде и, заложив руки назад, становились у печи. Тогда гости подходили целовать и за это получали от них по чарке водки. Во время Таннера были уже примеры, что жены беседовали с мужчинами в отсутствии своих мужей*. Знатные люди дозволяли выходить дочерям, и они подносили водку в серебряной чарке. Отец просил своих гостей целовать их в знак дружбы к нему. Красавицы стояли неподвижно, гости подходили один за другим, кланялись и целовали не в губы, а в щеку**. В начале XVIII столетия мужчины стали подходить к руке дам и девиц, кои целовали их в щеку. Это доныне в обыкновении, и многие из них считают даже за великое себе оскорбление, если гость не подойдет к руке. Польки подают целовать свою руку через перчатку. В некоторых местах провинции пришедший в гости должен целовать сначала руку хозяйки, потом всех дам и девиц, знакомых и незнакомых и, выходя, должен повторить то же самое. Мужчины приветствуют друг друга жатием руки, поклонившись наперед; некоторые же целуются, следуя польскому звучанию (*обычая*). Между духовенством нашим поныне мужчины и женщины целуются в губы; то же самое соблюдается в светском сословии между родственниками. В высшем обществе вывелось из обыкновения подходить к руке; вошедший в комнату приветствует хозяина и хозяйку поклоном, не обязывая себя кланяться посторонним, исключая знакомых. Хорошо знакомые дамы жмут дружески руку у мужчин и так поступают, при нынешних приветст-

* Tanner «Leg. Mosc.», с. 96 и 97.

** «Reutensels», гл. 3, с. 190.

виях, дамы с дамами и девицы с девицами. Идя к обеденному столу, мужчины предлагают руку дамам и отправляются все попарно в столовую, и каждый мужчина, доведя свою даму к стулу, раскланивается здесь. В первой паре идет обыкновенно хозяйка, за нею гости, соблюдая строго первенство в подавании руки; дамы садятся по одну сторону, а мужчины по другую; но хозяин и хозяйка напротив. После обеда почти все уходят не простившись, за исключением дам, а на вечерах и балах являются с обыкновенным приветствием и потом уходят без прощания.

Обычай целования царственной руки не должно смешивать с общежительным. В первом случае он выражает торжественное величие монарха, а во втором действие приличия и уважение к женскому полу. Иоанн III первый установил обряд целования царской руки (в конце XV века). Иноземные послы, представлявшиеся ему, строго соблюдали это обыкновение, которое тесно было связано со знаком особой милости. Такое обыкновение продолжалось до времен Петра В., который просто стал принимать их в своих аудиенциях, подавая им руку. — Подавание руки употреблялось уже Иоанном III, и едва ли не он первый ввел это. В царствование императриц Екатерины I, Анны, Елизаветы и Екатерины II возобновилось целование руки: в тезоименитные дни и годовые праздники. Этой честью пользовались не одни иностранные министры, но все наши сановники, генералитет и придворные дамы. С восшествием на престол императора Павла Петровича оно сделалось почестью венценосной монархии и составляет ныне торжественную пышность двора.

На востоке приветствовали в древности солнце, месяц и звезды целованием руки, означавшим обожание. Бедные между греками, будучи не в состоянии приносить жертву богам, делали пред ними знаки лобзания своей руки. — В религии целуют изображения святых в ознаменование чествования. — Соломон говорит, что льстцы его времени лобзали руки своих патронов дотоле, пока не получали от них, чего просили. — Приам целовал руку и обнимал колена Ахиллеса, умоляя его возвратить ему труп сына его Гектора. — Целование руки господствовало повсюду, но оно не столь древнее, как в уста и щеку, ибо первый поцелуй в уста запечатлен пламенною любовью, потом утвержден супругами и, наконец, родителями. В средние века при введении кого-либо в епископское звание или при дарении вассала землями государь целовал его в чело в знак подтверждения его прав и власти*.

* «Dict. des orig», Par., 1777 г.

ПОЯВЛЕНИЕ СВОБОДЫ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Частое посещение иностранцев и введение ими многих обрядов изменяли постепенно строгость уединенной жизни. Когда царица Наталия выехала однажды в полуоткрытой колымаге, тогда народ роптал на нее. По прибытии в Москву цесарских послов фон-Боттони и фон-Гутмана (в 1675 г.), царица Наталия упросила царя дать им аудиенцию в Коломенском селе, чтобы все происходившее могла сама видеть. В смежности с приемной залой находился покой с дверьми, в коих были сделаны небольшие отверстия и через них она смотрела; но малолетний сын ее Петр открыл по своей ревности дверь в приемной прежде выхода особ и этим обнаружил потаенное ее убежище.

Спустя несколько времени царь совершил с нею набожное путешествие в Троице-Сергиевский монастырь: она тогда ехала в открытой колымаге, чтобы все ее видели; но народ, пораженный этим поездом, потупил глаза в землю и не смел смотреть на нее*. При въезде польских послов в Москву (1678 г.), были зрителями уже многие посторонние девицы. Эти примеры дали повод царевне Софии обходиться с мужчинами вольно: не закрывая лица и не скрываясь от людей. Она не только разговаривала открыто с сановниками, но назначала аудиенции иностранным послам, выходила к народу и стрельцам, принимала лично членов и сама судила. Быстрый переход от затворничества к светскости не нравился закоренелым старообычникам, но они сами нечувствительно перенимали нововведения, а народ постепенно привыкал к ним. Во время въезда цесарских уполномоченных (1698 г.), уже никому не казалось странным, что царица и царевны, стоя у растворенных окон, смотрели на пышный посольский въезд. Петр I, спустя после этого несколько месяцев, угощал многих иностранных министров в доме своего любимца Лефорта и заключил угождение великолепным балом. В то время царевна Наталия и многие придворные дамы находились возле танцевальной залы и смотрели сквозь полуоткрытый занавес**.

* «Relat eorum quae circa Sacr. caes. Majest. ad magnum Cezarum Moscov. alegatos», etc. c. 55, 82 и 83.

** Korb «Diar. itiner in Moscov.», c. 143 и далее.

СВОБОДНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Петр В., зная, что женский пол еще стыдится являться в мужские собрания, повелел в 1700 году, чтобы обоим полам иметь совершенную свободу в обращении и чтобы замужние девицы ходили не закрываясь; но чтобы усилить это действие, завел при дворе *ассамблеи* (собрания), обеденные столы, балы, танцы и маскарады; заставил бояр и все дворянство приглашать на пирушки, вечерние собрания и другие увеселения замужних женщин и девиц, русских и иностранных. — Придворные ассамблеи делились на летние и зимние. Первые давались в царском и царицыном саду (в нынешнем Летнем; царицын же сад не существует, но он находился на Царицыном лугу); последние сначала в *австери* — царской гостинице, которая находилась у канала Петропавловской крепости, недалеко от Троицкого собора; потом в Сенате, бывшем на Петербургской стороне или на Почтовом дворе (на месте нынешнего Мраморного дворца). Гостей сзывали барабанным боем или афишками, иногда после обедни в Троицком соборе или выбрасывали желтый флаг с изображением двуглавого орла, который держал в когтях четыре моря: Белое, Балтийское, Черное и Каспийское и разевался на одном из бастионов Петропавловской крепости. Пушечные выстрелы возвещали жителям, что после обеда должно собираться в сад. Чиновники, дворяне, канцелярские служители и корабельные мастера имели право приходить сюда с женами и детьми. В пять часов пополудни являлся государь со своим семейством. Государыня и великие княжны, занимавшие места хозяек, подносили знатным гостям по чарке водки или по кружке вина. Государь, черпая вино большим деревянным ковшом из ушатов, которые носили за ним два grenadera, угощал гвардейские полки: Преображенский и Семеновский. Прочим полкам предоставлено было угощать самих себя: пивом, вином и водкою, которые стояли в стороне от главной аллеи. — В продолжение собрания иные гуляли в саду, другие курили за круглыми столами, рассуждали и угощали себя. С наступлением вечера освещался сад и начинались танцы, которые заключались *огненной потехою* (фейерверком), зажигаемым на судах по Неве. — Тут горели прозрачные картины с приличными изображениями празднеству. Во все празднество были заперты ворота сада, и никто не смел выйти из него без поздравления государя.

— Вечерние собрания, — говорил Петр В., — служат для увеселения, рассуждения и дружеских разговоров. — Друзья могут видеться в собраниях (ассамблеях) и рассуждать о своих делах; осведомляться о домашних и чужестранных и препровождать таким образом с приятностью время.

У кого приготовлялось вечернее собрание, тот делал на своих воротах надпись большими буквами, что в доме его собрание. Оно не могло начаться прежде четырех или пяти часов пополудни и не могло продолжаться далее десяти часов вечера. Приглашавшие на вечер не были обязаны ни встречать, ни провожать своих гостей, но должны были освещать комнаты, иметь мебель и напитки и стараться о доставлении игр и забав. Никому не воспрещалось, когда приехать и когда уехать домой — довольно, ежели кто посетит и на несколько минут. Всякий мог садиться, вставать, прохаживаться и играть, и кто помешал бы ему в чем-нибудь или лишил бы его удовольствия, тот обязан был в наказание опорожнить «большой орел» (кружка с водкою, величиною с четверть ведра). В собрание входили дворяне, гражданские чиновники, офицеры, почетные купцы, известные художники, *мастеровые и плотники корабельные*, и все они со своими женами и детьми. В одной зале танцевали, а в другой играли в карты *на малые деньги*, в дамки и шашки; в отдельной же комнате курили табак и говорили наедине о своих делах. Еще в особой комнате собирались дамы, которые там забавлялись загадыванием и другими играми*. — Музыка в собраниях была духовая. Сначала Петр В. ввел тарелки, листавры и фагот; потом прибавил трубы, валторны и гобои. Он выписал из Германии капельмейстеров с тем, чтобы они обучали молодых солдат, которые всякий день перед полуднем с 11 — 12 часов играли на адмиралтейской башне. Государь особенно любил польский рожок; постоянно держал при себе музыканта, который во время занятий царя играл ему на рожке малороссийские и польские песни.

Изгоняя старинные предрассудки, Петр В. учредил театры, в кои приглашались безденежно не только женский пол из дворян, но купечество и мещанство: дам и девиц угощали во время междудействий рюмкой сладкого вина** и разными лакомствами. С тех пор появление женщин в кругу мужчин перестали считать за стыд и бесчестие; с тех пор завелись благородные дружеские собрания и танцевальные вечера, на коих женщины составляли уже украшение. Вежливость, об-

* «Дух Петр. Велик.», с. 176.

** Голик. «Деян. Петр. В.», ч. II, с. 11 — 12.

ходительность и вкус изгнали ложное неприличие и стыд: дамы не только стали уважаемы, но сделались распространителями изящества, образования, всего милого и прекрасного. Появление нежного пола в обществе истребило невежество, смягчило грубость нравов и оживило уединенную жизнь — через введение им многочисленных увеселений, забав и удовольствий. Обращение мужчин с дамами и девицами дало им живость, ловкость, веселость, приличие и уважение, и незаметно распространились вкус и образованность. Прежде вменялось девице в бесчестие видеть мужчину, говорить с ним; но после стали почитать оскорблением и нарушением всякой благопристойности, если девица скрывалась, боялась говорить или отказывалась танцевать на бале даже с незнакомым. — Это было такое уже оскорблении, что само общество не извиняло.

ВВЕДЕНИЕ БАЛОВ И ТАНЦЕВ

Балы даваемы были еще первым Лжедимитрием по случаю его свадьбы с Мариою Мнишек (в начале XVII века), на коих участвовали не одни поляки, но и русские. Тогда музыка и танцы были польские, из коих польская, краковяк и мазурка остались доселе в употреблении. Со смертью Лжедимитрия исчезли было танцы навсегда. Петр I снова ввел их. Тогда же появились немецкие и французские танцы: вальсы, кадрили, галопад, пурпур; плясали русскую и казачка; завелись танцевальные общества; музыка употреблялась духовая, потом заменили ее скрипками. На вечера и балы позволялось приезжать наряженным в шутовские одежды, в масках или личинах. — В то же самое время устраивались маскарады (вечера наряженных) и балы маскарадные*. На них не иначе могли бывать, как только замаскированными. Впоследствии было допущено являться без масок, в одном домино, но наконец было дозволено приезжать на маскарадные вечера без домино и масок всем тем, кои даже не желали маскироваться.

КАРРУСЕЛЬ

Наши дамы, давно любившие верховую езду, гордились ловкою скачкой на лошади и умением управлять однокол-

* Маскарад происходит от аравийского слова *москара*, значит шутка, которое изменено в итальянское *mascarata*. Гранацци, воспитанник Микельанджело, умер. 1543 г., первый ввел на сцену среди маскарадных забав героические подвиги воинов с их одеждами и вооружениями.

кой. Потом появились у нас *каррусели*, которые состояли в скачке и бегании и в искусной езде на лошади*.

Карусель представлен у нас в первый раз в присутствии Екатерины II на площади Зимнего дворца (в 1766 г. июня 16). Распорядителем каруселя был кн. П. И. Репнин, а церемониймейстером кн. П. А. Голицын, от коего были розданы билеты всем желавшим видеть рыцарское представление. Карусель состоял из 4 кадрилей: 1. Славянского, коим предводительствовал гр. И. П. Салтыков; 2. Римского, им предводительствовал генерал-фельдцейхмейстер гр. Г. Г. Орлов; 3. Индийского, под начальством кн. П. И. Репнина и 4. Турецкого, под начальством гр. А. Г. Орлова. — В день представления в два часа пополудни был дан пушечный сигнал с крепости, чтобы дамы и кавалеры, назначенные действовать в кадриле, собирались в назначенные места. Славянский и римский собирались на Царицыном лугу в шатрах, а турецкий и индийский в Малой морской в своих шатрах. Ничего не щадили для пышности. — Две богатые ложи были устроены пред Зимним дворцом на конце цирка: одна для императрицы, а другая для наследника престола. Посреди цирка стоял трон, на коем сидел главный судья бойцов; его окружали 40 офицеров, 2 герольдмейстера и 2 трубача. По четырем углам цирка играли трубачи и музыка. Вокруг амфитеатра были устроены места для зрителей. По прибытии государыни на свое место началось шествие кадрилей. Славянский и римский шли из Царицына луга по Большой Миллионной, а индийский и турецкий по Малой морской; каждый кадриль проходил через свои Триумфальные ворота, сопровождаемый своей музыкою. Стечение зрителей было чрезвычайное. Участвовавшие в карусели были в пышных одеяниях, покрытых жемчугом и драгоценностями. Дамы ехали на колесницах, коими управляли особые возницы, а кавалеры рисовались на богатых лошадях; все они остановились перед своими судьями, коих было 12, а главным восьмидесятилетний старец фельдмаршал гр. Ми-

* Карусель — итальянское слово *carra*, от него уменьшительное *carrossello*, значит колесница. Бегание на колесницах появилась в малоазийской Греции еще за несколько столетий до Гомера, за 1500 л. до Р. Х. Карусель был известен древним грекам и римлянам, которые любили отличаться в бегании на колесницах; искусные из них удостаивались на олимпийских играх почетной награды — венка или всебального одобрения. — Эта забава перешла из древнего мира в новоевропейские государства. Итальянские принцы и немецкие рыцари образовали из каруселей воинственные забавы; во Франции они составляли одно придворное увеселение. Первый карусель, данный в Париже, был в 1612 г. по случаю брака Людовика XIII с Анной австрийской; Людовик XIV возобновил его в 1662 и назвал *тюльри*, по имени дворца Тюильри, в коем давали карусель. — «Dict. des origines», Par., 1777 г.

них. — По данному знаку с седалища главного судьи, трубным звуком, начался бег на колесницах, а потом на лошадях. Офицеры, занимавшие места секретарей, записывали по указанию судьи отличившихся. По окончании бега главный судья с прочими 12 судьями и все участвовавшие выступили из амфитеатра и отправились стройными рядами в залу Летнего дворца для разбиания и назначения наград. Императрица встретила их на крыльце. Когда все прибыли в залу, тогда вынесли на золотых подносах награды, а главный судья, став посредине своих судей, произнес: «Знаменитые дамы и кавалеры! — Известно вам, что ни один не проходил день, в который бы наша императрица не прилагала материнских попечений о славе своей империи, благоденствии ее всех подданных и возвышении знаменитого дворянства. Беспримерная в истории монархия избрала этот бессмертный день славы, чтобы отличить и достойно наградить того, кто прославится успехами оружия. Кто не разделит со мною чувство удивления к повелительнице нашей, которая, со свойственною ей проницательностью и нежностью матери назначила карусель, чтобы видеть в нем отличия знаменитого дворянства. Дамы и кавалеры! С высоким рождением вашим неразлучны возвышенные достоинства: они служат верным залогом ваших побед, милостей нашей императрицы, благосклонности наследника престола и всеобщих похвал». Потом, обратясь к меньшой дочери гр. П. Г. Чернышева, Наталии Петровне, сказал: «Графиня! — Императрица уполномочила меня вручить вам первую награду. Позвольте мне поздравить вас с этим высоким отличием и с тем правом, какое предоставлено вам раздавать всем дамам и кавалерам остальные награды. Я, покрытый сединами шестидесятипятилетней службы, старейший воин в Европе, водивший много раз русских героев к победам, я считаю единственной себе наградой, что был свидетелем и судьею ваших блестательных доблестей». — После этого приветствия он вручил ей богатые бриллиантовые букли. — Она стала по правую его руку и раздавала награды: 1. Фрейлине Ан. Вас. Паниной золотую табакерку с бриллиантами. 2. Гр. Ек. Ал. Бутурлиной бриллиантовый перстень. 3. Кн. Ив. Ан. Шаховскому бриллиантовую петлицу и бриллиантовую пуговицу на шляпу. 4. Полк. Ребиндеру трость с бриллиантовой головкой. 5. Гр. фон-Штейнбоку бриллиантовый перстень. — Возницам, за их искусное управление: 1. Поручику конной гвардии фон-Ферзину золотую записную книжку с финифтью; 2. Секунд-ротмистру конной гвардии Щепотьеву золотую табакерку с финифтью; 3. Камергеру гр. Дм. М. Матюшкину золотую готовалью с финифтью. — Потом читан был приговор, подписанный главным и 12 судьями, а именно: 1. Фельдмаршалом гр. Батуриным;

2. Обер-егермейстером Нарышкиным; 3. Генерал-аншефами: кн. Голицыным. 4. Глебовым. 5. гр. Чернышевым. 6. Паниным. 7. Олицем. 8. Генерал-поручиками: Веймарном. 9. Бергом. 10. Дицем. 11. Бибиковым и 12. Майором конной гвардии кн. Голицыным. Приговор был следующего содержания: «Ничто не может быть так лестно для рожденных от благородной крови, как пред лицом монархии и многочисленных зрителей отличиться искусством в бегании, заслужить всеобщую похвалу и награду. Из истории храбрых народов известно, что они учреждали в мирное время военные забавы, чтобы не заразиться праздностью. Эти забавы воспламеняют похвальное стремление к битвам, возвышают душу и укрепляют тело, и с тем вместе открывают путь к геройским подвигам. Наша монархия, возвеличенная во всем свете своим миролюбием, исполнена истинным геройским духом. Она, воодушевляя сердца храбростью, желает заблаговременно приучить самую мысль к воинственным доблестям, чтобы при необходимости ополчения за веру, отечество и престол умели поражать врагов. Карусель есть школа для воинов: он, соединяя приятное с полезным, доставил ныне дорогой случай к различиям и прекрасному полу. — Мы ожидали, что в этом каруселе примут участие приезжие иноземцы из дальних пределов царств, чтобы показать свое искусство; но они не явились, хотя еще в прошедшем году было об этом объявлено — не явились без сомнения потому, что не надеялись восторжествовать над нами. Отличившиеся в беге достойно почтены наградами, и мы поименовали их беспристрастно». За этим следовали имена награжденных подарками. По прочтении приговора императрица угощала участвовавших в каруселе обеденным столом, за коим играла духовая и инструментальная музыка. После обеда начался маскированный бал, который продолжался до пятого часа утра. Этим закончился первый карусель. Второй, возобновленный через несколько недель, происходил в том же самом порядке, перед Зимним дворцом (июл. 11), и первую награду снова получила гр. Нат. Петр. Чернышева, которая раздавала остальные: 1. фрейлинам: Елизав. Ник. Чеглоковой, 2. гр. Ан. Петр. Шереметевой, 3. гр. Штейнбоку, 4. Ферзину, 5. подпоручику Жеребцову, 6. камергеру бар. Алек. Ив. Черкасову. Но как между братьями Орловыми открылось соперничество, доходившее до явной ссоры, и главный судья не знал, кому из них отдать первенство, а с тем вместе и награду, потому положено было решить соперничество взаимным ратоборством. На другой день явились графы Орловы в броне и с прежним пышным шествием кадрилей. По данному знаку трубою они оба начали бег с такой стремительностью, искусством и ловкостью, что долго не знали, кого предпочесть. Однако главный судья отдал преимущество

Григ. Григор. Орлову, поднес присужденную ему награду и другую, тайно заготовленную по собственному его распоряжению, лавровую ветвь. — Это всех изумило. — Дамы подносили ему букеты цветов, поздравляли его с победою и потом с торжеством проводили его в театр, в котором давали тогда оперу «Дидона». Государыня и весь двор, быв свидетелем торжества Орлова, присутствовали в театре. Тут встретило его рукоплескание, и оно раздавалось беспрерывно. Гр. Алексея Григорьевича почтили одними лестными адресами^{*}.

С тех пор не возобновлялся карусель, и теперь он совершенно забыт.

ТЕАТРЫ

В наше время лучшее удовольствие, кроме танцев, доставляют театры, которые были уже известны в царствование государя Алексея. Бояр. Арт. Серг. Матвеев, будучи любителем театра, первый выписал труппу комедиантов, которые играли в Преображенском и Кремлевском дворцах комедии и трагедии и сверх этого увеселяли танцами и балетами. Из игранных в то время комедий известны: 1. «Пригча о блудном сыне». 2. «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцах, в пещи сожженных». 3. «Навуходоносор, Мемухан, Моав, Амон, Нееман, Корей, Лапид, четыре протазанщика, четыре спальника». 4. «Артаксеркс и Аман». 5. «Олоферн и Иудиф»^{**}. В «Разрядных записках» 1676 года сказано о комических играх: «Тешили великого государя иноземцы, как Алаферна царица царю голову отsekла, и на органах играли немцы, да люди дворовые боярина Артамона Сергеевича Матвеева», далее: «Как Артаксеркс велел повесить Амана, и в органы играли, и на фиолах, и на инструменты и танцевали», далее: «Тешили великого государя на заговенье немцы и люди Артамона Сергеевича на органах и фиолах и на инструментах, и танцевали, и всякими потехами разными»^{***}. Народ смотрел на это с изумлением. Он долго никак не мог верить, чтобы все это делалось людьми: он думал, что нечистый дух вселялся в них и забавлялся зрителями. Многие из простолюдинов боялись говорить с актерами, полагая, что в них поселился дьявол; не смели есть из одной с ними чаши, почитая оскверненным; хлеб, одежду

* Castera «Hist. de Catherine II», т. 2, с. 27 — 36; «С.-Петербургск. вед.», 1766 г., № 51 и 58, в прибавлениях.

** «Древ. росс. вивл.», ч. VIII, с. 34, 58, 187 и д.

*** Успенский «Опыт повеств. о древност. русских», ч. 1, с. 98.

и деньги не иначе принимали от них, как по прочтении молитвы; избегали всякого сообщества с играющими на театре, даже чуждались самих зрителей; душу актеров считали погибшею. Такое мнение в народе господствовало долго, до начала XIX века. Тела актеров часто не предавали погребению, считая их за богохульников и за людей, живущих в дружбе с чертями*.

Царевна София, искореняя старинные причуды, сама играла с благородными девицами комедию Мольера «*Врач противу воли*». Петр I, вводя иностранные обычаи, открыл театральные представления в Москве и Петербурге (1700 г.); в царствование Елизаветы учрежден в Петербурге (1756 г.) театр, со всеми правилами вкуса и дирижиров^{<ания>}; директором его назначили Сумарокова. По прошествии трех лет был открыт театр в Москве (1759 г.). При Екатерине II проявилось желание посещать театры во всех сословиях; в начале XIX века оно распространилось по многим городам, где уже устроились свои театры; завелись переходные труппы актеров, которые стали появляться на значительных ярмарках и в большие праздники в больших городах. Труппы балаганщиков, фигляров, комедиантов и фокусников разъезжают ныне повсюду и показывают народу *свои возвышенные представления*. Они обыкновенно разбивают на площади или рынке пребольшую палатку и, устроив в ней места для зрителей на подмостках, представляют *неспыханные и никогда никем не виданные игры*. До представления объявляют афишками. Вот образец из невиданных комедий: «*Как жена надевает мужу золотые рога*», «*Как жена сидит подле мужа и целует своего дружка*», «*Как девушка-душка печально зашла к ненаглядному молодцу*», и пр. Как ни странныны таковые представления, но они заставляют почтенную публику хорошенько подумать: как вырастают рога? как жена целует дружка? и т. п.

Странствование трупп по городам еще в большем употреблении в Европе, нежели у нас.

Театры в Петербурге, в коем ныне три: Александринский, Большой и Михайловский, особенно отличаются водевилями и операми и не уступают лучшим иностранным; но музыкой и балетами они превосходят все иноземные. Все наши театры (с 1842 г.) находятся ныне в ведомстве директора петербург-

* Шестым вселенск. собором, состоявшимся в Трулле, определено: отлучать от церкви и тех, которые занимаются плясками, зрелицами и звериной ловлею. — Иннокентий «Начерт. церков. истории», ч. 1, с. 377, изд. 1838 г.

ских театров с названием «директора Императорских российских театров». — Наши театры поддерживаются правительством, иностранные держатся содержателем, который из вырученных им денег за представление платит актерам и имеет еще свою прибыль.

В старицу проводили время в разного рода забавах и увеселениях: в катании с ледяных гор по льду на коньках, санках, качелях, гадании и хороводных забавах. Другие занимались шахматами, шашками, зернами или костями; забавлялись беганием взапуски, борьбою, скачкою и т. п.*

ТЕЛЕГИ И САНИ

У нас в самой древности предпочитали экипажам верховую езду. Такое обыкновение было общее всем восточным народам, пока роскошь не выдумала удобных и покойных экипажей. Телеги и сани появляются у нас с основанием нашего государства. Бар. Герберштейн, бывший у нас в начале XVI века, пишет**, что в проезд его через Новгород он слыхал от жителей, что в Пскове еще хранятся сани в. к. Ольги. — Нестор пишет, что в его время в конце XI века еще стояли сани в. к. Ольги***. Купцы новгородские упросили Герберштейна, чтобы он оставил им в память свою повозку****. При отъезде его из Москвы он получил от великого князя в подарок сани с белым медвежьим мехом, прекрасную лошадь, чепрак, копченую белугу, осетра и стерлянь; а в другой раз: 42 соболя, 300 горностаев и 1500 куниц. — Франциск да Колло пишет, что в отдаленных странах России, где ловят соболей — тогда ловили их и около Печоры, — впрягают в сани собак*****. Знатные люди ездили летом в закрытых возках, обитых внутри красным сукном, а зимой обращали их в сани. Жены первостепенных сановников выезжали в пышной одежде; величаясь знатностью, они имели у своих ног горничную; по бокам шло от 30 до 40 слуг. — Лошадей убирали лисьими хвостами, как в поезде невесты*****. Петр, митрополит сарский и подо-

* О забавах, а именно играх и хороводах, помещено в своем месте, в IV ч. Иностранные писатели: Герберштейн, Маржерет, Олеарий, Меч и другие говорят о некоторых забавах, но списывая друг у друга.

** Herber. «Rer. Mosc. com.».

*** «Нестор. лет. по Кенигсб. сп.», с. 52.

**** Herber. «Rer. Moscov. com.», с. 79, ed. Antv., 1557 г.

***** Franc. da Collo «Il Trattamento» и пр., пом. у Чилли.

***** Олеар. «Offl. begehr. Beschr. d. Neuen Oriental Reise», с. 142.

нский, живший в половине XVII века, ездил зимою и летом в санях, запряженных в одну лошадь, на коей сидел верхом кучер; посох митрополита несли впереди его. Архимандриты ездили в лубочных санях, сидя на медвежьей полости, и покрывались коврами. — Царица Наталия являлась к народу с особой пышностью: ее сани, обитые красной материю, были украшены вызолоченными двуглавыми орлами и были возимы 12 белыми лошадьми, со страусовыми перьями на головах; позади шли чиновные люди. Царь Алексей ездил в церковь в день своего тезоименитства в обитых красной материей санях, запряженных одной гнедой лошадью; на запятках его стояли бояре: кн. Я. К. Черкасский и И. Д. Милославский, его тесть; напереди стояли два комнатные стольника; впереди саней шли стрельцы, а по сторонам придворные*.

КАПТАНЫ, РЫДВАНЫ И КОЛЫМАГИ

Со старых времен ездили в рыдванах, капитанах и колымагах. Каптаны были зимние возки, обитые бархатом или красным сукном; у дверец вставлялись слюдяные окошки с тафтяными занавесками. — Рыдваны были длинные и без рессор; покрывались сукном. Колымаги, как рыдваны, делались на четырех колесах и отличались от простой телеги тем, что внутри обивались сукном; в них входили по лестнице. Колымаги и капитаны делались о двух оглоблях, без дышел; запрягались в одну лошадь, а другие были столь просторные, что в них свободно помещали постель, подушки, туфяки и теплые одеяла**.

КАРЕТЫ И КОЛЯСКИ

Возок, который послал в подарок царь Борис Годунов датскому принцу Иоанну, жениху Ксении, был похож на карету. Его везли шесть серых лошадей, убранных в красные шлеи; все железо было посеребренное; верх обтянут лазоревым сафьяном, внутренность покрыта пестрою камкой; подушки лазоревые и темно-красные; по сторонам расписано золотом и красками, колеса и дышло крашеные.

Во всей Европе долгое время ходили пешком, по неимению экипажей. Только принцев носили на помочах, а вель-

* «Рисунки к путешествию барона Маэрберга», С.-Петербург., 1827 г., см. рисунки XLVI — XLIX, изданные на счет государственного канцлера графа Н. П. Румянцева.

** Коших. «О Росс. в царствован. Алексея Михайловича», с. 14; Miege «La relat. des trois embas. de Carlisse», с. 49, ed. 1672 г.

можи и сановники ездили на мулах. Первые французы выдумали кареты в половине XV столетия. При Франциске I, короле французском, жившем в XVI веке, находились в Париже две кареты: одна королевы, а другая Дианы, дочери Генриха II. Но придворные дамы не заботились о каретах и только в начале XVII века кареты начали входить в употребление. Говорят, что первый из придворных ездить начал Иоанн де Боя-дофин, и то по причине чрезвычайной его тучности, препятствовавшей ездить верхом. В кареты запрягали лошадей, но в Испании еще долгое время употребляли молов*.

Борис Годунов в числе многих подарков, полученных им от королевы Елизаветы, получил еще от нее карету, обитую бархатом.* — Карета Марии Мнишек была обита снаружи алым сукном, внутри красным бархатом; подушки были парчовые, унизанные жемчугом; ее запрягали в двенадцать лошадей. — С появлением карет вошли в употребление коляски и они запрягались в шесть лошадей.

Распространившееся тщеславие на богатую упряжь заставило царя Феодора ограничить ее: он указал, чтобы впредь с 1682 года бояре, окольничие и думные впрягали в кареты и сани по две лошади, в праздничные дни по четыре; для сговоров и свадеб в шесть лошадей. Стольникам, стряпчим и дворянам велено ездить летом верхом, а зимой на санях в одну лошадь. Кареты стоили весьма дорого, и потому в начале еще XVIII века они были очень редкие. В Петербурге находилась при Петре I одна наемная, которую употребляли для иностранцев; прочие ездили в одноколках или верхами. В половине XVIII столетия размножились кареты и коляски. Парадные кареты запрягались цугом в шесть и четыре лошади; впереди ехали вершники, одетые по-гусарски или по-казацки; иногда шли по бокам скороходы и гайдуки — последние были одеты по-гусарски или по-казацки и исполняли обязанность лакеев. Тогда же появились брички, доромезы, фаэтоны с кожаными фартуками и дрожки; — последний экипаж есть собственно русский и его иностранцы не знают**. В конце XVIII века стали ездить при дворе на линейках, при коем они поныне остались в употреблении.

* «*Diction. des origines.*», Par., 1777 г., ч. I, с. 317, in 8. Французское *carrosse* обращено нами в карету.

** Хотя по всей России употребляют единообразные экипажи, однако в Саратовской губернии и смежных с нею есть совершенно отменные от прочих — это дроги. Своим видом они похожи на повозки ломовых извозчиков с тою разницею, что по обоим бокам приделывают крылья и кузов без рессор, а иногда делают без крыльев и кузова; места для сидения застилают ковром и садятся по обеим сторонам, часто на голой доске. Запрягают парой и в одну лошадь. На этих дрогах помещаются до 10 душ, мужчины и дамы вместе; тряска во время езды нестерпимая.

Во внутренности России долго не знали ни колясок, ни карет, которые стали появляться там в конце XVIII века как диковинка. Между многими тому примерами это земля донских казаков. Там в первый раз появился тяжелый рыдван в половине XVII столетия при атамане Данииле Ефремове. Когда атаманша ездила в рыдване, тогда все жители Черкасска выбегали на улицу и кричали: «Сама едет!» — У этой атаманши был зимний возок, расписанный яркими красками и обитый войлоком, цветной шелковой материю и бархатом; дверцы были со стеклами и внутри стояла *посредине жаровня**.

Русские повозки, сани и телеги служат доселе с пользою; но сани делаются ныне с изысканной роскошью^в в одной только России и именно в Петербурге. Ямские почтовые повозки славятся своей прочностью и удобством, а валдайские колокольчики серебристым звоном и крепостью. Упряжь наша отличается от европейской дугами и всей зброй; наш кучер правит с большой ловкостью и самодовольствием. Ямщики отличаются быстрой ездою; во время дороги они свистят, поют, прикрикивая на свою тройку: «Эй! Соколики мои». — За границей, даже в царстве польском и Литве, впряжены лошадей цугом и без форейтора; один кучер правит и поминутно хлопает бичом, который несносно поражает непривычный слух. — В сани, которые испещряют разноцветной краскою, запрягают лошадей гуськом и привешивают на шею колокольчики, напоминающие своим трезвоном наших маймистов, называемых в простонародье чухонцами. — В Берлине даже щеголяют трезвоном.

Омнибусы и дилижансы заведены у нас в недавнее время для облегчения проезжающих из Петербурга в Москву и обратно, а внутри столицы для отправляющихся в летнее время на гулянье. Весьма жаль, что они не учреждены во всей России, и даже в нашей столице начали употреблять их для вседневной езды недавно, кажется не более трех лет тому назад. — В Париже разъезжают несколько тысяч ежедневно и за весьма умеренную цену. Из одного конца столицы в другой там можно проехать не более за 15 к. сер., и проезжающих всегда полный омнибус.

Коляски и кареты делаются у нас так хорошо, что они своей отделкой не уступают многим иностранным, и сверх того отличаются изысканностью до расточительности. — При Петре I находилась в Петербурге одна наемная карета, а теперь, по прошествии столетия, уже тысячи; колясок и дрожек еще более. Положением Петра I дозволено всем дворянам и

* Корнил. «Русск. старина», с. 293 и 294, изд. СПб., 1825 г.

с званием высокоблагородным, ездить в карете парой; пре-
восходительным в четыре лошади с форейтором, а в шесть
высшим придворным чинам. Императорский дом ездит в
карете в четыре лошади с форейтором, а во время народных
гуляний и торжественных выездов запрягают в шесть и
восемь лошадей, и весь блестательный двор сопутствует ему
в экипажах придворных. — Лакеи одеваются в красное
платье, шитое золотом; сбруя лошадей ослепляет глаза сия-
нием.

Кроме дворянства никакое другое сословие не имеет
права ездить в каретах и колясках. Высшее черное духовен-
ство, начиная от епископов до митрополита, пользуется
правом ездить четверней, а митрополиты шестерней. Их
кучера и лакеи ходят без бород и одеваются в черное
платье. — Городской голова в столице, один пользующийся
правом являться ко двору в карете, может запрягать ее в
четыре лошади. Прочее купечество и мещанство может разъ-
езжать на дрожках и ездить в богатейших санях даже трой-
кой.

Верховая езда дворян, сановников и женского пола не
употребляется более у нас, как это было прежде, и ныне
она составляет щегольство одних охотников и амазонок
русских. — Ее вытеснили экипажи — на все свое время. —
Но, может быть, скоро наступит то время, когда снова станут
ездить верхом, как это ныне в Англии, по причине дорого-
визны содержания лошадей и экипажей. Напрасно думают,
что англичане ввели у нас верховую езду: она давно была у
нас известна. Англичане только сделались лучшими конеза-
водчиками и любят верховую езду потому, что дешевле иметь
одну или две лошади, нежели содержать их много, и еще
иметь кучеров и несколько экипажей и т. п. Мы не нужда-
емся в верховой езде, потому что богаты, — но в самом ли
деле богаты? Нет, мы более расточительны, не бережливы.
Когда проживемся, тогда примемся доказывать, что ходить
пешком весьма полезно.

БАНИ

С незапамятных времен употребляли на востоке ванны. — В Греции и Риме они нежили прихотливость сибариток. Там женщины проводили все утро в роскошном омовении: прислужницы натирали их благовонными мазями и спрыскивали духами; головные волосы умащивали душистыми веществами, расчесывали, переплетали и убирали; потом одевали изнеженных красавиц в дорогие ткани. Теплые ванны знали малоазийские греки еще до времен Гомера. В европейской

Греции появились бани около половины VIII века до Р. Х. Посреди комнаты была устроена печь, нагревавшая смежные две комнаты, в коих парились. У лакедемонян мужской и женский пол ходил вместе в одну баню; римляне устраивали отдельные для обоих полов. — Они ходили в баню до ужина; богачи натирались благовонными маслами и духами. По солнечном закате звоном колокола об открытии бань. — В Малороссии и во многих местах Великороссии банщик, ходя по улицам, кличет народ: «В баню! В баню!» — Во время Помпея, за 70 л. до Р. Х., полицейские чиновники смотрели за порядком и благопристойностью, даже отец не мог быть в бане вместе со своими детьми; но когда разврат изгнал стыд, тогда женщины начали мешаться с мужчинами. Содержатели бань заманивали сюда молодых людей, окружая их красавицами; старики ходили сюда единственно для пресыщения своих любострастных взглядов*.

В России были известны бани в самой глубокой древности. Наш летописец Нестор относит их к первому веку по Р. Х., когда Св. Апостол Андрей, проповедуя в Киеве Евангельское слово, отправился потом в Новгород, где он увидел чудо — парившихся в бане. В ней, по описанию его, все превращались в цвет сваренных раков. Накалив печь в деревянных банях, говорит Нестор, входили туда нагими и там обливались водой; потом брали розги и начинали сами себя бить, и до того секли, что едва выходили живыми; но потом, окатившись холодной водой, оживали. Так делали ежедневно, и при этом, заключает Нестор, никем не быв мучимы, сами себя мучили и совершали не омовение, а мучение**. Некоторые обливались еще квасом***. Сам Апостол Андрей рассказывал об этом обряде по прибытии его в Рим. Его известие неверное и оно невольно рождает вопрос: существовал ли тогда Новгород? Даже самый Киев? В первом веке мы никаких не знаем славянских племен, живших на этих местах. Откуда же взялись эти города? — Наш летописец, конечно, хотел выставить давность бани и, несмотря на эту погрешность, его предание уже тем важное, что до него были в употреблении бани. — Он между прочим рассказывает за достоверное, что в. к. Ольга, желая наказать древлян, убивших ее мужа Игоря (в 945 году), повелела

* «Diction. des origines», Par., 1777 г.

** Нестор по «Кенигсб. сп.», с. 8. «И тако творят по вся дни, ни мучимы ни чим же, но сами ся мучат, и тако творят не мытву себе, но мучение».

*** «Русская летопись с воскресенского списка»: «и облиуются квасом кислым», ч. I, с. 62 и 63, изд. 1793 г.

сготовить баню для древлянских послов, которые бы, омывшись, представились ей. Во время их омовения зажгли, по приказанию Ольги, баню, в коей сторели посы*.

У нас долго было в обычае, чтобы для гостей топить баню.

Нам не известно, когда появляются торговые бани, но знаем, что они были давно в употреблении. — В древности все любили бани. — Бенедикт, предводитель венгерского войска, осадив город Галич (1211 г.), схватил в ней беспечно мывшегося кн. Романа Игоревича. — В старину строго наблюдали, чтобы жених пред брачным днем мылся в бане, а после первой супружеской ночи ходили бы вместе молодые. Этому обычью следовали великие князья и цари до начала XVIII века. — Лжедимитрий, быв уже не любим народом за неуважение к обычаям, был осуждаем, что он ни однажды не мылся в бане со своею «паганой царицею».

В Греции также было в обыкновении мыться вместе в бане. Гомер, описывая прелестную Поликастию, говорит, что юная дочь Нестора сама провожала Телемака в баню, а невинная Эвриксис находилась в бане с Улиссом.

Некоторые иностранные писатели** рассказывают еще, что если супруги проводили ночь вместе, то они не смели войти в церковь, не омывшись прежде. Во время служения они могли стоять за дверьми церковными, но тогда подвергались посмеянию молодых людей.

В баню ходили инокини без разбора. При Екатерине II правительство старалось искоренить общие бани***, и только в царствование Александра Благословенного они уничтожены навсегда устроением отдельных бань для обоих полов.

Некоторые из наших писателей думали, что Переяславский епископ Ефрем, бывший потом митрополитом, первый повелел строить торговые бани при церквях в 1090 г. — Епископ, говорит летописец Нестор, заложил «строение каменное банное», чего прежде не было, а церкви воздвигались с банями. — Баня на малороссийском языке значит купол, верх церкви, а строение «каменное банное» означает крестильницы, которые он учреждал при каждом храме.

Бани в таком ныне употреблении между нашим народом, что всякий зажиточный поселянин в деревне имеет свою

* Нестор по «Кенигсб. сп.», с. 49.

** Герберштейн «Reg. Moscov. com.», Paul. Jov. «De leg. Mosc.»; Meletii «De Russor. relig. et ritib.», ed 1581 г., Олсарий, Корб, Моттли и другие.

*** Устав. Благочиния.

собственную*. Иностранные с изумлением пишут в XVI и XVII веках, что поселяне наши, выходя из бани красными, как раки, катались по снегу или кидались в ледяную прорубь; потом вновь парились, не подвергаясь никаким болезням. Эта крепость, свойственная русскому, ныне изменилась. Хотя встречаются эти примеры по деревням, однако они не всегда проходят удачно. Теперь только выходят на холод, чтобы несколько освежиться, и потом тут же окатываются теплой водою.

Бани неизвестны в Европе. В Вене и Париже учреждены русские бани, но они далеко отстоят от настоящих наших: там не знают париться вениками, а только обмываются и потеют; самый пар не крепкий и даже слабый, и за всем тем немцы и французы не могут выдержать его. Они ходят в устроенные наши бани только во время сильной простуды, ревматизма и озоба. В Варшаве учреждены очень хорошие русские бани, и они, как говорят, появились там в настоящем виде с 1832 г.

Бани, как средство потогонное, весьма полезны; но употреблять в такой степени, как у нас, они очень вредны. Тело расслабляется и мозговые органы тупеют; наружность теряет природную краску, и она скоро покрывается морщинами. Этому примером служат женщины: они стареют ранее своего возраста и вянут; лица их преждевременно бледнеют и часто желтеют. — Омывание теплой водой, и в легком паре, весьма здорово. Мыться же холодной несравненно здоровее: такое омовение укрепляет тело и оживляет его; румянец бывает постоянно свежий и естественный; морщины проглядывают не скоро и, что важно, гораздо реже подвергаться можно простудам и головным болям. Сама привычка к баням с детства не спасает от расслабления и постоянных простуд, особенно во время сырости.

* Многие парятся в бане в самом крепком духе, а другие даже в раскаленных печах. — И это уж истинные любители, которые, кувыркаясь на разостланной соломе, приказывают еще закрыть за собою заслонкою, и так парятся, что вылетает душенька вон. Несмотря на это, русский любит душные бани, и не попариться в субботу как-то ему стыдно и совестно, и чего-то недостает ему.

МУЗЫКА

ЛЮБОВЬ СЛАВЯН К МУЗЫКЕ

узыка, пение и пляска, выражение радости были известны нашим предкам еще задолго до основания политического бытия России. По берегам Балтийского моря жили, по известию византийских историков, мирные и счастливые славяне, коих не мог вооружить противу восточной империи сам Баян, сильный и свирепый аварский хан. Когда греки, воюя с этим ханом (в 590 году), взяли в плен трех балтийских славян, тогда они нашли у них вместо оружия кифары или гусли и узнали от них, что в их стране нет железа; что они не знают войны, любят музыку и ведут мирную жизнь*. Нельзя думать, чтобы балтийские славяне не знали войны и оружия, иначе земля их давно была бы разорена; но можно допустить, что они предпочитали мир войне; что пленные три славянина с гуслями находились в стане хана, по обычаю восточному одушевляя воинов игрою и пением к битвам. — Если бы все прибалтийские славяне занимались музыкой, то кто бы обрабатывал их земли? Предание византийцев может подтверждать только то, что все славяне любили музыку и

* Кар. «И. Г. Р.», т. I, с. 26 — 27; Strit. «Memor. popul.», т. II, с. 53 — 54. У Феофилакта, Анастасия и Феофана, под 590 году.

увеселения: ибо из истории известно, что они ввиду многочисленных врагов веселились, пели и забывали опасности. Однажды греки, напав ночью на стан славян, разбили их единственно потому, что, будучи отвлечены песнями, они не приняли никаких предосторожностей*.

ДРЕВНЕЙШАЯ МУЗЫКА СЛАВЯН

Какие музыкальные инструменты прежде всего были известны нашим предкам? Этого невозможно решить, но следуя за ходом образования, мы знаем, что все народы употребляли первоначально самые простые музыкальные инструменты, потом изменяли их с постепенным усовершенствованием и наконец дошли до того, что первоначальная музыка или осталась в употреблении между простым сословием, или совсем исчезла. Самая естественная музыка появлялась у всех полудиких одноствольным орудием, деланным из тростей и рогов животных. Первоначальная игра состояла из подражаний свисту ветров и пению птиц; потом своими особыми звуками они начали выражать горесть и радость. Последовательные переходы, усовершенствуя приятность звучий и согласие тонов, изобрели многосложные инструменты, требовавшие не одного искусства, но особого изучения.

Древнейшая наша музыка была простая и, судя по необширному образованию наших предков, полагать можно, что дудка и рожок были у них самые первые инструменты; потом жалейка, рог и свирель; наконец волынка, гудок, балалайка, ложки и гусли.

Дудка, похожая на флейту, есть весьма обыкновенный и простой инструмент по своему устройству. Пастухи преимущественно играют на ней, а потому *<он>* может называться пастушеским. В России часто ее смешивают со свирелью; в Малороссии она называется *сопелкою***.

* Прокопий у Стрите́ра «Мем. popul.», т. II, ст. 61. Прокопий называет их песни аварскими, ибо аваров и славян он считает за один народ: этому мнению последовал Венелин, см. его: «Болгары» и пр. Явились даже защитники этого мнения, единственно из желания противоречить историографу Карамзину.

** В храме, построенном царем Соломоном, употреблялись *сопели*, гусли, кимвалы, трубы, органы, свирели, самвики и псалтыри и всякого рода *музыкайска*. «Кн. пророка Даниила», гл. 3, с. 5 — 15; кн. 11, «Паралипомен», гл. 5, с. 12 — 14; кн. 3 «Царств», гл. 10, с. 12.

Рожок, древний пастушеский инструмент, употребляется поныне. Его звуки в руках искусного музыканта довольно хорошие, и он заменяет заунывный кларнет.

Жалейка, или сиповка, образует двойную дудку; издает голос сиповатый, отчего она получила настоящее название. — Она теперь выходит из употребления.

Рог делается из двух деревянных согнутых стволов, похожих на военные трубы; употребляется на охоте. Музыка роговая имела свою эпоху и свою моду. При Екатерине II она была в обыкновении. Особенно любил ее обер-егермейстер Нарышкин, у которого роговая музыка разыгрывала трудные ноты и веселила гостей за изобильными пирами. — Со смертью Нарышкина роговая музыка исчезла.

Свириль состоит из семи вместе сложенных дудок или стволов таким образом, что отверстия, по коим пробегает играющий касанием губ, расположены ровно и концы каждого ствола срезаны в соразмерной постепенности в таком отношении, что большой, или первый, ствол превосходит последний вдвое. Это есть древнейший греческий инструмент, коего усовершенствователем почтается бог Пан. Он употреблялся долгое время пастухами в Украине и во всей Малороссии. В России его употребляли в сельских пируетках и хороводных играх.

Волынка делается наподобие раздувательного меха с тою разницей, что кожа, часто сырая, недавно снятая с барана, как это бывает у финнов, надувается прикрепленною вверху деревянной трубочкою; внизу с двух противоположных сторон прикрепляются две разной величины и разных отверстий деревянные трубки, чрез кои проходя воздух выжимает басистые голоса, а третья небольшая верхняя дудочка имеет на своем стволе несколько отверстий, которые по воле играющего прижимаются пальцем и открываются, производя этим разные голоса и звуки. Музыка волынки однообразная: она беспрестанно гудит и ревет. Употребляется повсюду в России.

Гудок похож на скрипку: он о трех струнах и со смычком; рукоятка его вверху загнутая, как у баса, с тремя колышками; по струнам водят смычком, который издает одно гудение, от коего он получил свое название. Он употребляется доныне на сельских пируетках и забавах.

Балалайка состоит из длинной рукоятки, на коей поделаны лады, и из круглого корпуса. На нее навязывают две струны, кои настраиваются довольно высоко. Балалайка есть любимейший инструмент русских. Ни один праздник, ни один свободный вечер от работ не упускается охотниками, чтобы не поиграть на ней. Сам игрок и поет, и танцует. Любители веселья, услышав звук балалайки, немедленно сюда сходятся и начинают разгульную пляску.

Ложки. — Два деревянных инструмента, похожие на обыкновенные ложки, складываются вместе. Рукоятки их унизывают сквозными небольшими шариками, кои бывают металлические, и оставляют их висячими, подобно виноградным кистям. Во время музыки трясут ложками, которые от движения шариков издают многообразные звуки. Тоны их приятнее бубнов.

Гусли. — Они имеют вид легкой ручной арфы с медными струнами; строй их свободный: можно поднимать высоко и очень низко; они служат приятным спутником для пения. Это самый древнейший и любимейший инструмент у евреев. Давид прославился игрою на гусях. Будучи оруженосцем при царе Сауле, он усыплял его гнев кифарами и воспевал славу Божию*. В Малороссии долгое время любили играть на гусях, но ныне и там они исчезают. В России их не употребляют. — У сербов доселе гусли занимают первое место. От берегов Савы и Дуная до внутренних владений Черногории, везде услышите раздающиеся их звуки, сопровождаемые восхитительнейшим напевом отечественных песен. Нет там уголка в деревне, где бы их не было или, правильнее сказать, нет дома, где бы они не звучали. Бывший владетельный князь Сербии Милош Обренович любил в досужное время от государственных занятий играть на гусях и петь под их сладковзвучный напев доблестные подвиги своих единоземцев. Любимая песнь сербского народа для гусей — это есть «Свадьба» Максима Черноевича. Имя сочинителя неизвестно, но она красотою и силою чувствований так превосходна, что не уступает во многом простоте Гомера и восторгу Оссиана. Сохранением своим она обязана народной памяти; переходя многие столетия от

* «Исповедайтесь Господевы в гусях, во псалтири десятострунном пойте Ему...» (Кафис. 5, ст. 2). «Востани слава моя, востани псалтиру и гусли...» (Каф. 8, ст. 9). «Воспою Тебе в гусях, Святый Израилев» (Каф. 10, ст. 22). «Приймите псалом, и дадите тимпан, псалтырь красен с гуслими. Вострубите в новомесячии трубою, во благознаменитый день праздника вашего» (Каф. 11, ст. 3 — 4). «И во псалмех восклиникнем Ему: яко Бог велий Господь, и Царь велий по всей земли» (Каф. 13, ст. 3 — 4). «Восклиникнете Богови вся земля: воспойте и радуйтесь и пойте. Пойте Господеви в гуслех, в гуслех, и гласе псаломсте, в трубах кованых и гласом трубы рожаны: вострубите пред Царем Господем. Да подвижется море и исполнение Его, вселенная, и все живущии на ней. Реки восплющут рукою вкупе: горы возрадуются от лица Господня, яко грядет, яко идет судить земли: судити вселенней в правду и людем правостию» (Каф. 13, ст. 4 — 9). «Да восхвалят имя Его в лице, в тимпане и псалтири да поют Ему» (Каф. 20, ст. 3). «Хвалите Его во гласе трубне, хвалите Его во псалтири и гуслех, хвалите Его в тимпане и лице, хвалите Его во струнах и органе, хвалите Его в кимвалях доброгласных, хвалите Его в кимвалях восклициания. Всякое дыхание да хвалит Господа» (Каф. 20, ст. 3 — 6). — «Псалтырь с толкованием», изд. Киев. пещер. лав., 1814 г.

поколения к поколению, она наконец в XIX веке сделалась известною в печати по изустным преданиям*.

Простой народ употреблял в пылу веселия тазы и сково-роды, в которые он бил палочками, соглашаясь с музыкой.

ТРУБНАЯ МУЗЫКА И МНЕНИЕ О МУЗЫКЕ И ПЕНИИ

Ни при дворе велиокняжеском, ни в кругу благородного сословия мы не встречаем никакой музыки. Хотя иностранец Контарени говорит, что у наместника Помартина была за обедом музыка, однако мы не знаем, какая это была музыка? При Иоанне IV мы встречаем скоморохов и шутов, которые забавляли его разными играми и музыкой. Во время первого Лжедимитрия раздавалась польская музыка на его пиршествах. Должно думать, что не раньше этого времени стала появляться у нас правильная музыка.

По известию одного иностранца, употребляли для пляски и во время свадьбы между прочими музыкальными инструментами *псалтырь*. — Его держали на коленях и пальцами перебирали струны, как на арфе** — нынешний торбан. Этот псалтырь есть гусли царя Давида, которые доселе называются в простонародии псалтырем, оттого что вдохновенный песнопевец воспевал славу Божию на своих гуслях по псалмам***.

Духовенство строго воспрещало забавляться музыкой****, но однако ее употребляли на свадьбах и в веселии.

За обедом царя Михаила Феодоровича, когда он угощал послов голштинских, играли на арфе и скрипке; потом плясали русскую искусственные танцовы. Девушки держали в руках пестрые вышитые ширинки, коими они махали при выражении ловких своих движений*****.

Свадьба царя Алексея Михайловича праздновалась музыкой: на дворе и в передней комнате играли в трубы и суренки и били в литавры.

* Об этой песне см. Вука Стефановича: «Народне српске пјесме».

** Olear. «Biel vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschr.», ed. 1696 г., in f., c. 109.

*** Псалтырь Давида была десятиструнная. — «Во псалтыри десятиструнном пойте Ему» (Каф. 5, ст. 2). В некоторых местах песнопения Давида гусли и псалтырь показаны как бы отдельными. «Востани слава моя, востани псалтырю и гусли» (Каф. 8, ст. 9 и др.). У него псалтырь разумеется собрание псалмов, песен, следов. его сочинение, а не самый инструмент.

**** Herber. «Rer. Moscov. com.», ed. Antv., 1557 г.

***** Олеар. «Osst. begehrte Beschr. der Neuen Oriental. Reise», c. 16, ed. 1647 г.

Еще в половине XII века употреблялись у нас трубы и бубны. При осаде Киева, в 1151 г., князьями Георгием Суздальским и Владимиром Галицким, осажденные и осаждаемые трубили в трубы и били в бубны. При собирании войска для Новгород-Северского князя Игоря (в 1185 г.) трубили в трубы. Во время междуусобия новгородцев с владимирами (в 1216 г.) первые имели 60, а последние 40 труб и 40 бубнов. Во время похода русских против волжских болгар (в 1220 г.), в нашем стане были трубы, бубны, сурны и сопели*. В это время были уже известны флейты; в XVI столетии они делаются повсеместными, как видно из песни того же века.

То ляхи в бубны вдаряют,
У свистилки да у трубы выгрывают,
Усе вийско свое до купы у громаду скликают.
Усе хоробрыи товарищи запорожцы.
На кониках выгрывают, шабельками блiskaют,
у бубны ударяют **.

В том же столетии появляются набаты, литавры, флейты и сиповки.

Первоначальный вид труб нам неизвестен, но должно думать, что они были прямые, как у древних народов, и состояли из одного колена, и потом, изменяясь в устройстве, они получили настоящий вид, т. е. трехколенные и прямые. — К трубам привешивали шнурсы с кистями и завесы четвероугольные из парчи, камки и тафты, с серебряной и золотой бахромою***. В походах для предохранения от пыли и сырости надевали суконные чехлы, называвшиеся *нагалищами*, *ольстрами* и *чемоданами*****.

Бубны — небольшая медная чаша с натянутою наверху ее кожею. Конные прикрепляли их к седлу, а пешие держали левою рукою и били вошагою, плетенной из толстого ремня, наподобие палки с прикрепленным на конце ее ременным шаром. У каждого воеводы был привешен к его седлу *тулумбаз* или *жулумбас*, поменьше бубен, в который он сам бил во время надобности.

* «Киевск. лет.»; «Слово о полку Игоря»; Кар. «И. Г. Р.», ч. III, пр. 165; «Русск. лет. по никон. сп.», ч. II, с. 343; «Летоп. с воскр. сп.», ч. II, с. 172.

** Максим. «Украин. народ. песн.», с. 22 и 27, изд. 1834 г.

*** В рисунках к путешествию бар. Маэрберга, изд. госуд. канцл. графом Н. П. Румянцевым в 1827 году, показаны трубачи играющими на трубах с завесами.

**** «Историч. опис. одежд и вооружений», ч. I, с. 106.

Бубны часто принимаются в наших стаинных известиях заодно с *накрами*^{*}.

Сурны — длинная узкая и прямая труба с загнутым нижним отверстием.

К ратному строю принадлежит еще набат. Это большой величины медный барабан, который укреплялся на деревянном щите <с> помощью цепей: его утврждали на четырех рядом поставленных лошадях. Для удараения в него употребляли восемь человек^{**}. Каждый воевода имел свой набат, в который, по его распоряжению, производили тревогу в войске, отсюда произошло выражение «бить в набат»^{***}.

Селившиеся у нас немцы вводили постепенно разнообразные инструменты. Духовенство осуждало русских, привлекавшихся к музыке, и оно запрещало им веселиться ею. Патриарх, говорит Олеарий, запретил все музыкальные инструменты, употреблявшиеся русскими во время пиршеств и увеселений. Четыре или пять лет тому назад он велел обыскать все дома частных людей и найденные инструменты, сложив на пяти больших возах, приказал свезти за реку Москву и сжечь. Одним только немцам дозволялось иметь музыку и веселиться^{****}. Это однако же не препятствовало многим боярам держать музыку и веселиться ею. Боярин Матвеев был страшный ее любитель, и он не только имел своих музыкантов, но выписал еще иностранную труппу актеров, которые представляли комические пьесы и балеты, сопровождавшиеся музыкой. Такое нововведение столь было неприятно всем поклонникам старины, что во время изгнания Матвеева ему ставили в вину между многими несправедливыми на него обвинениями, что он любил музыку и занимался чернокнижием. Тогда это считали преступлением государственным. — Боярин Языков, первый министр и любимец царя Феодора, не препятствовал распространению музыки и не обращал внимания на тех, которые считали ее дьявольским увеселением. Царевна София, вопреки невежественному мнению, поддерживала любителей музыки, так

* Кар. «И. Г. Р.», т. X, пр. 101. В словаре росс. акад. *накры* названы стаинными бубнами. — Накры, название франконских славян, употребляется доселе между французами. — La Comte «Diction. du vicu langage Francois», изд. 1762 г., см.: *nacaire*.

** Флечер «The ambassage her Maj. to the Theodor of Emper. of Russia», с. 547, помещ. в собран. Гакл. ed Lond. 1809 г.; Marger. «Estat de l'empire de Russie», ed. Par., 1607 г.

*** Некоторые думают, что набат перешел к нам от татар, см. «Истор. опис. одежд и вооружений», ч. 1, с. 107.

**** Олеар. «Voyage en Moscovie», с. 350 и 360.

что в начале XVIII столетия Петру В. менее уже стоило трудов ввести музыку, хотя и тогда простой народ и некоторые из бояр смотрели на нее с негодованием и избегали слушать ее, боясь нечистой силы, будто бы кружившейся во время игры. Веселившихся считали погибшими на том свете; раскаявшихся не допускали к причастию без покаяния.

Входившее в обыкновение пение равно было осуждаемо: думали, что разнообразное изменение голоса и по нотам нельзя выполнить человеку без содействия злых духов. Такое мнение, поддерживаемое гонителями доброго и полезного, невольно укрепляло невежество в ложном мнении; за всем тем многие уже любили музыку и пение, и если не смели открыто заниматься ими, то и не упускали случая участвовать во время игр и пения*. Петр В. успел рассеять мрак

* Korb «Diar. itiner. in Moscov.», c. 205, ed. Vien., in f. — «Ludendi penit externi absunt, quos sovent, dum canunt, concentu enim satis delectatis» <Чужие, в играх сведущие, тоже участвуют, не будучи забыты, так что игры и пение полны согласия и любви>.

Гюи-Аретини приписывают соединение музыкальных тонов в одно целое, называемое гаммою. Каждому из звуков он дал приличное название, извлеченное им из гимна св. Иоанна:

Ut — queant laxis,
Re — sonare fibris;
Mi — ra gestorum
Fa — muli tuorum!
Sol — ve polluti
La — bii reatum.

О времени введения прибавочного *si* неизвестно. — Гюи-Аретин род. в Ареццо, во Флоренции, в 995 г.; помер после 1030 г. Он был бенедиктинский монах. Папа Иоанн XX призвал его к своему двору и поручил ему образовать певческую с музыкой. Примечательны его сочинения о музыке и пении: 1. «Antiphonarium». 2. «Micrologus, sev de disciplina artis musicæ». 3. «Musicæ regulæ rhythmicæ in antiphonarii, sev prologum prolate». 4. «Regulæ de ignoto cantu identidem in antiphonarii sui prologuri prolatæ». 5. «Epistola Guidanis Michaeli monacho, de ignoto cantu derecta». 6. «Tractatus Guidonis correctorius multorum errorum, qui fiunt in cantu gregoriano in multis locis». 7. «Quomodo de arithmeticâ procedit musica» <1. «Песенник». 2. «Микролог (небольшое слово), или об изучении искусства музыки». 3. «Музикально-ритмическое руководство к песеннику». 4. «Правила пения незнакомых песен». 5. «Письмо Гвидо Михаэли монаху о правильном пении незнакомых песен». 6. «Трактат Гвидо об исправлении многих ошибок, которые допускаются в григорианском пении в разных краях». 7. «Как из арифметики происходит музыка»>. — См.: «Diction. des origin.», Par., 1777 года. Korb «Diar. itiner. in Moscov.», ed. Vien. in f., c. 32. «Circa decimam diei autem Smolenscum pulcherimo ordino ingressi clangentibus tubicum nostrorum tubis ipsa fortaliti moenia intravimus, quae ante resonare non cessarunt, quam dominus ablegatus ad assignatam sibi habitationem sibi recipere». <«Около десяти дня стройными рядами вступив в Смоленск, вошли мы в крепость при перекликавшихся звуках труб, их и наших, как бы предваряющих, что господин посланник направляется к определенному ему месту жительства»>.

— Так описывает Корб музыку, сопровождавшую посланника.

невежества, успокоить совесть староверов и убедить, что музыка, доставляя веселье невинное, смягчает грубость нравов, возвышает чувство и ведет непосредственно ко всему изящному.

ПОЯВЛЕНИЕ ДРУГИХ ИНСТРУМЕНТОВ

В продолжении XVII столетия вошли уже многие музыкальные инструменты. Барабан, литавры, гобой, тарелки, варган, кларнет и скрипки забавляли уже веселившихся.

Первоначальная наружность барабана была та же самая, какая и ныне. Деревянное лукошко, вызолоченное или выкрашенное, два вокруг его обручи и две натянутые кожи составляли все его устройство. В полках носили барабан на широкой тесьме или на кожаном ремне, повешенном через правое плечо; хранили в суконных чехлах, называвшихся нагалищем и чемоданом.

Барабан не был известен грекам; римляне его употребляли для созывания солдат на войну. Иные думают, что введение барабана принадлежит сарацинам. Эдуард III, король английский, при въезде его в Кале в первый раз услыхал барабанный звук в 1347 году*.

Литавры то же самое, что бубны, делались побольше их и притом медные; бывали и серебряные. К ним привешивали для украшения завесы: суконные и камчатные из ярких цветов, с серебряными и золотыми шнурками, кистями и бахромой. В литавры были небольшими палочками с закругленным на конце шариком.

Варган, занесенный к нам из Польши, которая получила его из Германии, есть небольшое металлическое орудие с тонким посередине язычком. Приложив его на зубы и вдыхая в себя воздух, бьют слегка пальцем по язычку, который, по мере изменяемого воздуха, издает довольно приятные звуки. Им забавляются дети и девушки. В Малороссии он употребительнее, нежели в России, и должно думать, что в Малороссию он зашел прежде, потому что она находилась очень долгое время под влиянием Польши, которая изменила сам язык ее.

Орган, от него испорченное слово варган, введен католическим духовенством при богослужении не ранее IV сто-

* «Diction. des origines», ed. Par., 1772 г. — Барабан древнее название франконских славян: *baraban*, *bassin de cuivre*, sur lequel on frappe pour appeler quelque chose <барабан, медный таз, в который ударяют, чтобы возвестить о чем-нибудь>. — La Combe «Diction. du vieux langage François», изд. 1762 г.

летия; употребляется ныне почти во всех христианских церквях, кроме греко-российской*. Из духовного органа образовались танцевальные и застольные органы, а эти послужили к устройству клавиров или фортепьяно.

Военная и духовая музыка образовались у нас не прежде половины XVIII века. Императрица Елизавета до восшествия своего на престол часто проводила время в кругу любителей музыки; поощряла высоким своим вниманием искусственных артистов и вводила музыкальные вечера. — В конце XVIII столетия музыка проникла во все сословия граждан; тогда распространились фортепьяно, арфы, гитары и скрипки. Хотя арфа давно употреблялась на пирах, однако она была забыта весьма долгое время и теперь появляется изредка. — Изо всех инструментов скрипка господствовала пред всеми: не было ни одного веселья, не проходило ни одной пирамидки, где бы она не раздавалась. — За всем тем наши прадеды предпочитали духовую музыку многострунной. — На балах и свадьбах гремели уже повсюдные оркестры во второй половине XVIII века. «Гром победы раздавайся» веселил сердца русских, потому что в нем выражалась слава Екатерины Великой, которую народ любил как свою нежную мать, и теперь не может забыть ее. Наша матушка, говорил простолюдин, тешала нас и сама тешилась. То-то была радость! То-то было веселье на Руси! — Императрица Екатерина устроила однажды на голос «Гром победы» изумительную музыку. Там, где следовало выделять звуки грома струнами и голосом, она заменила их пушечными выстрелами, которые с необыкновенным согласием сопровождали чудный оркестр музыкантов и певчих. Небо и земля, казалось, внимали восторженному грому Великой Монархии.

Фортепьяно и арфа заняли впоследствии почетные места в кругу благородных; стали учиться не только игре, но и пению под звук этих инструментов, и страсть к ним до того распространилась, что женский пол стал было предпочитать музыку умственному образованию. Ныне арфа не в употреблении, но фортепьяно господствует повсюду, так что со знанием фортепьянной музыки тесно слилось образование девушек, для коих говорить по-французски, играть на фортепьяно и танцевать составляют необходимое условие воспитания. — Гитара долгое время употреблялась женским и

* В песнопении царя Давида встречается название орган: «хвалите Его в струнах и органе» (Каф. 20, ст. 4). — Давид жил за 1050 л. до Р. Х., а орган введен в IV столетии по Р. Х. Орган Давида был духовой инструмент совсем другого образования, нежели нынешний, но какой именно? — об нем нет никаких сведений.

мужским полом как приятный и легкий инструмент для музыки и пения; теперь она изгнана из высшего круга; ею занимаются одни любители, барские и вольнонаемные слуги: гитара доставляет им приятное услаждение. Многие из слуг играют на ней самоучкой и разыгрывают с такой правильностью, как по нотам; игру свою всегда сопровождают пением из любимых русских песен.

Император Павел I начал устраивать духовую музыку при полках и по употреблению ее в полках она называется военною. Хотя при Екатерине II существовала кавалергардская музыка, или трубачи, однако она не простиралась далее гвардии. Император Александр повелел завести духовую музыку при всех полках, и ныне она неразлучна с потребностью вкуса: по городам она заменяет оркестры артистов, веселит застольное радушие и оживляет вечерние собрания. С повсюдным распространением музыки не более сорока лет тому назад чрезвычайно изменились нравы и образ жизни: во все сословия проникли вкус и сознание изящного. Императорская гвардия славится военной музыкою, которая часто раздается при царских пиршствах, и она участвует в оркестрах отличных артистов. Приезжающие к нам самые прославленные виртуозы не обходятся без музыки гвардейской.

ПРИРОДНОЕ СВОЙСТВО РУССКИХ К ВЕСЕЛЬЮ

Русские от природы имеют наклонность к музыке и пению. По городам и деревням не бывает ни одного веселья без музыки: скрипач, бас и бубны непременно находятся повсюду; они играют по одному слуху. Образовалось даже сословие музыкантов под именем скрипачей, которые всегда известны в своем околотке и приглашаются на вечеринки.

БАНДУРИСТЫ

В Малороссии и юго-западной России страсть к музыке сделалась наследственною, так что она от отца переходит к сыну. Бандуристы малороссийские, отличные песнопевцы и музыканты, издревле славившиеся, нежили долгое время слух и чувство. Бандуристы, преимущественно из слепцов и стариков, гомеровские певцы, ходили из деревни в деревню, из села в село и своей музыкой и пением отечественных песен приводили в восторг самых знатоков. Они ходили с повешенной на шее бандурой, род арфы,

настроенной 12 и даже 28 металлическими струнами; трогали слух богатым согласием звуков и восхищали душу и сердце. Во время восстания Малороссии против угнетения Польши они находились в военном стане казаков и воспламеняли их к битвам.

Вот образцы заунывных песен, сопровождавшихся печальным звуком бандуры.

Ой бида, бида,
Чайцы небози,
Що вывела диток
При битой дорози.

Киги! киги! злетивши в гору,
Прийшлося втопыцця у Чорним морю!
Жито поспило,
Приспило дило;
Идут женыцы жаты,
Диток забираты.

Киги! киги! злетивши в гору,
Прийшлося втопыцця у Чорним морю!
Ой дити, дити!
Де вас подити?
Чи мени втопыцця,
Чи з горя убыцця?

Киги! киги! злетивши в гору,
Прийшлося втопыцця у Чорним морю!
И кулик чайку,
Взяв за чубайку!
Чайка кигиче:
Згинь ты, куличе!

Киги! киги! злетивши в гору,
Прийшлося втопыцця у Чорним морю!
А бугай бугу,
Гне чайку в дугу:
Не кричи чайко,
Бо буде тяжко!

Киги! киги! злетивши в гору,
Прийшлося втопыцця у Чорним морю!
Як не кричати,
Як не літати!
Дитки маленьки,
А я их мати!

Киги! киги! злетивши в гору,
Прийшлося втопыцця у Чорним морю!
Маты взпорхнула,
Крыльцем взмахнула!
Женыцы ворожиты.
Гайда! втыкаты. —

Киги! киги! злетивши в гору,
Прийшлося втопыцця у Чорним морю!

Эта песнь поется весьма жалобным голосом, и думают, что она сочинена гетманом Богданом Хмельницким. Чайка или рыболовка изображает здесь плач утесненной Малорос-

сии; ее дети — это казаки; битая дорога — Малороссия, которую окружали со всех сторон татары и поляки; чрез нее они проходили для взаимных опустошений и ее грабили во время своих переходов. Женьцы — ее враги; кулик — польское правительство; бугай — болотная птица (баран), которая, сидя между тростником и речной травою, издает тяжкий голос бугу, — означает здесь угнетение, согнувшее Малороссию в дугу.

Ой спав пугач на могили,
Да и крикнув вин: пугу!
Чи не даст Бог козачинкам
Хоть теперь потугу!
Що день, що нич, усе ждемо,
Поживы не маєм!
Давно була! — Не раз
Хмельниченка згадаем!
Ой колись мы воевали,
Да бильши не будем!
Того щастя и той доли,
Повик не забудем!
Давже шабли заржавилы,
Мушкеты без курків;
Аще сердце козацьке,
Не боїця ляхив!

Пугач — сыч, представляет здесь казака, уснувшего на могиле своей страны; вдруг он встрепенулся и закричал гробовым голосом по своей родине: «Пугу! Не даст ли Бог хоть теперь отрады казакам!» — После смерти Хмельницкого Малороссия была тревожима внутренними смутами честолюбивых своих гетманов, и от них она погибла. — Вся эта песнь выражает печаль, и она поется весьма грустно.

Воспоминание о славе казацкой:

Полягла козацька молодецка голова,
Як од витру на степу трава!
Слава не помре, не поляже,
Лыцарство козацьке всякому розскаже.

Об уманском полковнике Максиме Жилизняке:

Лита орел, лита сизый
По пид небесами;
Гуля Максим, гуля батько,
Степами, лисами. —

* Окончательный стих «Не боїця ляхив» иные поют *туркив*. Первое окончание должно быть справедливее, потому что Богдан Хмельницкий защитил Малороссию от поляков.

Лита орел сизокрилый,
А за ним орлята.
Гуля Максым, гуля батько,
А за ним хлопъята.
Запорожцы ти хлопъята,
Сыны его диты.
Помиркуе, загадае:
Чи быты, чи питы?
Чи таныцоваты? —
Тай ушкварит,
Аж земля трясецця.
Заспивае, заспивае,
Аж лыхо смиеця.
Горилку, мед не чаркою,
Поставцем черкае;
А вороги заплющившись,
Ката не минае.
О такий то наш отаман,
Орел сизокрылый,
И воюе и гарцюе
З усiei силы.
Нема в его ни осели,
Ни саду, ни ставу;
Степ и море ... скръзь битый плях,
Скръзь золото, слава.
Шануйтесь ж вражи ляхи,
Скажени собаки.
Иде Зилизняк чорным шляхом,
За ным гайдамакы .

В других местах бандуристы называются *слепыми кобзарями***. Они укрепляли дух народный среди неволи и томления; оживляли его напоминаниями о доблестных своих мужах и воспевали счастливую свободу. Заунывные звуки бандуры нередко исторгали слезы у казаков, клявшихся умереть за свою родину. — С успокоением Малороссии бандуристы сохранили в своих напевах деяния предводителей казаков, коих имена дошли до нас в немногих песнях: в них превосходно изображаются удальство вождей и казаков, даже самый век, и поясняются исторические события малороссийского края.

* Шевченко «Гайдамаки», СПб., 1841 г., с. 52, 53. Жилизняк жил около половины XVIII века. — Мне не удавалось слышать, что ее пели; но здесь она приведена по особой своей красоте и силе выражений.

** Кобза по малороссийски значит бандура, а кобзарь — бандурист.

ЦИМБАЛЫ ИЛИ КИМВАЛЫ

Другой употребительный инструмент, не менее любимый между малороссиянами, это цимбалы. Они род фортепьяно, с металлическими струнами, без клавиш. На них играют <с> помощью удара по струнам стальною небольшой палочкою или надеванием на пальцы металлических наперстков. Цимбалы или кимвалы сопровождаются духовым инструментом и пением. Звук их громкий и весьма приятный, но он более издает тоскующую души.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИЗВЕСТИНОСТЬ ЧЕХОВ

Племена славянские очень любят музыку, из них преимущественно славятся наши единоплеменники чехи, кои среди себя произвели многих превосходных артистов. — Знаменитые Моцарты, Бетховены и другие сами отдавали им преимущество. Моцарт не хотел никогда расстаться с Прагой, называя ее столицей музыки. Венский театр состоял и ныне состоит из лучших богемских музыкантов и певцов.

СЛОВАРЬ РЕДКИХ И СТАРИННЫХ СЛОВ

Аксамитный — бархатный.

Бату — Батый.

Брашно — яство, пища, кушанье, еда.

Вершник — верховой, всадник.

Вивлиофика — библиотека.

Ворваное сало — рыбий жир.

Вощага — род ручного оружия кистенька, которым, натерев его воском, били в бубны.

Глазет — парча с шелковой основой и гладкой серебристой или золотистой лицевой стороной.

Грифна — медальон, который носили на цепи.

Гродентур — род плотной шелковой ткани.

Декохт — деготь.

Елена — олень.

Епанча — широкий плащ без рукавов.

Зобанец — похлебка.

Калита — подвесной карман.

Калыя — род борща, похлебка на огуречном рассоле с огурцами, со свеклой и мясом, а в пост — с рыбой и икрой, а также похлебка из икры с солеными огурцами.

Камедь — древесный клей.

Камка — шелковая китайская ткань с разводами.

Камлот — суровая шерстяная ткань.

Картузная бумага — толстая, простая, оберточная.

Кварта — мера жидкости, штоф, кружка, восьмая либо десятая часть ведра.

Мазуля — размазня.

Маймисты — в то время в Санкт-Петербурге так называли финнов протестантского вероисповедания.

Мамелюки — рабы.

Марципан сахарный — пряник.

Мусия — мозаика.

Нагитки — ноготки.

Обара — опара, тесто.

Обарный — обварной.

Объять — старинная волнистая шелковая ткань.

Папорок — малое крыльшко, второй сустав крыла птицы.

Папошиник (папушник) — печенье.

Панацей — лекарство у алхимиков, якобы помогающее от всех болезней.

Перепечь — род кулича, каравая, а также всё хлебное, собираемое попами с причтом по домам после Пасхи при обходе с образами.

Плис — бумажный бархат.

Повсюдный — повсеместный.

Подоплек — подплечье, подкладка у крестьянской рубахи от плеча к спине и груди.

Приварный — приваренный.

Протазанчик — воин, вооруженный протазаном — рогатиной, широким копьем пешего войска, алебардой, бердыщем.

Рябь окрошиван — рябчик мелко порубленный.

Скуфья — комнатная шапочка, ермолка, тюбетейка.

Сорочинское (сарацинское) пшено — рис.

Спальник — придворный сан.

Стразы — хрустальные алмазы.

Строфокамовые яйца — страусиные.

Сухотка — болезненная худоба, истощение.

Сученое золото — скрученное, свитое вдвое.

Тафта — гладкая тонкая шелковая ткань.

Тенета — волоконце, тонкая нить, жилка.

Топаная капуста — особым образом квашенная.

Тузлук — рассол для соления рыбы и икры.

Тулея — взбитый клок волос на голове; редкий гребень для прически.

Тюфяк — здесь: огнестрельное орудие.

Фряжский — чужеземный, иностранный.

Харатейный — старинный рукописный.

Хартии — древние рукописи.

Четь — четверть.

Ширинка — здесь: полотнище, отрезок цельной ткани во всю ее ширину, полотенце, подвязной передник без лифа.

СОДЕРЖАНИЕ

А. ЧИСТЯКОВ. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ 5

I. НАРОДНОСТЬ

Свойства людей	13
Разделение людей по очерку лица и образованию тела	14
Славяне, коренные европейцы	15
Свойства славян	16
Свойства русских славян	17
Воинственность	18
Набожность	18
Веселость, гостеприимство и храбрость — суть отличительные качества русских	18
Возрастание княжеских детей среди битв	19
Замена наук пастырским учением	19
Ожесточение воинственности	20
Следствия от междоусобия князей	21
Всеобщее уныние и унижение	21
Изменение многих благородных качеств от угнетения	23
Мнения предков о невозможности освобождения из-под ига	26
Время возрождения России	27
Неожиданное приращение России	29
Бедствие возвеличило русских	31
Неизменное свойство веселости	34
Сохранившаяся народность в древних сочинениях	35
Непоколебимость народа и его слава	41

Действие народности	46
Влияние языка на народ	49
Способности русских к просвещению	50
Сохранение народных мыслей в старинных песнях и сказках — и уклонение от самобытности	56
Местные отличия и наклонности русских не мешают народности .	83
Заключение	86

II. ЖИЛИЩА

Превосходство европейского климата пред прочими частями света	88
Древнейшие сведения о России	89
Жилища славян	91
Здания деревянные и каменные, хоромы в. к. Ольги	91
Единообразное построение и расположение комнат	92
Освещение	93
Каменные палаты	94
Простота в построении	95
Украшение комнат	96
Появление каменных домов	96
Жилые покои в XV и XVI веках	97
Построение высоких деревянных домов, их внутренность и важность высоких хором	97
Избы и простота сельской жизни в самой столице	98
Распространение каменных домов	98
Строение домов и изб в половине XVII века	99
Украшение покоев, сады и рыбные пруды	100
Появление ягод, плодов и маxровых роз	101
Пышность хором, превозносимая песнями	102
Истребление деревянных домов от пожаров	104
Меры для предупреждения пожаров	106
Строение по плану	108
Улучшение домов содействовало перемене образа жизни	109
Избы из срубов	110
Курени	111
Мазанки	112
Хаты	113
Построение богатых зданий поселило расточительность	114

О числе домов во всей России	115
Улучшение городов	115

III. ДОМОВОДСТВО

Древнейшая пища	117
Мед	117
Пиво и перевар	120
Изобилие в съестных произведениях	121
Пряности	121
Мельницы	121
Пища простолюдинов	122
Ввоз вин и плодов из Царьграда	124
Хлебное вино или водка	125
Ерофеич	126
Старинные попойки	127
Действие водки на умственные способности	128
Буза	131
Неупотребление в пищу некоторых животных, особенно зарезанных рукою женщины	132
Кушанье, преимущественно рыбное; ботвинья, окрошка, блины и оладьи	132
Изобилие в съестных припасах	133
Соблюдение постов	135
Время кушанья и отдыха	136
Содержание по службе	137
Печение разного хлеба	137
Обеды	139
Богатство серебра, золота и драгоценностей	141
Званые обеды	145
Музыка и звон во время обеда	146
Столы в XVII веке	147
Закуски или десерт	149
Давиность сахара	150
Порядок подавания кушанья	153
Разведение некоторых плодов и овоцей	154
Взварец и пунш	156
Кофе	156

Чай	157
Табак	160
Картофель	170

IV. НАРЯД

Древнейшая одежда славян	173
Древняя одежда русских	173
Бороды	176
Серьги, ожерелье, мониста, кольца и перстни	177
Лапти	178
Одежда XI века	180
Пояса и кушаки и война за пояс	182
Наряд в XIII веке	183
Отзывы путешественников о наружности русских	184
Наряды начала XVI века	185
Рукавицы	189
Известия о нарядах половины XVI века	190
Страсть к румянам	190
Продолжение известий о нарядах	191
Придворная одежда	192
Боярская одежда	193
Богатство царской одежды	193
Награда одеждю за заслуги	194
Наряд боярынь	195
Убор царицы Ирины	197
Одежда женская, духовного сословия	197
Наряд девичий	197
Единообразие одежды обоих полов	198
Ношение иностранцами русской одежды	198
Запрещение иностранцам носить русскую одежду	199
Запрещение о введении иноземных обычаев	199
Одежда в половине XVII века и пристрастие к румянам	199
Постепенное введение иностранного	201
Введение иностранной одежды и запрещение носить русскую	202
Гражданская, военная и простонародная одежда	203
Введение новых нарядов и благовоний	203
Стрижение бород и усов	206

Произведения русской выделки с самых древних времен	208
Единообразие в жизни, платье и одежде между простолюдинами	213

V. ОБРАЗ ЖИЗНИ

Похвальные свойства славян	214
Хлебосольство	215
Набожность	216
Отзывы иностранцев о свойстве русских	220
Занятие женского пола	223
Удовольствие в пении	224
Уединенная жизнь	225
Постель	226
Супружеская верность	226
Доказательство любви через побои	227
Обращение в общежитии	230
Высокомерие дворян	233
Верховая езда	234
Звериная и птичья охота	234
Шуты	238
Жизнь великокняжеского дома	238
Понедельный обряд	240
Появление свободы женского пола	244
Свободное обращение	245
Введение балов и танцев	247
Карусель	247
Театры	251
Телеги и сани	253
Каптаны, рыдваны и колымаги	254
Кареты и коляски	254
Бани	257

VI. МУЗЫКА

Любовь славян к музыке	261
Древнейшая музыка славян	262
Трубная музыка и мнение о музыке и пении	265
Появление других инструментов	269
Природное свойство русских к веселью	271

Бандуристы	271
Цымбалы или кимвалы	275
Музыкальная известность чехов	275
Словарь редких и старинных слов	276